80 коп. Индекс 70544

Москва. Новодевичий монастырь.

МГ

1990
10
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Сергей Александрович ЕСЕНИН
К 95-летию со дня рождения

Гравюра Ф. Д. Константинова

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ 1990 10

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Фото Б. Раскина

«Молодая гвардия», 1990, № 10, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Ю. БОНДАРЕВ

СУДЬБА РОССИИ

Быть может, наступает время, когда современная философия, социология и этика будут наконец пропитаны болью века до ярости. Всемирные мечтатели, неистовые фантазеры, христианские утешители, жестокие и добрые безумцы волею вселенских закономерностей, могущества золота и, конечно, бессмертных людских страстей не стали торжествующими архитекторами земного рая, утопического государства солнца. Они (какими бы ни были гениальными) явились мастерами большей частью костюмных изменений в человеческом спектакле, где по-прежнему за кулисами ждали выхода на сцену знакомые персонажи: несправедливость, жестокость, трусливый гнев, леность, ложь и беспечность обреченного на прозябание обывателя, желающего выжить среди кладбища опошленных им и зарытых истин.

Главное же: как только заработала гильотина, кстати, изобретенная парижским врачом, от понятия «свобода», «равенство» и «братство» осталось лишь беспощадное звучание головоотрубающего ножа. Как только Соловецкий монастырь перестал быть монастырем, превращенный в места насилия, понятие «строительство социализма» покачнулось и отдалилось в зыбкий туман.

На перекрестках истории литература, однако, подула сквознячком, возбудив кратковременное шевеление, некоторую панику в затхлых углах, но не одержала полную победу, не заняла престол вседержателя. Ибо на троне власти от века и до сей поры сидят Политика, Деньги, Алчность, Национализм, засекреченные враги культуры, прикрытые камуфляжной сетью.

В истории всех цивилизаций художники первыми овладевали раскрепощением людей, и приходило новое. Иное закреплялось,

Вступительное слово, произнесенное на Учредительном съезде всероссийской ассоциации любителей российской словесности и культуры «Единение», состоявшемся в Москве 14—15 июня 1990 г.

иное быстро обесценивалось, старело и отмирало, как в обращении стареет и отмирает все модное. Правит человечеством и царит над всем Время.

В середине 70-х годов в Европе, в том числе и у нас, о чем, разумеется, молчала наша пресса, особенно обострилась отчужденность людей, общее чувство одиночества (затерянное «я» в безответной толпе, возросшее равнодушие в герметическом обществе), началось как бы движение ледника — охлаждение людских связей, потеря извечного экологического равновесия, кризис родственности всего живого на земле, болезненное несоответствие между хотением и действительностью, между желаемым и запретным, между словом и делом — и утратилось одновременно с этим естественное право радости и любви. С нами что-то случилось.

Тогда в литературе России появился испепеленный герой, живущий в почти неисправимом мире настоящего; всякий день вставал перед ним в сознании как неведомый пугающий мир будущего. Российское искусство в эти годы достигло своего пика, своих вершин, ибо открыт был послевоенный герой, представитель в чем-то обманутых и неудовлетворенных поколений — мужественный и слабый, ищущий и мятущийся, обаятельный и усталый, несчастный и счастливый, Дон Кихот и шекспировский могильщик. Словесная и мыслительная культура этой поры почасту обращалась к памяти, точнее — к совести ушедших поколений. То искусство создавалось в преодолении топких территорий придворной критики, в нескончаемом сопротивлении жестокой среде всевидящего ока цензуры. И этих совсем не просто завоеванных вершин «военной», «деревенской», «городской» прозы 70-х и 80-х годов не достиг, говоря искренне, ни один из самых смелых альпинистов перестройки, имея при себе надежные современные альпенштоки в виде восторженных эпитетов приятельской критики. В данном парадоксе нет ничего удивительного потому, что в искусстве и культуре только борение и противоборство — это и тяжкий крест, и терновые венки, одержимое движение к цели, которая лишь кажется алмазной наградой, а на самом деле — гранит, всегда облитый и потом, и кровью.

Так называемый социалистический реализм — это был плохо сшитый костюм, скрывающий наготу хилого таланта. Дарование серьезного художника никогда не укладывалось ни в какой метод. Утвержденный государственной печатью закон в искусстве — тирания таланта, и против этой тирании всегда бунтовала культура. Узаконенный, как устав, художественный метод всегда безнравствен, лишен чувств, поэтому не может быть абсолютно справедлив. Любой культуре противопоказан единый и непоколебимый образец, будь он шедевром из шедевров. Ведь культура скорее всего — субъективный образец объективного мира. Нет, ошибочно и опасно думать, что, вступая на землю чужой и малознакомой эстетики, мы вступаем на враждебную территорию. Есть единая мировая культура, подобная гигантской жемчужной цепи с разными оттенками жемчужин.

В последние годы меня страшит, что наша многонациональная культура России становится как бы окостенелой описью этнографического имущества, самодеятельных музеев, музейчиков, сувенирных достопримечательностей, самоваров, пряников и кренделей, теряя главное, подлинно народное и нравственное проявление —

достоинство свое, гордость истоками, любовь к исконному и книжному слову, освященному великою речью больших писателей, уважение к мудрости опыта и просвещению, так необходимому сейчас, как свобода, уважение к образованию, павшему до состояния деградации; наконец, здраво-разумные взаимоотношения между родителями и детьми, учителем и учеником, ведь старшее и молодое поколения подчас говорят на разных языках, не понимая друг друга, как чужестранцы, и вследствие непонимания рушатся нравственные опоры будущего. Ребенок же, подрастая, становится не сыном или дочерью родителей, а сыном и дочерью времени. А оно, расхристанное наше время, способно развратить душу, украсть любовь, добро, отзывчивость и подарить жестокосердие. В то время, как Язык, Искусство, История, Воспитание, несущие столпы культуры, десятилетиями подтачиваются силами злого уродства, предательства и тупости — и в один прекрасный для одних и трагический для других день эти колонны могут рухнуть, погребая под обломками величайшую культуру России, как это было с известными нам могущественными цивилизациями, с Египтом, с незабвенной Древней Грецией. «Мудр Софокл, мудрее его Эврипид, но мудрее всех — Сократ». Кто олицетворит и сохранит нашу российскую мудрость? И можно ли во времена сытого мирового безвременья, позорной полуголодности России и крушения вечных ценностей обрести прочные моральные ориентиры?

Свобода, гласность, демократия — неоспоримое благо в человеческом обществе, но только тогда, когда члены общества доросли или дорастают сознанием до этого блага. Гарантия гласности заключается в том, что свобода слова одного должна разумно ограничиваться свободой слова другого. А именно — равенством, ибо нет высшей и низшей свободы. Есть объемлющее всех — свобода без привилегий. Иначе ультраполитические силы под знаменами демократии парализуют демократию и под знаменами гласности обращают гласность в безнаказанность, в травлю инакомыслящих.

В наше время, когда влиянием высокого покровительства узурпирована большая часть печати, не однажды предпринимались действия пройтись бульдозером русофобии по могилам гениальных пророков, апостолам философской мысли, по титанам нашей планетарной словесности (Пушкин, Толстой, Достоевский, Горький, Маяковский, Есенин, Шолохов), глумясь под жестяной грохот многочисленных барабанов над русской культурой, то и дело с тем же умопомрачительным грохотом возводя на пьедестал придуманные авторитеты. Впрочем, хорошо известно, если ненависть — это не проходящий сдержанный гнев, то глупость — освободительница его. Помимо того, современные шумы, выражаясь языком экологов, составная часть нашего существования, они врываются в наше сознание ежедневно, оглушая, подобно громкому политическому шоу, сопутствующие избранию Рейгана в президенты. Это было победой человека киностандарта, и это была победа, торжество масскультуры, что оказало, к сожалению, влияние и на нас. В политике все имеет значение и цель: заимствования, клевета, слухи, спины людей, которые используют как ступени лестницы, ведущей вверх к власти, национализм со своими проверенными рычагами «разделяй и властвуй», стихия толпы, которую выдают за волю народа, искусство, которое хотят перекроить в прислуживающую идеологию.

И сколько бы поборники духовного хаоса ни говорили обыва-

телю о том, что «надо терпеть», что мы еще «не научились», сколько бы ни повторяли, что в лозунге «больше демократии и социализма», наше спасение, дело совсем в другом.

В силу многолетней обездоленности России не взошла еще на нашем хмуром небе яркая путеводная звезда. Рассвет не наступил, но за последние годы мы не раз слышали над нашей проданной и преданной землей третий, уже пророческий крик библейского петуха. Мы стали заложниками хронической беды. В России самая высокая детская смертность. И самая тяжелая экологическая обстановка. На нашей родине опустели деревни, ветшают, разрушаются старинные города, некогда богатые, знаменитые тысячелетней культурой. И не вчера закрыты основные центры национальной гордости — Третьяковская галерея, Государственный и Исторический музеи. У 150-миллионной России нет академии, нет телевидения, отобрана бумага, падает книгоиздание, у нас нет разработок твердых школьных программ, проверенных практикой учебников. Русский народ в достаточной мере не имеет своей интеллигенции.

И особенно сейчас мы уверены, что средства тупого оптимизма, который с некоторого времени введен иными политиками в обращение по отношению к России, суть лишь приемы лживого утешения. Оно сначала порождает надежду, затем вялость, инерцию и безволие — и в конце концов отчаяние заведенных в тупик. Сегодня этот успокоительный метод лукавого и коварного обещания («все образуется и перемелется») должен быть опрокинут методом противоположным — сверхэнергией борения и противоборства.

Так что же у нас — левое правительство и правый народ или левый народ и правое правительство?

Нет, не обманчивый оптимизм спасет Россию, а здравомыслие, полное осознание драматизма положения, и прочные национальные установления, что выражают душевную цельность и красоту народов. Нам не свойствен развеселый, не по натуре, туристский стиль жизни, который создается сейчас пошлой и, конечно, заимствованной телерекламой. Слишком много мы понесли и несем жертв.

В тяжкие дни, когда уничтожена вера, сброшены в яму идеалы, когда политически и духовно усталая и разочарованная от неумелых экспериментов страна не подготовлена к новым потрясениям (рынок, конкуренция, безработица), только создание жизнеспособной нравственной доктрины — единственный путь к экономическому спасению, если мы, объединенные, найдем эту последнюю дорогу общей судьбы.

Пройдут ли наши бедные и талантливые народы через свои звездные мгновения? Все зависит от нас, от той материальной и духовной культуры, которую мы сохраним, восстановим, востребуем и принесем всероссийскому братству ради великой нравственной идеи.

В этом смысле Россия пока еще — ничья страна.

Россия должна быть наша, сильная и просвещенная, гордая и милосердная.

●

Юрий ИЛЬИН

КАК МИД ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ

Если судить по материалам XXVIII съезда КПСС, то положение дел с нашей внешней политикой обстоит вполне благополучно. Лишь в общем потоке отчитывающихся руководителей партии слово взял министр Э. А. Шеварднадзе. Его выступление было интересным, в меру критичным, хотя и странным образом оно оказалось повернутым в далекое прошлое, за которое будто бы нынешний МИД СССР ответственности не несет. Министр сказал, что «мирный дивиденд» от реализации внешнеполитического курса, основанного на новом мышлении, может составить 240—250 млрд. рублей уже в этой пятилетке. Но — странное дело! — делегатов съезда, которые рыскали по всем сусекам в поисках средств на экономическое развитие страны, это не заинтересовало. Дискуссии не получилось. По сути, это был первый съезд партии, на котором проблемы внешней политики остались на десятом плане. Тем более представляется необходимым повести обстоятельный разговор на эту тему. Посмотреть, так ли уж бесспорна нынешняя советская внешняя политика, основанная на «новом мышлении».

* * *

Суть нового политического мышления во внешней политике, как правило, ассоциируется с цепочкой расхожих терминов: гласность и демократизация внешней политики, деидеологизация межгосударственных отношений, приоритет общечеловеческих ценностей, неприменимость классового подхода к международным отношениям, «общеевропейский дом» и т. д.

«Цепочка» недлинная, и к тому же около каждого звена ее можно ставить серьезные вопросы. Их много, но главные сводятся к двум: 1. Другие стороны (а их тьма: США, Англия, Франция, ФРГ, ЮАР, Чили, Израиль и т. д. и пр.) тоже приняли на себя обязательство «нового мышления»? 2. Что дает народу это «новое мышление» в плане экономическом и социальном?

Ответы на вопросы в порядке их постановки выглядят так: нет, другие стороны действительно новых обязательств на себя не приняли. Они одобряют нашу перестройку, но в собственной интерпретации. Если мы говорим, что в перестройке видим способ обновления социализма, то у Запада видение диаметрально противоположное: **классовое и идеологическое.** Все имеющиеся у него рычаги Запад использует для разложения нашего общества изнутри, понимая, что прямая конфронтация с СССР для западной цивилизации самоубийственна.

Там реализуют вывод бывшего главкома сухопутных войск Германии Браухича, который писал в своем дневнике: «Россию можно победить только Россией» *.

Что же касается желания помочь нам экономически, хотя бы снять имеющиеся в этом плане ограничения, здесь Запад (и особенно США), по сути, палец об палец не ударил.

Ответ на второй вопрос тоже неутешителен. Обычно ссылаются на заключение соглашения по РСМД (1987 г.). Вот, мол, конкретный результат, позволивший на договорной основе избавиться от класса ракет средней дальности. Но здесь нет повода для ликования, если знать всю историю вопроса.

Мы внедрили эти ракеты первыми в центре Европы во второй половине 70-х годов. Западноевропейцы просили нас этого не делать, резонно говоря, что в ответ на наши ракеты СС-20 американцы притащат в «Старый Мир» «Першинги» и крылатые ракеты. Было понятно, что в этом случае для нас сложится нетерпимая обстановка с военной точки зрения, поскольку подлетное время американских ракет к Москве составит 5—6 минут, и внешнеполитически, поскольку западноевропейцам плюс японцам и китайцам придется выстраиваться «в затылок» США, СССР окажется в изоляции. Это азы дипломатии.

В 1981 году новый президент США Рейган предложил «нулевой вариант»: мы убираем из Европы ракеты СС-20, а американцы не разместят там «Першинги» и крылатые ракеты. Он также предложил встречу на высшем уровне.

Поскольку мы в то время серьезно увязли в Афганистане, весь мир нас за это осуждал, страна погружалась в трясину застоя, нам, казалось бы, сам Бог велел ухватиться за предложение американского президента. Но нет! Отвергли. Взамен получили взлет гонки вооружений, серьезнейшую напряженность мировой обстановки.

Наши внешнеполитические стратеги во главе с тов. Громыко крупнейшим образом ошиблись, втянули страну в гонку вооружений, выбивая последние подпорки из-под и без того слабой экономики. Сейчас пожинаем плоды тех просчетов.

История с ракетами средней дальности излагается схематично, иначе можно было бы привести много иных элементарных просчетов. Еще пример: уход нашей делегации в 1983 году с переговоров в Женеве по этим ракетам. Ушли, хлопнули дверью, через которую американцы завезли свои ракеты. Мы же, не придумав ничего умнее, потащили дополнительные ракеты (но меньшей дальности) в ГДР и ЧССР. Зачем? Сколько это нам стоило?

Результат: ощетинились ракетами СМД. А дальше? Стали думать, как вернуться к исходной позиции середины 70-х годов.

Подоспел 1985 год с его уже «новым» мышлением. И опять, в 1986 году в Рейкьявике упустили отличную возможность одним махом в любимом для некоторых «пакете» решить многие проблемы, в том числе договориться по РСМД. В чем причина недоговоренности? Наше требование, чтобы США отказались от СОИ. Но ведь речь, таким образом, шла о внутренних делах другой страны, которая сама вправе выбирать те системы вооружений, которые наиболее важны для собственной безопасности.

Здесь необходимо подчеркнуть, что системы своей обороны и их количество каждая страна **определяет самостоятельно.** Так было всегда, и так будет. Ей виднее, сколько и какой техники нужно для обеспечения безопасности и какой для этого необходим личный состав. Естественно, что делается это с учетом своих экономических возможностей. Тем более странным выглядят сейчас «крокодиловы слезы» ответственных товарищей по поводу того, что нас, мол, втянули в гонку вооружений.

Попробуем разобраться, что же произошло, когда миновал еще год после Рейкьявика и к нашей вящей радости в декабре 1987 года из Вашингтона сообщили о договоре по РСМД. Слава Богу, что договор наконец-таки подписали, но вся история с ракетами этого класса не только оставляет горький осадок, но и показывает низкий профессионализм тех, кто всей этой, по крайней мере десятилетней, проблемой занимался. Эти люди не смогли вовремя предвидеть, что позицию по СОИ придется менять.

Они же, кстати и с тем же успехом, продолжают переговоры об ограничении других вооружений дальше. И право же, в этом деле ужасно много «политики», но мало здравого смысла. «Политика» состоит в чем? Нам (вернее им — переговорщикам) нужен сам процесс переговоров: идет «важный» диалог, приятно проводится время у Женевского озера или в венском дворце Хофбург. Заседать можно до второго пришествия. А где здравый смысл? Говорят: нам нужен с американцами паритет в вооружениях. А паритет в экономике, в образовании, в уровне жизни, в культуре не нужен? Да и что такое паритет? Если США расходуют на оборону 6 процентов ВНП, а СССР, как признал в телеинтервью (7.05.90.) Е. К. Лигачев, 18—20 процентов, то это паритет или нет? Паритет не эквивалент равенству. Паритет — это возможность нанести ответный ядерный удар, который бы уничтожил агрессора. Сколько нужно гарантированно доставить ядерных боеголовок на территорию потенциального противника в ответном ударе, чтобы он погиб? Залп

* Thorwald j, wen sie verdorben wollen, Stuttgart, 1952, s. 83.

из-под воды одной современной подлодки. Так сколько для этого нам нужно боеголовок? Тысячу — пять тысяч — десять? А сколько подлодок? Ответ не нужен публичный, поскольку он таки секретный и связан со многими вопросами: качество ракет, подлодок, систем управления, степень выучки личного состава и многое другое, о чем действительно знать должен узкий круг лиц, а не широкая публика, и уж тем более не потенциальный противник. И есть они, эти секреты!

Тогда о чем речь на международных переговорах? Об условной цифре сокращения СНВ на 50 процентов? Но если мы можем на столько сократить, сохраняя паритет, надо сокращать. Такое решение — внутреннее дело. Смогли же мы сократить нашу армию с 11,4 миллиона человек в мае 1945 года до 2,9 миллиона к 1948 году. И ни с кем это не согласовывали. А сокращение наших Вооруженных Сил более чем на 2 миллиона человек с 1955 года, по 1960 год и плюс к этому уничтожение огромного количества военной техники. А почему мы так поступили? Потому что получили на вооружение межконтинентальные ракеты. Из этого — нового фактора — сделали соответствующие выводы. Сделали сами!

Да и сейчас. В декабре 1988 года, на Генассамблее ООН М. С. Горбачев объявил о сокращении нашей армии на 500 тысяч человек, а также 10 тысяч танков и 8,5 тысячи артиллерийских систем в 1989—1990 годах. Как видим, сокращаемся односторонне, и ничего не происходит. Так, может, не стоит годами бесплодно переговариваться по вопросам, которые относятся к национальной компетенции? Тем более уровень сокращений отыскать не трудно. Кадровая армия России в Европе всегда была равна наиболее мощной европейской державе. Плюс (или минус) к этому поправка на техническую оснащенность. Количественно наиболее мощная армия в Европе (Франции или объединенной Германии) составляет 0,5 миллиона человек. С указанной поправкой наша армия в европейской части страны могла бы быть явно ниже уровня 1 миллиона человек. Но тогда получается, что в совокупности страны Западной Европы будут сильнее нас. Ну и что? Пусть дипломаты подумают над тем, чтобы **этой совокупности** никогда не было. Трудно это? Но если исходить из того, что Запад, несмотря на все свои внутренние противоречия, будет всегда един, а мы это единство уравновесим мощью вооружений, то тогда и дипломатия нам не нужна, и прощай, кстати, надежды на лучшее экономическое будущее.

Дипломатии было слишком комфортно (и в этом ее большая беда) в условиях разделенного мира, когда, спрятавшись за частокол вооружений, она лишь осуждала империалистических агрессоров. Доосуждались, что, извините, в прямом уже смысле остались без штанов...

Речь идет о том, что в вопросах ограничения вооружений мы должны исходить прежде всего из своих внутренних экономических возможностей и соображений и готовиться к возможным сокращениям военной техники **заблаговременно.** Неожиданное подписание международного соглашения на этот счет ставит промышленность в сложнейшее положение. Свертывание производства той или иной военной техники должно осуществляться планомерно и продуманно. А путь к этому подсказывает жизнь: пусть-ка специалисты скажут, сколько сейчас военной техники не движется в силу отсутствия запчастей? Так, может, именно эту технику (для начала) и

сократить? Она же все равно не двинется, поскольку «пробуксовывает» экономика страны.

А вот внешние условия для этого должна создать дипломатия. Но она, кажется, загнала себя в угол.

Отказавшись от образа врага, и от идеологической и политической (классовой) борьбы, и от многого другого, что веками составляло ориентиры внешней политики, дипломаты стали исповедовать принцип: давайте все возлюбим друг друга. Реально? С одной стороны, беспрерывно заявляя о своих благих намерениях, заигрывая со всеми, а с другой стороны — прекрасно понимая, что эти самые «все» и не примут новых правил дипломатической игры, если не представить своеобразных гарантий. С этого момента берет уже начало «строительство» лозунгового тупика. Одной из его «несущих» конструкций и стало заявление о неприменении первыми ядерного оружия. Обязательство приняли. А Запад? Категорически нет, поскольку наличие ядерного оружия оказывает сдерживающее влияние на возможного противника и позволяет экономить на обычных вооружениях.

У нас же получилось так, что мы должны быть постоянно готовы к обычной войне, да еще и к ядерной, поскольку таковая предусмотрена планами Запада. Что же мы получили? Пропагандистский выигрыш и многомиллиардные затраты. Вот и мучаемся на венских переговорах по обычным вооружениям: и рады бы эти вооружения сократить, но не можем положиться на ядерное оружие, от применения которого сами же отказались.

Новое мышление проявится тогда, когда мы экономику поставим впереди пропаганды и спокойно, без излишнего шума, дадим понять, что заявление о неприменении ядерного оружия первыми, «приказало долго жить», поскольку Запад в этом нас не поддержал. Не продлили же мы мораторий на ядерные испытания в одностороннем порядке.

В этом случае мы разблокируем путь к нашему одностороннему ограничению обычных вооружений под прикрытием «ядерного зонтика».

Полагаться на венские переговоры, ходом которых неудовлетворен и министр Э. А. Шеварднадзе *, не приходится. И в самом деле, разве может кого-либо удовлетворить то, что **шестой** раунд этих переговоров завершился, по словам руководителя нашей делегации О. Гриневского, тем, что «уже достигнут прогресс в согласовании определений танков и бронемашин» **. Нужно ли было для этого проводить шесть раундов переговоров, если заранее известно, что курсант Московского высшего общевойскового командного училища и американский кадет из Вест Пойнта, не напрягаясь, дадут абсолютно одинаковое определение этих вооружений?

О. Гриневский сетует на то, что Запад не хочет пойти навстречу нашей готовности «сократить сорок тысяч (!) танков». А куда им торопиться? Это у нас эти танки висят на шее, не у них. Нам и сокращать. Так нет, нам все-таки хочется за это что-то получить. Жалко: клепали эти лишние тысячи (не одноразовых шприцев) танков, везли их поближе к Западу. И все зря.

Пустые хлопоты. Как за размещение в центре Европы ракет СС-20 ничего не получили, так и сейчас ничего не получим.

---

* См., например, выступление министра в рамках «шестерки» в Бонне. — «Известия», 6.05.1990.

** «Известия», 1.05.1990.

«Аналогично, — продолжает там же О. Гриневский, — обстоит дело и с боевыми бронемашинами». Да, и с ними вопрос нам придется решать самим. Запад облегчать нашу ношу не будет. Так, может, и не надо «толочь воду в ступе»? Мы же знаем, что все эти танки и бронемашины все равно вперед не ринутся.

Скажем прямо: такие переговоры нам не нужны. Они предназначены для политического эффекта, чтобы люди видели дипломатическую активность, верили в то, что там делается серьезная работа. Не видимость работы нужна, а конечный результат. А его все нет, поскольку на международных форумах мы пытаемся решать проблемы внутренней компетенции.

Впрочем, конечные результаты нужны не всякие. Мы помним славословие в адрес Договора ОСВ-2 (1979 г.). Но забыли то, что он так и не был ратифицирован американским сенатом. И не только из-за ввода наших войск в Афганистан. Дело в другом: договор предусматривал такие «потолки» в уровне вооружений, куда со временем вписалась вся затеянная американцами гонка стратегических вооружений вплоть до 1985 года. По сути, Договор ОСВ-2 легализовал последовавший взлет уровня наступательных вооружений.

Сейчас мы эти вооружения пытаемся ограничить каким-то своеобразным способом. В ходе визита в Москву госсекретаря Бейкера в мае сего года стороны пошли на любопытные компромиссы. Один из них — для крылатых ракет морского базирования. Был установлен «потолок» в 880 штук. Но... у нас таких ракет пока нет, а у США — 300. Причем Пентагон планирует в перспективе произвести немногим более 700 ракет и даже предвидит снижение этого уровня. Опять легализация возможной гонки вооружений? Имитация политических договоренностей, погоня за пропагандистским эффектом?

Характерно, что это мы «добились» согласия от американцев на такой «потолок». А взамен сняли свое давнишнее требование о контроле на местах за развертыванием этого класса ракет.

Добавим еще одну странность: указанный компромисс вынесен за рамки соглашения по СНВ, то есть, как правильно понимает «Нью-Йорк таймс», не накладывает на стороны юридических обязательств *. Не странно ли?

Еще одна особенность: компромиссы в Москве касаются развертывания крылатых ракет морского и воздушного базирования, но... не их производства и складирования. Значит: да здравствует гонка этих вооружений?! Видимо, Верховному Совету предстоит серьезно разобраться в сути и переговорного процесса, и содержания возможных договоренностей, чтобы ответить на вопрос, такие ли соглашения с США нам нужны?

Переговоры и вся видимость активных усилий нужны прежде всего США. Их положение в западном мире объективно снижается. До сих пор для Запада они выступали как гарант безопасности. За это имели определенные финансово-торговые льготы в экономических отношениях с Западной Европой и Японией. Это, конечно же, облегчало общее положение США. Так было, пока СССР представлял бесспорную угрозу.

С 1985 года положение изменилось коренным образом. Советская угроза перешла в разряд мифа. Но за спасение от мифической угрозы никто платить не будет. Это понимает американское руководство. Оно видит падение в мире конкурентоспособности своей экономики. Пытается — в том числе за счет сокращения военных расходов — изменить дело к лучшему, но пока сейчас им все еще нужны поблажки и льготы от своих партнеров по внешнеэкономическим отношениям. Бесконечные переговоры с СССР служат этой цели.

* «Известия», 21.05.1990.

Советско-американские отношения нужно рассматривать с учетом как изменений в мире вообще, так и объективного падения международной роли США. Как, впрочем, и Советского Союза. В эпоху, когда речь об использовании современных вооружений практически не идет, значение основных носителей этого оружия в глазах общественного мнения не может не падать. На первый план вышли показатели социально-экономического развития. А по ним ни та, ни другая сторона образцом не являются. Конечно, по общему объему производства, по отдельным показателям США еще держатся «на плаву». Но происходит это так потому, что им обеспечен льготный режим в рамках капсистемы, так и за счет импорта «мозгов». А в качестве образчиков развития выступают Япония, Южная Корея и более мелкие «азиатские тигры» (Гонконг, Сингапур, Таиланд). В их числе остается и ФРГ.

В любом случае, как справедливо считают многие западные специалисты, СССР и США сейчас оказались «в одной лодке»: им приходится расставаться с великодержавными амбициями, искать свое новое место в меняющемся мире. В этот период обе страны, как отмечалось в «Правде» 28.05.90., выступают скорее союзниками, чем соперниками. Они нуждаются друг в друге. Но, к сожалению, совсем не потому, что между ними есть глубинная экономическая взаимосвязь, а в силу политической амбициозности. Стороны ведут между собой переговоры по военным делам, с помощью средств массовой информации «гонят высокую волну» вокруг этих дел, но это не может устранить их ущербность в мире в более важных — экономических вопросах.

В самом деле: решение или нерешение проблем ограничения вооружений касается практически только СССР и США, а последствия для мирового экономического порядка будут относительными. Это все понимают. Как и то, что обеим сторонам придется как-то ограничивать свои вооружения, выводить свою экономику на требуемый уровень, если они хотят претендовать хоть на какую-то мировую роль. При обоюдном желании договориться проблемы, казалось бы, не должно быть. Но... есть один существенный нюанс. О нем откровенно писала японская газета «Санкэй симбун» 11 августа 1988 года: «Было бы слишком примитивно считать, что, если между государствами летят пули, — это «война», а если обмениваются рукопожатиями их руководители — это «мир». Руководители США и СССР достигли согласия об отказе от ядерной войны, потому что они осознают реальность, когда изменились «средства войны». Война как таковая уже не ведется между государствами. Она ведется путем **внесения разброда в общественное мнение, политику и экономику другой страны»** (подчеркнуто мной. — **Ю. И.**).

Отсюда и противоречивость американской внешней политики. С одной стороны, экономические факторы заставляют искать прогресс на пути ограничения вооружений. С другой — и в этом состоит общая концепция Запада — желательно держать советскую экономику в напряжении в расчете на то, что Советский Союз

саморазрушится. Вот за эту политику — «тащить и не пущать» — США продолжают получать финансово-экономические льготы от других западных стран. Без этих льгот да еще при наличии сверхгигантских вооружений США поползли бы вниз. Значит, им необходимо продолжать прежнюю политику. А Запад будет радоваться тому, что, вгоняя в гонку вооружений 18—20 процентов ВНП, во внешние дела еще 3 процента ВНП (26,4 млрд. руб.), в КГБ (по западным оценкам — 10 млрд. руб.) — 1 процент ВНП, в космические исследования — около этого, СССР не сможет «поправить» свою экономику. Это ведет к внутриполитической нестабильности.

В советском руководстве это, возможно, понимают, но складывается впечатление, что не знают толком, с чего начать. Цель — ограничить вооружения — поставлена, но как принудить американцев к прогрессу? Начинаем метаться. Сегодня настаиваем на прекращении работ над СОИ, связываем все дела в один «пакет», завтра — «пакет» распускаем, позицию по СОИ меняем; сегодня говорим, что Красноярская РЛС не противоречит договору по ПРО, завтра — обещаем ее демонтировать; отвергаем предложение США установить взаимный уровень войск в Центральной Европе в 195 тысяч, а завтра — соглашаемся; прекращаем ядерные испытания — потом возобновляем; долгие годы (с 1955 г.) отрицаем американскую идею «открытого неба» и вдруг легко с ней соглашаемся и даже осуждаем себя за то, что не согласились на это раньше» *. И каждый раз мы приводим убедительные аргументы в пользу первой позиции, а затем не менее убедительные в пользу противоположной. Я уж не говорю о «сальто-мортале», проделанном в вопросах прав человека.

При этом мы, как и американцы, максимально используем средства массовой информации для того, чтобы представить советско-американские отношения как решающие для судеб мира, хотя они уже давно таковыми не являются, и даже для нас их значение не первостепенно. Гораздо большую значимость, на мой взгляд, имеют отношения с Германией, которая занимает первое место в наших экономических связях с Западом и роль которой в судьбе Европы быстро возрастает. От того, как сложатся наши отношения с новой Германией, зависит наша историческая перспектива, все положение дел в Европе. И, соответственно, встречи с канцлером Колем уже гораздо важнее, чем с президентом Бушем. А США... играют в соседнем с нами европейском регионе инерционную роль, и не больше.

Многие пока не представляют новой обстановки.

Франция, например, которой, казалось бы, перед лицом новой Германии дóлжно поддерживать роль США в Европе, ведет дело в противоположном направлении. Возможно, она хочет своим военным потенциалом сыграть здесь американскую партию и таким путем укрепить свое влияние. Но такие расчеты наивны, поскольку решающий аргумент будет все-таки не военный, а экономический.

Можно, конечно, еще какое-то время искусственно «надувать» роль США и советско-американского диалога, но не грех помнить, что взаимосвязаны мы с ними в вопросах, которые подлежат односторонней компетенции: можно самим определить как уровень вооружений, так и объем ежегодных закупок зерна в США (Канаде, Австралии, Краснодарском крае и т. д.).

* См. интервью т. Шеварднадзе Э. А. в газете «Известия», 19.02.90.

Да и дальние цели у обеих сторон не идентичны. США не слишком полагаются на переговорный процесс. Он им нужен именно как насос, надувающий их роль в современном мире, но полагаются они все равно на вооружения. Председатель комитета начальников штабов генерал К. Пауэлл заявил на слушаниях в конгрессе: «Если даже вся Советская Армия уйдет из Восточной Европы и если даже все армии Восточной Европы исчезнут... мы тем не менее останемся сверхдержавой на мировой арене... Мы должны оставаться сильными» *. Это мнение не единично, и оно объяснимо: без мощных вооружений США не будут играть роль лидера Запада, в них отпадет потребность.

В то же время переговоры с СССР по военным вопросам не только способствуют усилению роли США в качестве этого лидера, но и позволяют выглядеть «приличными» в глазах общественного мнения. Не понятно только, что нам дают такие переговоры, если мы не только можем (с точки зрения безопасности), но и должны (по экономическим соображениям) радикально сократить численность наших вооружений, повысив при этом их качество?

У нас нет иного пути. Все надежды на рыночную систему, на экономические реформы наивны, **если страна не будет жить по средствам.** Вдумайтесь в элементарные вещи. На простое воспроизводство (то есть чтобы жизнь оставалась неизменной) любое общество должно расходовать 75 процентов ВНП. На накопление и расширенное воспроизводство — оставшиеся 25 процентов ВНП. Из этих же 25 процентов берутся расходы на оборону, внешнюю политику, госбезопасность, космос. Но, как мы видели выше, расходы подобного рода у нас не менее 25 процентов ВНП. Другими словами, на 5 процентов приходится залезать в сферу простого воспроизводства, а значит — ежегодно понижать уровень жизни. А где брать средства на развитие (то есть строительство нового) в сфере производства, социально-культурной жизни, образования? Создаем дефицит госбюджета, печатаем новые деньги, делаем внешние долги, и... копаем сами себе яму! Неужели не ясно, что нам пора начать жить по средствам! А для этого неизбежно придется резко сокращать расходы на все вышеупомянутые непроизводительные сферы. Рынок, кстати, будет возможен лишь тогда, когда мы сможем выкроить хоть часть (желательно бóльшую) из 25 процентов ВНП, предназначенную для расширенного воспроизводства. Без этого неоткуда взяться ни свободным капиталам, ни товарам. Внешние наши партнеры, и прежде всего США, постараются этого не допустить. А значит, надо будет ослаблять нашу зависимость от внешних партнеров, хотя сейчас мы делаем как раз обратное.

А США? Бог с ними, пусть остаются «при своих». Жизнь их заставит (и уже заставляет) пойти тем же путем. Для них многое сейчас усложняется, в том числе в связи с быстрой эволюцией обстановки на Европейском континенте.

Европейские дела принимают другие измерения, открывающие реальный простор для нового мышления во внешней политике. Нашей, естественно, национальной.

Вообще-то мы почему-то всегда избегаем ссылок на национальный интерес. Его у нас будто бы и не существовало. Говорили об интернационализме в его разных вариантах (социалистический, пролетарский, коммунистический), о мирном сосуществовании, о долге

* «Литературная Россия», 13.04.90.

помогать всем, кто борется за национальное освобождение, о другой всячине, но не о национальных интересах. И вот, наконец, прорвалось! Читаем в «понедельничном брифинге» у тов. Шеварднадзе Э. А. следующее: «Все, что сейчас происходит в Восточной Европе, мы рассматриваем как демократические революции, и они соответствуют нашим национальным интересам. Необходимо помочь демократическим процессам и сделать их необратимыми» *. Вдумаемся в суть того, что, по словам министра, соответствует «нашим национальным интересам».

Во-первых, страны Восточной Европы, отстранив коммунистов от власти и сменив свою государственную суть и форму, направились в капитализм. Относительно этого ни у кого нет иллюзий. В этом состояли их «демократические революции». Мешать им не будем, но... почему нам им «необходимо помочь»? Это, простите, с какой стати? И как помочь? Сохранив прежний характер экономических (политических они не хотят) отношений? Но почему мы — при нашей-то нищете — должны оплачивать их переход в капиталистический «рай»? Кажется, главная идея упрятана так глубоко, что простому смертному до нее не добраться. Может быть, члены Верховных Советов СССР и РСФСР разберутся, во что обходятся нам экономические взаимоотношения со странами Восточной Европы и когда мы применим к ним международные правила экономических расчетов.

Во-вторых, нам сказано, что помощь наша нужна, чтобы сделать «демократические процессы» в этих странах необратимыми. Это значит, видимо, чтобы, не дай Бог, коммунисты вновь не пришли к власти? Нет, наверное, не это имеется в виду. Тогда: чтобы туда не вернулись социалистические общественные отношения? Это опять классовый подход. Или: чтобы они преспокойно перешли в капитализм?

Как видим, мало сказать, что что-то соответствует национальным интересам. Желательно еще просто, чтобы каждый понял, объяснить, почему это «что-то» в наших интересах. В этом, пожалуй, суть нового мышления: каждый шаг страны во внешней политике должен быть понятен тем, кто оплачивает это своими кровными. Счет-то идет на миллиарды!

В-третьих, мы не можем делать вид, что страны Восточной Европы, изменившись по сути, остаются нашими верными союзниками в вопросах обороны и внешней политики. Они такого вида не делают. Да и господин Вернер — генсекретарь НАТО — заявляет откровенно, что СССР «практически остался без подлинных союзников» **. Но ведь принципиально важно не самообманываться! Иначе «прохлопаем» совершенно новый расклад сил в Европе и не перестроим свою внешнюю политику.

Мы всегда выдавали желаемое за действительное. Знали, конечно, что ОВД существует за наш счет, но делали вид, что это не так. Видели, что через тех, кого мы называли союзниками, уплывали на Запад наши военные секреты, но закрывали на это глаза, пока наконец газета «Вашингтон пост» не заявила об этом открыто ***. А заявила потому, что для них этот источник информации прикрылся, поскольку в реальности ОВД уже нет.

* «Известия», 27.02.90. Это был первый «понедельничный брифинг». Не стал ли он последним?
** «Известия», 21.05.90.
*** «Известия», 8.05.90.

На словах страны Восточной Европы ОВД (как и СЭВ) терпят, но делают это лишь в надежде сохранить какое-то время экономические льготы в отношениях с СССР, которые им положены как «союзникам». А это немало: по западным оценкам, наш ежегодный ущерб равен 16 миллиардам рублей *. И это при всем том, что страны Восточной Европы уже должны нам 48,8 миллиарда рублей **. Их-то как получить обратно?

Не парадокс ли: мы всей своей мощью тридцать пять лет обеспечивали их безопасность и им же доплачивали за то, что нам это разрешалось? С кого бы за это спросить? Как всегда, не с кого!

Наш парадоксальный статус в ОВД приводил к тому, что страны Восточной Европы привыкли считать, что меры по общей безопасности нужны только Советскому Союзу. Они даже не ценили того, что, сидя за советским щитом и расходуя на оборону в несколько раз меньше нашего, эти страны получили вполне приличное экономическое развитие. Те же поляки забыли, кем они были до войны. А их бывший министр финансов Квятковский, выступая 5 декабря 1935 года в Сейме республики, характеризовал положение дел в стране так: имеется наемных рабочих 540 тысяч; 330 тысяч — безработных; 330 тысяч — правительственных чиновников; 271,5 тысячи — военнослужащих, остальные — крестьяне. Из последних те, у кого было 25 акров земли (35%), могли на себя в год потратить 8 долларов (в 1929-м — 22,4 долл.). Остальные 65% крестьян — вообще не могли ничего приработать и были фактически вне экономической жизни страны ***. Таких было больше 10 миллионов. После войны Польша экономически вообще оказалась «на нуле».

С этого нуля, опираясь на помощь СССР, она вышла на приличный уровень развития и тогда, вспомнив о былом «величии», совершила поворот к Западу. К тому самому Западу, который всегда поддерживал Польшу постольку, поскольку она фрондировала с Россией. Западу нужно главное: не допустить единения славянских народов. Соответственно он и относится к Польше. Что поляки совершают ошибку — это факт. Но понять это они должны будут сами.

Как и в Советском Союзе, польское общество «провалилось» в сфере образования. Собственную историю там знают по верхам, да и от этих «верхов» они шарахнулись в другую крайность. И сейчас им не понять, что в разделах Польши Россия участвовала лишь для предотвращения ее полной оккупации Пруссией и Австрией, что при этом в российской части Польши максимально сохранялась ее самобытность и сравнительно высокий уровень жизни: к 1939 году по этому показателю Польша так и не вышла на уровень 1913 года.

Сейчас, заявляя официально о необходимости сохранить советские войска в Польше, польские правящие круги фактически ставят себя в положение изгоев, пытаясь не только спрятаться от тевтонской угрозы за нашим щитом, но и получить от этого экономическую выгоду.

Посмотреть надо, насколько это соответствует нашим интересам. А для этого — увидеть, что Европа в целом выходит на свой

* «Известия», 12.05.90.
** Сообщено в программе «Время» 20.05.90.
*** Louis Fisher. Men and Politics: Europe between the two world wars, N. Y., 1966, p. 290.

традиционный расклад как в соотношении сил, так и в позициях государств. Послевоенный раскол континента на два политических блока был в принципе искусственен, вызван к жизни чрезвычайными обстоятельствами. В свое время (1815 г.) также в особых обстоятельствах возник Священный союз, затем (1919) Версальская система. Все это со временем рушилось, и конфигурация Европы принимала обычный, привычный для истории вид. Это и сейчас происходит.

Можно еще какое-то время цепляться за уходящую схему, делать вид, что послевоенные реалии сохраняются, но это будет себе в убыток.

Виток, по которому сейчас движется европейская история, соотносим с концом прошлого века. Тогда объединялась Германия и она искала свое место в Европе, нарушая сложившееся равновесие. Она принимала роль европейской державы в «ансамбле» с Англией, Францией, Австро-Венгрией и Россией. Но сохранялся старый многовековой треугольник противоречий Англии — Франции и Пруссии. России приходилось тогда определять свое место в новых европейских структурах. Весь прошлый век у нее сохранялись дружественные отношения с Пруссией и довольно напряженные — с Англией и Францией. К объединению и подъему Германии Россия отнеслась спокойно и не стала препятствовать (хотя и могла) разгрому Пруссией Франции в 1870—1871 годах. Немцы отвечали тем же. В мае 1873 года Вильгельм I посетил Петербург. В ходе бесед с Александром II немецкой стороной отмечалось, что «на тесное согласие с Россией Пруссия смотрит как на единственно разумную политику» *.

«Если счастье изменит русскому оружию перед лицом всей остальной Европы и мощь России будет серьезно и длительно поколеблена, — писал несколько позже (23.10.1876) выдающийся деятель Германии канцлер О. Бисмарк русскому правительству, — то это не может отвечать нашим интересам» **. Письмо, как мы видим по дате, писалось накануне русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда остальные европейские страны заняли в основном антирусскую позицию.

Нельзя не признать, что взаимопонимание России с Германией в XIX веке пошло на пользу обеим странам.

В русско-японскую войну 1904—1905 годов Россия также получала поддержку Германии. И был момент в 1905 году, когда подписанное двумя императорами соглашение у острова Бьёрке могло укрепить русско-германские отношения на историческую перспективу. Теоретически можно представить, что союз русского и германского императоров, дополненный близостью с Австро-Венгрией, создал бы такую мощную группировку, при которой война в Европе была бы невозможна. Англия, несомненно, в свойственной ей манере, осталась бы «вне игры», а Франции пришлось бы довольствоваться ролью младшего партнера.

Судьбе было угодно разломать эту, казалось бы, естественную перспективу. Франция, не желая отходить на указанную роль, предприняла бурную закулисную деятельность, чтобы не допустить союза императоров России — Германии — Австро-Венгрии. Были активизированы те слои российского общества, рупором которых

* Русско-германские отношения. Секретные документы. М., 1922, с. 21.

** «Die grosse Politik der Europäischen kabinette», B. II, № 251.

являлись «Московские ведомости», редактируемые известным масоном Катковым. Обрабатывались (и подкупались) высшие военные чины, в том числе генералы Скобелев и Обручев (нач. русского Генштаба).

Нагнетание общественного мнения, длившееся годами, привело к тому, что когда решался вопрос о судьбе союза трех императоров (1887), министр иностранных дел России Гирс с ужасом для себя увидел, что под вопрос поставлены отношения с Германией в целом. Сподвижник Гирса и будущий министр Ламздорф записал тогда в дневнике: «По-видимому, интриги Каткова или какие-либо пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути. Его величество высказался не только против тройственного союза, но даже против союза с Германией» *.

Противники русско-германского союза не дремали и в Берлине. В марте 1890 года они добились отставки Бисмарка, который видел будущее Германии в союзе с Россией. Канцлером сделался генерал Каприви, а внешнюю политику взял в свои руки некто Гольштейн (бывший мелкий агент Бисмарка в Париже), который спровоцировал таможенную войну с Россией.

Дело довершили финансовые круги. Когда весной 1891 года французское правительство поставило перед Петербургом вопрос о союзе, а там заколебались, известный банкир Ротшильд отказал России в очередном займе, сославшись на участь евреев в «этой» стране.

Итак, определенные силы в Петербурге, Берлине и Париже вели работу по созданию новой европейской комбинации. И они завершили ее в 1906 году, используя внутренние трудности России. «Заем, сделанный при помощи Франции, Англии и других стран без Германии, — телеграфировал С. Ю. Витте в Берлин 22 марта 1906 года, — будет означать для всего света сближение России с группировкой, не отвечающей ни интересам России, ни Германии. Это удалит Россию и Германию еще более от осуществления мудрых принципов, провозглашенных в Бьёрке» **.

С этого момента окончательно оформился раскол Европы на два противоположных лагеря. Ее народы оказались обречены на ужасы известного нам исторического развития. Вот что такое внешняя политика!

Экскурс в историю понадобился для того, чтобы лучше была видна взаимосвязь прошлого с настоящим. Выбор позиции во внешней политике, как видим, предопределяет (!) ту или иную судьбу многих народов. И мы сейчас переживаем именно такой момент: как определимся — то и получим на историческую перспективу.

Экономическое объединение Западной Европы — объективная необходимость. Но конкуренция антагонизирует политические разногласия, которые раньше преодолевались перед лицом «общей опасности». Теперь такой опасности нет. А значит, антагонизмы в западном мире, а в Европе — между Англией, Францией и Германией **обостряются.** И прежде всего это чувствуется в традиционно слабом звене — Франции. Англия может (и будет) полагаться на

* История дипломатии. М., ОГИЗ, 1941, т. II, с. 89.

** Игнатьев А. В. С. Ю. Витте — дипломат. М., «Международные отношения», 1989, с. 287.

Наш исторический официоз отрицательно относится к договору в Бьёрке (11.VII.1905), который содержал обязательства взаимопомощи в случае нападения на Россию или Германию одной из европейских держав (Ю. И.).

США. Германия — на свою экономическую мощь. А Франция? Опять на Россию? Вот и мчится уже второй раз за полгода президент Миттеран в Советский Союз. Боится остаться один на один с Германией. Понимает, что от мощных «объятий» соседа не спасет его ядерное оружие. Не хочет роли младшего партнера. Все это понятно, но... мы-то тут при чем? В начале века Россия сделала выбор: ориентация на Францию. Этот выбор оказался ошибочным. Все оставшееся время мы расплачивались. Кто был особенно яростен в антисоветизме после Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны? Франция. Кто настаивал на версальской системе и унижении Германии? Франция. Кто фактически не воспрепятствовал фашизму? Франция. Кто уклонился от совместных действий в защиту Чехословакии в 1938 году? Франция. Кто отказался от военного союза с СССР в 1939 году? Франция. Вкупе с Англией, конечно, но... у обеих стран положение все-таки было различным. Ошибки Франции были поистине трагичны. Но расплачивались-то за них мы, наш народ.

Последовательно вела свою политику Франция и после войны. Она изматывала себя в колониальных войнах (Индокитай, Алжир), стала на путь милитаризации. Расшатала свою экономику и, как результат, вновь уступила позиции в пользу Германии. По сути дела (хотя об этом публично не говорится), она сейчас оказалась в своеобразной изоляции: все понимают, что первую скрипку в Западной Европе играть будет Германия, а Франция... видимо, учиться на уроках собственной истории.

Вот почему ей сейчас вновь понадобилась Россия. Нас призывают обеспечить великодержавный интерес Франции. А где, спрашивается, она была раньше? Почему именно ФРГ стала нашим ведущим экономическим партнером на Западе? И она же наиболее последовательна в экономической поддержке нашей перестройки. А Франция? В минувшем году наш экспорт во Францию сократился на 15 (!) процентов, а товарооборот в целом на 7,5 процента. В результате она оказалась на пятом месте среди западноевропейских стран — наших торговых партнеров. Политические отношения без экономической поддержки — пустышка. И забывать об этом не стоит.

Расклад сил и возможностей в Европе и в мире получается сейчас очень интересным. И может быть, это звучит странно, но перспективу развития определяет наша страна, у которой в будущем нет иного пути, как вверх. И мы оказываемся всем нужны. И США, о чем говорилось выше, и Франции и, конечно же, Германии. Немцы всегда лучше других понимали истинные возможности и потенциал России, значение для всего мира дружественных русско (советско)-германских отношений. И сейчас они занимают по отношению к СССР особую позицию, стремясь не «наказывать» нас за какие-то «грехи», а поощрять экономически. Может быть, по своему опыту 20-х годов знают они, как опасно загонять великий народ в безвыходное положение.

Сейчас много говорят о советско-германском договоре 1939 года. Но ошибка, видимо, была не в этом договоре, а во всей советской европейской политике. В 20-е и 30-е годы мы имели весьма широкие отношения с Германией, в том числе и в военной области, но делалось это как бы полулегально. Ни немцы, связанные версальскими путами, ни мы, подверженные профранцузским влияниям советского НКИД, не могли пойти решительно на сближение друг

с другом. А ведь это могло предопределить иное развитие внутренних процессов в Германии. Не допустить фашизм. А значит, судьба мира могла бы быть иной. Не полуставка, а твердая ставка СССР на Германию после Рапалло (1922 г.) моглв бы обеспечить мир в Европе.

Сейчас история дает нам новый шанс. И надо очень внимательно посмотреть на наш национальный интерес с учетом исторического опыта. В любом случае мы не должны оказаться на острие политики, сдерживающей или ограничивающей воссоединение немецкого народа. Нелепо предъявлять счет ФРГ, и уж тем более — ГДР, связанный с прошедшей историей. Согласившись на допуск обоих германских государств в ООН, мы подвели черту под прошлым. Они были приняты на равных со всеми остальными членами ООН. В попытках сохранить схему послевоенного урегулирования мы неизбежно окажемся в одиночестве.

И уж явным анахронизмом выглядят сейчас наши войска в Польше и в ГДР. Сейчас правильнее речь вести не о сохранении там наших войск, а о материальной компенсации за их возвращение в Союз. Юридически мы можем не менять статус-кво. Вывод войск — предмет отдельных договоренностей. И они должны пройти более качественно, чем это имело место в Венгрии и Чехословакии. Нахождение там наших войск было юридически оправданным. Мы вложили в их размещение огромные средства, и нам надо было получить их обратно. Одно дело — политический подход к внутренним процессам в тех или иных странах, другое — юридические и материальные факторы. За вывод наших войск из Центральной Европы можно было бы получить с Запада приличный куш. Мы же это делаем себе в убыток. А для «накручивания» убытков нашей экономики дипломатия не нужна.

Материальная сторона внешней политики нас как-то вообще не слишком волнует. Мы любим рассуждать о большой политике, забывая, что она — эта политика — при нашем к ней подходе стоит больших денег. И считаем необходимым поддакнуть руководителям, которые ничего не смыслят во внешней политике, хотя бы потому, что никогда всерьез не занимались историей, которую, справедливо отмечал М. С. Горбачев, надо хорошо знать... чтобы заниматься политикой в такой стране, как наша *.

Именно общая безграмотность во внешней политике различного рода «лидеров» и «держателей кресел», не берущих в голову, что любой шаг в этой сфере оплачивается народом, была в основе того, что мы «впряглись» как в экономическую помощь странам Восточной Европы, так и в воз «третьего мира», пытаясь втащить и тех и других в социализм. Мы за них этого сделать не могли, хотя послы наши наперегонки друг перед другом стремились выбить из Центра для своих клиентов «куски пожирнее».

Писано об этом много, но настораживает, что и при «новом» мышлении, вроде и отказавшись от цели перевести хоть кого-то из стран развивающегося мира в социализм, мы продолжаем оказывать в этом направлении огромную экономическую помощь (порядка 12 млрд. инв. руб. в год). И будто бы не замечаем, что эти страны уже должны нам 42 миллиарда рублей **. Причем помогаем как на двусторонней основе, где яснее видна мотивировка

---

* «Советская Россия», 21.04.90.

** Сообщено в программе «Время» 20.05.90.

помощи, так и через механизмы ООН, где и спасибо-то не всегда скажут.

Сегодня во многих своих аспектах политика Советского Союза в рамках международных организаций представляется, мягко говоря, загадочной.

Начнем с ООН, в которой наше участие считается бесспорным. (ООН была создана в качестве инструмента мира и международного сотрудничества.) Но видим, что и мир все еще не обеспечен, и сотрудничество государств (членов ООН) не налажено. Войны в мире идут постоянно (на сегодня 32 вооруженных конфликта), к ним привыкли как люди, так и сама ООН. Дискриминация в отношениях между государствами процветает, и опять-таки к ней тоже привыкли.

Так какова и в чем действенность ООН в качестве инструмента мира и сотрудничества? Видимо, лишь в том, что она представляет техническое содействие для проведения тех или иных встреч представителей государств в кризисных обстоятельствах. ООН является также форумом для дискуссий. Там приняты тысячи резолюций, из которых в работе остались два-три десятка. Значительная экономическая помощь по линии ООН оказывается странам «третьего мира».

Ну, а нам-то что дает участие в ООН? Может быть, опыт, накопленный в недрах Организации? Ничего подобного. Этот опыт, который, по словам заместителя министра иностранных дел СССР тов. Петровского, «является своего рода квинтэссенцией мирового разума... надо использовать *. Значит, не используем? Но сначала посчитаем, во что же нам обходится эта «квинтэссенция»? Для нас, оплачивающих 11,5 процента бюджета Организации, это — 80 миллионов долларов в год. Добавим сюда взносы БССР и УССР и получим общую сумму: порядка 100 миллионов долларов. Каждый год по повестке дня работы сессии ООН рассматривается около 100 вопросов. Итого: рассмотрение одного вопроса обходится нам в 1 миллион долларов. А какой нам с этого прибыток?

Есть еще и другой вопрос. В № 3 «АиФ» (1990) была опубликована таблица, из которой видно, что по распределению ВНП на душу населения и по личному потреблению в 1985 году мы занимали соответственно 68-е и 77-е места в мире. Сейчас, конечно, положение и того хуже. Но почему тогда наш взнос в ООН по размеру второй после США? И вообще, что это за международный монстр, который требует на свое пропитание около 1 миллиарда долларов? Складывается впечатление, что советские представители в ООН, как и МИД СССР, занимаясь «большой» политикой, счет деньгам не ведут. Иначе чем объяснить, что мы с необыкновенной легкостью согласились выплачивать наш долг — 125 миллионов долларов — по специальным операциям войск ООН, которые мы не санкционировали. Выплачивать мы стали с 1987 года и уже выплатили 72 миллиона долларов.

Мы коснулись ООН. Но у этой Организации есть добрая дюжина специализированных учреждений (ЮНЕСКО, МОТ, МАГАТЭ, ВОЗ и т. д.). Что мы имеем от участия в них? Сколько это нам стоит, то есть наш взнос в бюджет — более-менее известен, а вот какова отдача? Возьмем, к примеру, ЮНЕСКО — организацию, занимающуюся вопросами образования, науки и культуры. Ее бюджет превышает 350 (!) миллионов долларов. СССР платит 10 процентов от этой суммы. Плюс взносы БССР и УССР. Имеем издержки порядка 40 миллионов долларов каждый год. А какова отдача? Мы, наверное, очень улучшили положение дел с образованием? В 1953 году СССР занимал третье место в мире по образованности молодежи, в 1985-м — 42-е, в 1987-м — 57-е *, сейчас, видимо, мы уже в седьмом десятке.

* «АиФ», 1990, № 5.

А может быть, у нас лучше стало с охраной исторических памятников, с библиотеками, со школьным образованием? Везде плохо. Так что дает нам пребывание в ЮНЕСКО, если за сорок четыре года нашего членства мы не смогли уразуметь, что сила нации в ее интеллекте и культуре? На какой же ветер летят наши инвалютные денежки и будем мы их когда-либо считать? Может быть, они летят на прокорм чужих специалистов, поскольку, хоть и оплачиваем мы вместе с белорусами и украинцами 15 процентов бюджета, наших работников в штаб-квартире ЮНЕСКО не набирается и 5 процентов. США, кстати, в ЮНЕСКО не состоят.

Почти та же картина с МАГАТЭ. Вроде бы мы активные члены этой организации, и деньги платим немалые, но именно у нас произошла чернобыльская трагедия. Опять что-то не переняли из международного опыта? Так, или этого опыта нет в специализированных учреждениях ООН, или там не те наши специалисты, или, может быть, не те задачи поставлены? Кто ответит?

Странно наше участие в МОТ (Международная организация труда). Там представлены три стороны: государство, предприниматели и профсоюзы. А где у нас эти стороны? Какой опыт мы там переняли? США и в этой организации не состоят.

Частично можем на поставленные вопросы ответить сами. Опыт в ООН накоплен, но для нас это своего рода абстракция. Скажем, та же система образования. Есть ее наиболее рациональная схема в ЮНЕСКО? Да, есть, но она приспособлена к западной социально-экономической системе, где имеются и частные, и религиозные школы. Могли мы использовать этот опыт? Не отказываясь от принципов Луначарского и прочих идеологов, не могли. А различные модели трудовых отношений в МОТ? Тоже не могли.

Вот и получилось, что с этой стороны наш интерес к опыту ООН был всегда относительным. И коли мы не собирались этот опыт перенимать, то можно было направлять для работы в ООН и в ее спецучреждения людей относительной квалификации. И соответственно задачи перед ними ставились также относительные: осудить политику империалистов, репрессии в Чили, апартеид в ЮАР, безработицу в странах Запада и т. п. Судили всех, пока не оказались на грани пропасти.

Беспокоит то, что никаких выводов из изложенного не делается. Мы боимся пересмотра чего-либо в сути ООН, открыть, как выразился заместитель министра иностранных дел СССР тов. Петровский, «ящик Пандоры», когда другие страны пожелают других изменений в Уставе (ООН. — **Ю. И.**), в результате чего ООН может рассыпаться» **.

Но поскольку мы, затрачивая на всю систему ООН порядка полумиллиарда долларов, ничего большого от этого не имеем, то так ли уж нам нужно бояться распада ООН? Можно понять личную привязанность к ООН тысяч различных советских чиновников, столь славно процветающих за народный счет, но не будем пока

* «Красная звезда», 14.04.90.
** «АиФ», 1990, № 15.

ассоциировать это с интересами трудящихся, так как им приходится раскошеливаться на ООН **вдобавок** к расходам на оборону, на помощь «третьему миру», на предполагаемый невозврат нам долга «третьим миром» и странами Восточной Европы — более 90 миллиардов рублей, на дотацию наших внешнеэкономических связей со странами Восточной Европы, на разбухший аппарат дипслужбы и КГБ, на космические исследования далеких планет, на народную дипломатию, на поездки за рубеж тысяч и тысяч людей и т. д.

Заметим, что по указанным направлениям деятельности государства у нас если и есть подвижки к новому, то настолько незначительные, что о новом мышлении говорить пока рано. Жизнь, а точнее наш внутренний кризис, заставляет пересматривать позиции более радикально, а со стороны правительственных органов видно отчаянное сопротивление: только бы ничего не менять!

Так продолжаться не может. В мире и, в частности, в Европе происходят слишком большие изменения. Они отводят нашей стране иное место в ближайшей исторической перспективе. Нам придется отказываться от великодержавности и обретать державность. Державность не абстрактную, а российскую, поскольку хотим мы или нет, но РСФСР наконец-таки займет свое ведущее место в Союзе, а значит, от России мы начнем отсчитывать наш национальный интерес. Без этого внешняя политика не имеет смысла.

Если представить Советский Союз в нынешнем виде при несколько более демократизированных отношениях между республиками, то тупиковым оказывается внешнеполитическое направление по строительству «общеевропейского дома». Ведь, по замыслу архитекторов этого дома вроде Миттерана, имеется в виду географическая Европа от Атлантики до Урала. Но эта идея попросту абсурдна: не может же наша страна войти в европейскую конфедерацию своей одной третью. И в этой третьей части будет режим «европейского дома». А за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье какой режим? Да и почему, спрашивается, республики Средней Азии, как и Закавказья, должны стремиться войти в чужой для них дом? У них-то спросили? Нет. Здесь просматривается аналогия с тем, как если бы в структуры Западной Европы Англия попыталась втащить Британское Содружество. В этом случае и страны Содружества туда бы не пошли, да и Общий рынок их бы не принял. И не все наши республики примут. Значит, идея «общеевропейского дома», или «европейской конфедерации», в том виде, как это предполагается Западом, да и нашей дипломатией, неприемлема, поскольку она предусматривает раскол страны. То же самое можно сказать и о проекте создания единого европейского правового пространства.

Формальную (!) реальность проект обретает лишь в том случае, если наша союзная федерация претерпит коренные изменения, вызываемые объективными причинами. Если она обретет какое-то подобие британской государственной системы, где имеются следующие структуры: собственно Англия — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии — Британское Содружество. В чем могло бы быть наше подобие?

Россия была империей. Более компактной, чем Британия, иной по внутренней сути, но была та же форма. Окраинные земли, войдя в состав России, сохранили свою широкую автономию, а местное руководство вошло в состав российских «верхов».

Можно представить, что до тех пор, пока экономически это было терпимо, Россия сохраняла бы суверенитет над этими землями, но она бы, подобно Англии, отказалась от этой привилегии, если бы это стало обременять ее экономически. Империя приняла бы новую форму. Возможно, название было бы иное, не Российское Содружество, но механизм взаимоотношений был бы, очевидно, аналогичен британскому. Это, кстати, пошло бы на пользу обеим сторонам, как, скажем, в случае ухода Англии из зоны Сингапура и Малайзии. Останься там Англия дальше, за 60-е годы, эти страны не смогли бы успешно развиваться, а повисли бы грузом на метрополии.

Сейчас у нас примерно тот же момент: отдельные республики висят экономическим грузом на Союзе, но и, будучи зависимыми от него, подчиняясь его диктату, не могут взять свое развитие в собственные руки. Это обрекает их на обнищание. Они, эти республики, хотят самостоятельности, и с нашей стороны разумно не только способствовать этому, но и ускорить процесс, предоставив всем желающим **политическую** самостоятельность. А внутрисоюзные экономические связи сохранятся, поскольку это выгодно всем, а значит, объективно необходимо.

Что получается в этом случае? Гарантированно сохраняется только политическое единство Белоруссии, России и Украины, поскольку большинство их населения составляют славяне одного исторического — русского — корня. Это образование чем-то может быть похоже на Соединенное Королевство, где объединены англичане, ирландцы, уэльсцы и шотландцы. К этому объединению — Соединенные Республики России — могли бы на внешней орбите присоединяться остальные двенадцать республик. Основа такого присоединения — общность экономических интересов, политическая и военная целесообразность и длительная историческая традиция. Со временем на эту орбиту могут выйти и другие государства, исторически тяготеющие к России, — страны Балканского полуострова и, помыкавшись туда-сюда по Европе, Польша.

Новая Россия получила бы в этом случае новые внешнеполитические возможности, в том числе в Европе. Можно было бы говорить об «общеевропейском доме», но даже в этом случае с весьма большой натяжкой. И не потому только, что лидеры Европы знают, что Господь «...в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями...» *, и мы это видим в жизни. А потому, что политические попытки объединить отдельные страны в единый государственный организм до сих пор давали или временный результат, или никакого. Причем речь шла о государствах, близких, казалось бы, по внутренней сути, но не единого этнического корня.

16 июня 1940 года, после разгрома Франции во второй мировой войне, У. Черчилль объявил: «Два правительства заявляют, что отныне Франция и Великобритания будут не двумя государствами, а одним Франко-Британским Союзом... Каждый гражданин Франции немедленно становится гражданином Великобритании; каждый британский подданный становится гражданином Франции» **.

Где он, этот Союз? А где сейчас Объединенная Арабская Республика? А что ждет политически западноевропейскую интеграцию, если в Ирландии в мае сего года все министры иностранных дел

* Новый завет. Деяния, гл. 14, ст. 16.

** Luis Fisher, Op. cit, p. 638.

стран СЭВ дали ясно понять, что ни одна страна не готова согласиться на «федеральные соединенные штаты Европы»?

Но даже если начать серьезно реализовывать идею «общеевропейского дома», то нужно представлять, что его рамки не ограничиваются Атлантикой и Уралом, а расширяются до Тихого океана. В делах Европы будет участвовать вся Россия! Но организационная общность с Европой будет возможна только после выхода нашей экономики на среднеевропейский уровень. Иначе мы неизбежно превратимся в сырьевой придаток Запада и рынок сбыта второсортных товаров.

Подъем России произойдет значительно быстрее, чем этого ожидают многие на Западе. Так было с послевоенным восстановлением страны (на которое нам Запад отводил 20 лет), освоением ядерного оружия, выходом в космос и т. п. От нас ожидают действий, как от подобных себе, но «мы — русские, — отмечал Л. Н. Гумилев, и с этим нельзя не согласиться, — не хуже и не лучше других, мы — иные»*. А. П. Чаадаев в этой связи писал: «Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого»**. Нас можно попытаться втиснуть в орбиту Запада, но... это безнадежно. Россия — сама центр притяжения мировых сил, в частности, славян и, конечно же, греков.

Концепция **системы европейской безопасности** не может не вызывать вопросы. По крайней мере то, что предлагается нашей стороной, выглядит не очень реально.

На ум приходят слова государственного деятеля, о котором английский премьер-министр Дизраэли однажды сказал: «Опасайтесь этого человека! Он говорит то, что думает!»*** Речь идет о германском канцлере Бисмарке, который в конце прошлого века, когда тоже широко обсуждалась тема европейской безопасности, возмущенно воскликнул: «Я слышал слова «Европа» всегда от тех политиков, которые требовали от других держав того, чего они не отваживались требовать от собственного имени»****.

Нам хотелось бы видеть Германию нейтральной, вне военно-политических блоков. Но, к сожалению, никто, кроме нас, этого не хочет. Значит, позиция была заявлена с тем, чтобы со временем от нее отказаться. Похоже, что выдвижение изначально нереальных завышенных требований становится методом советской дипломатии. Словно там уже давно перешли к рыночным отношениям. Торгуются рьяно, но не себе в убыток, а державе.

И опять, хочешь не хочешь, приходится ссылаться на опыт Бисмарка — последнего из великих дипломатов. В письме к историку Готфриду Кинкелю 21 июля 1869 года он писал: «...я не настолько самоуверен, чтобы считать, что наш брат может делать историю. Моя задача состоит в том, чтобы наблюдать за ее течениями и,

* Троицкий Е. С. «Русская нация: социалистическое преобразование и обновление». М., «Сов. Россия», 1989, с. 83.

** Приводится в статье Н. Бердяева. — «Вопросы философии», 1990, № 1, с. 95.

*** Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М., «Мысль», 1988, с. 106.

**** Там же, с. 309.

как могу, вести среди них мой корабль. Руководить течениями я не в состоянии, еще менее того — вызывать их»*.

Применительно к Европе мы видим, что вызванное нашей перестройкой течение немецкого народа к единству на **собственных** условиях изменить нельзя.

Течение к европейской безопасности слишком слабое. Много разговоров, но — нет сил, которые могли бы его усилить. Главное — нет структур, которые могли бы обеспечить коллективную безопасность европейских стран. СБСЕ** — аморфный форум, даже не Лига Наций. Кто может доверить свою безопасность такому форуму? Отсюда стремление западных стран полагаться по-прежнему на НАТО. СБСЕ — совещательный форум, без штаб-квартиры, без единого служащего, без уставных документов. И главное, не видно течения, которое бы укрепляло этот форум. Бисмарк не мог вызывать течение, можем ли мы?!

Много течений возникло в связи с концом «холодной войны», преодолением военно-политического раскола Европы. В них должна разобраться дипломатия, чтобы умело повести корабль внешней политики. При этом нужно крепко иметь в виду некоторые истины, сказанные в том числе еще на заре цивилизации.

В марте 416 года до н. э. афинские послы в ходе переговоров с руководителями острова Мела говорили: «Оставим в стороне пространные, изобилующие красивыми фразами, но неубедительные речи... Сильный делает то, что может, а слабый уступает.

Не мы установили этот закон, не мы первыми применили его; мы получили его готовым и сохраним на будущее время, так как он будет существовать вечно»***.

Наивно предполагать, что человечество радикально изменилось в сути своей, что оно стало более нравственным и гуманным. Оно, к сожалению, стало более технократическим и, может быть, еще более жестоким.

Не изменилось и понятие силы. Оно всегда включело в себя три органически связанных элемента: уровень экономического развития, военную мощь и морально-психологическое состояние общества. Забвение одного из элементов, несоблюдение гармонии их развития чреваты крайними опасностями. Внешняя политика призвана помочь соблюсти такую гармонию. Разумная дипломатия может заменить собой десятки дивизий, найдет выгодных заграничных партнеров, а значит, облегчит экономическое развитие страны и, соответственно, создаст удовлетворенность в обществе. Вот почему в дипломатии всегда были заняты наиболее интеллектуальные общественные силы, и она составляла предмет особого интереса и заботы правящих кругов.

В период от гражданской войны до начала правления Л. И. Брежнева наша дипломатия (с разной степенью успешности) свои задачи выполняла, поскольку страна обходилась минимальной вооруженностью: мы «собирали камни», разбросанные в годы гражданской и второй мировой войн.

Последние 35 лет понятие «сила» у нас приобрело одно значение — вооруженная сила. При попустительстве дипломатии наше общество взвалило себе на плечи непомерное бремя. И подчерк-

* Bismarck O. Die gesammelten Werke. 2 aufl., B. 1924—35, Bd 14/2, s. 752.

** СБСЕ — Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе.

*** Фукидид. История, т. II. М., 1915, кн. V, ст. 89, с. 60.

ном: изначальная причина наших бед лежит в том, что страна жила долгие годы не по средствам. Поскольку растраты на внешние дела (и связанные с ними военные) продолжаются прежним темпом, говорить о новом мышлении всерьез пока, видимо, рановато. Да и откуда оно возьмется, если все руководство МИД СССР выросло и укрепилось именно в последние 35 лет, когда с мнением дипломатов не считались, а наука была и того более не в почете. Взятые по отдельности, большинство ведущих дипломатов выглядят интеллектуально и современно, но все вместе они подвержены общей, типичной для нашего общества, болезни — ожиданием указаний сверху. Партийные органы постепенно от этой болезни излечиваются, МИД СССР пока делает вид. Там все еще не удается соединить средний эшелон (в котором достаточно новых мыслей и идей) с высшим. В ходу остается старый, как бы анекдотический подход, с которым мне приходилось сталкиваться лично: молодой дипломат предлагает начальнику что-то новое; тот терпеливо выслушивает, а затем спрашивает: «А что произойдет, если мы этого не сделаем?» А в самом деле, что? Спокойнее двигаться в рамках имеющихся указаний, которые, кстати, основываются на прежних, а те — на прежних, и т. д.

Нынешняя система устроена так, что, затвердив директивы на самом верху, МИД СССР избавлен от ответственности за конечный результат, а значит — и с исполнителей нет спроса. Могут быть и послы щедринскими «органчиками» и главы делегаций на переговорах «толмачами».

К тому же в нашей внешней политике ведущую роль играет «американская карта», разыгрывавшаяся в годы безусловного приоритета советско-американских отношений. Объективно это тормозит развитие других внешнеполитических направлений. Особенно на Дальнем Востоке, куда перемещается центр мировых противоречий и связей и где у нас совсем не видно крепких позиций. Это направление нашей внешней политики заслуживает особого большого разговора. Пока что можно сказать, что, если с учетом исторического опыта на Западе в качестве наиболее серьезного партнера представляется Германия, на Востоке эту роль играет Китай. Страна, с народом которой народы России всегда жили в мире. И когда достигалось понимание между правящими кругами, это шло на пользу обеим странам. Непоследовательность российской политики в отношении Китая в конце XIX — начале XX века привела к трагическим поражениям как Китая (в 1895 г.), так и России (в 1904—1905 гг.) в войнах с Японией. Взаимопонимание России с Китаем — основа успешного и безопасного развития обеих стран. Это — общий ориентир, который приведет к стабилизации обстановки в АТР *.

Наша страна находится в уникальном положении. На Западе обостряются противоречия в треугольнике Англия — Франция — Германия, на Востоке остаются старые разногласия между США, КНР и Японией. У нас может прежний зуд сыграть в активную внешнюю политику в обоих треугольниках, как это пыталась сделать Россия в начале этого века. При старых подходах это чревато если не великими опасностями, то большими расходами.

Так, может быть, внять совету прехитрого дипломата, графа С. Ю. Витте, который в письме военному министру России Куропаткину в 1905 году говорил о необходимых 20—25 годах полного спокойствия во внешних делах России. «Мы не будем, — писал он, — играть мировой роли, — ну, с этим нужно примириться. Главное, внутреннее положение, — если мы не успокоим смуту, то можем потерять большинство приобретений, сделанных в XIX столетии» *.

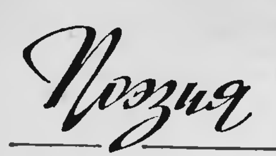
Что было бы с нашей историей, если бы Россия последовала этому совету? Вопрос гипотетический. Время упущено. Но есть же поговорка: «Лучше позже, чем никогда». Мы «разбросали много камней» за последние 35 лет и пережили не одну войну (Афганистан), а несколько (если судить по военным расходам).

Да и сейчас, расходуя на непродуктивные дела 25 процентов ВНП, имеем бюджет войны. Но войну нельзя вести бесконечно! Вопреки сложившемуся мнению наша внешняя политика не обеспечила мирного развития. Напомним еще раз, что война — это необязательно, когда летят пули. Это и состояние военного напряжения в экономике государства и в жизненном уровне народа. Мы знали «горячую войну», сменяла ее «холодная война». Третий вид «войны», то, что имеем сейчас, остался незамеченным. Не прекратив ее, стране не подняться. В годы войны нищенствуют и живут на карточках (талонах) в равной степени как государства плановой экономики, так и рыночной. А значит — идущие у нас споры по проблемам экономики бессмысленны. Сначала надо закончить «войну», привести бюджет страны в божеский вид, а затем уж спорить по модели развития. Но как ее закончить, если дипломатия ведет торговлю в ущерб державе? Нужны быстрые политические решения, позволяющие резко снизить непроизводительные расходы ВНП при сохранении уровня национальной безопасности. Трудно это? Во всяком случае непросто, но возможно, если дипломатия обретет наконец новое мышление, перестанет заботиться лишь о себе за счет народа, а будет служить народу, Отечеству.

●

* АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион.

* Игнатьев А. В. С. Ю. Витте — дипломат. М., «Международные отношения», 1989, с. 258.

ВЕНОК ПОЭТУ

Валентина МАЛЬМИ

ПАМЯТНИК СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

...нет,
не ставьте памятник в Рязани.

С. Есенин

1

Ну, слава Богу: потеснивши тьму,
воздвигли все же памятник ему.

Теперь, — как будто кинулись в бега, —
ему на плечи валятся снега,

и дождик шепчет мирные слова,
и осыпает голову листва...

И снова от черемухи бело,
его зовет родимое село.

И не затем ли, чтоб туда взглянуть,
он вышел из земли, расправив грудь?

2

Но странно слышать каменную речь
и видеть разворот могучих плеч...
Он с виду был совсем не богатырь,
любил тальянку и читал Псалтырь.

И, как его ни думали столкнуть,
за десять лет прошел огромный путь:

в 15-м — еще лишь ученик,
а в 25-м — он уже велик...
И не за то ли с пулей в голове
он страшной смертью умер на Неве?

Так! Но просьбе поэта
мы не вняли всерьез.
Лучший памятник — это
белый мрамор берез.

Александр ТРОФИМОВ

* * *

Я знаю: памятью нетленной
Облагородишь бытие,
Когда мелькнет во тьме Вселенной
Лицо славянское твое.
Сердечной боли перестуки
Признают родственность грозы,
И молнии, как будто руки,
Осушат две твоих слезы.

Борис ПРИМЕРОВ

* * *

Наедине с рязанским небом
Ах, как давно,
Ах, как давно,
Ах, как давно
Я нежным не был
Таким, как в этот час оно!
Широкое и голубое.
В молве вечернего пера,
Как будто я ушел в ночное
И стерегу его ветра,
Как будто стерегу я лето,
Преданья мудрых косарей,
Чтоб месяц не попался в сети
Из-за наивности своей.
А ветры,
Точно птичьи стаи,
Роняют на воду круги,
Я ничего не понимаю,
Я просто чувствую стихи.
Со всех сторон глядит Россия —
Моя любовь,
Моя звезда.
Я в этот миг такой красивый,
Каким не буду никогда.

Александр ПОТАПОВ

* * *

Сколько было хулы и липучих упреков!
Мол, упадочный лирик, кулацкий поэт...
Но все так же горит, все зовет издалека
Строк есенинских чистый, березовый свет.
Этот свет согревает, и манит, и дразнит.
Сокровенное слово срывается с губ.
Разве можно фальшивой критической грязью
Перепачкать есенинский солнечный чуб?!
А ведь были хулители и критиканы, —
Как булыжником, били словами под дых.
Мол, неужто, объездив далекие страны,
Будет петь он о нивах убогих родных?
Как цепом, били «метры» статьями своими
Стих березовый твой — и ржаной, и льняной.
Но народ сохранил твое светлое имя,
Хоть завистники брызгали едкой слюной.
...Вот опять, вот опять загалдели витии
Словно в те, горькопамятные, года.
Но Есенина вырвать из сердца России
Не дано никому. Ни за что. Никогда.

Владимир ХОХЛОВ

* * *

1

Кто сказал — повесился?..
Убили.
Затянули петлю
                    и — каюк!
Родины поэту не простили,
чистоты его душевных мук.
Грезил он березовым простором,
месяц пас теленком на лугах,
за его крестьянским разговором
смерть ходила тенью
                    в двух шагах.
Очи откровение кололо,
правда запекалась на устах,
да такая,
          что перемолола
жизнь его
          на тридцати верстах.
Запрещали!
          Книги жгли!
                    Топтали!
Отлучали от родной земли!
А стихи
          из пепла закричали —

песней
по России
потекли...

2

Из горьких слов
сплету венок —
душою
выстрадано
слово.
Кто следующий?..
— скажет рок:
Взведен курок,
петля готова!

Олег КОЧЕТКОВ

* * *

Разносили его Авербах и Бухарин:
Некрофилия, пьяные слезы...
Мол, оторван упаднически и кустарен,
Ну а далее — просто угрозы...
И он думал, мрачнея, качая кудрями:
«Да, в стране своей — как иностранец...
Что ж, Рязанщина — не за горами!»
И к нему возвращался румянец.
Кто там, родина бедная, с новой нуждою?
Не слышны ее светлые звоны.
Предают ее нынче огню да разбою,
Вот они — налетели вороны!
Нету Брюсова, Блока, а Клюев — далече,
РАПП мордует крестьянскую музу.
Только хаос, разруха да лозунги-речи
По всему молодому Союзу!
Где опору сыскать, коли Русь на погосте,
Что за смысл в этой злой круговерти?
Нахлобучил цилиндр, и усталою тростью —
Дверь наотмашь — и вышел...
в бессмертье!

Анатолий ВАСИЛЕВСКИЙ

И ЦВЕЛИ САДЫ

Рассказ

Никто, конечно, не мог предположить, что случайная их встреча — чернобородого, обветренного Петра, инженера, считавшего себя в свои неполные тридцать лет стариком, и Оксаны, белокурой милой студентки, в жизни которой еще не случалось ничего знаменательного, что их внезапное сближение, а затем выбранный ими самими путь, единственный из тысяч возможных, — что все это шаг за шагом, в последовательности, как бы предопределенной, приведет к такому дикому исходу.

Оксане давно уже не терпелось избавиться от вечной родительской опеки, и ей, влюбившейся внезапно, выскочившей, к огорчению родителей, внезапно замуж, так захотелось пожить иной жизнью: неустроенной, скитальческой, загадочно-романтичной, желательно в палатке; такой жизнью, как жил, по ее мнению, Петр, — что на исходе апреля, когда в оврагах и на крутых северных склонах еще белел снег, Оксана уговорила Петра увезти ее в лесную глушь, и они очутились вдали от людей и

селений, на заброшенном, забытом, полуразрушенном хуторе, где Петр провел когда-то немало лет у своего деда.

В первую минуту хутор этот привел Оксану в ужас: дверь в избу сорвана, стекла выбиты, внутри паутина — мохнатая, жирная, плесень — белая, как вата, хлопьями, и все провоняло сыростью, гнильем, тленом!.. Но Петр, к ее удивлению, обрадовался, что изба стоит, и они принялись ее обживать. Насобирали дров, затопили печь. Переставили уцелевшие шибки в одну раму, остальные окна зашили досками. Мели, скоблили, мыли... Огонь в печи, вначале дымившей, разгорелся, заплясал, приятно потрескивая и стреляя, а к ночи изба согрелась, стала просыхать, запахла вымытым полом, горячей глиной и создавала впечатление первобытного какого-то уюта.

Хутор стоял в редкостволом и могучем сосновом бору с негустым еловым подлеском; над самой избой шумели в вышине, качались сосны, а под окнами избы на ухоженной некогда огородной земле поднимался уже сосняк и густели опередившие его временно в росте березки; дальше опять высились вековые сосны, с южной стороны скучивались, теснились, подступая к краю глубокого обрыва, с которого взору открывалась долина, распростертая вдаль и вширь на десятки километров.

Здесь, над кручей, шум сосен был иной, чем в глубине бора — подступив к краю и свесив с обрыва оголенные, беспомощные корни, деревья шумели непрестанно, гудели взволнованно, тревожно и кренились, нависали, цеплялись в последнем усилии за обрыв — земля не выдерживала, осыпалась. и сосны сваливались поочередно с высоты, громоздились внизу, гнилые, полусгнившие и еще одетые в зеленую хвою, еще живые. А за этим печальным завалом сразу начинались болота, занимавшие всю правую часть видимой сверху долины.

Сюда, к обрыву, Петр вышел с Оксаной вечером. Уже легла на долину тень, и долина синела далеко и загадочно, но в загадочной этой сини, быстро густевшей, еще различались леса и поля, светлели еще петли дорог, и слабо отблескивала на изгибах текущая к юго-востоку из болот речка, тускло светились еще редкие огни далеких селений и возникали иногда, мерцали светляками фары машин.

— Бог мой! — воскликнула Оксана, заглянув под кручу и ощутив холодок в ногах и головокружение. — Как глубоко! Как страшно! — И отступила, ухватясь за Петра. — Но красиво-то как! Какие дали, какой простор! Я, кажется, такого еще не видела! Бог мой, бог мой!

В избу они возвращались ночью, в пугающей Оксану, жуткой темноте, и во тьме готовились ко сну, освещаемые лишь красными отсветами из печи. Расстегнули на спальных мешках сквозные «молнии», и у них получилось два больших одеяла, одно одеяло они постелили у печки на вымытом полу, другим укрылись, но было под одеялом жарко, и они его сбросили и долго обнимались в необычной для Оксаны тишине. Ей чудилось что-то предостерегающее, и она иногда вздрагивала, замирала, вслушиваясь и всматриваясь — не видела даже признаков света, а лишь слышала дыхание Петра да стук своего сердца и всем нутром, казалось, ощущала близкую опасность. Спала же Оксана беспечно, крепко и долго, а в следующие дни и вовсе свыклась с жизнью в лесу.

К тому же природа на глазах оживала. К неописуемому восторгу Оксаны, появились первые бабочки, замелькали желтыми светлячками на зеленом; набухли, лопались на кустах и деревьях почки, выпускали младенческие, сморщенные листья; и когда однажды подул северный ветер, стало холодно, они снова вышли к обрыву, и глазам их снова открылся простор — увидели, как изменились дали. Светило белое, холодное солнце. Долина, напротив, выглядела теплей прежнего, как бы согревалась зеленым дымом первой листвы.

Бутылки шампанского, оставшиеся от свадебного стола, что Петр захватил в лес вопреки Оксане («Тяжесть такую переть!..»), оказались кстати. Здесь, на обрыве, они дважды салютовали, стреляли пробкой Первого и Девятого мая, в честь весны и праздников. Сидели у обрыва вечером, долина лежала перед ними исчерна-синяя, уснувшая и, представлялось, безжизненная.

— Вспомни-ка, мы пришли сюда первый раз, — Оксана перешла почему-то на шепот, — вспомни-ка: огоньки в деревнях светились, машины перемигивались, словно звездочки... А теперь, боже мой, какая тишь! И простор, и ни огонька. Да уж не случилось ли там что-нибудь?

В эту минуту где-то слева, то ли в низине, то ли наверху, в бору, в его глубине, послышалось еле различимое гудение. Они вслушались. Гудение усиливалось, нарастало, набирало силу, но не близилось. Представлялось, будто где-то слева, там, где сосновый бор сменялся

еловым лесом и старый еловый лес пологими уступами вклинивался в долину, будто там раскручивался, обретал мощь подземный, таинственный и грозный механизм — стало угадываться подрагивание земли. Затем там же, слева, внизу возник всполошенный свет. Свет усиливался вместе с гулом, запрыгали, заиграли, замигали красные огни, растягиваясь в цепь и уходя зигзагами в глубь чернеющей долины.

По всполохам света и красным огням, возникавшим из гула, растягивавшимся, убегавшим дальше и дальше, можно было угадать движение тяжелой и могучей колонны машин. Продолжалось оно долго, думалось, не кончится, и казалось пригрезившимся, пугающе нереальным. Но вот гул стал затихать, откатываться, и замигали, удаляясь, последние красные огни, потекли вслед за другими туда, где свет исчезал, будто колонна опять уходила в подземелье.

— Что это? — спросила Оксана, когда совсем черная под черно-лиловым небом долина погрузилась в безмолвие.

— Машины, — объяснил Петр, — мало ли чего. Тут где-то рядом воинская часть. Может, учения...

— Праздник же...

— У нас на Севере праздник не праздник — работаем... А у военных — тем более.

— Страшно... Может, война, а мы и не знаем...

Петр делано засмеялся.

— С кем тут воевать? Если бы война — горела бы уже вся земля.

— Но почему в долине темно? — продолжала Оксана шепотом, как бы боясь, что ее услышат. — Помнишь, в первый раз?..

— Праздник... Отдыхают люди.

— Нет-нет... Пойдем. — Оксана заторопилась. — Обними меня — вся дрожу, с долины ветер холодный...

За эти дни несколько раз проливались короткие обильные дожди. В промытом лесу все обрело свой собственный цвет: заполыхали красным сосновые стволы, подбитые зеленовато-сизым лишайником... Поднялись после дождей, распушились папоротники, а под папоротниками отыскивались будущие лесные властелины, крохотные дубки. Воздух был прозрачен, и виделось в нем ясно, будто через увеличительное стекло, и только луг внизу, среди болот, поросший лютиками, сдержанно, туманно желтел за деревьями, да другой лес, за лугом, был тоже туманным, сизо-голубым.

— Ой! Да что же это такое! — без конца восхищенно говорила Оксана. — Почему я столько жила, но ничего подобного не видела? И как я могла жить, не видев этого?! А в долине, в долине, наверное, зацвели сады! Ой, хочу туда, в долину! И-и... надоело в избе... Палатку зря, что ли, с собой взяли? Может, спустимся в долину, поживем? Аж вон туда пойдем, где селение. Видишь?.. Спрячемся там в лесочке, заночуем в палатке!

— Далеко, — смеялся Петр. — Километров двадцать.

— Ой, ну и что? Сюда тащились — ближе, что ли?

В долину можно было попасть, лишь если идти от хутора влево, потому что болота, какие лежали под кручей, считались непроходимыми. Болота тянулись к югу на многие километры, перекрывая путь на запад — не было из долины в ту сторону ни дорог, ни троп. И Петр с Оксаной, взяв рюкзаки, двинулись от избы к круче, а там повернули влево, в ту сторону, откуда возник однажды ночью грозный, предостерегающий гул, откуда выползала в черную безжизненную долину таинственная колонна машин; миновав обрыв, спустились к непролазному завалу деревьев, стали огибать и наткнулись на заграждение из колючей проволоки, уходящее одним краем в болото, а другим бегущее по косогору и отсекающее бор и хутор от долины. По свежесрубленным кольям, по смолистым, пахнущим щепкам, по истоптанной сапогами земле определили, что заграждение поставлено совсем недавно, может быть, только что.

— Ведь не было ничего этого! — возмутилась Оксана. — Не было?

— Как будто, — согласился Петр.

— Фантастика! Когда успели? Зачем? Что тут загораживать?..

Они двинулись вдоль заграждения и тут же увидели прибитую к колышку фанеру с надписью черной краской в подтеках: «Запретная зона». Таблички повторялись. А когда заграждение поднялось на гору и наверху повернуло под прямым углом вправо — открылась свежая просека, проложенная, видимо, специально для этого колючего заграждения. Четко спланированная, ровная, просека шла через лес вниз, в долину, и отсюда, сверху, видно было, что заграждение с фанерными табличками тянется по равнине, уходя, как им показалось, к самому

горизонту. В одном месте, внизу, они разглядели шлагбаум, черно-белую полосатую будку и постового.

— Да что же это за такая зона?! — говорила Оксана, поглядывая испуганно то на заграждение, то на Петра.— Всю землю опутали! Ни пройти, ни проехать! А если кому надо?

— В долину можно бы пробраться другим путем, — сказал Петр.

Они вернулись к себе на кручу, сползли под обрыв, повисая на сучьях обвалившихся деревьев. Оксана визжала от страха, утверждая, что за ее трагическую кончину отвечать придется Петру.

— Помню, тропа начиналась откуда-то отсюда, — сказал Петр, вытягивая шею и глядя через завал. — Мы по ней с дедушкой за клюквой ходили.

— Поищем, поищем, — заторопила Оксана. — Ой, давай искать!

Петр полез в завал. Долго проламывал путь и скрылся. Еще дольше возился, невидимый, что-то рушил, хлюпал водой, стучал по дереву, опять и опять, слышно было, лазил по воде, булькал. Подал наконец голос:

— Есть, нашел, кажется. Пробирайся по моему следу.

Оксана полезла в бурелом. Пробившись к Петру, не увидела никакой тропы — Петр стоял, погрузившись по колено в воду, пузырившуюся, покрытую маслянисто-ржавым, радужным налетом и пахнущую железом.

— Вот она, тропа. — Петр потыкал в воду шестом — в воде шест глухо стукал по дереву. — Надо разуться. Не бойся. Вода сверху теплая.

Оксана сняла кроссовки, сунула в рюкзак.

— Страшно-то как, — сказала и шагнула в воду, нащупала ногой твердое и скользкое, ойкнула и ухватилась за рукав Петра.

— Здесь, в самом начале, бревна утоплены, а дальше идти где по сухому, где по мелкой воде, а где опять по кладям.

— А мы не утонем в этой погибели?

— Не бойся, это только сначала страшно, а потом — ничего, — спокойно сказал Петр.

Оксана, конечно, пожалела, что сама подбила Петра лезть в болото, но сознаться в этом не хотела, а когда они углубились в топи и не видно стало за кустами, за редкими деревьями ни долины, ни берега, от которого ушли, а путь время от времени терялся — куда ни совались они, везде ходила ходуном топь, и, если бы не солнце, непонятно было, где север, где юг, Оксане сделалось страшно по-настоящему. И хуже всего было почему-то от порхания, щебета, пересвиста непуганых птиц, от соловьев, которые повсеместно заливисто пели, оставаясь невидимыми. Их с Петром затея пробраться к селению, обойдя заграждение болотами, представлялась все более непростительной. После часового блуждания Оксана совсем было отчаялась, но Петр неожиданно сказал:

— Ну вот и вышли. Нас не ждут тут, а мы — вот они.

Перед ними был нехоженый зеленый луг. Оксана не поверила Петру, они не раз выбирались на сухое, но вновь и вновь болото заманивало их в западню. Однако Петр не обманывал. Под ногами была едва различимая, поросшая такой же, как на лугу, густой невысокой травой дорога. Дорога вывела их на укатанный машинами, промытый дождями, твердый, но, к удивлению, на вид тоже давно не езженный проселок. Часа через два за деревьями блеснула вода.

— Хгм, — сказал Петр, — так и знал — сбился, не нашел ориентира — сухое дерево, — от него тропа расходится надвое: одна ведет к селу, другая сюда, к озеру. И дальше — к воинской части...

— Стоило рисковать, тонуть в болоте и не увидеть садов?! — обиженно сказала Оксана.

— Озеро неширокое — увидим.

И только расступились, уходя от них в обе стороны, прибрежные ольховые заросли, только легло перед ними в траве озеро, открылось им на другом берегу бело-розовое кипение садов, нанесло тонким запахом. Оксана замерла. Разглядела в садах крыши построек, небольшую песчаную отмель на том берегу и бежавшую среди трав в проулок желтую песчаную тропу. Там, где они стояли, трава подступала к самой воде, Оксана, держась за Петра, присела, потрогала воду ногой.

— Не такая уж и холодная... Давай купаться. Может, поплывем туда? Там чудо! Я никогда не видела таких садов — чудо!

Глубоко было сразу у берега, и сразу ноги коснулись чистого песчаного дна, и вода была чистой, прозрачной, студеной, прогретой лишь сверху. Петр поплыл саженками, вмиг вымахал на середину озера; Оксана держалась у берега, забыв, что собиралась плыть на ту сторону, прыгала, вертелась, визжала от удовольствия. Изредка

поглядывала на другой берег, опасаясь, что там появится кто-то, нарушит их уединение...

В селении было тихо, даже как будто безлюдно — ни звука, ни дымка, ни движения. Оксана смотрела на другой берег все с большей тревогой, наконец сказала:

— Там нет никого?

— Весна, работ много, — сказал Петр.

— И все, все ушли?

— В поле, наверное. — Ему удалось ответить спокойно и почти безмятежно улыбнуться, хотя в душе нарастала тревога, и он сам не мог понять, что здесь происходит, но успокаивал себя, продолжая думать о необычных воинских учениях, в эпицентр которых они, судя по всему, угодили.

Как и хотелось Оксане, ночевали они в палатке. За пологом всю ночь курился смолистым дымом костер и слышался шальной свист соловьев, но было не так хорошо, как представлялось Оксане. Ей даже показалось, будто в эту ночь распалось что-то, крепко-накрепко связывавшее ее с Петром. Ложась спать, попросила:

— Ты сегодня меня не трогай, ладно? Я так что-то устала.

А пробудившись утром, удивилась себе: возникшая накануне странная отчужденность не прошла, ей ничего не хотелось. А ведь до этого все ночи и по утрам сама льнула к Петру. Не отпускала!.. Ей захотелось прежней беспечности, радости, счастья. Заторопилась:

— Пора! Пора! Попьем чаю — и в селение! В сады!

В этот раз Петр сориентировался верно, они направились опять к болотам, там повернули влево, пошли прямиком, сокращая путь, каким текла плутавшая в заливных лугах, золотых от лютиков, речка. Оксане назойливо возвращалась мысль, что счастье ее с Петром будет недолгим. Скоро, очень скоро, завтра, а может, сегодня и кончится?.. А может, уже кончилось? И ей целоваться не хочется, и Петр не целует, как раньше...

К селению вышли вдруг. Сначала до них донесся запах цветения, потом они очутились на сухом бестравном проселке, промытом дождями и без единого следа людей или машин, и оказались на въезде в селение. Увидев сады совсем рядом, Оксана в восхищении остановилась.

— Вот это да! Я и не думала, что бывают такие сады — ни крыш, ни стен, ни оград — одни сады! Все белое, все розовое! А запах, запах!.. Вот он, рай земной!

Аромат действительно был такой сильный, что и Оксана и Петр испытывали легкое головокружение. Они медленно пошли задворками вдоль садов. Вглядывались и вслушивались. Сады были полны жизни, цвели буйно, перекипали в цвете, гудели от пчел. Но не слышалось ни стука, ни лая собак, ни человеческих голосов. Становилось не по себе в этом цветущем безлюдье, как бы отданном полностью пчелам и птицам. Кричали вовсю соловьи, и беспокойно летали, шумно ссорились крупные птицы. И больше всего вороны. Наглые, злобно каркающие, пикировали и на них, нападали с криком то слева, то справа, неслись к лицу, готовые, казалось, вот-вот вцепиться когтями в глаза. Появилась сорока. Тоже металась вокруг, надсадно трещала, извещая о посторонних, как в лесу. Жутко становилось от этого трескучего мелькания и карканья. И крепла мысль, что людей поблизости нет.

Оксана смотрела с ужасом на этих странных, беснующихся птиц, и в голову ей лезла новая мысль — нелепая, прямо-таки абсурдная мысль, возникшая нечаянно по пути сюда от палатки: а не находятся ли они с Петром во власти колдовских сил, не живут ли не своим желанием, а этой злодейской волей? И все странное, необъяснимое, что творилось вокруг и что могло твориться потом, их с Петром уже как бы и не касалось — все это было за той мыслью: что же это произошло с ними? И кто они теперь?

Возле тропы, бежавшей из проулка, они увидели в траве два велосипеда. Впечатление было такое, что велосипеды брошены давно — сочная, тонкая трава торчала сквозь спицы.

— Прокатимся? — подавленно спросила Оксана.

Ей, конечно, никогда не могло прийти в голову брать чужое, но с ними и вокруг творилось что-то нереальное и в этой нереальности было все возможно.

— Неудобно, — сказал Петр. — Увидят.

— Да кто увидит? — впервые раздражаясь на Петра, сказала Оксана. — Кто? — И, наклонившись, выдернула из цепкой травы велосипед. Вывела на тропу, вскочила верхом и покатила в сторону селения.

Петр поднял другой велосипед и на минуту застыл, оторопев: во вмятинах от колес и педалей, в зеленой поросли видны были скрюченные желто-бледные растения, какие находят обычно под улежавшейся колодой. Он ма-

шинально приподнял велосипед, стукнул об землю, проверяя накачку колес, велосипед упруго подпрыгнул — исправен, а сам все смотрел на болезненно-бледные, скрюченные стебли, так выделявшиеся в темной траве.

Оксана не оборачивалась, крутила педали изо всех сил, как будто убегала от погони. Петр настиг ее на пыльной, разбитой машинами в прах полевой дороге, поравнялся — она не взглянула. Отъехав километра два, скатились по длинному пологому спуску в низину, с трудом поднялись на гору и остановились.

— Ну где, где твои полевые работы? — с вызовом спросила Оксана, поворачиваясь во все стороны, удивляясь своему раздражению, и передразнила: — Весна, все в поле... Где?

Ни людей, ни машин, ни тракторов не было видно. Грело солнце, над зелеными полями в теплом струистом воздухе звенели жаворонки, но сквозь этот звон оттуда, куда вела дорога, с юга, доносилось, как им почудилось, глухое, прерывистое, утробно-могучее гудение. Они стояли, прислушиваясь — то ли было это гудение, то ли его не было. Нет, все-таки было, угадывалось и, может быть, даже не слухом, хоть и обостренным, а как-то по-иному. То ли передавалось подспудным, колеблющим подрагиванием земли, то ли доносилось упругим зудом как бы уплотнившегося, застывшего в зное воздуха, и они улавливали, чувствовали это тревожно-угнетающее гудение. И кружили в той стороне вертолеты — исчезали, вновь возникали, кружили, кружили.

— Кошмар какой-то, — сказала Оксана с испугом.— Наваждение... Как в дурацком сне.

Петр молчал. Оксана быстро взглянула на него и заторопилась назад.

Проехав место, поразившее Петра вмятинами в траве, и свернув в проулок, они оказались между нависшими на изгороди белыми садами. В пахучем воздухе гудели пчелы. Налетали с гамом вороны и металась, орала всполошенно сорока. Но вот и улица селения, и тоже в цвету, видны лишь коньки крыш. Они остановились, оглядываясь по сторонам. Замечали на заборах сохнущие крынки, ведра, тряпки. Двинулись по улице, подгоняемые криками черных птиц; увидели распахнутую калитку, разбросанные по двору вещи.

— Смотри, смотри! — вскрикнула Оксана, хватая Петра за руку. Он и сам увидел этот чистенький дом под но-

вой, крашенной железным суриком крышей. Окна и двери были заколочены досками.

— Боже! — сказала Оксана, и глаза округлились...— Тебе не кажется, что мы пробрались сюда тайком, а за нами следят?.. Давай покатим велосипеды вдоль села или по задворкам... Неужто никто не увидит, не остановит? Неужели можно утаскивать здесь все, что хочешь — и ничего? — Глаза у нее оставались испуганными.

Они поехали по задворкам, сворачивая со стежки на стежку, и никого не встречали, не видели. Объезжая сплошные колючие заросли шиповника, скатились под горку, очутились на мягкой травянистой тропе — и тропа запетляла низинкой, болотистым лугом, чуть отдаляясь от селения. Там, в низинке, их застала гроза. Взялись откуда-то, затянули небо тучи, стлались, видно, низко, потому что слышно было, как сначала слабый ток молнии с шипением прошивал тучу, затем сильный заряд с оглушительным треском вспарывал небо, а после долго, ветвисто, в разные стороны раскатывался гром.

Ища укрытие, они спрятались под одинокой кряжистой елью. Петр поглядывал с жалостью на Оксану, вздрагивавшую и бледневшую с каждым ударом грома, и думал о себе с отвращением, что поступил подло: женился на девочке, не проверив ни ее, ни своих чувств, а теперь, кажется, охладел, и ей мучиться с ним всю жизнь. Проговорил, как бы оправдываясь перед самим собой:

— А ведь ты сама... Сама... Первая со мной заговорила.

Помолчав, Оксана сдавленно засмеялась:

— Ирка, подруга, настроила: «Допереглядываетесь... Нравится он тебе, а его, скромника, другая, побойчей тебя, на себе женит». — И умолкла, думая: «Да что же это такое с нами?» Но сказала о другом: — Этот дождь...

Петр скосил глаза, увидел на ее лице слезы, вспомнил, как еще вчера, целуя его, Оксана восклицала: «Какая я счастливая!.. Ты меня не разлюбишь?» А я охладел, подумал снова, проговорил, как бы оправдываясь, невпопад:

— Приехал, а у вас тут весна.

— «Мне показалось, вы сказали...», — вспоминая, передразнила Оксана.

— А ты в ответ, помнишь? «Что, что я сказала?»

— Ну, а ты, ты... — припоминала Оксана. — «Нравлюсь, сказали». А я: «Ну и что из этого? Гоняться надо?» —

Они вместе засмеялись. Петр тихонько обнял Оксану, она прижалась к нему.

— Ой! Дождь кончился, а мы стоим.

Гроза оказалась скоротечной, но тропа размякла, сделалась вязкой, пришлось идти и катить велосипеды по мокрой траве. Когда из туч выглянуло солнце и на луг веером упали лучи, луг стал куриться туманом. Туман густел, поднимался, ширился, полз следом, клубясь и настигая, и солнце светило уже сквозь туман, и в тумане играл радугой свет...

— Как красиво, — глядя на Петра, сказала Оксана,— и страшно. Почему мне так страшно?

Из низинки они поднялись к селению по другой тропе и оказались в другом прогоне, ведущем в улицу, молча тащили велосипеды, вновь окруженные цветущими садами, гудением пчел и неистребимым жутким карканьем. Миновав проулок, прошли безлюдной улицей, как вдруг сзади, в другом конце, застрекотала неистово отставшая было сорока. Оглянувшись, они увидели ее — взлетавшей, косо падавшей, вновь взлетавшей... Мелькнула в улице тень, будто пробежал человек...

— Люди! — обрадовалась Оксана. — Ты видел? Высокий такой, с чемоданом.

Петр пожал плечами, веря себе и не веря. Сорока, невидимая теперь, продолжала безудержно стрекотать...

— Идем, идем! — позвала Оксана и побежала, толкая велосипед.

Навстречу от дома, выступавшего из сада одним углом, из подворотни выползла собака. Оксана снова обрадовалась слабо:

— Смотри-ка, собачка.

Собака стояла, свесив голову, и вяло виляла хвостом. Приблизясь, они поняли, что собака больна. Увидели ее слезившиеся, облепленные мухами глаза, увидели, что на ее ребрах, на загривке, на лопатках сквозь жидкую шерсть, местами как бы совсем вылезшую, просвечивает желтоватая кожа.

— Ой! — Оксана закрыла лицо рукой.

Вдруг с хлопаньем, топотом, с кудахтаньем из-за палисадника выметнулась маленькая пестрая курица, кинулась на собаку; подпрыгивая, с яростным по-петушиному клекотом, била клювом, драла, как коршун, когтями — клочьями полетела собачья шерсть, закружились перья. Собака заскулила, упала и поползла на брюхе назад к

подворотне, а курица, преследуя, кудахтая, все клевала, била...

— Идем, бежим! — Бросив велосипеды, они быстро пошли вдоль селения в надежде увидеть людей.

Что-то звякнуло, остановились, звук не повторился. Оксана взглянула на Петра, молча показывая рукой на забор из свежевыструганного штакетника, за которым, как и везде, цвели деревья...

Они свернули к калитке. Оксана откинула щеколду, медленно вошла. Дом был за молодым вишенником. К низкой белой мазанке пристроен бревенчатый пятистенок, крытый оцинкованной жестью. На низком крыльце аккуратно лежала высохшая тряпка. Оконце, рядом с входной дверью, заколочено крест-накрест досками. Спустя минуту в доме послышались шаги и: бу-бу-бу-бу-бу — голоса. Оксана взглянула радостно и зашептала:

— Ой, кто-то есть... — Вбежала по ступеням, захлопала ладонью в дверь. — Можно?

В доме стукнуло, лязгнуло, загрохотало, затем дважды за домом глухо ударило о землю, и кто-то бросился напролом через заросли.

Оксана, пятясь, сошла с крыльца. Отступая к калитке, увидела, что и остальные окна тоже зашиты досками, где крест-накрест, где рядами. Она кинулась от дома на улицу. Петр едва поспевал за ней...

— Домой... Я хочу домой, — запросилась Оксана.

Поминутно оглядываясь, они шли вдоль садов по другую сторону селения, забирая вправо, чтобы обойти озеро.

Впереди, за деревьями, блеснула вода, они начали обходить ольшаник и услышали в это время далекое, но близящееся, знакомое уже тяжко нарастающее гудение. Невиданные прежде Оксаной такие машины, диковинные, как будто вовсе без людей, что ползли колонной, чтобы исчезнуть в глубине долины. Поразили Оксану невиданные машины, но больше потрясли сидевшие в них люди. Сосредоточенные, встревоженно-хмурые, с масками и марлевыми повязками на лицах.

— Дикость какая-то, — сказала она. — Что это со мной? — закрыла ненадолго лицо руками. — Будто глаза запорошило и в горле першит... Мерещится мерзость какая-то.

Из кустов к ним выбиралось гадкое существо. Глаза, пасть, морда — собачьи, но больше ничего собачьего в

звере не было. Да это и не зверь, а ободранная туша, какие подвешивают на крюки в мясных лавках. Оксана попятилась, расширив глаза, а Петр, пригнувшись в поисках камня или палки, закричал:

— Прочь! Прочь! — и замахал рукой. — Прочь!

Тварь поникла, изгорбатилась, повернулась к ним красным омерзительным в остатках шерсти задом и, упав, поползла назад, в кусты.

Несколько минут они стояли потрясенные. «Колдовство! Да-да, колдовство, чертовщина!» — подумала Оксана. Расширила плохо видящие, как бы засоренные глаза и поразилась реальной ясности окружающего мира: зеленело все, цвело, щелкал, пуская трели, соловей, мелькали, перепархивая, посвистывали еще какие-то птицы... «Но эти облезлые твари!..»

С той стороны, куда уползла собака, послышались мужские голоса, и почти тотчас за ними воздух разорвала автоматная очередь.

— Петя! — вскрикнула Оксана. — Что это? Да что это? — За кустами раздался топот бегущих людей, заходили, замотались кусты, из кустов выбежали два автоматчика.

— Ага! — закричал один, высокий, черноволосый. — Вот они!

— Вы кто? — грубо спросил другой, тоже высокий, но рыжий. — Откуда тут, в зоне?

Автоматчики были в солдатской форме — сапоги, гимнастерки, пилотки. У обоих на шее висели марлевые повязки. Сперва черноволосый, потом рыжий подняли повязки, закрыли рот и нос — и остались только колючие, злые глаза.

— Ну?! — резко поддал черноволосый и дернул дулом автомата.

— Вам-то что?

— Они, — бросил уверенно рыжий и теперь уже с явной ненавистью сказал, глядя в глаза Оксане: — Долго же мы за вами охотились, мародеры!

— Одурели! Свихнулись! — завопила Оксана и почувствовала, что сейчас заплачет. От слабости, усилившейся внезапно во всем теле, особенно в ногах, ей захотелось сесть.

— Ну ты! — Черноволосый сделал шаг в сторону, показал на кусты автоматом. — Шагай!

— Петя!.. Скажи им!.. — заплакала Оксана. — Что они в самом деле?..

— Пошли!

— Вперед! А ну шагайте!

Солдаты держали автоматы наизготове.

— Вы что, ребята? — выговорил наконец Петр. — Вы же... Вы будете отвечать.

Солдаты с минуту смотрели на него с интересом, а Оксане пришла в голову еще одна странная мысль: если происходящее реально, то, может быть, подменили мир, в каком они живут?.. И никто-никто — она, Петр, эти солдаты, и даже птицы, собаки — никто-никто не может оставаться самим собой в таком подмененном мире!

— Дай им респираторы, — приказал чернявый, но, видимо, передумал, сам достал из сумки противогаз и протянул Оксане.

— Надеть!

— Какое вы имеете право!.. — Оксана топнула.

— Разговорчики! — оборвал чернявый и вдруг, шагнув, ткнул марлей Оксане в лицо. — Повязывай!

Выдержать такое Петр, конечно, не мог, рискуя, он кинулся на автомат и выхватил у солдата повязки:

— Я сам...

Оксане, которой, кажется, еще ни разу в жизни никто не сказал грубого слова и которую внезапно ни за что ни про что оскорбили, представилось, что в эту минуту свершилось нечто непоправимое — с этой минуты надо было ждать еще чего-то, невообразимо чудовищного, спастись от чего можно только бегством! Она попятилась, повернулась, пошла на цыпочках — не от этих солдат, нет, от кого-то и чего-то неведомого. Раздалось угрожающее: «Стой!» — но она уже отключилась, а окрик лишь подстегнул мысль: «Бежать! Бежать!» — и она зашагала быстрей, быстрей — и снова: «Стой! Стой!» Тут Оксана пронзительно, дико взвизгнула, завопила, оглушая себя самое, и кинулась прочь, не разбирая пути.

Лязгнул затвор, рыжий солдат, следом Петр кинулись за Оксаной и опять:

— Стой! Стой! Стреляю!.. — И автоматная очередь вторично в этот день прогремела, однако и выстрелы не остановили Оксану — ведь страшнее того, что уже было, есть, будет отныне, быть не могло!.. Петр, бежавший за рыжим солдатом, тянувшим руку, чтобы схватить Оксану, догнал его, рывком толкнул, сшиб с ног и ухватил

Оксану за рукав, задерживая. Оксана неистово завопила, жалобно, как пойманная птица, забилась в его руках, вырываясь, царапаясь и крича в истерике, с визгом:

— Оставьте меня! Оставьте! Оставьте, оставьте, оставьте!

И мотала, трясла головой, и мокрое лицо ее было искажено ужасом, белые, выкаченные глаза безумно рыскали. Рядом, оторопело глядя на их борьбу, шумно дышали солдаты. Петру наконец удалось зажать Оксане руки, сдавить ее; Оксана еще подергалась, не узнавая Петра, молила со стоном:

— Пустите же! Пустите, пустите!

Потом внезапно сдалась, обмякла. Сделалось тихо, и в тишине этой, не нарушаемой больше человеком, послышались первые, пробные голоса птиц, снова раздались осторожные, короткие трели соловья, и Оксана, как бы очнувшаяся при первых вкрадчивых звуках, напоминавших о прежней земной жизни, вскинула голову. Узнала Петра, задержала на нем взгляд и повела в сторону, остановила на солдатах, проговорила дрожащим, прерывающимся голосом:

— Что?.. Что?.. Это... правда?

— Ты о чем? — боясь чего-то, спросил Петр.

— Это все п-п-правда?

И тут захохотали солдаты. Сначала рыжий, потом чернявый. Хохот их был столь неуместен, нелеп, столь неожидан, страшен, что Петр оглянулся в испуге.

— Попа-а-алась! Попались! — крикнул, радуясь чему-то, рыжий солдат и захохотал опять.

Петр отпустил Оксану, повернулся к солдатам в ярости.

— Проговорилась, проговорилась подружка твоя бешеная! — Все радовался и хохотал рыжий и вдруг оборвал хохот. — Она интересуется — отвечай: правда все это? Правда?

Дула автоматов были направлены на Петра и вынудили его сдержаться — он молчал, сжав зубы.

— Так что, она и не знала, что ты мародер?

— Может, и вправду не знала, — переводя взгляд с Петра на Оксану, поддержал чернявый. Вдруг шагнул к Петру, приблизив вплотную дуло автомата. — А где рюкзак? Рюкзак твой, спрашиваю, где?!

Но объемистый его рюкзак, сшитый из тонкого оранжевого брезента, был виден издали — ненужный никому,

лежал в траве далеко сзади. Об Оксане забыли на время все, и Оксана, уже утратившая, так внезапно, непонятно и страшно утратившая частицу своей жизни, не помнившая ни того, как бежала и гнались за нею, ни того, как ее настигли, и не знавшая о своем недавнем безумстве, водила растерянным взглядом по лицам кричавших солдат.

Был яркий весенний день, опять заливались вовсю соловьи и гудели, собирая цветочную пыльцу и нектар, пчелы; Оксана и Петр шли под конвоем, и лица у них и у конвоиров были наполовину закрыты марлей; и Оксана, плевшаяся покорно, безвольно, все была не в состоянии определить, где она и что с нею. На виду роскошных, дурманящих запахом садов они все вместе, вчетвером, пролезли сквозь кусты и наткнулись на сине-желтую омерзительную тушу, лежавшую в окровавленной траве с простреленным черепом и ощеренной пастью.

Оксана остановилась. Сначала ее поразил как бы впервые увиденный неправдоподобный вид этой твари, ее безобразный малиновый хвост и красный в остатках шерсти омерзительный зад. Да еще эта кровь и эта пасть!.. Потом Оксана стала припоминать что-то — глаза ее наполнялись недоумением и снова ужасом.

— Закопать надо, — раздался голос рыжего солдата, испугавший Оксану еще больше.

— После, — отозвался чернявый. — Сначала этих... После... А ну пошли! Вперед! — И повел дулом автомата.

Откуда и зачем здесь эти солдаты?.. Почему они их приняли за каких-то мародеров. Оксана быстро глянула на Петра с надеждой: сон, это сон? И смотрела на Петра, теряя от этой яви рассудок, — в глазах все копился ужас.

Петр тоже был испуган. Он тоже ничего не понимал в происходящем.

— А ну шагайте! Пошли! — грубо подтолкнула команда.

И они, под дулами автоматов, двинулись в сторону крытого грузовика с высоким тупым носом и мощными, тяжелыми колесами, стоявшего неподалеку в золотых лютиках. И им еще предстояло узнать о том, что волей судьбы они оказались в зоне радиоактивного поражения после катастрофы на ближайшей атомной электростанции.

●

В эпоху гласности и плюрализма мнений — как это ни удивительно, ни парадоксально! — журналы все реже и реже публикуют молодых писателей. Причина как будто ясна: в издательском деле стремительно развиваются рыночные отношения. Охотнее печатается «жареное и скандальное», до недавней поры запретное и не имевшее исхода, и все то, что способно поднять тираж, заставить раскошелиться читателя. И как итог — литературная смена, для которой даже во времена застоя создавался режим «наибольшего благоприятствования», оказалась ныне во многом обреченной на молчание.

Порожденное рынком, молчание мучительно затягивается, становясь все безысходней и надрывней. Пример тому — проза воронежца Г. Воробьева. Читатель в рассказе «Свалкоград» найдет элементы и фантасмагории, и антиутопии, и «жесткого» реализма и, встретившись с современными героями «подполья», оценит по достоинству, чем обеспокоен молодой писатель, вглядываясь в «теневые» стороны нашей жизни.

Геннадий ВОРОБЬЕВ

СВАЛКОГРАД

Рассказ

Венька Трюндикоф сидел на бочке из-под скипидарной смеси, заложив левую ногу под нижнюю часть своего мелкого тела, жевал табак и проводил свою философскую обструкцию так неоспоримо, что Никола Шмаро, мужик из бывшей околоточной стороны, с правым обрубленным когда-то в застолье ухом, таращил на него заплывший глаз.

— Тут, Николя, баба новая, говорят, арчубеевская. А ты к ней чухом попер, — наставлял первый. — Она генеральша. Видела таких-то. А ты? Ты, Николя, прости

за сравнение, пока мой первый министр по экономической части. И куда ж ты, Коля, стерва чернявая, полез, если она в нашем деле еще ни рыба ни мясо. Вкус, Николя, должон привиться. Это тебе о чем говорит? А так спугнем человека — уйдет. А она молодая баба, человек нужный.

— А за што она меня? Министр я или не министр? Я ж за извив души ее только взял. Внять пособленцем каким хотел. «Здорово, мамаша», — и сказал ей.

— Мамаша, да пока не ваша. Я-то вот к ней не полез сразу, недаром что председатель града, недаром, что мэр. Здесь, Колян, мусоропорядочная культура новая и закон свой требуется уразуметь. Что ж нам теперь, Николя, баб с порога отпугивать? Новые ж творцы!

— Ну ты, Веньямин Прохорович, даешь: «новые творцы». Это слова все. Сейчас мы вот чем возьмем — этим... что в утиль, этим — что в магазин. Построим свои фабрики, заводы, жизнь бу-у-де-ет! Будем лежать мы на отдельных полатях. Шалка, ба-боч-ки, строй-нень-кие... червивочка. Тут тебе и швяйцар по кличке половой: не угодно ли, ваша светлость, откушать или, мож, откупорить бутылочку? Не угодно ль выслушать... послов таких-то и таких-то принять. На какое дело замахнулись! Я тебе скажу, а?!

— Э-э, хлыстопогонные, тикай! Облава. Мильтоны яром идут. Передай дальше, — выскочила с сурчиной мордашкой Валька Бес и, сказав, скрылась в гущобах бурьянного моря.

— Фараоны...

— Лягавые?

— Шмаляй к первому сектору, предупреди всех завмагов и начальников отделов внешних и внутренних сношений, — дал указание Венька Трюндикоф и, спрятавшись в бочку, позвонил бригадиру внешних сношений.

— Сидоруха, ты? Какого... Сидоруха ты... не предупредил... Уволю, стервец, ты меня знаешь. Сволочь пьяная... Спать сегодня будешь с Дашкой-Переносчицей. Достукался... Легавые пришли.

— За что? — раздалось в трубке. — Только не с Переносчицей. Я вам, Прохорович, портвейчику поставлю... Только не с ней.

— Ладно. Две порции, и завтра. Сегодня прерываю связь. Фуражки идут...

Сто вымуштрованных, добела выбритых околоточных

солдат, спотыкаясь в заломах трав и вдыхая розовыми пузырьками альвеол жирный запах тленья, проваливались в самых изощренных лабиринтах мусора, прочесывая участок за участком.

Лазутчица-генеральша, а по делу «Царедворца Т» просто Клашка-Камса, продала всех с потрохами, заработав себе право отправиться наконец в страну золотых принцев. То есть куда-то к морю.

Легковерная Клашка-Камса немного подрассчиталась на этот раз, думая, что за три дня выведала все. По закопам этого града она была лишь в карантинном режиме, а значит, допускалась к самым поверхностным впечатлениям отдельных секторов, концернов, поверхностным установкам управления. Она, сидя у начальника, которому по рации передавали все новые и новые сведения о пустом Свалкограде, не ведала, как перед носами оцепников-солдат закрывались люди первого этажа града вечности. Клашка думала, что выведала все, показав и продав явки с землянками и шалашами. Она азимутно ошиблась, она ошиблась в самом политическом вопросе: хотела она того или нет, но она показала начальнику, по сути, лишь свою нишу, ее, Клашкину, но не града вечности. Ниши же других были для нее закрыты под тремя замками.

Она сидела перед хмурившимся начальником и начинала понимать, что надо было дать свои горнии чаши и еще... все-все нужно было дать, чтобы не звонили сейчас эти аппараты и не докладывали: сектор «а» — пусто, сектор «б» — никого нет, сектор «в» — цель не обнаружена.

Она ругала себя за неврастеническую чахотку невыдержанности: взяла и смазала в глаз самому министру. Он же ей так и сказал: я — министр! А она... Она, похоже, понимала, что проиграла. Похоже, понимал это и начальник. Он смотрел на нее уже без всякого удовлетворения, даже низменного, мужского. И она это тоже поняла и покраснела и, бухнувшись головой о дубовый стол, выкинула из натруженного ожиданием и самообманом тела слова, которые озадачили и удивили не только ее саму, но и начальника.

— Детей хочу, начальник, дай мне разрешение на взятие ребенка из детдома. Я уеду от этих подпольных крыс. Я не знаю, куда я уеду. Наверное, в деревню, в леса. Стану лесничихой или егерьшей. У меня прадед был лесником. Разреши...

— Детей тебе пока не положено. Самооправдаться должна. Самоокупление вины твоей жизнью должно произойти. Докажи, и мы постараемся войти в твое положение. Но, а пока... Ты не глухая вовсе и хорошо слышишь, что докладывают оттуда, откуда ты пришла.

— Да, я виновата. Да — виновата я... Ну вся виновата... Нате, нате, легавые мильтоны, щупайте, целуйте, нате, терзайте, швыряйте меня в любую из ваших кутузок. Ненавижу всех: вас, их, не их — всех-всех ненавижу. Ведь каждый мужик — это и есть, наверное, свалкоград. И мы, бабы, чахнем в вас, проклятых.

— Прекратите, гражданочка, свои истерики. Ефрейтор Гордеичев, позвоните начальнику поиска капитану Величко, пусть возвращаются.

— А я?

— Ступайте.

— Но куда я пойду?

— Работать, жить трудолюбивой будущей матерью. Вам ведь еще и тридцати нет. «Свалкоград». В голове у вас, гражданка Норываева, свалкоград. Потому и жизнь вся вам кажется такой. Одумайтесь. Пожалейте свою молодость.

* * *

День шел к упадку. Давно отшуршали изломами трав сапоги солдат, давно отгудели машины-мусоровозы. Скрылся за кустиками дальних горизонтов капитан Величко. Отпогонили часы мундирной облавы, стерлось все и смешалось с мусором. Все стало обыденным.

И когда зазвенели, затряслись звонкими песнями птицы в вечернем воздухе, поочередно, то тут, то там, стали открываться люки и показываться заспанные и позевывающие лица.

Первым из люка от ящика-мусороконтейнера вылез мэр города Вениамин Прохорович Трюндикоф. Он посмотрел на травки, на птичек, кормящихся на достатках мусора.

— И хорошо как!

Мэр, нагнувшись, взял блокнот с полочки и на странице, где были поставлены две черточки, обозначающие цифру II, написал: «17 июня 19... года. Свалкоград подвергся снова обыску. Солдаты в погонах шли строгой

цепью, но ничего не обнаружили. Пострадавших нет. Клашка-Камса, она же генеральша, дезертировала. Она, видно, гремучая, и навела легавых. Мы еще с ней посчитаемся. Время к ужину.

Писал мэр Свалкограда Вениамин Трюндикоф».

Полистав блокнотик, сев, между делом, снова на свою бочку из-под скипидарной смеси, Вениамин на третьей странице обнаружил устав града и решил прочитать его. Это требовалось делать всякий раз, когда город и его жителей ожидало нечто неприятное, как сейчас. И каждый раз нужно было сверяться с пунктами устава градожителей Свалкограда, все ли там написано из того, что могло бы помешать сохранности и суверенитету города и строю мыслей жителей, работающих и живущих в нем.

Трюндикоф читал:

«1) Свалкоград — своевольная система-колония, в арматурной части которой заложен весь уклад и вся подноготная любого государства и града человеческого.

2) В нем есть:

а) правители,

б) коммерческие отделы,

в) внутриполитические и внешнеполитические отделы,

г) рабочие.

3) В Свалкограде мужей и жен как таковых быть не должно. Каждый раз на ночь, исходя из пользы правителям и Свалкограду, он или она, может получать то худшего ранга партнера по ночи, то лучшего. Все зависит от личного усердия-вклада.

4) Внешняя политика. Самый ключевой момент нашего града. Агенты Свалкограда должны быть на всех предприятиях, заводах и фабриках государства Внешнего.

Агенты должны:

а) всячески вести дело к тому, чтобы в Свалкоград попадало больше хорошей продукции;

б) вести и разлагать соцконтроли и конторы, преграждающие вывоз хорошей продукции в наш Свалкоград вечности.

5) На доходы от сбыта свалкопродукции необходимо строить свою винную промышленность, увеселительный балаган в виде пивнухи-забегаловки, вербовать людей, создавать заговор и подготавливать переворот во Внешней стране.

Председатель Свалкограда вечности
В. П. Трюндикоф,

Министр по экономической части
Н. А. Задоркоф,
Министр по политической части
А. С. Зарорашко».

Но, подумав и хотев записать, что за измену интересам правительства и града требуется наказание, Вениамин Трюндикоф не написал этого, ибо все обошлось, и потом, было все-таки неизвестно: предали их, или все случилось само собой. Поэтому он снова сидел как ни в чем не бывало на бочке, поджав одну ногу, и размышлял, что бы ему такое свалкокультурное вкрутить слушателям Свалкограда на вечернем собрании. Но, ничего не придумав, отправился проверять крысодавилки, которые расставлялись из чувства открытой и самой враждебной конкуренции и вражды к серым животным.

Отпив червивочки и увлекшись в воображении крысиной ловлей, мэр был удовлетворен собой до краев. Причин для этого было, по крайней мере, две: первая — что все обошлось и на этот раз, а вторая — он видел, как его рабочие внутри его града ходят по кучам мусора и между редких машин собирают каждый свое: кто хлеб, кто бутылки, кто тряпки и бумагу, кто дерево и старые издания книг, кто металл и резину. Он знал привычную эту жизнь отделов и теперь радовался такому ходу. Он видел, как люди муравьями шли из его града во Внешний город продавать этому городу то, что вчера и сегодня он выбросил руками его агентов; он знал и то, и был привычен к этому, и не удивлялся, что из Внешнего города его люди принесут вина и колбасы, сыра и мяса. Он знал, что будет снова выслушивать упреки бригадиров по сбору сырья. Кто будет чем-то недоволен, кто, как всегда, нагловат и похитит две-три бутылочки вермутишки.

«Ай-яяй, эк стервы какие», — подумает мэр.

Он будет кидать задавленных крыс за хвосты в бурьян и ревниво присматривать, все ли идет так, как писано в уставе их града. А то возьмет и запишет: «Мариэтта С. после полудни не работала в общем строю, а занималась невыразимым делом с бригадиром К. Астаховым».

Посчитает минуты, выверит все и схемку черкнет: где, как и чего. А на вечерних посиделках-собраниях, выпьют когда все, он и скажет: «А ну-к, Николка, давай к Дашке-Переносчице ночевать».

И Колька Астахов, бригадир, поперхнется и посинеет кадыком. «За что, мэр?»
Но за мэра вступятся другие, когда-то пострадавшие: «Мы спали, а ты что — лучше нас, что ли?» А потом и бригадир, забыв тот вечер, подтвердит когда-нибудь: мы, мол, не хуже других.
Такие порядки в том граде.
Сейчас вечерняя зорька купалась отсветами красок в лицах трудяг этого града, равно как и в мусорке. Все в пригрешном нетерпении поглядывали в сторону трюндикофской бочки: нет ли знака о конце рабочего дня. До восьми часов оставалось пять минут.
Вениамин Трюндикоф заплошал в себе и забыл о своих людях. Он увлекся крысами, сгоняя на них пыл свой, перешедший от облавщиков-мильтонов, и сегодня, как никогда, был горд от двух дюжин отловленных отборных крыс. «Жрать будет кому меньше», — говорил вслух мэр и шел уже к последней давилке, когда из бурьяна — «чумовой косточкой тебя расшиби» — вынырнула все та же мордашка связной Вальки Беса.
— Венюш! Бяда.
— Чего?..
— Косой с особого отдела передал: на наш град идет сам старик Арчубей. Говорят, их подшухарили. Короче, их град разложили легавые — к нам идут.
— Когда дойдут, узнала?
— Не-е.
— Ну, узнай. А за хлыстопогонников давешний раз я тебе всыплю. А старик... Ух, сука! Я ему еще на нашей всемирной сходке говорил: смотри, выставляй агентов, дозоры — похеришь себя...
— Исто, исто... да еще я, Вениамин Прохорович, милай, в страхе вся в угорелом тогда-то была. Легавые идут — думаю, каюк нам всем. Ну ляпнула... хлыстопогонники. Прости, председатель Свалкограда, прости, мэр мой хороший. Я ж тебе кубинского табачного листика достану за это.
— Ладно. Зырь в оба. Не выпендривайтесь там. Глядеть за передвижением во все голоштанные бельмы. Куда идут, сколько их. Мож, они и не к нам еще идут.
— К нам, к нам. Косой бряхать не будет задарма. Он у легавых сводку видел и читал доносы с их града.
— Вот падл... народ пошел. Ни веры ему, ни...
Мэр града не договорил, ибо его пророческую речь затушевали удары железа, и воздух наполнился хрупкими кусочками расколотых звуков.
Вениамин Трюндикоф обернулся в сторону куч; он увидел, как двенадцать женщин его и мужчин стоят на краю трехэтажного мусора, стоят захудалым заборушком. Он будто хилым остатным частоколышком вознесся из мусора, и лучи заходящего ярила пронизывали этот забор и весело лились золотом сквозь щели поднятых рук, ведер, палок, сквозь ноги и тела, пошатывающиеся, усталые за день и от работы, и от тревог облавных часов.
— Эй-яяяй! Я ж забыл. Ну, все поняла?
— Все, мой председатель!
— Чеши.
Тут он подбежал к своей бочке и дернул за кончик бечевы. Откуда-то из бурьянных гущ выскочила голубем белая тряпица в воздух и повисла в трех метрах от земли, трепеща желтым в закатных лучах.
Удары стихли, и мелкий последний бисер металла от расколотых кусков звуков оседал на травы и на весь умиротворенный порядок нового земного заведения. Еще этот бисер лег с лихвой на крылья всполошенных птиц, и они, обрызганные им и напуганные, теперь поднимались вверх, галдели, закрывая просвет Свалкограда со стороны закатной полосы.
— Проклятые дармоеды, — ругался председатель. — Пятнадцать с половиной тысяч обжирателей.
Ружей в Свалкограде не полагалось иметь, чтобы не привлекать солдат. Поэтому с птицами поделать он ничего не мог. Но в зимние лишь, студеные деньки, когда лари Свалкограда были пусты, он ставил петли на черных птиц, ловил их и еще собирал беспомощных к полету, зажиревшихся на даровом подкорме, голубей. «Халявошники», — называл их председатель, крутил им головы и делал кулеш в городском котле.
В теплую пору, когда не только солнце, которое греет их веселый град, по установкам, открытым председателем, горящее якобы мусором всех планет, но и земля Свалкограда дышит тлением и дает сама газ и тепло, — в это счастливое стечение времени им, жителям, не нужны птицы и лишние заботы с ними. Люди все меняют и выменивают, покупают во Внешнем городе.
Ведь там, во Внешнем городе, живут дураки — объявлено на собрании председателем. Они не понимают, что солнце — это всего-навсего печь для мусоросжигания

внешнего топлива этих дураков вселенской силы и во вселенском размахе. Там живут дураки, ибо у них есть столько решеток-законов, что сидит человек за ними, как в темнице. А к естеству и телу человека надо подходить проще, говорилось на собрании. Там живут отъявленные мерзавцы, ибо они умудряются подтапливать себя какими-то дорогими горячими водами. Они барствующие мерзавцы, ибо не испытали всего прелестно-усладительного естества отопительной системы свалкоградожителей.

Лежит в чанах-рвах мусор Свалкограда, бродит, исходит яйцепорченым газом и теплом. Его отводят во вторые и третьи этажи — греются. Стоят тогда снега, а в солнце-печи угли от сожженного за лето добра холодны и только тлеют светом диска солнца, но не греют. А дураки во вселенском размахе готовят про запас свой мусор, чтобы дать тепло солнцу и оно чтоб дало дуракам урожай, который большой частью попадет в Свалкоград.

В том Внешнем городе в морозы студобойкие воробьи скачут на одной обмороженной ножке или замерзшим носом просяще стучат в стекло. На Свалкограде — простите-подвиньтесь, как сказывают бригадиры. По верхним отдушинам поют-тренькают председателю сверчки, поют, задыхаясь теплом, тренькают, не обращая на белый вид снежной дерюжки, лежащей в метре, внимания.

Но что, право, за морока взялась — вспоминать зиму, когда печи солнца еще так накалены.

Председатель сидит на бочке, ждет, когда к нему подойдет народ.

Он идет устало.

Председатель сидит по-мэровски: нога его, левая, подвернута, правая выставлена торчком в сторону. На остром коленце стоит локоток. Он стоит на коленце и держит пальцем склоненную голову председателя. Так вот всегда, как увидел когда-то себя таким Трюндикоф, так и держался в той позе в свое свободное время, как в поре первого ученического мечтания, когда только профессора кафедр («конечно, они дураки») позволяли держать себе таким манером локотки и нести в залы изречения из своих пришибленных и надутых снежной сединой голов. Он тогда еще начхать хотел, он тогда уже понял все: выше всех тот, кто может держать паузы, пить много бренди и ркацитель да держать так вот в задумчивости голову, подперевшись локотком и пальцем. Говорят, так держали свои головы самые лучшие философы

мира. Но знали ли они, нищие только своей философией, как приятно подпирать свою голову, представляя ее земным планетарным шариком. Как приятно ощущать, что там идут циклоны или стоят туманы, какие-то буксиры и пароходы дудят в море головного вина, куда-то им, чертям, неймется, спешат, удудукают, несутся. И лишь внешнее спокойствие самого обладателя такой планетарной головы говорило всегда всем, что обладатель почти святой человек, почти тот или уже тот, о ком каждый из них втайне мечтал. А как говорил всегда Трюндикоф! Как изображал профессоров и как могущественно и красочно наводил туманы подле сидящих корешей! Всем от этого думалось, что они также не так себе, а живут в размерах и в порядке планетарных бурь, а значит, живут весело и не зря. К этому давно приучился народ. Он застает его в застывшей позе и сейчас, он затихает, все смотрят с потертым, поношенным чувством восхищения.

Все тихо... Очень тихо. Еще тише... Все замерло. Зажмурилось солнце, ветер-подлючок — и тот собакой лежит подле канавки, уставился в председателя. Вселенная замерла. И — ну не черт побери! А?

Эти визгливые стрижи. Надо было им налететь: дети у них голодные сидят, а тут мух и мошек миллиарды. И что? Ну не сволочи.

Проносятся они ядовитыми тенями, жалят своими красными ртами воздух градов, пищат очертенело.

«Кшш», — тихо наконец раздается в толпе. «Пшли»,— отзывает робкий голос. «Суки ядовитые». «Тараканьи ханурики». «Чыши-ши, тихо!»

Молчание.

«Кш», — сволочат тихо и свалкоусто птиц. «У-у... глисты в подневальном корсете». «Хавальники раззявили». «Не ругайтесь вы». «А ты не толкайся». «Тебе нужно?» «А ты чего лезешь?» «Сам ты таракан беременный». «А ну, ударь?!» «Я тебе, так ее...» «Ну, падлы — тихо: председатель думает». «Чш-щ-щ ти-хо-о-о».

Очень все тихо. Ветер лежит загнанной собакой с высунувшимся языком. Вселенская загадочность гуляет по челу председателя. Дума наконец начинает беспокоить председателя, и он понимает, что надо думать и что-то свалкокультурное сказать о донесении Вальки Беса. И поднимает шершавое и худое, мученически страждущее лицо.

— Господа мои поверенные! Наша мусорокультура и

долг состоят в едином ряду и желают порвать все связи с внешним миром в той ее части, которая касается нашего града по части субъельдигенций и отправного консфармизма. Мы консфармизм и субъельдигенцию принять не можем. В сути и по совести тела. Легавые ловют наших братьев... Надо силиться и клясться моим адамовым хрящиком!

— Бра-во! — зарукоплескали женщины. — Класс! Вообще — класс...

— Да, когда я забыл вас позвать с работы в урочный час, я был весь в думах. Валька Бес принесла новостюху, что к нам идет со своими людьми старина Арчубей. Мы должны решить: будем ли мы их принимать, или лишний народ привлечет к нам новых солдат?!

Тогда мы погибнем. Сила наша, я вам говорю, в том, что мы разрознены, что нас мало, но штамп нашего миропорядка есть почти в каждом руководителе, кто живет во Внешнем городе. И лишь эта малая часть сохраняет равновесие и питает нас. Не будь ее, нас обозвали бы массовой злодейкой — силой и стерли б. Стерли б и руководителей, кто питает нас. Но легавые так просто нас не сотрут. Мы и наши порядки Свалкограда, повторяю, в каждом руководителе, и у легавых фараонов они есть. Сидят-поживают.

Теперь, говорю я вам, мы стоим перед большой опасностью слияния с жителями града Арчубея. Тотчас, как мы сольемся, нас заметят и уничтожат.

— Браво председателю!

— Качать мэра!

— Целовать отца, министра будущей Свалковселенной!

— Тихо, мои подданные! Сейчас придут министры, и мы посовещаемся. Встреча наша состоится как всегда — в девять. Закажите больше вина и сигар. Дело надвигается тухлое. Я бы сказал даже, вонючее дело. У старины Арчубея двадцать пять душ, а у меня — восемнадцать. Правда, их душ несколько мильтоны похерили по кэпэзушкам. Это нам на руку. Но война может быть. Надо быть и к этому уготовленным вполне. Идите...

Стрижи летали, жадно и поспешно выхватывая из града и тепла закаты мушек, набивали рот и летели во Внешний город.

Ветер, ошалев от сказанного, поволок себя меж овражков и заполз куда-то в мусор — издох. Жители града расходились по землянкам и летним шалашам. Они походя кормили бродячих сторожевых псов отходами, и псы любили этих людей, были преданы и обливали за это самым злым лаем любого из пришельцев.

Председатель Трюндикоф сидел по-прежнему на бочке, чесал нос, еще он ждал вестей из Внешнего города. Куда-то запропастился министр по экономической части Николка Шмаро. «Ворует где-нибудь, как всегда. Но пусть попадется, подлюка, я ему второй фингал под глазом зажгу, чтоб лучше освещал идеалы нашей мусорокультурной жизни, а не воровал, не шарил где не дозволено. Еще легавых, язва соленая, наведет».

Оставалось каких-то полчаса до застолья-повалки, когда Вениамин Трюндикоф позвонил министру по политической части.

— Сашенций, ты?

— На проводе министр по политической части Свалкограда, руководимого мэром Трюндикофым.

— Сашенций, спасибо за чины, но дело темное намечается. Арчубей к нам идет. Ты не мог бы легавых навести на их след? Пусть хапанут. А то свара выйдет. Наш град не вместит их кодлу. Всех, понимаешь, повяжут. Крышка придет нашей империи. Если ты сделаешь, Сашенций, все как надо, назначу тебя первым своим заместителем, когда стану царедворцем всея вселенной. Будешь в золоте, Сань, ходить. Портвейну и червивки бочками буду подносить.

— Усек. Постараюсь своих фараонов натравить. Скажи координаты.

— Идут с юго-запада долиной, думаю, что сейчас они в квадратах Кв-2, Ми-6. У них три обоза, два коренника гнедой масти, остальные пристяжные, кобыленка-молодуха.

— Заметано.

— Теперь такое...

— Нет, ты послушай... Подошел срок. Нужно платить годовой налог Председателю Внешнего города. Прослышал он, что мы хорошо заработали на индийском чае, который нам списали с фабрики.

— Сколько просит?

— На два куска больше.

— Что, десять тысяч?

— И ни копейки меньше. Так он говорит.

— Ну, хорошш-ш... Ладно. А ты передал ему мою прокламацию о величии новой мусорокультуры?

— Через особый отдел.
— Ты сказал, что в будущем нам необходимо слиться?
— Как же.
— А он?
— Он сказал: там видно будет.
— Куда собирается смотреть, ты спросил у него? Припугнул его, что, если он не согласится, мы передадим дело в руки его же правосудия?
— Да. Я так и сказал.
— Что он?
— Он говорит: не надо угроз и давить не надо. Все к этому, то есть слиянию, и идет.
— Ты сказал, что он будет не последним человеком при царедворце Трюндикофе?
— Да. Но он сам хочет быть царедворцем, но Свалкопланеты.
— Он дохляк! Так и передай с деньгами. Он еще попляшет розовыми пяточками по моим мусорным кучам со стеклышком. Все. Связь заканчиваю. В девять — застолье.
Ровно в девять началось застолье.

* * *

А она шла и опаздывала к завалке.
Худые ее ноги подгибались, и Дашка-Переносчица валилась в траву или мусор, обдирая коленки и локти.
У пятидесятипятилетней бутылосборочной Дашки были запеченные от газовых паров лицо и руки. Запечены больше, чем у других. Она больше любила портвейн, и меньше ей уже доставалось мужчин. Напившись, она падала на газовые горелки свалкоотдушин, и газ изнутри и тепло еще так из года в год надули и обветрили Дашкино лицо и тело, что никто с ней не соглашался спать добровольно и какой год мэр Свалкограда держит ее для устрашения своих подданных.
Сегодня ее с бутылками зашухарили погонники, и она хотела рвать когти, но ей не удалось. И лишь вечером ее отпустил молоденький лейтенант Сидарюк.
Она не заслужила сегодняшнюю еду и вино. Ибо деньги ее за собранные бутылки были уплачены штрафом. Она шла, растрепав волосы, к своим градожителям, кляня жизнь и жалея себя. Кто, как не такие же, как эти мильтоны и начальники из Внешнего города, сгубили ее молодость, испили, исшарили, обласкали ее красивую всю, гладкую, сытую, кто, как не они, обтерли, измызгали и выпили ее. Камень стирается, железо! А человек...
И идет от того она сухая, жалеет себя, идет капнуть слезой перед завальщиками, но подпеченные веки закупорили дыхлица слезных протоков. Тужится она в жалости, лопочет, сучит ручками-стебельками, ей хочется идти беспресталь, ей хочется уйти в сам воздух и умереть в нем, рассыпаться, пылью развеяться, ей хочется сбросить прядки седых волос и пустить паутинами, как в бабье лето.
Не те ли волосы, не таких же Дашек, носятся в сентябре по просторам полей паутинами? И не те ли жирносытые паучки, умирая человеком, и тут катаются последней метаморфозой на седом волосе утративших тоже человеческую жизнь, бывших хорошеньких женщин, чтобы в последнем превращении долететь, присосавшись на волосе, до райской кущи — того же Свалкограда, где много всяких мух и гнилостного тепла.
Идет, идет она и лопочет. Она знает, она чувствует, что может пережить еще очень мало зим. Вот тогда-то она по чистым дорожкам осени вознесется и убежит к своим родителям, похороненным уже очень давно. Но она будет видеть их и будет бежать к ним любимой Дашенькой, с распростертыми ручками будет бежать и с таким тонким голоском! Обнимет она своего папулю, зажмет ручками его жилистую шею, и он унесет ее, унесет сквозь опушки лесов, потом выше; он поднимется с ней на крылечко их дома, внесет заспанную во второй этаж и выше — мезонинную комнатку с портретами ученых и писателей. Он положит ее в беленькую кроватку, и она последний раз почувствует, как маленький лучик коснется теплом ее щеки, и она отвернется, поверив, что, проснувшись наутро, она снова примет в свои ладони этот бесконечный мир и рассыплет его по двору своим детским счастьем и затаенной верой.
Она шла и видела... Она подходила к подвечернему шатрищу ее градожителей, ставших ей целым знаком, запеченным на лице и руках.
Дашка слышала.
— Переносчица идет...
— Хватанула где-то... Шатается.
Она подошла к мэру, стала на колени, подняла юбку.
Мэр, отец Свалкограда, был расположен к жалости, он

выпил пять стаканов и думал давно об Арчубее, потому он лишь для вида больше стеганул прутиком по костям и сказал:

— Довольно. Не до того. Выпей, Дашка! Арчубей идет на нас.

Дашка, поправив юбку, повалилась к сидящим, и те перестали больше замечать ее.

И, вот когда улетели из Свалкограда коршуны и кьякающие канюки, подбирающие больных птиц и прочих животных на обильном добре града, а на смену им вылетели ночные сычи и бесшумные неясыти, когда тление мусора и обеденный самовозгораемый пожар сам собой сожрал все газеты и журналы, все хитрые силы журналистов и писателей, когда этот маленький пожарик сам утих и лишь переливался, как и закат отдаленной похожестью огня, Вениамин Прохорович решил уединиться и пройти, может быть, перед последним боем, по всем этажам Свалкограда.

На всякий случай с министром по экономической части он еще перед девятью часами, когда тот все же пришел, сделал философскую запись для прочтения у костра. Он, достав блокнот с текстом за двумя подписями, читал:

«Уважаемые!!! Великая миссия усмешки жизни над человеком и моего учения... сбылись, слившись воедино. Мы провознесли мусорокультурой то, что уже распространилось от маленького зерна до тележного колеса в каждом из градожителей планеты. Они стали пахарями нашего вольного хлеба. Пусть же всегда в них торжествуют мечты и принципы нашего Свалкограда. Но, но... Пусть торжествуют в маленьком и среднем размерах и только в нас, избранных, они могут существовать в размерах таких великих, как самая черная дыра во Вселенной. Так как мы перешли к новой форме рабства, когда только мы, избранные, можем управлять и жить за счет этих многочисленных рабов».

На этом Трюндикоф закончил свою речь и ушел.

Открыв особый люк, по винтовой лестнице он спустился — сразу на третий, последний этаж.

На улицах уже висели горящие фонари, в скверах и парках, по которым прошелся Трюндикоф, под музыку корчились и терлись друг об друга, как рыба при икрометании, молодые.

Все было радостным глазу. А главное — воздух был чист: ничто не выдавало плохой жизни.

На улице Космической Трюндикоф зашел в угольный дом, поднялся на второй этаж, позвонил.

Долго не открывали.

— Ба! Вениамин Прохорович! — неискренне удивился самый счастливый и всевышний человек этого города. — Зачем вы пришли? Ты же рискуешь...

— Вы получили деньги, па-па!

— Тчш-ш... Тише, пожалуйста, мои ложатся спать. Получил, получил.

— А я не могу сегодня уснуть. Эти пижоны угорелые...

— Фу-у... Вениамин Прохорович, Вениамин Прохорович. Вы, интеллигентный человек, с высшим неоконченным... И такие слова!

— Я говорю — прикрой меня на всякий случай: Арчубей идет! Если его не повяжут в обрыве, то завтра... он будет у нас. Свара может выйти.

— Чем же и как я могу прикрыть тебя? Пустить наряд милиции? Так они заодно и тебя...

— Но меня застукают и до тебя ниточки могут...

— Пугаешь, выползок? Ты, недоучка, которого я кормлю со своего стола, ты... Угрожать? Да на каком божьем суде ты докажешь, что ты и я чем-то связаны? Кто ты, а кто я?! Дурень! Тебе не поверит даже школьник, я не говорю о прокуроре. В общем, так. Крутись сам. Лозунги пишешь — ума хватает. А мне спать надо.

— Спи-и-и... ну-ну... Спи-и-и... па-па!

Трюндикоф повернулся и ушел.

Он поднялся по лестнице вверх и выглянул из люка: люди его гуляли. Две молодые бабы стояли в комбинезонах и смотрели, как огни Внешнего города доносят до них свет иллюзии их вчерашней жизни.

«С правой, Светоотступницей, надо сегодня мне лечь», — подумал Трюндикоф и всмотрелся, чем же занимаются его градожители: играли в карты, двое... ух, подлецы... Переносчица спала пьяным сном. Два министра в обнимку сидели и разбирали, похоже, речь, сказанную мэром Трюндикофым.

Издалека трещали сверчки. Небо было звездным.

А Трюндикоф уже не надеялся, что Арчубея задержит облава. Он позвонил дозорным и приказал больше не кормить сторожевых собак, велев подготовить колья и кастеты. А сам спустился на первый этаж в библиотеку.

Он вновь и вновь допоздна изучал монографию «Волки».

Затем спал и видел себя вожаком волчьей стаи. Он, матерык, стоит у Свалкограда на бугре. За ним — вся стая. Вдруг он прижимает уши, кто-то сверху ему тихо говорит: «Приемы волчьих охот позволяют волку успешно добывать как диких, так и домашних животных, действуя в одиночку, малой группой или стаей, они могут использовать особенности местности, жизненный уклад человека, физические, экологические и поведенческие особенности жертв. Богатство охотничьих приемов — одна из главных причин необычайной экологической пластичности волка, способности выдерживать интенсивное преследование. Охотничьи приемы...»

«Ага... гы... р-р-р... что там за приемы у Арчубея», — думает вожак.

«...они зависят от опытности зверей, размеров стаи, наличия падали и других бросовых кормов, состава жертв и природных особенностей местности».

Трюндикоф проснулся. Гадость! Сволочь!.. сны... Светоотступницу, что ли, позвать... А Арчубей, должно быть, близко. Два часа стучали дубинки. Два часа бабы таскали друг друга за волосы; два часа их зачеркивала и раз, и два, и десять тень коршунов и канюков; два часа лилась кровь и мусор усыпался зубами и рваными клочьями одежд; два часа сначала брехали, а потом, словно взбесившись, драли друг дружку собаки пришельцев и урожденные в этом Свалкограде; и два часа, что за время такое, два часа, как много-много лет, лежала сухонькой паутинкой убитая Дашка-Переносчица.

Ее убили сразу, когда она хотела вцепиться в молодой еще волос одной пришедшей бабенки, ее убили кастетом в висок.

Она лежала уже третий час, а ветер забрасывал ее колбасными бумажками, фольгой, газетными обрывками. Казалось, лишь он жалостно собирался схоронить ее, что она нужна одному ему.

Они, все они, давно бы убили друг друга, но они были слабы сделать этот необходимый для продления каждым из них своей жизни акт, они были немощны, потерявшие злость и цель; они ползали уже друг подле друга и пинали, и выкручивали уши, они давно потеряли кастеты, как потеряли по три, по четыре человека с каждой стороны — уже как борцов; потеряли они и дубинки. И все ползали на карачках, уже не вставали.

В исходящей злости рвали друг на дружке нижнюю одежду, тыкали пальцами и кулаками в ребра и глазницы, ломали пальцы и орали. Они дрались, лежа на самых кучах мусора, они сдирали друг с друга последние одежды и кожу, и ладонями били, устали ругаться и плакать. Они извивались, все голые, и уже отталкивали себя руками и ногами друг от друга. Они не видели, кого отталкивают, а отталкивали просто из последней умирающей ненависти друг к другу.

И как жалко смотрелись, мелькали и переливались полные женские молодые груди и спины девиц! Их неизведанные остатки, где сидела печаль по детям, жадно попирало солнце.

Люди извивались, втираясь в мусор, они извивались, ненавидя это солнце — вселенскую печь, где топят мусором, отходами городов и планет; они ненавидели и уползали в глубь трудового человеческого мусора, уже не видя один другого, уже согласные на все. Пролетающие птицы долго не могли сесть на место их драки, а потом и они успокоились. Правда, их полчаса назад вспугнули пять-шесть полуголых человек, выползших, вставших еле-еле на ноги.

Люди уходили от этого места подальше, потому что с горки уже ехали первые машины с мусоропродуктами. Они шли, колыхаясь маревом, в воздухе, они уходили, еще сами не зная куда.

г. Воронеж, 1987

СТИХИ РЯЗАНСКИХ ПОЭТОВ

Анатолий СЕНИН

* * *

Взял карту —
нет моей деревни.
Хожу расстроен,
зол и хмур.
На карте
нет моей деревни,
Как будто нет
Деревни Ур.
Выходит, и уже не урский,
А уроженец мест окрест.
А завтра скажут,
Что не русский,
А просто житель
Этих мест.

Александр АРХИПОВ

ПЕСНЬ О ПЕТУХЕ

Он вспыхивает, словно порох,
Рябой сосед стремится в бой,
И он берет рябого в шпоры,
Лишь пух взлетает за взбой!
С веселым вскриком у сарая
Он изливает страсть свою,
Я так задорно не сыграю,
Я так азартно не спою!
Он смотрит взором ястребиным,
Костром сверкает в ясный день,

И носит, словно гроздь рябины,
Багряный гребень набекрень!

Он нараспашку, без оглядки
Влюблен в размашистую жизнь.
Вокруг пеструшки да хохлатки.
Так — выше голова держись!

Он красит Русь — душа простая.
Искрится жаром на ветру.
И с песней сразу вырастает
Среди собратьев по перу!

По мне поэты — не поэты
Без ярких песенных стихов,
По мне рассветы — не рассветы
Без голосистых петухов.

На сельский быт не наглядеться,
И мне захватывает дух
Цветной петух на полотенце
И на избе резной петух!

Татьяна КРАСНОВА

* * *

Это сколько ж нужно человеку!
Ради ль завтра нынче мы грешим!
Жизнь — река. Спешим загадить реку
И до капли вычерпать спешим.
Наших рек хватило бы надолго,
Но теперь осталось на пока.
Посмотрите, как мельчает Волга,
Или как безрыбствует Ока.
Мало! Мало! Нам привычно хапать!
Тянем жилы из бесплодных недр.
А среди тайги, повесив лапы,
Над последней шишкой стонет кедр —
Уж и та, поди, отсохнет скоро.
Мы, цивилизации рабы,
Рубим лес отчаянно и споро,
Будто срочно делаем гробы
Для родимых детушек я внуков —
Ну и дух же прет от потных роб!
И еще, кладя па сердце руку,
Всяк из нас в мечтах желает, чтоб
От внучка бы правнук народился
Да, с восторгом выкрикнув «ура!»,
Встал на землю и не провалился
Сквозь нее до самого ядра.

Владимир ХОМЯКОВ

ТРАВОСТОЙ

Какой сегодня травостой!
А вот косить кому охота?
И, чтоб видна была работа,
мы пригласили смерть с косой.

И смерть в деревню к нам пришла,
насчет деньги договорилась.
А утром на луга явилась —
и начала свои дела.

Ах, как работает завидно!
Не то, что наши косари:
и от зари и до зари
в труде — и отдыха не видно.

Ни перерыва на обед,
ни передышки не попросит.
Уж на лугах травинки нет —
а смерть все косит,
косит,
косит...

ОСЕНЬЮ

Луны осенней точный полукруг,
и тишина блаженна и огромна,
и ясен, и протяжен каждый звук,
и ветка в роще каждая подробна...

И в скором ощущении зимы
следит природа вещими глазами,
как русских изб
высокие дымы
общаются с ночными небесами.

Лидия НЕФЕДОВА

* * *

Всем хватит на земле живой воды.
Но родники, как дети, беззащитны.
Затягивает плесенью пруды:
Их в копоть, как в темницы, заточили.

Мой светлый край!
Тебя не узнаю.
Там, где поляны были, — кучи хлама.
Как сорняки, в твоем лесном раю
Плодятся расточители и хамы.
Ты добр пока к заезжим господам,
По-русски хлебосолен и размашист,
Пока еще глубинок чистота
Сияет белой россыпью ромашек.
Мой светлый край!
Но как тебя спасти?
Какой охранной грамоты добиться?
Лес рубят. И хребет ствола хрустит.
И с криком покидают гнезда птицы.

Валерий АВДЕЕВ

* * *

Город вытопил, выпарил снеги —
По решеткам ручьи не журчат,
А в деревне пока что побеги
Ивняка из сугробов торчат.

Город выкатил бочки квасные
И жует огурцы парников.
А в деревне в уделы лесные
Не пробраться по хляби лугов.

На проспектах почти уже лето —
А деревня все миртом живет,
Будто это другая планета
И в круженье своем отстает.

И насмешливо щурится город,
Как влезает в трамвайный галдеж
Шубняка пропотевшего ворот,
И ушанка, и пара калош...

* * *

В лесу, как в новом доме, гулко,
А воздух с множеством приправ,
И шляпки белых, точно булки,
Глядят заманчиво из трав!
На дне оврага голосисты
Все птицы,
Вьет узоры хвощ,
А на обрыве так росисто
Стоят березы, точно дождь!

У сыроежки в рюмке красной —
Росы прозрачное вино,
Приляг, напейся — безопасно:
Не ядовитое оно,
Но так пьянит, что сладу нету!..
Вон снова рюмочка полна...
Зачем же я бродил по свету,
Ища заморского вина?
Ходил-бродил — похвастать нечем
И вот с седою головой,
Утрат морщинами отмечен,
Лежу на кочке моховой,
И понимаю: воздух светел
Лишь только здесь,
В родной глуши...
Ах, сколько брошено на ветер
Невосполнимых сил души!
Ах, сколько лет невосполнимых
Замято суетой сует!..
А вот он, ясный, а не мнимый,
Между ветвей желанный свет!

Бернардо ГИМАРАИНС

РАБЫНЯ ИЗАУРА

Роман

«Рабыня Изаура» стала необычайно популярна в нашей стране после показа на ЦТ одноименного телесериала в прошлом году, что далеко не случайно: сценарий по мотивам «Рабыни» создавали кинодраматурги, изощренные в умении угодить современному зрителю, который истосковался по хитросплетениям романтических любовных историй, а сам роман написан в расчете на сентиментального старинного читателя. Тут стоит вспомнить, что «Рабыня Изаура» воспринималась в XIX веке как бразильский вариант «Хижины дяди Тома». Автор романа Бернардо Гимараинс (1825—1884), выходец из известной в Бразилии литературной семьи, завоевал популярность своими произведениями, среди которых наиболее известна «Рабыня Изаура», написанная в 1875 году. Сегодняшнему читателю многое покажется непривычным в данном романе: и неспешное развитие сюжета, и выспренность диалогов героев, и орнаментальность фразы, и желание автора не раз вернуться к одним и тем же мыслям, особенно дорогим для него. И тем не менее читатель не пройдет мимо возвышенного и сентиментального романтизма, столь привлекательного и в популярном телесериале.

ГЛАВА I

Наша история случилась давно, в первые годы славного царствования Педру II *.

В плодоносном и богатом округе Кампус ди Гойтаказес, на берегу реки Параиба, в окрестностях городка Кампус приютилась прелестная фазенда.

Просторное здание, радовавшее глаз изяществом классических линий, расположилось в живописнейшей долине у подножия кряжистых, утопавших в пышной зелени холмов. Топор земледельца еще не успел разрушить их первозданную прелесть. Куда ни кинь взгляд, природа простиралась во всей необузданной, девственной красе, хотя вокруг нашей фазенды дикая сельва усилиями трудолюбивых сынов человеческих превратилась в восхитительные цветники и фруктовые сады, тучные пастбища и изобильные луга, окаймленные исполинскими гамелейрами, развесистыми перобатами, вековыми кедрами и курчавыми копаибами — живыми свидетелями могучего царства древ доисторической эпохи. Гармонию пейзажа не портили ни стена, ни ограды, ни земляная насыпь, что чуть проглядывали за изумрудной зеленью обильно цветущих живых изгородей из стройного бамбука, сочной агавы, колючего терновника и бальзамической мирты, переплетенных змейками упругих лиан — изгороди разделяли цветник, сад, огороды, пастбища и окрестные плантации. Забреди в сей уголок случайный путник, его взору открылось бы столь прекрасное зрелище, столь мирная пасторальная картина, словно он очутился в райском саду.

Фасад изящной усадьбы с двумя флигелями смотрел на холмы. Обсаженная кустами дорожка упиралась в каменную лестницу, которая взбиралась уступами по шесть-семь ступенек на беломраморное крыльцо с колоннами, сплошь увитое нежными побегами и пестрыми гирляндами орхидей. На задворках фазенды за подсобными помещениями и внутренними двориками лепились сензалы **, тут и там виднелись загоны для скота и амбары, за которыми пестрел цветник, а далее раскинулся огромный фруктовый сад, протянувшийся до обрывистой крутизны широкой реки.

Стоял тихий и ласковый октябрьский вечер. Солнце медленно клонилось к закату. Казалось, что золотистое наливное яблочко погружается в переливающуюся бархатистую пену, обрамленную паутиной тончайших нитей. Легкий ветерок, доносящий таинственные ароматы, едва заметно шевелил листву деревьев по берегам Параибы и ерошил макушки кокосовых пальм.

Вечер был чудный. Радужная зелень так и искрилась свежестью после недавнего дождя; серебристо-зеленые воды реки, еще не замутненные сезонными разливами, величаво катились вдоль крутых берегов, отражая великолепие чистого неба, пышность палитры горизонта и пятнистую зелень старинных деревьев. Утомившиеся от нескончаемых порханий по окрестным садам, лугам и балседо * птахи уже выводили первые предзакатные трели.

Последние лучи умирающего солнца, озарявшие застекленные окна фазенды, создавали иллюзию пожара — казалось, вот-вот шершавые языки пламени вырвутся на свободу, и усадьба вспыхнет в гигантском костре. Но на самом деле внутри и снаружи царило полное умиротворение. Грозные могучие быки и лоснящиеся ухоженные бычки разлеглись на лугу, нежась под сенью старинных деревьев, и лениво пережевывали жвачку. С подворья, где суетилась домашняя птица, слышалось квохтанье и кудахтанье, за амбарами блеяли овцы, мычали коровы, вдоволь нащипавшись сочной травки, но почему-то среди сумбурной многоголосицы не слышно было человеческих голосов. Усадьба казалась совершенно безлюдной. Разве что приотворенные окна гостиной, выходящие на фасад, да распахнутая настежь входная дверь свидетельствовали о том, что дом обитаем.

Как раз в этот момент в гостиной ожили клавиши рояля, нежные грустные звуки которого удивительно и волнующе сливались с трепетным и ясным женским голосом, поразительно страстным и искренним, выводящим печальный мотив.

Даже приглушенное стенами, пение было такое наполненное и глубокое, что позволяло судить о незаурядном вокальном дарований неведомой певицы. В тягучей мелодии и голосе ощущались плач и надрывная тоска, словно стенания закручинившейся души. Казалось, все вокруг замерло и, затаив дыхание, внимало завораживающе льющимся звукам копла **. Прислушаемся к песне и мы.

С колыбели детской
Я живу рабою,
Плачу и горюю
Над своей судьбою,
Над своею долей —
Плетью да неволей.

---

* Педру II (1825—1891) — император Бразилии в 1831—1889 гг. (здесь и далее прим. перев.).

** Сензала — лачуга, жилище негров-рабов в Бразилии.

* Балседо — заболоченная местность с обильной растительностью.

** Копла (браз.). — первоначально строфа из стихотворных стоп в семь или менее слогов. Позже стала использоваться в народном творчестве.

Жизнь моя в оковах,
И глаза, и руки,
И никто не в силах
Мне облегчить муки.
Суждено в молчанье
Сердцу угасанье.

Лишь простор равнины
Для цветка не тесен.
Только на свободе
Птенчик божий весел.
Только для рабыни
Нет любви и песен.

Так уйми гордыню,
Не пытай терпенья —
Плач для господина
Хуже преступленья.
Жизнь твоя и сердце —
Все в его владенье *.

Какой сирене мог принадлежать этот удивительно чистый и вместе с тем столь властно притягивающий, манящий голос? Или, может, не сирене, а ангелу, спустившемуся с небес?

Давайте же взойдем по ступенькам на мраморное крыльцо, увитое пышными гирляндами цветущих орхидей и безо всяких церемоний проникнем в чертог через распахнутую дверь. Миновав прихожую, свернем направо в просторную, роскошно обставленную валу — гостиную. Посреди залы в одиночестве за роялем — стройная девушка поразительной красоты. Точеные линии профиля, оттеняемые черными как смоль прядями волос, выделялись на фоне полированного дерева, словно на изысканной камее. Разум отказывался воспринимать столь сверхъестественную чистоту и изящество форм, завораживающих взор. А божественная кожа цвета слоновой кости? А трепетная грудь античной богини? Стройная шея, словно изваянная резцом старого мастера? Казалось, сам Господь создал это чудо. Распущенные густые волосы волнами ниспадали на плечи, скрывая бахромой вороненых завитков спинку стула. На гладком, как полированный мрамор, челе розовел таинственный свет от алебастрового светильника, словно олицетворяя прозрачный огонь божественного вдохновения. Лицо мадонны было обращено к окну, затуманенный взгляд рассеивался.

Очарование девушки оттенялось простотой, даже бедностью наряда. Пастельно-голубое ситцевое платье туго обхватывало тончайшую талию и струилось вниз широкими складками. Единственным украшением девушки был маленький агатовый крестик, висящий на черной ленте на шее.

* Перевод А. Б. Ртенева.

Закончив петь, девушка, не отнимая пальцев от клавиатуры рояля, словно вслушивалась в затихавшие печальные вздохи.

В этот миг колыхнулась муслиновая портьера одной из внутренних дверей, и в гостиной возникло новое действующее лицо. Вошедшая молодая дама была хорошо сложена, элегантна и весьма недурна собой. Роскошное, но вычурное платье, гордая осанка, величественная, но чуть жеманная поступь и томность движений придавали ее облику манерность, что так свойственна многим богатым и привлекательным женщинам высшего света. Поразительно, но все великолепие гранд-дамы сразу померкло рядом с чистой благородной простотой и скромностью певицы. Правда, отдадим ей должное, Малвина (так звали вошедшую), хотя и гордилась своей внешностью и высоким положением, обладала добрым сердцем, и глаза ее, голубые, как прозрачное июльское небо, тоже светились теплом и лаской.

Малвина неслышной поступью приблизилась к певице и остановилась у нее за спиной, ожидая, пока не растворится в воздухе последнее эхо печальной мелодии.

— Изаура!.. — тонкая рука мягко легла на плечо певицы.

— О, это вы, сеньора? — пролепетала застигнутая врасплох Изаура. — Простите, я не знала, что вы здесь.

— А что в этом дурного? Не пугайся, продолжай петь... У тебя такой красивый голос!.. Хотя я предпочла бы, чтобы ты спела что-нибудь другое. И почему тебе так нравится эта мрачная песня? Она меня в тоску вгоняет.

— Я люблю эту песню, сеньора, она такая чудесная и... простите, я не смею сказать.

— Отчего же? Говори, Изаура. Сколько раз я тебе твердила, чтобы ты ничего от меня не скрывала, ведь я желаю тебе только добра...

— Эта песня, сеньора, напоминает мне о моей матушке. Ведь я ее совсем не знала, бедняжку! Но, если вам эта песня не по душе, я больше не стану ее петь.

— Да, Изаура, уж сделай милость, а то у меня от нее мурашки ползут. От этих слов можно подумать, что с тобой тут дурно обращаются, что ты несчастная рабыня, жертва коварных и жестоких господ. А ведь живешь ты здесь припеваючи, на зависть многим свободным. Твои господа в тебе души не чают. Какое образование тебе дали — не всякая богатая дама может о таком мечтать! Ты хорошенькая, и у тебя такая светлая кожа, что никому и в голову не придет заподозрить в твоих жилах хоть каплю негритянской крови. Спасибо моей славной свекрови, ко-

торая незадолго до кончины так расхвалила тебя мне и моему мужу. Да, святая была женщина; это целиком ее заслуга, что я скорее подруга тебе, чем госпожа. Только, Бога ради, не заводи больше эту унылую песню, Изаура. И не вздумай ослушаться, — вдруг добавила Малвина тоном, не терпящим возражений, — не то велю не пускать тебя к роялю.

— Ах, сеньора, но ведь я и вправду всего лишь простая рабыня. Чего стоят мое образование и внешность, которую вы изволили похвалить, в негритянской сензале? Это излишняя роскошь, ведь сензала все равно останется сензалой...

— Как, ты еще жалуешься на свою судьбу, Изаура?

— О, нет, сеньора, на то нет причин. Я хотела только сказать, что хотя мне, конечно, грех жаловаться на судьбу, место свое я знаю.

— Да будет тебе, я уже и так догадалась, что за червь тебя гложет; любой бы догадался, услышав твою песню. Ты же такая пригожая, что уж, наверно, завелся у тебя возлюбленный...

— О боже, сеньора... как бы я посмела... Умоляю, не думайте так, госпожа моя!

— Отчего же? Признайся, Изаура, ведь есть у тебя избранник сердца? Не от того ли ты тоскуешь, что родилась рабыней и не вправе отдаться тому, кто люб тебе? Разве я не права?

— О, госпожа, — взмолилась Изаура срывающимся от волнения голосом, — клянусь вам, что вы заблуждаетесь... Я и мысли такой не осмелилась бы допустить.

— Ах, какой ангелочек! Так я тебе и поверила. Конечно же, ты влюблена — иначе и быть не может. Только ты слишком смазливенькая и образованная, чтобы увлечься рабом, разве что он ровня тебе; хотя я сомневаюсь, чтобы такой раб нашелся. Так что, душа моя, не обманывай меня, девушка с твоими достоинствами может рассчитывать на то, чтобы завоевать благосклонность и любовь даже сказочного принца. Вот почему ты заводишь свои унылые песни. Но ты, право, не печалься, Изаура, я тебе обещаю, что воротится Леонсио, и ты получишь свободу. Стыдно, конечно, что такая девушка, как ты, до сих пор еще рабыня.

— Благодарю вас, сеньора, но заверяю вас, что я и не помышляю о любви и тем более о свободе, а то, что я порой грущу, так безо всякой причины.

— Ладно, оставим это. Я сама хочу, чтобы тебе отписали вольную, и я добьюсь своего.

Тут разговор прервался из-за цокота копыт, возвестившего о прибытии всадников. Малвина с Изаурой заторопились к окну посмотреть, кто приехал.

ГЛАВА II

У крыльца спешились два элегантных молодых кавалера, которые прискакали на фазенду из городка Кампус. По уверенности, с какой держались молодые люди, нетрудно было догадаться, что в доме они нечужие.

И верно, один из них был Леонсио, муж Малвины, а другой — Энрике, ее брат.

Прежде чем продолжить повествование, познакомимся с вновь прибывшими поближе.

Леонсио был единственным отпрыском зажиточного и влиятельного командора Алмейды, владельца нашей милой фазенды. Год назад, женив сына, командор (человек уже в летах и не обойденный хворями) отказал ему роскошную фазенду, а сам остался жить в городе, чтобы провести остаток дней в комфорте да любовных утехах, позволявших отвлечься от докучных недугов.

Леонсио был баловнем судьбы. Родители в нем души не чаяли. Мальчик рос, не зная ни в чем отказа, и вскорости стал на стезю порока и праздной жизни. Взбалмошный и непоседливый, он не утруждал себя учебой и зубрежкой, сменил несколько школ, ни в одной долго не задерживаясь и с превеликим трудом преодолевая переходные экзамены. Учителя не осмеливались причинять огорчение могущественному и щедрому на руку командору, иначе остался бы Леонсио без аттестата зрелости.

Поступив после окончания школы на медицинский факультет, будущий целитель уже несколько месяцев спустя ощутил неистребимое отвращение к врачеванию и круто повернул свои стопы в сторону юридической науки. Он перебрался в Олинду с намерением изучить закон и право, но вместо того целиком отдался кутежам, застольям и любовным играм, быстро промотав изрядную толику отцовского состояния. Заскучав (и немудрено) от юриспруденции, Леонсио вдруг вообразил, что лишь в Европе может дальше отточить свой острый ум и утолить неуемную жажду знаний из самых чистых и знаменитых источников. Все это он изложил в пространнейшем письме отцу, который с готовностью снабдил юного лоботряса деньгами и отправил в Париж, теша себя надеждами, что дитя возвратится из столицы европейской науки, по меньшей мере, новым Гумбольдтом *.

Обосновавшись в сей колыбели грез и развлечений, наше юное дарование крайне редко радовало знаменитых сорбоннских профессоров посещением их нудных лекций. Мало кому посчастли-

* Гумбольдт Александр (1768—1859) — знаменитый немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник.

вилось встретить нашего школяра в музейных залах, институтских стенах или тиши библиотек Латинского квартала*. Зато он сделался завсегдатаем «Роше де Канналь»**. Оперы и улицы Ланглад***, обзавелся многочисленными друзьями из разряда светских львов, его легко узнавали на парижских бульварах. За несколько лет молодой повеса объездил все модные европейские курорты и столицы, славившиеся в кругу денди и нуворишей. Любовные и светские эскапады Леонсио настолько опустошили родительский карман, что командор Алмейда, презрев безоглядную отеческую любовь, решил спешно возвернуть обожаемого отрока в родимое гнездышко, дабы избегнуть окончательного разорения. Командору пришла в голову сумасбродная идея — не попробовать ли спасти великовозрастного разгильдяя от неизбежной геенны огненной, заинтересовав его выгоднейшим браком с богатой невестой из столичных кругов.

Леонсио клюнул на этот крючок и вскорости воротился эдаким денди, элегантным и расфуфыренным. Правда, лавров на ученом поприще он не снискал и образовании, о коем мечтал отец, не получил, но зато манеры приобрел воистину неотразимые, ну ни дать ни взять — королевский отпрыск! Беда только, что ума-разума он не набрался, сердцем очерствел да душой порастратился, погрязши в бесчисленных кутежах и разгулах. То доброе начало, что заложено было в нем бескорыстной матушкой-природой, он искоренил в себе безо всякой жалости и не раскаивался в этом.

Когда Леонсио вернулся из Европы, ему было двадцать пять лет. Отец сумел внушить ему, что образование — это, конечно, замечательно, но денежки на него потрачены преизрядные, так что пора бы и за ум взяться, да пораскинуть мозгами, как бы сделать карьеру, да попытаться если не преумножить, то, на худой конец, сохранить остатки состояния, которое рано или поздно станет единственным источником существования сыночка. После долгих раздумий и колебаний Леонсио наконец решил остановиться на карьере коммерсанта, которая, как ему казалось, наилучшим образом приличествовала его светским привычкам и манерам. Однако идеи да размах у новоявленного коммерсанта оказались такие, что командор быстро понял, что дал маху, согласившись с выбором Леонсио. Экспортно-импортные операции, даже в крупных размерах, да и сама торговля рабами казались Леонсио занятием постыдным, унижающим его светский облик и достоинство. Не по нутру ему была и розничная торговля, при

---

* Латинский квартал — район Парижа, где издавна находились учебные заведения, библиотеки, музеи.
** Знаменитый в те годы ресторан.
*** Район Парижа, где в те годы процветала проституция.

самой мысли о которой его голубая кровь вакипала. Мечтой Леонсио были биржевые спекуляции, особенно игра на повышение. Вот это дело по нему, так он в два счета утроит отцовское состояние. Поднахватавшись кое-каких знаний на европейских биржах, он решил, что провернуть подобного рода операции в Бразилии ему, с его-то способностями, пара пустяков.

Однако отец почему-то не поспешил тряхнуть мошной и передать всю наличность новому финансовому гению, сулившему превратить в золото все, к чему прикасается, но проявившему до сих пор лишь способности незаурядного транжиры и мота. Поэтому мудрый командор предпочел отложить вопрос о преумножении состояния, пока Леонсио не поумнеет.

Смекнув, что на отцовские денежки лапу ему в ближайшее время не наложить, Леонсио вскорости сообразил, что женитьба для него и впрямь наиболее безболезненный и простой способ заполучить наконец деньги, которые позволят ему зажить на широкую ногу.

А выгодная партия не заставила себя долго ждать. Малвина, прелестная дочь богатого негоцианта, друга командора, по обоюдному согласию родителей обеих сторон предназначенная Леонсио, уже давно сгорала от нетерпения повидать наконец своего суженого.

Командор привез свое семейство в город, молодые люди приглянулись друг другу и, не откладывая дела в долгий ящик, сыграли свадьбу. Вскоре после этого с матерью Леонсио случился удар, и бедняжка скончалась в одночасье. Добрейшая женщина, мир ее праху, была несчастлива в супружестве; командор, человек довольно холодный и расчетливый, не баловал жену вниманием и искал любовных утех вне семейного ложа, безжалостно разрывая сердце жены. Одно ей оставалось утешение — Леонсио, все другие дети скончались еще малютками. Бедняжка всю жизнь мечтала о дочке, которая скрасила бы ее горькие дни и поддержала в старости. Она молила бога ниспослать ей нежное, хрупкое создание, которое вознаградило бы ее за страдания и добродетель, на которое она перенесла бы всю нерастраченную доброту и тепло своего сердца.

И Господь услышал ее: прелестная девочка, родившаяся в доме командора от матери-рабыни, уже с колыбели поразила добрую женщину своим милым нравом, живостью и привязанностью и полностью завладела ее сердцем.

Матерью Изауры (так звали ребенка) была хорошенькая мулатка, которая долгое время была любимой невольницей и верной

мукамой * жены командора. Сеньор Алмейда, мужчина столь же страстный, сколь неразборчивый в своих похотях, смотрел на рабынь как на собственный гарем и давно уже пытался обольстить изящную мулатку и заставить ее исполнять свои прихоти. Бедняжка сколько могла сопротивлялась грубому натиску, но в конце концов не устояла и сдалась, не выдержав угроз и насилия. В довершение беды, командор творил свои гнусности, нимало не стесняясь добродетельной супруги, и незаслуженная обида пронзила сердце этой святой женщины.

Доведенная до отчаяния, она на сей раз выплеснула всю накопившуюся горечь в лицо неверному супругу, и ее мучитель уже не осмеливался более поднять руку на рабыню, а кроме как силой взять ее не мог, уж слишком гадливое отвращение внушал ей. Стерпеть такое унижение жестокосердный тиран был не в силах и решил отомстить гордой строптивице.

Мулатку выдворили из господского дома, переселив в самую убогую, полуразвалившуюся сензалу, к чернокожим невольникам. Фейтор ** получил строжайший приказ не жалеть для непокорной рабыни ни самой черной работы, ни кнута. Однако человек этот, добродушный выходец из Португалии, пленившись прелестью и кротким нравом мулатки, одаривал ее ласками, а не плетью, да так преуспел, что не прошло и года, как у рабыни родилась очаровательная малышка, которую нарекли Изаурой.

С появлением на свет ребенка ненависть командора к ослушнице-рабыне вспыхнула с новой силой. Бедняге управляющему указали на дверь, а рабыню бросили на столь тяжкие, каторжные работы, подвергая самым изощренным издевательствам, что несчастная скоро отдала Богу душу, не успев вскормить дитя.

Вот как злая судьба обошлась с маленькой Изаурой, лишив ребенка и матери, и отца. Однако, словно во искупление подобной жестокой несправедливости, провидение распростерло крылья милосердия над крошкой, явившись ей святой женщиной, ангелом доброты. Жена командора восприняла малютку как перст судьбы, дар небес, награду за страдания, муки и добродетель. У гроба несчастной мулатки она возвела к небу увлажнившиеся глаза и поклялась, что отдаст себя всю Изауре, взрастит ее как собственную дочь.

Славная женщина воспитывала девочку с религиозной одержимостью, отдавая ей всю нерастраченную любовь и благородство души. Когда Изаура немного подросла, хозяйка сама взялась обучать ее грамоте, рукоделию и смирению перед Господом. Затем наняла для хорошенькой мулатки учителей музыки, танцев,

* Мукама — темнокожая рабыня, прислуживавшая госпоже, или кормилица детей.

** Фейтор — управляющий или надсмотрщик над рабами.

рисования, итальянского и французского языков и изящной словесности, стараясь для девочки, как для собственной дочери. Изаура платила ей сторицей. Девочка столь стремительно развивалась, так жадно впитывала знания своим быстрым, пытливым умом, что старая сеньора нарадоваться не могла на прелестное сокровище. Всю себя отдавала она полировке этого драгоценного камня, который почитала жемчужиной, украсившей ее седины на склоне лет. «Господь не одарил меня доченькой от плоти и крови моей, — говорила она, — но вознаградил меня, ниспослав дочь от души моей».

Ни любовь, ни чрезмерная, быть может, даже немного назойливая забота, коей столь щедро окружали девочку, не испортили и не развратили ее, не сделав ни дерзкой, ни высокомерной или тщеславной. Напротив, она становилась все скромнее и искреннее, все больше проявлялись природная доброта и чистота ее сердца. Веселая и общительная с другими невольниками, перед господами она воплощала саму кротость и послушание.

Командор не одобрял привязанности супруги к маленькой рабыне и не упускал случая попенять на этот, как он называл, «каприз старой дурехи».

— Совсем старуха из ума выжила! — порой восклицал он. — Ну, вырастит принцессу, а потом всем придется прах у ее ног целовать. Нет уж, увольте. Совсем спятила на старости лет. Одни все дни напролет молятся, другие бранятся да на людей кидаются, третьи собачек и прочую живность заводят, а эта вдруг на малолетних рабынь перешла. Ну и дела. Впрочем, ладно, пусть себе тешится, хоть на меня ворчать не станет, и то слава Богу!

Через несколько дней после женитьбы Леонсио командор перевез свое семейство, включая обоих молодоженов, на фазенду под Кампусом. Не откладывая дела в долгий ящик, он передал сыну права на владение и управление поместьем, рабами и прочей собственностью, пояснив, что пожил в счастии и довольстве, ни в чем себе не отказывая, а теперь решил отдохнуть, оставив себе доходы от ренты. Сделав сыночку столь драгоценный подарок, он, не задерживаясь, укатил в Рио. А вот супруга его, с благоволения командора и к вящей его радости, предпочла остаться на фазенде с молодой четой.

Малвина, несмотря на изысканное воспитание и благородное происхождение, имела добрую натуру и отзывчивое сердце, поэтому с первой же встречи прониклась симпатией и искренним сочувствием к Изауре. Простота, милая внешность, изящество манер и кротость рабыни не могли оставить ее равнодушной. Так Изаура стала даже не мукамой или приближенной к госпоже рабыней, но скорее ее подругой, помогающей коротать длинные

дни на фазенде. Малвина, привыкшая к городским развлечениям, была счастлива найти в этом уединенном и тихом уголке столь преданную душу, которая позволяла ей легче привыкнуть к провинциальной жизни и не тяготиться ею.

— Почему вы до сих пор не отпускаете эту милую девочку на волю? — спросила Малвина у свекрови в один прекрасный день. — Она такая славная и добрая. Не век же ей оставаться рабыней?

— Ты права, доченька, — благожелательно отозвалась престарелая сеньора, — но что я могу поделать? У меня не хватит сил выпустить эту птичку на волю, потому что само небо послало мне ее, сам Всевышний пожелал, чтобы она служила мне утешением и скрашивала мои последние дни. Да и зачем ей воля? Здесь она совсем свободна, даже более свободна, чем я сама. Ведь каково мне, несчастной — и от жизни мне больше ждать нечего, да и силенок не осталось, чтобы свободой-то наслаждаться. А ты еще хочешь, чтобы я рассталась со своей голубкой, моим единственным сокровищем? Стоит ей упорхнуть отсюда, и я ее больше никогда не увижу. Не вернется же она в клетку! Нет, нет, доченька, покамест я жива, останется подле меня. Такова моя воля. Ты, конечно, скажешь, что старуха самодурствует, но деньков-то мне осталось — кот наплакал. Так что я прошу не так уж многого. А как отойду я на небо, так она получит вольную, бедняжка, я уж позабочусь, отпишу это в завещании.

Славная старушка и в самом деле не раз порывалась составить завещание, чтобы осчастливить наконец свою рабыню, но командор, сговорившись с Леонсио, под всяческими предлогами ухищрялся оттянуть эту минуту. Увы, коварный умысел увенчался успехом — сраженная тяжким ударом, старушка в одночасье отдала Богу душу, так и не успев изъявить свою последнюю волю.

У гроба свекрови Малвина поклялась, что не оставит несчастную Изауру и сделает все, чтобы заменить ей любовь скончавшейся хозяйки. А рабыня долгими ночами оплакивала смерть этой чудесной женщины, которая была для нее нежной и ласковой матушкой. Грустные думы точили сердце Изауры, ведь она как была, так и осталась рабыней, но уже не славной и добродетельной сеньоры, а жестоких и мстительных господ.

ГЛАВА III

Пора уж, дорогой читатель, познакомиться поближе и с Энрике, шурином Леонсио. Двадцати лет от роду, он мало отличался от

других сынков богатых родителей, франтоватый щеголь, легкомысленный, вспыльчивый и высокомерный, но недурен собой. Впрочем, несмотря на все эти, вполне естественные для молодого человека подобного происхождения недостатки, Энрике был незлобивого нрава и вполне благороден душой. Сейчас он, как и прочие студенты медицинского факультета, находился на каникулах и получил от Леонсио приглашение навестить сестру и отдохнуть несколько дней на фазенде.

Надо заметить, что Леонсио, который и прежде, хотя и ненадолго, наведывался на фазенду, стал подмечать красоту и свежую прелесть Изауры лишь после своей женитьбы. Особой любви к Малвине он не испытывал, ибо женился по расчету, но браком был вполне доволен. Еще бы, редкое счастье иметь жену со столь завидным приданым и вместе с тем такую юную и пригожую. Тем не менее влечение к обаятельной супруге он испытывал лишь от случая к случаю, а потом, удовлетворив плотскую страсть, тут же напрочь забывал о жене. Изаура взволновала его сердце, пробудила в потаенных, чудом оставшихся не развращенными уголках души Леонсио светлое чувство. Страсть, зародившаяся в нем, точила и грызла его сердце. Привыкший к легким победам, он впадал в неистовство, сталкиваясь с сопротивлением Изауры, пока вдруг не осознал со всей ясностью, что прелестная гордячка — рабыня, его собственность. Придется, решил Леонсио, будучи достойным наследником командорского нрава, преодолеть сопротивление силой.

Поначалу, когда Изаура еще не владычествовала над его сердцем и мыслями, Леонсио подолгу обсуждал ее достоинства и прелести с шурином, нимало не стесняясь, даже когда речь заходила о его похотливых намерениях. Бесстыдство зятя было не по душе Энрике, который не раз впадал в краску от подобных разговоров. Он искренне сочувствовал сестре и возмущался поведением Леонсио, но бесконечные беседы с зятем не прошли даром: в глубине души Энрике зародилось желание увидеть воочию необыкновенную рабыню.

На следующий день после приезда молодых людей, часов в восемь утра, Изаура, закончив стирать пыль с мебели, сидела у окна гостиной и вышивала, ожидая, пока господа встанут с постели, чтобы приготовить им кофе. Леонсио же и Энрике не стали нежиться да залеживаться, а, незаметно подкравшись к гостиной, остановились в дверях и принялись разглядывать Изауру, которая, не подозревая о присутствии господ, как ни в чем не бывало вышивала затейливый узор на белом полотне.

— Ну что, нравится? — шепнул Леонсио на ухо шурину. —

Каков бриллиантик, а? И кто осмелится сказать, что она не андалузка из Кадиса *?

— Она просто чудо! — не сдержал восторга Энрике. — Истинная бразильянка!

— При чем тут бразильянка? Все золото мира меркнет перед блеском этой жемчужины! Нет, грация этой восемнадцатилетней газели, свежесть этой прелестницы сведет с ума любого, растопит и глыбу льда. Кстати, твоя сестрица просит, чтобы я дал Изауре свободу — такова, мол, была последняя воля моей матушки, Господи, упокой ее душу. Но я не такой простак, чтобы утратить светоч моего сердца, отдать добровольно такое бесценное сокровище. Нет уж, дудки! Правда, этот оборванец, ее отец, обивает пороги, чтобы выкупить дочку, но папаня мой, надо отдать ему должное, не подкачал, заломил такую сумму, что этому португалишке и не снилось. Да ты сам посмотри, Энрике, найдется ли во всем мире столько золота, чтобы выкупить такую красотку?

— Да, она и верно восхитительна, — согласился Энрике. — Просто обворожительна. Такой одалиски не сыскать и в гареме самого могущественного падишаха. Но должен тебе сказать, дорогой зять, по праву твоего друга и родственника, что ты изрядно рискуешь семейным благополучием, пестуя такой цветок в своем доме, подле моей сестры...

— Браво! — со смехом прервал его Леонсио. — Для своих лет ты отпетый моралист. Не переживай понапрасну, братец, твоей сестре, напротив, нравится, что ее рабыня вызывает всеобщее восхищение. Она гордится ею по праву. Что такое Изаура — прелестное украшение, игрушка, которую выставляют напоказ публике. Неужто лучше было бы отправить ее гнуть спину на плантации?..

Беседа их была прервана появлением улыбающейся, свежей, как дуновение апрельского ветерка, Малвины, которая выпорхнула в коридор из анфилады комнат.

— Доброе утро, лежебоки! — прощебетала она. — Вот уж не думала, что вы проснулись!

— Здравствуй, ангел! — улыбнулся Леонсио. — Что-то ты такая радостная с утра? Видела во сне зелененькую птичку с золоченым клювиком?

— Увы, не видела, хотя не отказалась бы. Быть может, в другой раз повезет. Но мне и впрямь хорошо. Хочу, чтобы всем было весело! И ты должен мне помочь, Леонсио... Я была так огорчена, увидев тебя опечаленным, что даже забыла рассказать тебе то, что собиралась... А при виде моего неблагодарного братца, который не навещал меня столько времени, у меня и вовсе все из головы вылетело.

— А в чем дело? Не томи, говори, Малвина.

— Помнишь, что ты мне обещал, Леонсио? Это священный обет, который непременно надлежит выполнить... И я хочу, чтоб это случилось сегодня же!

— Вот как? А... что я обещал? Извини, ангел, я не помню...

— Неужели? Ты такой забывчивый? Ты забыл, что пообещал дать вольную...

— Ах, вот ты о чем, — небрежно отозвался Леонсио. — Конечно, было дело. Только к чему обсуждать это здесь, дорогая? В ее присутствии?

— А что в этом плохого? Впрочем, будь по-твоему, — с этими словами Малвина увлекла мужа во внутренние покои. — Энрике, подожди здесь, а я пока распоряжусь, чтобы нам подали кофе.

Лишь с приходом Малвины Изаура заметила, что она не одна в гостиной. Девушка не слышала, о чем шушукались молодые люди, да и из разговора Леонсио с Малвиной почти ничего не поняла. Когда хозяева удалились, она встала и хотела было уйти, но Энрике преградил ей путь.

— Что вам угодно, сеньор? — вопросила она, скромно потупив очи.

— Подожди, милая, я хочу тебе кое-что сказать, — ответил Энрике и вдруг почувствовал, что его язык словно присох к гортани. Он молча стоял перед Изаурой и пожирал ее глазами, не в силах вымолвить ни звука, не в силах оторвать взгляд от изумительного, чистого лица девушки. А она, в свою очередь, смотрела на молодого человека в немом изумлении. Вдруг Энрике осознал всю нелепость положения; ведь она простая рабыня, хотя и с лицом феи. Обретя обычную свою развязность, Энрике поборол оцепенение и взял Изауру за руку.

— До чего ты очаровательна, крошка, — проворковал он. — Моя сестра права: не должно такому прелестному цветочку томиться в рабстве. Родись ты свободной, весь мир был бы у твоих ножек!

— Вы слишком добры ко мне, сеньор, — скромно ответила Изаура, пытаясь высвободить руку, — но если это все, что вы хотели мне сказать, то позвольте мне идти.

— Подожди, моя прелесть, не будь ко мне жестока, ведь я ничего дурного не делаю. О Боже, помоги мне добиться ее освобождения, и тогда я завоюю ее любовь! Такое прекрасное и нежное создание не должно чахнуть в плену, кто-то непременно вырвет тебя оттуда и завладеет тобой. Я молю Всевышнего,

* Уроженка города Кадис из Андалузии, в Испании.

чтобы это был я, брат твоей госпожи, который превратит рабыню в принцессу...

— Право же, сеньор Энрике, — щеки девушки залились ярким румянцем, — неужто вам не совестно расточать комплименты рабыне вашей сестры? Здесь столько хорошеньких девушек, которые будут счастливы снискать ваше благоволение...

— О, не говори так, Изаура! Никто в целом свете не может сравниться с тобой, ангелом красоты! Не отталкивай меня, ведь кто еще, кроме меня, может тебе помочь? Я заставлю Леонсио дать тебе вольную, благо и разгадал его планы и сумею их расстроить; такую низость нельзя допустить. Ты будешь иметь все, чего твоя душа возжелает: шелковые платья, драгоценности, кареты, рабов, что будут прах у твоих ног целовать. А во мне ты найдешь самого пылкого и преданного поклонника, который станет на руках тебя носить, пылинки с тебя сдувать...

— О, Господи! — взмолилась Изаура. — Так вы мне совсем вскружите голову, сеньор.

— Изаура, не будь столь жестокой! Поверь, что я... — он попытался обнять девушку.

— Оставьте меня, сеньор Энрике, умоляю вас! — вскричала Изаура, пытаясь вырваться из цепких объятий. — Ради всего святого, не трогайте меня!

— Сжалься, Изаура! — Глаза Энрике полыхали огнем, а голос дрожал. — Только не кричи так... Один поцелуй... Всего один поцелуй, и ты сделаешь меня счастливейшим из смертных... Один поцелуй, и я отпущу тебя, клянусь!

— Если вы не прекратите, сеньор, я закричу еще громче, — пролепетала бедная рабыня, оглядываясь по сторонам.

— Но, Изаура, чем заслужил я твою немилость?! — воскликнул Энрике, уже порядком раздраженный сопротивлением. — Клянусь, я подарю тебе все, что твоей душе угодно! Заживешь, как знатная сеньора!.. Ну, не гневайся так, моя принцесса...

— Подите вы к черту, сеньор! — в сердцах выпалила потерявшая терпение девушка. — Мало мне сеньора Леонсио, так и вы туда же! А если он сейчас войдет?

— Что? Что ты сказала? Значит, Леонсио тоже?.. Все-таки предчувствие меня не обманывало! Какая низость... Но, признайся, с ним ты, верно, более ласкова?

— Не более, чем с вами, сеньор.

— Ну-ну, полно тебе, Изаура. Ты так предана хозяйке, что не позволяешь себе выслушивать безнравственные речи. Но почему ты так жестока со мной?

— Я? Ради Бога, сеньор, не издевайтесь над бедной рабыней!

— Я вовсе не издеваюсь, Изаура! Позволь мне запечатлеть...

один поцелуй... — Энрике без предупреждения набросился на девушку, пытаясь обнять и поцеловать ее.

— Браво! Брависсимо!.. — раздался насмешливый голос с порога гостиной.

Застигнутый врасплох, Энрике испуганно обернулся. Любовный пыл его мигом угас, а сердце ушло в пятки.

В дверях, скрестив руки, стоял Леонсио и с презрительной ухмылкой на устах взирал на происходящее.

— Ты делаешь успехи, братец, — продолжил Леонсио с издевкой в голосе. — Вот, значит, чего стоят твои лекции о морали! На моих рабынь потянуло? Очень мило... Так-то ты уважаешь дом своей сестры!

— Иди ты к черту! — свирепо процедил Энрике, первым желанием которого было наброситься на ухмыляющегося зятя с кулаками. Чуть поразмыслив, однако, юноша решил применить против обидчика его же оружие, ибо в данных обстоятельствах умело и вовремя пущенная в ход насмешка могла обеспечить решающий перевес. Поэтому Энрике постарался взять себя в руки и, подражая язвительному тону зятя, заговорил:

— Извини, братец. Я только сейчас осознал, насколько благосклонны вы к сему изящному украшению вашей гостиной; вы даже изволили незаметно подкрасться сюда, дабы без помех пошпионить. Да, можно подумать, что вы ревнуете эту рабыню! Бедная моя сестрица... То-то удивится она, что за столь продолжительное время так и не раскусила своего добропорядочного муженька!

— Что ты плетешь?! — вскинулся Леонсио, сжав кулаки. — Ну-ка повтори, что ты сказал!

— То, что сеньор только что слышал, — спокойно ответствовал Энрике. — Думаю, ваше гнусное поведение ненадолго останется тайной для моей сестры.

— Какое поведение? Ты спятил, Энрике?

— Не притворяйтесь, сеньор Леонсио, или вы за дурака меня почитаете? И прощайте на этом! Я ухожу, потому что вступать в споры из-за любви какой-то рабыни считаю для себя в высшей степени порочным и недостойным.

— Погоди, Энрике... Выслушай меня.

— Нет уж, благодарю покорно. Честь имею! — кивнул Энрике и быстрыми шагами покинул гостиную.

Леонсио понял, что дал маху. Как могло случиться, корил он себя, что он, с его-то умом и опытом, угодил в ловушку, которую подстроил этот легкомысленный молокосос? Он не придал должного значения мощи вулкана, который пробудила Изаура в Энрике, а теперь его шурин готов пуститься во все тяжкие, лишь бы

любой ценой добиться освобождения рабыни. Хотя он прямо об этом и не говорит... Пока. С другой стороны, какие доказательства может привести Энрике, чтобы очернить его перед женой? Несколько развязных и пошловатых реплик, да и только. Это легко обратить в шутку. Быть может, Изаура ляпнула что-то Энрике, чем вызвала приступ гнева и ревности? Откровенно говоря, Леонсио было наплевать на сохранение благополучия в своем семейном очаге. Но вот вмешательство в планы, которые он вынашивал насчет прелестной рабыни, привело его в бешенство.

— Проклятье! — проревел он. — Этот ненормальный может расстроить все мои замыслы. Если ему что-то известно, он непременно насплетничает Малвине...

Терзаемый угрюмой тревогой, Леонсио некоторое время стоял неподвижно. Затем он вспомнил про Изауру, которая при его появлении забилась в угол гостиной и, дрожа как в лихорадке, наблюдала за вспыхнувшей ссорой. Изаура горько попрекала себя за несдержанность, за неосторожные слова, сорвавшиеся с языка. Теперь ее неосмотрительность стала причиной серьезной распри, главной жертвой которой, несомненно, падет она сама. Она накликала на себя две тяжелые грозовые тучи, которые при столкновении испепелят молниями ее бедную голову.

ГЛАВА IV

— Э, да ты еще здесь? Превосходно... — промолвил Леонсио, когда взгляд его упал на перепуганную Изауру, не осмеливающуюся выйти из своего угла и молившую небо, чтобы хозяин не заметил или забыл ее. — Ты, как погляжу, даром тут времени не теряешь. Любезности от этого сопляка выслушиваешь?

— Так же, как и от вас, хозяин; другого выхода у меня нет.

— Ну а сама говорила этому балбесу что-нибудь... такое?

— Я? — смутилась девушка. — Как могу я оскорбить слух благородных господ?

— Хорошенько взвесь свои слова, Изаура, не пытайся меня провести. Ты ничего не говорила ему про меня?

— Ничего...

— Клянешься?

— Клянусь, — пролепетала напуганная до смерти Изаура.

— Слушай, милая... будь поосторожней. Коли я до сих пор сносил твое пренебрежительное ко мне отношение, не думай, что я потерплю ухаживания этого проходимца, да еще в моем собственном доме, чуть ли не в моем присутствии. И поменьше болтай о том, что здесь происходит! Если не хочешь моей любви, остерегись навлечь мою ненависть.

— Простите, хозяин, но чем я виновата, за что вы меня преследуете?

— Сама догадываешься, пожалуй. И вообще, придется, похоже, отослать тебя из этого дома. Найти уголок потише, чтобы внимания лишнего не привлекала...

— Для чего, хозяин?

— Хватит, милая, недосуг мне тебя больше слушать. Еще застанут нас здесь вдвоем. В другой раз поговорим. Надо идти, а то этот пакостник так и ждет момента столкнуть меня с Малвиной. Вот скотина! — бормотал Леонсио, выходя из залы. — Будь проклят час, когда он здесь появился!

Убедившись, что хозяин наконец-то ушел, девушка грустно воскликнула:

— Господи, не дай этому повториться!

С тоской и смертельным страхом рабыня предчувствовала продолжение все более откровенных притязаний Леонсио, прекратить которые она была не в силах. Решив сопротивляться до самой смерти, Изаура вспоминала о судьбе своей несчастной матери, печальную историю которой поведали ей в свое время с большой опаской старые рабы, и будущее виделось ей в самых мрачных тонах.

Девушка чувствовала, что есть только одно средство положить конец домогательствам хозяина — поведать обо всем Малвине. Но Изаура слишком любила свою молодую госпожу, чтобы осмелиться на подобный шаг, который, без сомнения, навсегда разобьет счастливую и сладкую иллюзию, в которой та пребывает сейчас. Изаура была готова скорее пасть, как и ее мать, жертвой бесчеловечной жестокости.

Отец нашей героини, единственный, помимо Малвины человек, бескорыстно интересовавшийся ее судьбой, был обычным наемным работником, который не имел никаких возможностей защитить рабыню-дочь от угрожавшего ей насилия. В таком положении девушке оставалось лишь тихо оплакивать свое злосчастие и молить небо, от которого лишь и могла она ожидать снисхождения.

Теперь нам стало понятно, почему свою любимую песню Изаура пела таким печальным, полным горечи голосом, а Малвина приняла эту грусть за любовную тоску.

ГЛАВА V

Вернувшись после разговора с Леонсио к себе в комнату, Изаура не могла избавиться от ощущения сдавливающей сердце тревоги. Переодевшись, она решила укрыться пока в каком-нибудь укромном уголке дома или сада, чтобы избежать повторения по-

стыдных сцен. Украдкой пробираясь через дом, девушка вошла в гостиную, но, сделав по ней лишь несколько шагов, остановилась. Перед ней вдруг возник смешной субъект, так же неслышно проникший в залу, но с другой стороны.

Это было странное существо — уродливый карлик с огромной голоаой, рахитичным туловищем, короткими и кривыми ногами, лохматый, как дворняга, и безобразный, как обезьяна. Он напоминал одного из тех гротескных шутов, которые составляли неотъемлемую часть свиты средневековых королей. Природа забыла наделить его шеей, и бесформенная голова вырастала прямо из громадного горба. Лицо карлика, однако, было скроено правильно и выражало добродушие и покорность.

Изаура вскрикнула от неожиданности, ибо так и не привыкла к жутковатому виду этой личности, но, без сомнения, перед нею предстал сеньор Белшиор. Вот уже много лет, несмотря на свои физические недостатки, он верно и добросовестно исполнял на фазенде обязанности садовника. Прекрасный цветник, окружавший усадебный дом, отнюдь не страдал, имея столь малопривлекательного хозяина. То ли судьба, то ли господская прихоть создали такое странное сочетание, чтобы подчеркнуть красоту одного за счет уродства другого.

В одной руке Белшиор держал соломенную шляпу, которую выронил при виде Изауры, а в другой — букет, точнее, огромную охапку разных цветов, которые почти закрывали верхнюю часть его нелепой фигуры. Он напоминал огромную причудливую вазу с цветами, из тех, что расставляют по углам парадных залов.

«Бог мой, — подумала Изаура, — еще и этот... Конечно, его-то стерпеть легче. Те ухажеры мучили меня, а он просто смешон».

— Добро пожаловать, Белшиор! — обратилась девушка к садовнику. — Что вам здесь угодно?

— Сеньора Изаура, я... я пришел... — сбивчиво бормотал садовник.

— Сеньора?! Это я сеньора? Вы насмехаетесь надо мной, Белшиор.

— Я насмехаюсь? Да как можно... чтоб к сеньоре без уважения... Да у меня б язык отсох, коли без уважения... Я вот... наоборот, со всем уважением... цветы сеньоре принес, потому что сеньора сама как цветок...

— Хватит, Белшиор. И нечего меня сеньорой величать! Будете себя так вести, я рассержусь и не приму от вас цветы... Сеньора, как же... Я рабыня доны Малвины! Не забывайте об этом, Белшиор.

— Хорошо-хорошо, Изаура. Да все равно для сердца моего вы вроде как сеньора... И у ваших ног я готов... коленопреклониться... чтоб только их целовать... Я что сказать хочу... — Тут бедняга совсем сбился.

— Интересно, Белшиор, продолжайте...

— Ну, я что сказать хочу, человек я не знатный, верно, но свободный, да и работать горазд. Так что копилка у меня непустая, нет. В ней, поди, уже с полтыщи крузадо наберется... И по любви своей я их все отдать готов, лишь бы вас из неволи выкупить. Вы только слово молвите... А я потом и жениться готов.

— Премного благодарна за вашу щедрость, Белшиор. Но вы зря теряете время. Мои хозяева не продадут меня ни за какие деньги.

— Ох, страх-то какой!.. Такую красавицу, да в неволе держать! Что до меня, так сам лучше буду рабом такой рабыни, как вы, чем у меня у самого сто тыщ невольников будет! Без вас мне и жизни никакой нету. Цветы вот свои поливаю и все о вас думаю-мечтаю...

— Да ну? Вижу теперь, какая любовь!

Тут Белшиор бухнулся на колени:

— Сеньора Изаура! Смилуйтесь над несчастным пленником, который... которого...

— Вставайте, вставайте скорее! — торопливо перебила беспомощно лепетавшего садовника девушка. — А то хозяева сюда зайдут и увидят нас! И что мне тогда делать?

Поскольку Изаура вспомнила о своих хозяевах, вспомним о них и мы и посмотрим, как развивались отношения между Малвиной, Леонсио и Энрике.

Стычка в гостиной изрядно разозлила вспыльчивого Энрике. Возвращаясь после разговора с зятем, он застал свою сестру в буфетной за приготовлением кофе. Не задумываясь о последствиях, юноша дал волю своим чувствам в присутствии Малвины и бросил несколько неосторожных слов, которые заронили в душу женщины сомнение и беспокойство.

— Ну и скотина же этот твой муженек! — выпалил молодой человек, кипя от ярости.

— Что ты говоришь, Энрике?! Как ты назвал его? — спросила Малвина, дивясь злости брата.

— Извини, сестра... Если б ты только знала, какой позор он...

— Ты не заболел, Энрике? Что ты несешь? — прервала его молодая женщина.

— Господи, — пробормотал юноша себе под нос, — сделай так, чтобы она никогда не узнала о низости этого...

— Ну, так что у вас там произошло? Объясни мне! — С растущим беспокойством Малвина взглянула в глаза брату.

— Да нет, ничего... не волнуйся, — отвечал Энрике, уже сожалея о слетевших с языка словах. Он начал понимать, что может сыграть роль печальную и прискорбную, внеся раздор в безоблачные доселе отношения между супругами. Поэтому юноша попытался сгладить сказанное. — Не волнуйся, — продолжил он, силясь улыбнуться, — просто твой муж изрядный упрямец, вот и все. И не думай, пожалуйста, что мы собираемся стреляться на дуэли.

— Хорошо, но, когда ты вошел, у тебя было такое лицо... Глаза горели, от злости весь кипел...

— Кипел... Разве ты меня не знаешь? Я всегда так: вспыхиваю, как солома, но ведь и гасну быстро.

— Ты меня напугал...

— Извини, сестричка. Попей-ка лучше своего чудесного кофе, — завершил разговор Энрике, протягивая Малвине чашку ароматного напитка, лучшего средства от нервов и страхов.

Молодая женщина попыталась успокоиться, но слова брата заронили ей в душу неясную тревогу. Тут появился Леонсио, и все трое, не проронив ни слова, сели пить кофе. Они почувствовали себя неловко, поглядывали друг на друга с недоверием, и с этого часа в маленькой семье, еще недавно такой спокойной и радостной, поселился червь раздора.

Допив кофе, наши герои разошлись, но, повинуясь велению судьбы, разными путями направились в одно и то же место — гостиную: Энрике под руку с Малвиной по наружной галерее, а Леонсио в одиночку через внутренние покои. Достигнув цели первым, он обнаружил в зале Изауру, которой судьба назначила роль разрушительницы его семьи. Леонсио замедлил свои шаги на пороге гостиной в ту самую минуту, когда Белшиор опускался на колени перед Изаурой. Скрытый портьерой, он мог незаметно наблюдать происходившее в зале, но и сам не заметил Малвину с Энрике, шедших по галерее и остановившихся у выходившей туда другой двери гостиной. Понаблюдав несколько мгновений за разворачивавшейся перед его глазами сценой, Леонсио сделал шаг вперед в ту секунду, когда Изаура принялась умолять Белшиора подняться с коленей, пугая возможным появлением хозяев.

Продолжение на стр. 129

НЕПРАЗДНИЧНЫЕ МЫСЛИ

Сегодня уже не встретишь в прессе столь привычное в былые годы выражение «празднование Дня рождения комсомола». Не до юбилеев. Вопрос — как жить дальше — задают и руководители союза, и рядовые комсомольцы. Размышления о ситуации в комсомоле, о выходе из кризиса нередко встречаются в редакционной почте. Непраздничными мыслями отмечено и письмо комсомольца А. Лапина, которое мы публикуем.

Очевидно, самым популярным словом при оценке ситуации в стране является слово «кризис». С особой остротой этот кризис сказывается на молодежи. Не буду подробно писать о том, что переход к рыночной экономике и другие «непопулярные меры» лечения социализма капитализмом, влекущие за собой массовую безработицу и инфляцию, бьют в первую очередь по молодежи.

Можно согласиться с писателем Николаем Кузьминым: «Признаюсь, очень хотелось бы ошибиться, но пока что вижу, как именно с помощью комсомола наша молодежь все больше отдается под черное влияние». Долгие годы основным направлением деятельности ВЛКСМ была организация досуга или, попросту говоря, развлечение молодежи, причем развлечение зрелищами, подчас весьма далекими от пристойности. Организованные под эгидой комсомола всевозможные конкурсы красоты, ставшие рекламным, коммерческим предприятием, превращающим женщину в предмет купли-продажи (стоит ли удивляться росту проституции и непрочности брака), опекаемые комитетами комсомола видеозалы с репертуаром, состоящим в основном из фильмов ужасов и эротики, все эти «мероприятия по организации досуга» уже нанесли непоправимый вред нравственному воспитанию молодежи. В плачевном состоянии находятся семья и школа. В стране увеличивается количество неполных семей, все больше детей, оставленных родителями и психически больных вследствие пьянства родителей, ниже всякой критики физическая подготовка подростков. Кому, как не комсомолу, выступить с инициативой борьбы за крепкую семью, за здоровый образ жизни! Кому, как не комсомолу, взять шефство над школой — через улучшение ее материального состояния, работу с молодыми учителями, подготовку педагогических кадров. В этой связи наводит на размышление следующее. Большинство комсомольских зрелищных мероприятий имеет своих, как принято говорить сейчас, спонсоров, которые щедро финансируют и «Московскую красавицу», и КВН. Но почему подобные спонсоры не объявились у школы?

XXI съезд ВЛКСМ, пленумы ЦК ВЛКСМ обозначили сползание комсомола на позиции так называемых «демократов». На состоянии дел в ВЛКСМ крайне отрицательно сказываются кризис в КПСС и «парламентская говорильня» (В. И. Ленин) в Советах всех уровней. Каждый, кто имел возможность наблюдать за ходом XXI съезда ВЛКСМ, не мог не отметить карикатурного повторения на молодежном уровне всего того, что есть «у взрослых». Те же бесконечные дискуссии по процедурным вопросам, тот же уход от решения важнейших проблем, тот же плюрализм мнений при отсутствии единства действий...

Фактически отказываясь от коммунистической идеологии, утратив традиции, накопленные десятилетиями, отдав целые комсомольские организации под влияние «демократов» различного толка, комсомол саморазрушается...

Наглядное свидетельство тому — массовый выход из ВЛКСМ, приостановление деятельности целых организаций. В этой связи — с целью сохранения видимости единой организации — ВЛКСМ превращается в бесформенный союз союзов молодежи, как это предусматривает XXI съезд. Однако можно ли таким способом удержать союз?

Нет необходимости доказывать, что консолидация возможна только на принципиальной основе. Думается, реальную перспективу имеет создание — в строгом соответствии с Уставом ВЛКСМ, принятым XXI съездом, функциональной (по принципу общности интересов) — комсомольской организации «Патриотический союз молодых большевиков». Движение за создание этой организации уже началось в ряде областей и краев РСФСР, а также среди молодежи Интерфронтов. Эта организация, способная объединить все патриотические и социалистические силы не путем раскола, а в рамках ВЛКСМ, может стать наследником лучших традиций Ленинского комсомола, дать отпор всем тем, кто пытается толкнуть молодежь на опасный путь.

А. ЛАПИН,
член ВЛКСМ с 1977 года

Москва

На первой обложке «Товарища»: работы художников товарищества «Москворечье». Т. Бабушкина, «Интерьер»; М. Кугач, «Дед и внук»; Г. Ратников, «Кузьмич — хозяин дома». Материал «Светлый мир «Москворечья» читайте на стр. 156. Фото А. Егорова.

РЕБЯТА — ЧТО НАДО!

«Радугу» зажгли афганцы

Сначала он хотел застрелиться. Слабые руки судорожно ощупывали землю, одежду. Но оружия поблизости не оказалось. Валерий Павлов даже не стонал и не потерял сознание. Оттого все происшедшее с ним в ущелье Карвангах, между Шиндандом и Кандагаром — казалось еще более невыносимым. Пока везли в госпиталь, все думал: «Как же так? Сколько пройдено — и ни одной царапины... Нет ноги, убило бы лучше...» Думал так, а самого бросало в жар от этой мысли.

Начались скитания по госпиталям, многочисленные операции. Вторую ногу, тоже сильно поврежденную, врачи все-таки сберегли.

И вот первая щемящая встреча с семьей. А с ней окончательное решение: надо жить! Но вставал и вопрос: «Как?» Целому и невредимому было полегче освоиться в мирной жизни. А тем, кто с увечьями? Он видел, как порою горько и пустынно живется его товарищам, как трудно им перебиваться на крохотную пенсию. Вопрос, тревожащий многих афганцев — «Кому мы нужны?», сегодня по-прежнему актуален. До сих пор фактов равнодушного отношения к ним предостаточно.

Валерий Павлов решил организовать кооператив по изготовлению обуви. Поначалу мало кто верил в успех. Но нашлись люди, которые эту идею поддерживали. Председатель Пензенского облсовпрофа А. И. Алексеев, мальчишкой еще ушедший на войну, прекрасно помнил, как тяжело вновь «врастали» в мирную жизнь те, кто возвращался с Великой Отечественной. Как мучительно долго заживали их раны. Именно он сказал на одном из совещаний, где обсуждался вопрос открытия кооператива, фразу, которая все и решила: «Можно выяснить, где у них болит и почему, но попробуйте узнать, как болит, чтобы принять как свое. Может, они потому и держатся всегда вместе, не впуская никого в свой маленький мир. Я многих из них встречал, многих знаю. Но до сих пор не могу понять, что у них там, на сердце. В одном лишь твердо убежден: помочь ребятам надо...»

Когда я приехал в небольшой дом на улице Окружной, в «Радуге» был разгар рабочего дня. Увидел продукцию, которую делают те самые афганцы, в мастерстве которых еще недавно многие сомневались, и был поражен. Дамские сапожки и туфли, изящные, со вкусом отделанные, необыкновенно легки и элегантны.

Хорошие отзывы слышал и от профессионалов. Вот что говорит директор магазина «Молодежная мода» В. В. Волкова:

— Для нашего магазина обувь, изготавливаемая в «Радуге», всегда праздник. И цены приемлемы: сапоги стоят до 130 рублей, а туфли 50—60. Но, поверьте, никакой «фирме» не уступают.

Впрочем, в своем мнении директор «Молодежной моды» не одинока. Руководители других магазинов и торговых предприятий, с которыми сотрудничает сегодня «Радуга», полностью его разделяют.

Председатель правления Пензенского РАЙПО П. Ф. Батраков тоже рад деловым связям с «Радугой».

— Ни от одной пары сапожек мы не отказываемся. Особенно охотно покупают у нас женские сапожки. Сшитые вручную, они добротны и надежны.

...А в «Радуге» тем временем стучали молоточки. Терпко пахло кожей. Я долго любовался работой ребят. Подошел к одному из них. Познакомились. Олег Антонов рассказал о себе.

— В 1982 году призвали. Мы все знали, что в Афгане творится, хоть и не писали тогда об этом нигде.

На мине наш тягач подорвался. На одной ноге все колено расколошматило, а на другой вся ступня в кашу. Был ташкентский госпиталь. Вернулся. Дали инвалидность, а куда я такой был годен? Мотался по городу, по заводам. Это ведь на словах о милосердии красиво получается, а в жизни-то с ним не часто встречаешься. Потом узнал от наших, что афганцы свой кооператив собираются создавать. Всему учился заново. Так ведь освоил и горжусь. А почему бы и нет, и заработок у нас по 500—600 рублей. Только я сразу предложил в кооператив всех инвалидов принимать. Жутко же чувствовать себя обездоленным. Сейчас стали брать инвалидов с детства. Трудно им было поначалу. Но у многих сноровка быстро приходит. Делать хорошие вещи — интересно и приятно...

В «Радуге» более сорока человек. Две трети — афганцы. Желающих здесь работать значительно больше. Но, увы, ничтожно мало помещение — всего лишь 160 квадратных метров. Но в «Радуге» не теряют надежды. Свет ее сегодня ярок. Только за год работы прибыль кооператива составила более ста тысяч рублей, а слава о «Радуге» разнеслась уже далеко за пределы области. Да и не только области. Желание сотрудничать с «Радугой», точнее, реализовывать у себя ее продукцию, изъявили австралийцы. И сейчас уже заключен договор о совместном предприятии, которое назвали «Развитие». В горисполкоме обещают помочь наконец с помещением.

Сами же кооператоры уже помогают другим. Ведь, пройдя Афганистан, у них необыкновенно обострено чувство сострадания к чужой боли, чужой беде. После страшного землетрясения в Армении бывшие солдаты одними из первых перечислили в фонд помощи пострадавшим более десяти тысяч рублей, отправили несколько десятков пар теплых сапожек. В конце апреля, когда в Пензу из разрушенного Ленинакана прибыли армянские женщины и дети, у многих из которых не было никакой одежды и обуви, кооператоры отвезли в дом отдыха пять тысяч рублей. «Надо было видеть слезы на глазах людей, переживших страшное горе»,— рассказывал мне работник кооператива В. Комаров. Оказывали материальную помощь кооператоры и пострадавшим в катастрофе на железной дороге под Челябинском. На одном из собраний решили, что кооператив ежемесячно будет перечислять по 200 рублей городскому детскому дому номер один. А недавно на выпускной вечер воспитанники пришли в модных красивых туфлях. Их подарили детдомовцам мастера из «Радуги». Они завели на всех выпускников детдома сберкнижки и сделали уже первые вклады — по несколько сотен рублей на каждого.

А на очереди воплощение другой идеи — построить на свои средства среднюю школу. Верю, что такой школе обязательно быть. Ибо в сердцах ребят, прошедших Афганистан, всегда есть место для добрых дел. Уходя из кооператива, я спросил его председателя Валерия Павлова: «Но почему все-таки «Радуга»?» — «Радуга»? — переспросил он.— Понимаешь, это когда многоцветие. Это радостно, солнечно. Радуга бывает после дождя. Это мост между дождем и солнцем, когда земля становится чистой...»

Николай БУЛАВИНЦЕВ
г. Пенза

Альберт МАКАШОВ,
генерал-полковник

ШЕЛЬМОВАНИЕ АРМИИ — УДАР ПО ГОСУДАРСТВУ

Выступление командующего войсками Приволжско-Уральского округа, генерал-полковника А. М. Макашова на Учредительном съезде Компартии РСФСР, в котором он открыто назвал имена тех, кто очерняет нашу армию, вызвало панику в лагере «демократов». Оно сразу же было подвергнуто критике в «Комсомольской правде», «Огоньке», на телевидении. А «Известия» аж потребовали отставки генерала! К нам в редакцию тоже пришли письма, телеграммы. Вот одна из них: «Дорогой генерал! Сердечно благодарим вас за русское прямодушие, за блистательную честность и правду, которую вы позволили себе. Каждое русское сердце с вами. Значит — нас много. Еще раз благодарим. Желаем здоровья и бодрости духа. С вами каждый мало-мальски думающий русский. Глубоко уважающие вас молодые москвичи Одинцов, Мухин, Окаемов, Горохов».
В своих письмах читатели просят рассказать о генерал-полковнике А. Макашове. Предлагаем вашему вниманию интервью, которое он дал нашему корреспонденту Валерию ЗЕНКОВУ.

— Альберт Михайлович! В письмах читателей нередко приводятся ваши слова: «Кто хочет разрушить государство до основания, начинает с шельмования Вооруженных Сил, МВД и КГБ. Граждане Арбатовы, Коротичи, Собчаки, Гельманы, Егоры Яковлевы и К°, поднимитесь и прямо скажите: нам армия не нужна, мы можем обойтись без Вооруженных Сил!»

— Знаете, уж очень наболело на душе за презрительное отношение к армии, за огульное охаивание ее воинов. Не могу понять тех, кто еще вчера на все лады прославлял наши Вооруженные Силы, а теперь старается пригвоздить их к стенке. А ведь таких сегодня немало. Разве можно такое терпеть? Пора вещи называть своими именами. Идеологический противник делает все возможное, чтобы вбить клин между рядовыми и офицерами, между офицерами и генералами. Скажу прямо: я сознательно вызвал огонь на себя. И, по-моему, достиг поставленной цели. Сегодня для всех ясно, кто шельмует армию, кто хочет ее развала. Плохо могут кончиться шутки с обороноспособностью страны. Похоже, это мое утверждение, высказанное на партконференции, больше всего задело тех, кто хотел бы видеть нашу страну, наши Вооруженные Силы ослабленными.

— Некоторые считают, что вы высказались чересчур резко, так сказать, под влиянием чувств...

— Позвольте не согласиться с теми, кто так считает. Я опирался на конкретные факты, на реальность. И, как мне показалось, большинство делегатов правильно восприняли мое выступление. Те мысли, которые я хотел донести до людей, получили поддержку. Ведь, согласитесь, никто их не заставлял аплодировать. Никто, как теперь приписывают, их к этому не склонял, сзади них не было ни штыков, ни пулеметов... Надоело смотреть, как растаптывают святые для нашего народа понятия: патриотизм, воинский долг.

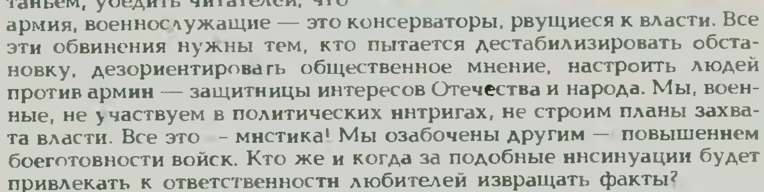
— В своем выступлении вы сказали, что коммунисты армии и флота возмущены бездействием ЦК, Политбюро и правительства по отношению к своим защитникам, по отношению к тем, кто травит своих воинов. Что вы имели в виду под словом «травит»?

— Прежде всего средства массовой информации. Ведь такие газеты, журналы, как «Комсомольская правда», «Известия», «Московские новости», «Огонек», передачи Центрального телевидения, открыто пропагандируют антиармейские, антипатриотические настроения.

Вы знаете, я ошарашен беспрецедентной ложью некоторых журналистов, их безнаказанностью, с какой они извращают мое выступление. Вот, скажем, я, говоря о том, что конфликты и войны возможны и в наши дни, сказал: «Иначе зачем укреплять блок НАТО, когда Варшавского Договора не существует. Япония становится решающей силой на Дальнем Востоке». А журналист «Известий» В. Надеин 20 июня пишет: «Япония становится решающей **военной** силой на Дальнем Востоке». Замечаете разницу?

А вот другой корреспондент «Известий» В. Матухин пишет 4 июля, что «генерал уличил правительство в потворстве гонителям армии». Помилуйте, где такое вычитал журналист?! Не было такого в моем выступлении! Какая же нужна заданность, чтобы так извращать смысл сказанного!

Ну если корреспонденты «Известий» только попытались приписать мне несуществующее, то Л. Беннигсен, журналист еженедельника Союза объединенных кооперативов СССР «Коммерсант» (главный редактор которого В. Яковлев, сын Егора Яковлева, главного редактора «Московских новостей»), беспардонно правит мое выступление: «...За подрыв боеспособности своих вооруженных сил привлекают к ответственности. А если этого не делает правительство, то народ может побить **правителей** камнями». Гражданин Л. Беннигсен, ну зачем же так? К чему вам вместо слова «**предателей**» вставлять в цитату слово «**правителей**»?

— Некоторые газеты увидели в вашем выступлении «признаки наметившегося альянса военной бюрократии с консервативными силами страны». А «Комсомольская правда» вас назвала рупором антиперестроечных настроений.

— Я вижу в этом одно: любым путем, не мытьем, так катаньем, убедить читателей, что армия, военнослужащие — это консерваторы, рвущиеся к власти. Все эти обвинения нужны тем, кто пытается дестабилизировать обстановку, дезориентировать общественное мнение, настроить людей против армии — защитницы интересов Отечества и народа. Мы, военные, не участвуем в политических интригах, не строим планы захвата власти. Все это — мистика! Мы озабочены другим — повышением боеготовности войск. Кто же и когда за подобные инсинуации будет привлекать к ответственности любителей извращать факты?

— Альберт Михайлович, авторы писем, пришедших в редакцию, просят вас рассказать о себе.

— Ну, я сказал уже на конференции, что отец мой — сверхсрочник, мать — медсестра. В двенадцать лет поступил в Воронежское суворовское училище. Окончил Ташкентское высшее общевойсковое училище. Имею два диплома — академии имени Фрунзе и Генерального штаба. Прошел все должности: от взводного до командующего.

— Однажды Гёте сказал, что цифры миром не управляют, но они показывают, как мир управляется. Скажите в связи с этим, о чем говорят военные бюджеты нашей страны и США?

— В прошлом году на военные нужды мы израсходовали 77 миллиардов рублей. В этом — 71. В следующем планируется 65 миллиардов. А американцы соответственно — 302, 306, 312. Долларов, а не рублей. Причем не забудем, один доллар сегодня меняется на шесть рублей! Как видите, мы сокращаем ассигнования на военные цели, а американцы увеличивают. Джордж Буш не так давно высказал озабоченность «непомерными сокращениями» военного бюджета, а на вопрос, является ли СССР по-прежнему врагом США, представитель Белого дома Фицуотер ответил: да, он остается им. С одной стороны, наши бывшие потенциальные противники высказывают немало заверений в миролюбивой политике, с другой — укрепляют свои вооруженные силы. Взять хотя бы НАТО. Ведь он превосходит нас в военно-морских силах, средствах связи, в средствах разведки, радиоэлектронной борьбы. США считают себя морской державой и не желают заводить разговор о сокращении своих военно-морских сил. Мы страна вроде бы сухопутная. Имеем перевес в танках. Но почему мы должны уничтожать свои танки, а заморский сосед не желает топить свои авианосцы? Где логика? Ведь, согласитесь, один патриотизм такой армаде не противопоставишь!

— От чего сегодня можно отказаться в армии?

— Энгельс, партийная кличка которого была «Генерал», считался специалистом в военных вопросах. Он писал отличные обзоры о Крымской войне, хотя там не был. Так вот, в одной из работ «Ротное учение» он пишет о строевой подготовке волонтеров, утверждая, что волонтеры, несмотря на меткий огонь, не обладают выучкой. Мне кажется, что сегодня строевая подготовка не должна подменяться шагистикой. Не обязательно тянуть носок. Это анахронизм. Ведь строевой шаг — неестественная ходьба. Я бы оставил лишь отдание чести и движение строем. Сегодня нет времени на «парадную» учебу. Его не хватает на освоение современной техники и оружия.

Другой вопрос: что делать с военно-строительными отрядами? Ведь многие из них работают в гражданских министерствах. Насколько мне известно, Министерство обороны предлагало ликвидировать их в этих ведомствах. В иных отрядах дело доходит до курьезов. Работают они на хозрасчете. Когда идет увольнение в запас, некоторые солдаты вынуждены просить у родителей деньги, чтобы вернуть долги. Какая ж там производительность? Или взять уборку урожая. В ущерб боеготовности отрываются воины, техника или нет? Кто это подсчитывал? Я понимаю, надо помогать народному хозяйству. Но, наверное, надо помнить и о народной копейке.

— Сейчас много разговоров о профессиональной армии. Некоторые утверждают, что содержание профессионалов экономически выгодно. Но до сих пор никто толком не определил, что для нас лучше: наемная армия или всеобщая воинская обязанность? А вы как считаете?

— Сегодня, как известно, только в четырех странах — США, Канаде, Великобритании, Люксембурге — армии наемные. Причем у Люксембурга всего-навсего 600 военнослужащих, половина из которых служит в оркестре. У остальных государств — армии смешанные. У нас — тоже. Офицеры, прапорщики, сверхсрочники — это профессионалы? Профессионалы! Можно ли в наших условиях в наше время нанять на службу и рядовых? Судите сами. В окружном учебном центре недостает около 300 прапорщиков инструкторов-механиков. Причина? Не идут за 250 рублей, а ведь это центр России... Сколько же надо платить на Чукотке? А в Каракумах?!

Поэтому, когда я слышу разговоры о наемной армии, угадываю возможное желание некоторых лиц понизить нашу боеготовность. Я думаю, нужно первоначально определить, сколько нам требуется Вооруженных Сил для разумной достаточности, а потом уже, исходя из этого, решать, какая армия нам нужна. Нередко можно слышать о создании профессиональной армии. Но мне кажется, и в этом случае речь идет о наемной армии. Часто ставят в пример американскую армию. Но ведь там в сухопутных войсках до 30 процентов личного состава иностранцы! История показала, что ни одна наемная армия долго не существовала и серьезного противника не побеждала. Конечно, можно выиграть с ее помощью какую-то кампанию. Например, против Гренады или Панамы. Но тверже армии, опирающейся на патриотизм, история не знает! Это люди понимали давно.

— Как вы расцениваете отказ некоторых наших граждан служить в армии?

— Как невыполнение Закона о всеобщей воинской обязанности. Этот закон регламентирует основные принципы комплектования Вооруженных Сил, определяет порядок выполнения гражданами священной обязанности по защите Отечества. Закон сегодня в ряде регионов страны не выполняется. Причем при явном попустительстве правительств республик. Закон должен выполняться. На то он и закон. За любое же уклонение от выполнения своей гражданской обязанности, за любое нарушение закона необходимо виновных привлекать к ответственности.

Надо сказать, что весенний призыв этого года не выполнили республики Закавказья (кроме Азербайджана) и Прибалтики. А кому же защищать границу с членом НАТО Турцией? Кому охранять воздушную границу на северо-западе?

Ко всему этому надо добавить и тревогу о слабой подготовке призывников. Раньше студенты, которые призывались на службу, как правило, все шли в учебные части. Они становились младшими командирами и специалистами. 173 тысячи досрочно уволенных в прошлом году студентов, по сути дела, на полгода подорвали боеготовность Вооруженных Сил. Свыше 700 танков и 900 боевых машин пехоты только в группах войск сразу после увольнения студентов остались без экипажей. Чтобы направить на боевое дежурство, к примеру, один эсминец, приходилось набирать состав из экипажей пяти боевых кораблей. В ракетных войсках пришлось организовывать несение боевого дежурства двумя сменами вместо трех. Досрочное увольнение воинов-студентов породило острое размежевание в армейской среде, сомнение многих в справедливости новых законов и принимаемых решений. Из числа досрочно уволенных студентов более 14,5 тысячи, или 9 процентов, на учебу в вузы не возвратились. Более 2,5 тысячи студентов при проверке перед увольнением оказались с фальшивыми справками. Армия и флот в конце концов эти трудности пережили. Но, скажите, стоит ли рисковать обороноспособностью хотя бы один день?

— Вы сказали о размежевании в армейской среде. В чем это выразилось?

— Часть юношей идет в армию, а часть минует ее. Ведь интеллигенция теперь не служит. Армия, по сути, становится рабоче-крестьянской. Кто сегодня настойчиво ратует за то, чтобы армия формировалась не на основе всеобщей воинской обязанности, а на основе, как говорят, наемного, добровольного принципа? Тот, кто может откупиться от службы, кто может своего сына содержать, пока он учится пять лет в институте.

— А может ли быть армия нейтральной? Деполитизированной?

— Мне кажется, тот, кто выдвигает эту идею, преследует неблаговидные цели, стремится оторвать армию от политики, от партии. Говоря о деполитизации, они скорее всего подразумевают департизацию. Армия всегда была и будет орудием государства, средством или одним из средств проведения его политики. Защита своих государственных интересов — это политика, и армия была, есть и будет в рамках политики. Поэтому, когда говорят, что армию необходимо деполитизировать, я вижу желание разрушить одну из самых сильных

сторон нашей армейской действительности. Не может быть нейтральной армия! Если изгнать партию из Вооруженных Сил, то ее место мгновенно займет иная идеология. Этого, собственно, и добиваются идеологи деполитизации. И если только этого добьются, то немедленно прекратят всякие разговоры о деполитизации. Кстати, впервые политорганы в русской армии появились при Керенском.

— Уже к 1 ноября 1989 года наша страна согласно договору по РСМД, заключенному с США, уничтожила 1444 ракеты, в то время, как американцы только 385. Мы сокращаем 10 тысяч танков, 8,5 тысячи артиллерийских систем, 800 самолетов. Скажите, вам не жаль уничтожаемого оружия?

— Мне жаль, когда мы уничтожаем его в одностороннем порядке. Хотя прекрасно понимаю, что чем меньше будет оружия, тем больше доверия между странами. Но уничтожать оружие следует не в одностороннем порядке. Усовестить нашего заокеанского соседа, я уверяю, не удастся. Говоря о разоружении, мы почему-то не учитываем национальную психологию. Американцы живут по принципу: слабый уступает. У американцев много спортивного. И когда американцу заявляешь, что это не по-спортивному, он обижается. Мы достигли паритета по вооружению с США. Надо, наверное, не забывать, что во многом благодаря этому не было никаких конфликтов и вооруженных столкновений. Хотя хорошо известно, что в своих доктринах американцы ни на минуту не отбрасывали возможность нанесения удара первыми. Мы сегодня говорим о новом политическом мышлении. Это прекрасно. Но по-новому хорошо бы мыслить обоюдно. К сожалению, этого пока нет. А поэтому не надо испытывать эйфории от конверсии. Ведь любому понятно, что на технологической линии по выпуску танков не скоро выпустишь холодильник. В результате спешной, а порой непродуманной конверсии мы теряем высококвалифицированных рабочих. США, если хотите знать, зарабатывают на торговле оружием в шесть раз больше, чем мы. А разве наше оружие хуже? Танк Т-72 на мировом рынке стоит более миллиона долларов. Мы практически ничего не создали на мировом уровне, кроме военной и космической техники. Так, может быть, и не будем разрушать то, что является нашим достоянием, а правильно использовать? Вспомним времена Хрущева. Тогда мы порезали все тяжелые крейсера. А американцы свои линкоры поставили на консервацию. Некоторые из них, такие, как линкор «Айова», сегодня вновь введены в боевой состав ВМС. То же самое произошло и с самолетами. А это ведь народные деньги, труд сотен, тысяч, десятков тысяч людей! Но прошу вас, пожалуйста, не подумайте, что я милитарист. Никакой я не милитарист! У меня три внука, две внучки. И я хочу, чтобы они выросли и жили...

— В нашей печати появилось немало публикаций о зарубежных армиях. Что ни статья, что ни репортаж, то все в розовом свете. Их авторы пытаются убедить читателей, что нам необходимо перенять иностранный опыт службы в вооруженных силах. Нужно ли нам хвататься за иностранные образцы?

— Не думаю. Тем, кто хвалит чужое, надо изучить историю своих Вооруженных Сил. А она замечательная! Кто победил и разгромил фашистскую Германию? Мы, наша армия! А сколько подвигов совершено нашими предками во славу русского оружия, России! Неужели мы должны это забыть и перенимать, скажем, у американцев опыт уничтожения вьетнамцев, захвата Гренады, вторжения в Панаму? Нет, увольте! Я думаю, надо иначе посмотреть на нашу армию. Необходимо вернуть ей заслуженный престиж, вернуть честь и достоинство офицерам. За что их сегодня оскорбляют, избивают, убивают? Нынешние нападки на защитников Родины уж очень напоминают, те, которые были накануне и во время русско-японской войны. Тогда пресса активно раскачивала армию, делала все возможное, чтобы подорвать моральный дух. Тогда говорилось о никчемности вооруженных сил, о том, что на Россию никто не нападет. Мне кажется, все русские цари, начиная с Петра I и кончая Николаем II, понимали, как важен дух армии. А все великие князья занимались военным делом. У каждого из них была подшефная дивизия или полк. Вот один факт. В Ленинакане, бывшем Александрополе, который находится на самой границе с Турцией, был подшефный полк одного из великих князей. Так вот, этот князь ежегодно из Петербурга на лошадях через всю великую Россию ездил в свой полк. Там проводил строевые смотры, выслушивал просьбы и жалобы солдат. Оказывал помощь. Разве это не пример для подражания?

В России всегда был хороший офицерский корпус, состоящий из дворян, которые считали особой честью быть первыми в стрельбе, скачке, вольтижировке, в рубке... Хорошая была у русского офицера традиция — быть всегда впереди.

— В стране неожиданно ко всем известным и существующим проблемам прибавилась еще одна — вывод наших войск из стран Восточной Европы. Говорят, что поспешность, с которой он делается, отражается на боеготовности. Так ли это?

— Судите сами. Вывод войск — реальность, которая для многих оказалась неожиданной. Решение о передислокации было принято в феврале — марте. За считанные месяцы предстоит разместить и обустроить на родной земле 123 тысячи военнослужащих и более 100 тысяч членов семей офицеров и прапорщиков. Необходимо обеспечить жильем 75 тысяч бесквартирных! Взять хотя бы наш округ. В нем — без прибывших — очередь на квартиру достигла 9,5 тысячи офицеров. Что сегодня предлагается офицерам и прапорщикам, прибывающим на Родину? Сборно-щитовые здания, приспособленные под общежития и гостиницы, в спешном порядке переоборудованные казармы, учебные корпуса и даже штабы. Кроме того, новые районы дислокации войск не подготовлены. Скажем, в нашем округе для прибывающей техники, которая начинена электроникой, нет утепленных хранилищ, отсутствует ремонтная база. В ущерб это все нашей боеготовности или нет? Думаю, чтобы справиться с навалившимися проблемами, необходимо принять государственную программу, которая предусматривала бы не только обеспечение военнослужащих необходимыми условиями, но и сняла напряженность в армии.

— После вашего выступления на Российской партконференции ходят слухи, что вы получили новое назначение. Правда ли это?

— Говоря словами Марка Твена, слухи о моей смерти сильно преувеличены.

Ох, как хочется сегодня некоторым столкнуть армию с народом, народ с партией, рядовых с офицерами, офицеров с генералами. Как народный депутат СССР, я часто бываю в своем округе. Встречаюсь с уральцами — скромными и терпеливыми тружениками, с ветеранами войны и труда. Им понятно, почему шельмуется армия, и они требуют положить этому конец.

Н а с н и м к а х: командующий войсками Приволжско-Уральского военного округа А. Макашов в гарнизоне, где возводится дом для офицеров, прибывающих из стран Восточной Европы. Экипаж зенитно-ракетной установки — водитель-механик С. Базавлук, операторы Ю. Воронин и А. Шеховцов. Рядовые О. Хаджимамедов и Г. Гусвмносеров — военные строители.

Решительно не могу согласиться с теми нашими критически настроенными согражданами, которые категорически утверждают: жизнь, мол, нынешних кооператоров — один лишь рай небесный. Дескать, греби деньжищи лопатой — и никаких забот! Легковесно подобное суждение! Ибо каждому артельщику известно: кооперативное дело — занятие хлопотное, беспокойное, а нередко и крайне опасное.

РОГАТЫЙ ДЕТЕКТИВ

История одной сделки

Вот и народный депутат СССР, председатель Мособлпотребсоюза Ю. Мариничев сокрушенно поведал мне о всяческих злоключениях кооператива «Подмосковье», входящего в его систему.

А подробности я узнал уже от следователя Главного следственного управления МВД СССР, капитана милиции Н. Попова.

— Для начала хочу прежде всего заметить,— сказал Никита Викторович, — что Московский областной союз потребительских обществ (МОСПО) призван в первую очередь снабжать сельское население товарами, закупать на территории области излишки сельхозпродукции и осуществлять ее переработку. И вот для улучшения снабжения жителей столичной области овощами и фруктами в начале 1989 года при МОСПО развернул кипучую деятельность кооператив «Подмосковье». Возглавил его Бердичевский Ефим Моисеевич, уроженец Одессы, бывший полковник Советской Армии, управляющий там тыловыми и снабженческими службами разных уровней. Второй активист кооператива — Гущин Юрий Николаевич. Родился он в Кемеровской области, ранее дважды судимый за мошенничество. Последний раз в 1980 году был приговорен к девяти годам лишения свободы. Третье важное лицо — Гущин Валерий Николаевич, брат Ю. Н. Гущина.

Эти лица,— пояснил следователь Н. Попов, — полностью держали в руках финансы кооператива. Только они имели право получать и распоряжаться деньгами. Через их руки в течение года прошло более 10 миллионов рублей..

Что верно, то верно! Деньги свободно выдавало Сокольническое отделение Промстройбанка столицы, так как кооператив просил их якобы для закупки сельхозпродукции. Фактически же на эту деятельность шла незначительная часть полученных денег. Кооператив же скупал у частных лиц компьютеры и продавал их различным организациям. Так, только кооперативу «Символ» из Красногорска было поставлено техники на сумму более четырех миллионов рублей. В то же время за «активную работу» по закупке сельхозпродукции указанным весьма энергичным лицам кооператива «Подмосковье» руководством МОСПО были проданы без всякой очереди легковые автомашины «Жигули».

Со временем окрепшему кооперативу руководящие лица МОСПО стали давать персональные задания.

Весной 1989 года к первому заместителю председателя МОСПО В. Налимову обратился его давний знакомый, председатель кооперативно-производственного объединения «Жаркент», что в Казахстане, В. Верзилин, предложивший закупить пять тонн рогов сайгака для последующей перепродажи за рубеж. И вскоре Е. Бердичевский и «Мособлкоопэкспорт» (структурное подразделение МОСПО) в лице его генерального директора В. Комарова подписали договор о том, что кооператив поставит пять тонн рогов определенного качества, за что получит три миллиона рублей. При этом никто из руководства МОСПО не поинтересовался, сколько стоят фактически эти рога и каким образом кооператив будет их приобретать. Между тем по постановлению правления МОСПО от 28 июня 1989 года под закупку рогов через «Мособлкоопэкспорт» на счет кооператива «Подмосковье» для начала была перечислена беспроцентная ссуда в сумме 1,5 миллиона рублей.

Энергичные умельцы — подвижники из «Подмосковья», естественно, только этого и ждали. За короткий срок они положили в свои карманы изрядную сумму.

— Из имеющихся материалов уголовного дела,— продолжил следователь Н. Попов,— можно сделать вывод, что рога сайгака приобретались в Казахстане по цене до 100 рублей за килограмм. Однако Е. Бердичевский, Ю. Гущин и другие отчитались, что платили по 550 рублей. Таким образом кооперативные ловкачи «заработали» при попустительстве руководства МОСПО более двух миллионов рублей..

Это дало возможность членам кооператива свободно передвигаться по территории страны, жить в шикарных гостиницах. Ю. Гущин, например, легко устраивался в гостиницу Совета Министров Казахской ССР. Для этого председатель кооперативно-производственного объединения «Жаркент» В. Верзилин лишь подготавливал соответствующие письма о том, что Ю. Гущин является представителем совместного с западной фирмой предприятия.

Не забыты при этом были жены и дочери преуспевающих артельщиков. Скажем, того же Е. Бердичевского, Ю. Гущина. Их тоже устроили в кооператив. И получали они от 700 до 1000 рублей в месяц. А на допросах у следователя, когда задавался вопрос, что же они делали за эти суммы, ответ был стереотипным: «Отвечали на телефонные звонки, где-то что-то записывали. »

Заготовка рогов сайгака производилась в июле — октябре 1989 года. И это несмотря на то, что членам кооператива было известно: 31 мая 1989 года Совет Министров Казахской ССР принял постановление № 167, запрещающее данную деятельность кооператорам. Знало об этом и руководство МОСПО. А для того, чтобы в дальнейшем избежать претензий представителей Казахской ССР, руководители «Мособлкоопэкспорта» и «Продинторга» подписали договор о сотрудничестве задним числом — 25 мая 1989 года. А ведь только 28 июня 1989 года руководство МОСПО дало добро на финансирование операции по закупке рогов сайгака и перечислило кооперативу «Подмосковье» через «Мособлкоопэкспорт» первые полтора миллиона рублей...

Вскоре рога были переправлены во Владивосток. Будут ли они отправлены на экспорт — неизвестно. Заказов от инофирм не предвиделось — спрос на данное сырье упал... Дело приобретало весьма неприятный оборот. И тогда на подмогу своим подопечным энергичным кооператорам бросился лично сам народный депутат СССР, председатель Мособлпотребсоюза Ю. Мариничев.

В своем послании на имя президента Казахской ССР, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. Назарбаева, отпечатанном на фирменном бланке народного депутата СССР, Юрий Михайлович сформулировал свою проникновенную просьбу так:

«Глубокоуважаемый Нурсултан Абишевич! В феврале — апреле 1989 года подразделениями Московского облпотребсоюза были заготовлены пять тонн рогов сайгака и 25 мая прошлого года на основании договора были проданы Всесоюзному объединению «Продинторг». С декабря 1989 года это количество рогов сайгака находится во владивостокской конторе «Продинторга», и до сих пор на экспорт они не проданы. Нами же на их приобретение потрачено 3 млн. рублей и ожидается заработать 1250 тыс. инвалютных рублей, которые собираемся потратить на приобретение различного технологического оборудования для производства продуктов питания. Поэтому убедительно прошу Вас рассмотреть нашу просьбу и оказать содействие в реализации рогов сайгака через объединение «Продинторг» или в счет квоты министерства местной промышленности Казахской ССР на взаимовыгодных условиях. Заранее Вам благодарен. Народный депутат СССР, председатель Мособлпотребсоюза Ю. М. Мариничев».

Читатели, безусловно, обратили внимание, что в своей обстоятельной челобитной народный депутат СССР Ю. Мариничев, мягко говоря, несколько исказил факты. Ибо «подразделениями Московского облпотребсоюза были заготовлены пять тонн рогов» никак не в феврале — апреле 1989 года, как утверждает народный депутат, а в июле — октябре прошлого года. И уж тем более эти самые рога не могли быть проданы «Продинторгу» 25 мая прошлого года. Ведь, как мы уже знаем, лишь 28 июня 1989 года правление Мособлпотребсоюза постановило дать добро на закупку рогов.

Так зачем же, спрашивается, грешит народный депутат СССР Ю. Мариничев? А затем, чтобы скрыть незаконность закупочной операции. Но в ответ на свою челобитную Ю. Мариничев получил телетайп за подписью министра И. Едильбаева, в которой, в частности, говорилось, что сданные рога дальневосточному отделению «Продинторга» незаконно заготовлены в Казахстане, что партия рогов является национальным достоянием Казахской ССР и подлежит возврату. Министр попросил народного депутата дать указание подведомственным организациям и должностным лицам безотлагательно сдать рога «Охотзоопрому». «К избраннику народа обращаемся быть выше узковедомственных сомнительных интересов,— значится в телетайпе.— Ваша просьба республикой не поддерживается. В противном случае трудовые коллективы «Госохотпромхозов» будут вынуждены обратиться к Президенту СССР».

Вот ведь как обернулось дело!

Нет, я решительно не могу согласиться с теми нашими критически настроенными согражданами, которые утверждают, что жизнь кооператоров райская... Вы сами убедились, что подобное суждение по меньшей мере легковесно. И, надеюсь, теперь каждый усвоит, что кооперативное дело — занятие хлопотное, беспокойное, а нередко даже опасное.

Вадим ЦЕКОВ

●

УГРОЖАЮТ КАРАБАХОМ

В одном из пунктов программы Народного фронта Молдавии утверждается, что занятие ключевых должностей в партийном, государственном и особенно хозяйственном аппарате республики немолдаванами или «обрусевшими националами» является дискриминационным. Сегодня можно со всей ответственностью сказать, что программа «фронта» явилась своеобразным сценарием того, что разыграно в республике в течение одного года.

Накануне I Съезда народных депутатов Молдавии лидер Народного фронта депутат Матковски попадает в автомобильную аварию. По всей республике распускается слух, что это дело рук русских. На съезде создается специальная комиссия для расследования причин аварии. А тем временем продолжается нагнетание русофобских настроений. Проведенное расследование показало: русские к автомобильной катастрофе никакого отношения не имеют.

14 мая вечером толпа членов и сторонников НФМ, собравшаяся в центре Кишинева у памятника Стефану Великому, зверски избила восемнадцатилетнего студента столичного технологического техникума Дмитрия Матюшина, возвращавшегося после концерта домой с двумя знакомыми девушками. Били за то, что, проходя мимо, он позволил себе разговаривать по-русски. 18 мая Дима умер в больнице.

15 мая около шестидесяти человек собрались у Дома печати, требуя выдачи корреспондентов и редактора газеты «Молодежь Молдавии». Дружно выкрикивали: «Жос (Долой), «Молодежь Молдавии»!», «Русские свиньи — вон!», «Уезжайте пахать свое Нечерноземье!». Потом начали рвать, топтать ногами и жечь газету,

в которой под рубрикой «Проба пера» была опубликована маленькая заметка начинающего журналиста, кстати, молдаванина. Возмутили толпу несколько строк о том, что Бессарабию много раз делили на части, «особенно в начале нашего века» — и в списке стран, которые это делали, стоит Румыния.

28 июня НФМ с ломами в руках громит в центре Кишинева арку Победы, установленную в середине прошлого века в память об освобождении молдавского народа от турецкого ига в 1812 году. Видите ли, в роли освободительницы выступила русская армия...

Это лишь маленький перечень видимых событий и фактов, свидетельствующих о нагнетании русофобских настроений в республике. Но есть еще и невидимая часть этого айсберга.

Например, в органах МВД республики идет активная замена представителей русскоязычного населения на лиц молдавской национальности и одновременно готовятся несколько тысяч карабинеров для отправки на подготовку в Италию.

«Искренняя забота» о двухстах тысячах гагаузов, занимающих обширную территорию на юге Молдовы, звучит в том разделе программы, где сказано, что НФМ выступает «за создание всех необходимых условий для свободного и всестороннего развития культуры и языка гагаузской народности». Но этот всплеск «пролетарского интернационализма» выглядит просто грубой насмешкой над справедливой борьбой гагаузов за территориальную автономию в рамках республики, которая далее в программе представлена как «безответственные проявления сепаратизма.., направленные против территориальной целостности и суверенитета МССР, дестабилизирующие ситуацию в республике и провоцирующие межэтническую вражду».

В прошлом году газета «Тинеретул Молдовей» опубликовала статью В. Нэстасе «Лишай», в которой прямо утверждалось, что гагаузские районы — лишай на теле Молдовы. В других изданиях «энфеэмовской» ориентации гагаузы назывались не иначе, как «антикультурный народ». Всячески пропагандировалась идея об их «кочевой сущности», хотя народ этот испокон веков занимался земледелием.

Согласитесь, фарисейски звучит один из тезисов программы фронта о том, что НФМ «решительно осуждает всякое проявление шовинизма и национализма, оскорбление национального достоинства, провоцирование вражды между народами и действует в направлении сплочения этнических групп МССР на основе интернационализма и взаимного уважения».

Премьер-министр ССРМ Мирча Друк в одном из своих интервью газете «Коммерсантъ» (№ 23) на вопрос корреспондента о том, как собирается правительство республики, в котором, кстати, всего-навсего один русский, преодолевать конфликтную ситуацию, возникшую в связи с реакцией русскоязычного населения на деятельность нового молдавского парламента, ответил: «Я их не осуждаю... но они напоминают мне оасовцев в Алжире или белое меньшинство в Южной Африке. Эти люди должны сами понять, что происходит, и считать за честь здесь жить и работать, а не защищать такие символы, как «серп и молот».

Ну а если уговоры не помогут, будет ли применена сила? «Я бы не хотел! — последовал ответ.— Мой им совет: не играть с огнем. Мы не хотим ливанизации Молдовы и бейрутизации Кишинева. Молдаване готовы идти до последнего, но не отступить. Если

нашнх объяснений они не примут, тогда будет Ольстер или Карабах...»

По-моему, Мирча Друк несколько необдуманно сравнил 1,7 миллиона русскоязычного населения с «белым меньшинством» в ЮАР. А если учесть, что из 2,7 миллиона молдаван, проживающих в республике, только 70 тысяч членов НФМ и 250 тысяч сторонников, то подобное сравнение явно не по адресу.

«Законом о функционировании языков на территории ССР Молдова» полный переход на румынский язык как государственный предусмотрен с 1 января 1994 года. Но уже сейчас во всех организациях, учреждениях и на всех предприятиях ведется «чистка» руководящего состава по национальному признаку. И утверждение М. Друка в том же интервью «Коммерсанту», что при назначении в аппарат управления учитывается «прежде всего — профессиональная компетентность» — ложь, о которой знает вся ССР Молдова. Так что изучение языка в таких условиях — тот самый «мартышкин труд», бессмысленность которого очевидна.

В беседе с редактором газеты Общества еврейской культуры в Молдавии «Наш голос» Александром Бродским премьер-министр ССРМ М. Друк заявляет: «...мы будем принимать в соответствии с законом самые жесткие меры по отношению к антисемитизму. Я распорядился о том, чтобы руководители Министерств внутренних дел и национальной безопасности лично докладывали мне обо всех фактах такого рода... Я очень верю в своих сограждан. Вместе с ними мы не допустим проникновения фашизма в Молдову».

К сожалению, Друк, судя по всему, просто не заметил, как фашизм в виде русофобии стал элементом внутренней политики, проводимой нынешним руководством республики. Очевидно, не докладывают ему руководители Министерств внутренних дел и национальной безопасности о вышеприведенных «фактах такого рода».

Именно поэтому необходимо как можно скорее принять законы о российском гражданстве и о защите российских граждан, ибо в противном случае боюсь, что ближайший Съезд народных депутатов РСФСР придется начать с минуты молчания в память о невинных жертвах...

А. ПРОЦЕНКО

На снимках: активисты Народного фронта на одном из митингов. Оскверненная арка Победы.

МАСОНЫ ИЗ ПРОБИРКИ

«Понятливая «Память», помимо эфемерной любви, сулит мужчинам с погонами и нечто более существенное: «Союз требует увеличения ассигнований на нужды Комитета государственной безопасности и других ведомств, выполняющих аналогичную работу, и ориентации их усилий на борьбу с сионизмом и масонством». Вот она, алхимия патриотизма: уж если ведомства сориентировать и хорошо заплатить — будут масоны, будут! И з п р о б и р к и р о д я т с я, и з в о з д у х а м а т е р и а л и з у ю т с я» **(разрядка редакции.)**

«Знамя», 1990, № 7, с. 201

Интересно, почему наши так называемые «демократы», при всем их митинговом нигилизме, так меняются в лицах, услышав о сионизме и масонстве? Словно спруты, темную жидкость выделять начинают, воду мутят... «Это все «Память» выдумала»,— пять лет от них и слышишь. Так застращали всех, что открыто об этих самых... и сказать боязно: а вдруг нанесешь ущерб перестройке и гласности?

Кто только нас не уверял, что масонов в СССР нет! А. Н. Яковлев на одной из встреч прибег к такому вот убедительному аргументу: «Насчет масонства я твердо скажу, что нет, поскольку из листовок, которые распространяются и которые мне присылают, руководителем масонской ложи в Советском Союзе являюсь я. Но я вас хочу заверить, что такого нет» *.

Нечто подобное утверждала Н. Берберова, выпустившая на Западе книгу о масонах. «Масонов больше нет» — гласит крупный заголовок в еженедельнике АН СССР «Поиск». Одни говорят, что масоны вымерли после Октября; другие, как Берберова, утверждают, что последняя ложа перестала у нас существовать где-то в начале семидесятых годов нашего века. Но как тогда объяснить обилие масонских символов и знаков в проектах памятников Победы, которые выставлялись уже в наше перестроечное время в московском Манеже, изображение их в передачах Центрального телевидения, в различных изданиях и т. д.? Впрочем, что за вопросы? Любой мало-мальски посвященный «демократ» еще вчера обвинял за них в создании «образа врага». Но вот теперь измученным бесконечной подстройкой «демократам» вновь пришлось изворачиваться. Масоны-то возьми да объявись в странах Восточной Европы — проснулись, как жуки после зимней спячки. А вскоре выяснилось, что и у нас в стране они существуют, о чем заявил весной этого года гроссмейстер великой ложи «Большой ориент Франции» Жан-Робер Рагаш.

Чуткие к конъюнктуре «Московские новости», «Взгляд» и другие рупоры «демократического меньшинства» сразу кинулись брать у масонов (пока иностранных) интервью. Из них мы узнали об этих милых, интеллигентных людях, занимающихся, по их словам, как и в прошлые века, только нравственным самосовершенствованием, и весьма далеких от политики.

Но тут в стане «демократов» возникла очень не типичная для них плюралистическая ситуация. Опять сбился с ноги журнал «Знамя». Когда другие издания стали соревноваться в создании из масонов «образа друга», «Знамя» все равно упрямо заявило: нет в СССР масонов, и все! Это патриоты, мол, запугивают ими людей. Да и откуда им, советским масонам, взяться — из алхимической пробирки патриотов, что ли, они появятся?

Однако не успел этот июльский номер журнала «Знамя» покинуть стены типографии, а уже прошла информация о создании в Москве отделения международного клуба «Ротари» — «низшей степени масонской иерархии, из которой рекрутируются кандидаты в члены масонских лож» (Л е о н Х а й н. Польское масонство 1920—1938. Варшава, 1984, с. 517).

В одном только журнал «Знамя» дал маху: наши доморощенные кандидаты в масоны появились все же не из пробирки — скорей уж из Кремлевского Дворца съездов! Ибо масонами стали, как выяснилось из публикаций «Литературной России» от 13 июля, народные депутаты М. Бочаров, писатель А. Ананьев, а также известный «демократ» писатель Ю. Нагибин. Есть и другие, но их имена пока держат в секрете. Впрочем, и так ясно: ни В. Распутин, ни В. Белов, ни В. Астафьев в этой компании не окажутся.

До революции о масонах выходило множество книг и статей. Таких, как «Тайное мировое правительство» А. Шмакова, «Тайная сила масонства» А. Селянинова. Потом все они скопом попали в спецхран, где и находятся до сего дня. Но шила в мешке не утаишь. Вот что, к примеру, говорилось о масонах на церковном Соборе 1918 года: «Русский народ ныне стал игралищем еврейско-масонской организации, за которой виден уже антихрист в виде интернационального царя» *.

Да, процессы реабилитации зашли далеко. Оправдали всех палачей и преступников досталинских репрессий, сионистов, масонов. Что дальше? Может, признают подлинными «Протоколы сионистских мудрецов» и наличие против России сионо-масонского заговора? И тогда в один прекрасный вечер ведущий «Взгляда» с неизменной улыбкой, возможно, успокоит зрителей сказкой о том, что в отсталой и нищей России этот заговор был необходим, чтобы вывести ее на путь прогресса, приобщить к общечеловеческим ценностям, столь нужным для построения общемирового дома с масонским правительством во главе...

«ТОВАРИЩ»

---

* Информационный бюллетень «Слово «Науки». «Наука», 1989, 17 февраля.

* Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918, кн. 5, вып. 1, с. 43.

КУБА—БАСТИОН РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Идеология стала своего рода водоразделом в некогда монолитном социалистическом сообществе, пробным камнем в определении позиции по наиболее злободневным вопросам. Первый звонок прозвенел тогда, когда Куба отказалась от участия в Олимпиаде, проходящей в Сеуле. По ряду сопряженных с этим событием вопросов позиция кубинского руководства была аналогична той, которую заняло руководство КНДР. Когда стали реальностью перспективы установления дипломатических отношений между Венгрией и Южной Кореей, ЦК Трудовой партии Кореи предупредил, что если социалистические страны будут подчиняться воле империалистов, как это делает Венгрия, отказываясь от собственной политической позиции во имя экономических выгод, то они причинят непоправимый ущерб своим народам и общему делу социализма. Точки над «i» были поставлены в 1989 году, когда многие стороны внутренней и внешней политики Кубы подверглись острой критике со стороны официальных венгерских изданий.

Что же вызвало откровенное неприятие венгерских журналистов в сегодняшнем дне Республики Куба, названной иронично «латиноамериканским бастионом реального социализма» и «Красным островом»?

Общеизвестным фактом является то, что кубинские войска находились в различное время в Анголе, Эфиопии, Намибии, Гвинее-Бисау, Алжире и Сирии. В декабре 1989 года были объявлены данные об общих потерях: 2289 кубинских военнослужащих погибли, выполняя свою миссию за границей. Как оценивать эти факты? Напрашиваются параллели с вводом советских войск в Афганистан. Можно спорить, можно соглашаться либо не соглашаться, но безнравственно было бы ставить под сомнение искренность и чистоту намерений кубинского народа, протянувшего руку помощи африканским странам в условиях экономической блокады самой Кубы, карточной системы внутри страны, постоянного дефицита товаров. 7 декабря 1989 года — день возвращения на Кубу останков 14 воинов-интернационалистов, превратился во всенародный день скорби по героям, отдавшим свои жизни за идеалы революции и социализма. И не было столь знакомых нам всем призывов ко «всеобщему покаянию», «очищению от зла», а фактически — к отречению от самих себя. Интернационализм — неотъемлемая черта политической культуры латиноамериканцев. Вспомним: великий С. Боливар во время войны за независимость испанских колоний принимал участие в сражениях на территории практически всех стран Южной Америки. Герой кубинской революции Че

Гевара — родом из аргентинского города Росарио, а погиб в Боливии. Примеры можно продолжать...

История неделима, преемственность и последовательность всех ее составляющих — критерий цивилизованности любого общества. Сегодня Куба остается одной из немногих социалистических стран, не поддавшихся, несмотря на политику ректификации, соблазну превратить свое недавнее прошлое в некое подобие шахматной доски, на которой все в любой момент можно начать с нуля. В этом смысле «Красный остров», если пользоваться терминологией венгерских коллег, действительно выпадает из общего контекста головокружительных перемен в Восточной Европе (достаточно вспомнить демонтаж памятника Ленину в Польше или осквернения памятников советским солдатам в Берлине). Несмотря на широчайший набор мер со стороны Соединенных Штатов, призванных добиться желаемой либерализации кубинского общества и соответствующих изменений во внешнеполитической ориентации, жесткая и устойчивая позиция Кубы сохраняется на протяжении трех десятилетий. Видимо, это один из интереснейших феноменов в современном мире. На IX встрече руководителей движения неприсоединения в Белграде Р. Кастро подчеркнул, что стратегические цели Соединенных Штатов и их союзников не претерпели изменений: это «поражение социализма, политическая и экономическая дезинтеграция социалистического сообщества и навязывание своих принципов развивающимся странам... Если социализм ослабнет, если соотношение сил изменится, нас будет ожидать новый раздел мира между крупнейшими капиталистическими странами».

Одной из главных причин подобной позиции кубинского руководства является то обстоятельство, что из всех стран, вставших на социалистический путь, Куба в наибольшей степени испытывает на себе жесткое давление со стороны США. Именно отсюда достаточно скептическая оценка Фиделем визита в 1989 году в Венгрию и Польшу Д. Буша. Именно отсюда резкая реакция на публикации в венгерской прессе, расцененные «Гранмой» как закономерное следствие отказа венгерского руководства от коммунистических принципов и как попытку поставить под сомнение основы революционного интернационализма.

Известно, что с августа 1989 года распространение «Московских новостей» и «Спутника» запрещено на территории Кубы. Это решение аргументировалось тем, что на страницах этих изданий проповедуется отказ от социалистических ценностей, односторонне освещается западный государственный строй, содержатся выпады против теории марксизма-ленинизма. «В их публикациях отрицается вся предшествующая история и превращается в хаос настоящее. Под видом плюрализма мнений подаются формулировки, проповедующие анархию... На страницах этих изданий восхваляются буржуазная демократия как высшая форма народного представительства, а также американский образ жизни. Империализм исчез. Не было врагов советской власти, есть только ее жертвы», — писала «Гранма». А вот слова Ф. Кастро, произнесенные на церемонии чествования кубинских интернационалистов.

«Неприемлемо то, что многие сегодня в самом Советском Союзе посвящают себя отрицанию и размыванию исторических подвигов и гигантских заслуг своего героического народа. Это не та форма, с помощью которой можно очиститься и исправить бесспорные ошибки, совершенные революцией...

Систематическое разрушение ценностей социализма, ставшее сутью под-

рывной работы империализма, наложенное на совершенные в прошлом ошибки, усилило процесс дестабилизации в странах Восточной Европы. Дифференцированная политика в отношении каждой из этих стран и стремление взорвать изнутри социализм — такова была долговременная стратегия, осуществляемая Соединенными Штатами...

Капиталистические страны НАТО убеждены, и не без основания, что сегодня Варшавский Договор является не более чем фикцией: размытые и подорванные изнутри общества неспособны к сопротивлению...

В одном из своих выступлений президент США объявил самого себя защитником номер один тех доктрин, которые воплощаются в жизнь многими странами социализма. В истории еще не было такого, чтобы по-настоящему революционная идея получала бы поддержку наиболее могущественной державы Запада... Империализм фактически приглашает сегодня социалистические страны Европы превратиться в получателей его капитала, встать на капиталистическое развитие и принять участие в грабеже стран «третьего мира».

Похоже, Фидель Кастро сказал то, о чем наверняка задумались многие. Как глубоко должно быть разочарование «новым мышлением» и «перестройкой» этого человека, впитавшего в себя богатые традиции революционного романтизма Латинской Америки, когда сейчас буквально на глазах рушатся прежние идеалы, да и страны, их проповедовавшие, чтобы заявить: **«Если судьба оставит нас когда-нибудь в числе последних защитников социализма в мире, мы будем защищать его до последней капли крови».**

Не наступит ли такое время, когда наша страна, бывшая долгое время символом прогресса для многих народов, вынуждена будет обращаться к неотягощенному самоунижением опыту бывших «учеников»?

Разумно ли в сегодняшнем мире требовать от любой нации разрыва со своим наследием, со своей историей? Ведь память общества нельзя расчленить на ту, которую следует уничтожить, и ту, которую можно оставить: она комплексна и едина в своем многообразии. Уроки прошлого показывают: в большинстве случаев наиболее эффективные пути и варианты прогресса общественной системы находятся внутри ее, а все привнесенное извне общество отбрасывает назад. Ведь существует же в Латинской Америке негативный опыт навязывания либерально-плюралистических моделей! По этому поводу один из наиболее реалистичных американских политологов профессор Говард Виарда писал, что в Латинской Америке зачастую формальные требования политического плюрализма (многопартийность, функционирование оппозиций и т. д.) расходятся с реальностью, когда на повестке дня стоит требование консолидации власти, а не ее распыление. Видимо, строго формализованные англо-саксонские понятия о демократии не всегда подходят к анализу латиноамериканских стран, обладающих собственным «потенциалом приспособляемости» к меняющемуся миру. На Кубе этот «потенциал» состоит из централизации власти и управления, сильного государственного начала, невосприимчивости к идеологическим установкам, ориентирующим на принятие западной системы политических приоритетов. «Кубинская модель» демонстрирует те реальные различия, в рамках которых впредь будет происходить процесс саморазвития и совершенствования социализма как общественной системы, имеющей общечеловеческую ценность.

А. МАКАРЫЧЕВ

КАЛЕНЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) — русский писатель, истоки творчества которого в глубоком знании народной жизни, поверий, сказов. Его произведения всегда необычайно ярки: поэтическое видение мира, ощущение музыки слова, сильный, сочный язык делают их привлекательными для самого широкого круга читателей. Ремизов так писал о себе: «Веду свое от Гоголя, Достоевского, Лескова. Чудесное от Гоголя, боль — от Достоевского, чудное и праведное — от Лескова». За участие в студенческих беспорядках шесть лет провел Алексей Михайлович в царских тюрьмах и ссылках, но когда Октябрьская революция свершилась, не принял ее и в 1921 году эмигрировал в Берлин, а позднее — в Париж.

Предлагаем вашему вниманию притчу о Николае Угоднике, записанную Ремизовым со слов великого русского поэта Сергея Есенина.

Шел мужик лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь обдую, и умника, и простого, и святого, кого хошь!

И только это сказал он, а ему старичок навстречу.

— Продай лошадку-то!

Посмотрел на него Кузьма,— так, старик не из годящих, и разговаривать-то с таким — время терять.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебе, что ли, нет? Конь-то твой был конь, да съезжен, десятки не стоит.

— Ну и проваливай,— огрызнулся Кузьма,— не по тебе цена, не для тебя и конь! — и пошел.

И старичок пошел, ничего не сказал, да остановился, что-то подумал и уж догоняет.

— Уступи!

А тот молчит.

— Уступи, хоть сколько,— просит старик, не отстает.

И вот-вот двинет его Кузьма: надоело.

— Ну, ладно, коли уж так надо, бери сто! — сказал старик и высыпал ему на ладонь червонцы, а сам сел на лошадь — и прощай.

У Кузьмы в глазах помутилось — червонцы!

И хотел он их в карман спрятать, а никак и не может с ладони ссыпать: пристали к ладони, не отлипают. Бился, бился, а ничем не отдерешь, и жжет.

От боли завертелся Кузьма и уж едва до дому добрался.

И дома места себе не находит — жгут червонцы. Извелся весь. Уж кается, да ничего не помогает: жгут червонцы, как угли каленые.

И вот совсем обессилел и заснул.

И приснился ему сон.

«Иди,— говори́т,— той дорогой, по которой шел продавать лошадь, встретишь того старика, покупай назад лошадь. Сколько ни спросит старик, давай».

Очнулся Кузьма. Чуть свет вышел на дорогу,— на свет ему поднять глаза трудно, и жжет.

А старик-то и едет.

Поклонился он старику.

— Продай, дедушка, лошадь-то!

Смотрит старик, не признает.

— Лошадку-то продай, дедушка, мою! — едва слова выговаривает несчастный.

— Десять рублей,— сказал старик.

— Бери сто.

— Зачем сто? Десять,— и поехал.

Кузьма стоит на дороге, впору волком завыть.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну давай уж сто.

Обрадовался Кузьма, и в ту же минуту отлипли червонцы, так и зазвенели, каленые, о холодный камень. Нагнулся, собрал в горсть, а перед ним старичок-то, как поп в ризах.

— Батюшка Никола Угодник!

А старик стоит и так смотрит: броватый такой, кротко.

— Прости, родненький!

— Ну, иди с Богом, да не обманывай! — сказал старик — и как не было.

И червонцы пропали, только лошадь одна.

Публикация Владимира ЦЫБИНА

ПИСЬМА «ТОВАРИЩУ»

«Надоели нам люди заезжие...»

Недавно я побывал в деревне — на малой родине, где родились и жили мои предки. До Н. С. Хрущева почти у каждого была корова, свиньи и прочая живность. По рассказам моей тетки — Оськиной Антонины Георгиевны — до раскулачивания в 1932 году жили еще лучше. Во время раскулачивания у нас разломали все постройки, а бревна свезли к правлению колхоза, где они и сгнили. Отобрали не только скотину, но и одежду. Даже все деревянные ложки поломали. Прошел слух, что нашу семью сошлют в Соловки. А у моего деда с бабкой, кроме моего отца (17 лет), были еще три малолетние дочери. Дед стал скрываться в лесу, а отец мой уехал в Москву. Видимо, он отвез письмо М. И. Калинину. Отстали от нашей семьи лишь после того, как пришел ответ из Москвы, где указывалось, что мы не кулаки, а середняки. Хорошо, что дед мой был грамотный. А другие ведь и писать не умели. Сколько их было сослано?! Это же террор против крестьянства. Уничтожение крестьянства не прекратилось до сих пор.

Аналогичный террор был еще раньше против интеллигенции под видом борьбы с контрреволюцией. Сколько их убито без суда и следствия, одному богу известно. Ведь Есенин С. А. тоже был убит, а не повесился. Но об этом наша демократическая пресса не пишет. Кто это сделал и почему — об этом можно понять из его неопубликованных строк:

Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Надоели нам люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Знаю, где-то там в далях чугунных
Кров чужой и с сумой на плечах,
Только жаль тех дурашливых, юных,
Что сгубили себя сгоряча.

Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья непонятна вина...
Ты Расея моя, Расея,
Азиатская сторона...

«Люди заезжие» — это те «профессиональные революционеры», которые поналетели из Европы и Америки и для которых Россия — лишь стартовый полигон всемирной революции. А народы России — всего лишь горючий материал для разжигания этой революции. И эти революционеры 12 раз заводили на Есенина дело об антисемитизме и контрреволюции.

Поэтому предлагаю по примеру казаков организовать общество потомков тех крестьян, которые были угнаны в ГУЛАГ, раскулачены или насильно загнаны в колхозы. Назвать общество можно «Община», или «Род», или как-то еще.

Думаю, следует создать общество потомков интеллигенции, уничтоженной и высланной за первые 10—15 лет Советской власти.

В. ОСЬКИН
Москва

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ

170 лет назад было произведено удаление иезуитов из Петербурга и Москвы. Иезуиты, проникшие из Белоруссии в Россию с 1801 года и основавшие в Петербурге коллегиум для воспитания детей, воспользовались этим для совращения русских воспитанников в католицизм. Несколько великосветских женщин, обольщенных иезуитской нравственностью и внешним благочестием, начали служить также орудием распространения католических убеждений. Когда это было обнаружено, Александр I, обязанный, как православный государь, беречь веру православную, указом 20 декабря 1815 года повелел иезуитам удалиться из Петербурга и Москвы в Белоруссию, где они имели свою академию в Полоцке, а в Динабурге, Витебске и Орше — школы и монастыри. Но иезуиты не унимались. Свои поземельные владения обременяли долгами и вывозили много денег за границу. И только спустя пять лет настоящим указом все они были высланы из России, их академия в Полоцке закрыта, а школы переданы частью в ведение пиаров (орден католических монахов), частью униатов.

За долгую историю человечества возникали самые разнообразные направления, движения и течения искусства. Внимание любителей живописи в разное время привлекали не только отдельные художники, но и школы. Эта тенденция сохраняется и сейчас.

СВЕТЛЫЙ МИР «МОСКВОРЕЧЬЯ»

Яркое подтверждение этому мы находим на выставках, организуемых товариществом художников «Москворечье». И хотя экспозиции этого объединения проходят не в престижных выставочных залах столицы, а в скромных, небольших помещениях отдела культуры Москворецкого района, ценителей живописи собирается здесь немало. И с каждой новой экспозицией число поклонников «Москворечья» прибавляется.

Творчество художников «Москворечья» невольно заставляет по-иному взглянуть на мир, трепетной нежностью к природе пронизаны великолепные пейзажи, выполненные как уже сложившимися художниками, так и теми, кто только начинает свой творческий путь. Любуясь тонкоствольной, открытой всем ветрам березой или солнечным лучиком, робко прорезавшим серое небо, золотистыми копнами сена или неоглядной далью, ловишь себя на мысли о той естественной преемственности традиций русского реалистического искусства, которая характерна для художников «Москворечья». И большую роль в этом сыграла для них Академическая дача, которой во многом обязаны и художники старшего поколения.

Огромная роль этой дачи еще по-настоящему не оценена. Основанная в прошлом веке крупным промышленником и меценатом В. В. Кокоревым, изъездившим немало дорог в поисках приюта для неимущих студентов Императорской Академии художеств и открывшим однажды это живописнейшее место неподалеку от Вышнего Волочка, словно самой судьбой предназначенное для творческой работы художников. Здесь бывали И. Репин, А. Куинджи, А. Рябушкин и другие знаменитые живописцы. Поработать сюда приезжали художники со всех концов России. Большую роль в дальнейшем развитии Академической дачи как одного из центров русского реалистического искусства сыграл Союз художников РСФСР. Художники из самых отдаленных мест нашей страны прошли здесь замечательную школу в тесном общении с крупными художниками современности. Много сил, энергии отдал восстановлению Академической дачи, значительно пострадавшей в послереволюционные и до- и послевоенные годы, ее первый художественный руководитель Александр Васильевич Волков. Свой большой талант, педагогическое мастерство и исключительную доброжелательность отдавали такие первые художники-педагоги, как Бубнов, Решетников, Ю. Кугач, Сидоров, Гаврилов, у которых начинающие художники считали за большое счастье поучиться мастерству. Лучшие картины молодых талантливых живописцев отправлялись отсюда ежегодно на всесоюзные выставки. Сегодня на смену старым мастерам пришли новые педагоги, чьи имена также хорошо известны начинающим художникам: Левитин, Соломин-младший, Доронин, Токарев... Много сил и энергии отдает молодым художникам Ю. П. Кугач, бессменный председатель приемной комиссии СХ РСФСР. Свое предназначенье он видит в живом общении с молодыми дарованиями. Лекции по искусству, помощь советом и делом, открытость и доброжелательность, создание товарищеской и творческой атмосферы, вот далеко не все, что находит здесь новичок. На Академической даче сложилась издавна традиция любовного, бережного отношения к молодым художникам.

Татьяна Бабушкина за работой. Фото А. Егорова

Среди талантов, открытых именно здесь совсем недавно, художник Фиринат Халиков. Острый взгляд одного из педагогов довольно быстро отметил и незаурядный талант новичка из Кирова, и его въедливое отношение к работе. Ф. Халикову продлили срок пребывания на Академической даче, который он использовал с максимальной отдачей. Итогом его стажировки здесь стала картина, впервые показанная на одной из ближайших выставок «Москворечья», членом которого он стал.

Объединение художников, существующее всего немногим более трех лет, восприняло все лучшее, что есть в русском реалистическом искусстве, продолжает и в своей деятельности его замечательные традиции. В «Москворечье» видит свой смысл жизни один из создателей товарищества народный художник РСФСР Михаил Юрьевич Кугач.

— С самого начала мы не собирались создавать элитной организации, в которую входили бы только мастера,— говорит он.— Чужда и неприемлема была для нас идея извлекать из нее личные дивиденды. Главная

цель для нас была та же, что и для Академической дачи — помочь талантливым людям развить свой талант. Членов нашего товарищества вы можете встретить среди преподавателей художественной школы при Институте имени В. Сурикова, в самом институте, в художественном училище «Памяти 1905 года».

У «Москворечья» есть свой манифест. В нем говорится:

«Мы, художники товарищества «Москворечье»,— приверженцы традиционного реализма. По нашему глубокому убеждению, его смысл и сила — в преемственности культуры, в общности духовного труда разных поколений. Поэтому мы ставим своей целью продолжение и развитие гуманистических традиций мировой и отечественной культуры. Мы убеждены, что именно реалистическое искусство может рассчитывать на наибольшее понимание и любовь зрителей, ибо обращается к нему на языке, не требующем перевода. Нам очень близка мысль Л. Н. Толстого: «То — настоящее искусство, которое выражено так ясно, что всем понятно. Оно имеет своей темой нечто значительное и важное для трудящейся массы народа, а не для праздного меньшинства». Этой темой для нас была, есть и будет сложная, наполненная радостями и невзгодами, счастьем и горем жизнь близких нам людей. Близких по уходящим в глубину времени народным корням, по духовному складу и нравственному обычаю, и, наконец, по любовно-уважительному отношению к труженикам всех народов и осеняющей всех нас родной природе».

С творчеством художников «Москворечья» хорошо знакомы не только москвичи и гости столицы. Их выставки с успехом проходили в ряде городов России. Большой популярностью пользовались картины художников «Москворечья» на недавней международной выставке в Познани. И если в целом реалистическое искусство у нас находится в роли пасынка, то за рубежом к нему проявляют все больший интерес. Немало картин приобретается зарубежными коллекционерами, немало покупателей находится и среди соотечественников.

Каждая выставка художников товарищества знакомит нас с новыми именами живописцев, делающих только первые шаги в большое искусство. Среди них Любовь Белых из Костромы, студентка третьего курса художественного училища «Памяти 1905 года» Татьяна Бабушкина, обратившая внимание любителей живописи своей работой «Интерьер», Антон Стекольщиков, картина которого «Павлово село» запомнилась многим.

Не жалуется «Москворечье» на отсутствие зрительского интереса. Обидно только равнодушие со стороны официальных властей, привыкших смотреть на проблемы культуры с позиции «остаточного принципа». Немало порогов обили художники, немало писем написали в различные инстанции с просьбой предоставить им помещение и даже конкретизировали адреса. Но до сих пор приходится ютиться в небольших комнатах выставочного зала отдела культуры Москворецкого района.

О. ЕГОРОВА

ЭТО ИНТЕРЕСНО

«РУССКАЯ МАФИЯ» В АМЕРИКЕ

С недавних пор в нью-йоркском международном аэропорту имени Джона Кеннеди заступил на постоянное дежурство специальный агент ФБР Уильям Мошелла. Его обязанности ограничены одной-единственной задачей — следить за «русскими» курьерами, которые пытаются ввозить в Нью-Йорк героин. Сообщая об этом, газета «Вашингтон пост» указывает, что этот факт свидетельствует о расширении деятельности в крупнейшем городе США преступных банд, которые в США получили название «русская мафия».

Речь идет о деятельности гангстерских группировок, сколоченных бывшими преступниками, эмигрировавшими из СССР и устроившимися в нью-йоркском районе Брайтон-Бич. Это живописное местечко называют в городе «маленькой Одессой», поскольку населено оно евреями-иммигрантами из Советского Союза *. Сейчас их община насчитывает около 39 тысяч человек.

Среди множества людей, которые по разным причинам покинули СССР, были и те, чье сомнительное прошлое на новой почве наполнилось новым преступным содержанием. По последним данным, преступные банды, сколоченные из иммигрантов Брайтон-Бич, насчитывают около 1100 человек. Сотрудники нью-йоркской полиции говорят, что деятельность этой подпольной организации простирается до Филадельфии, Лос-Анджелеса, Чикаго, Майами и даже Канады.

По словам Лауро Бреветти, бывшего главы спецотдела ФБР по борьбе с организованной преступностью в Бруклине, эти мафиози специализируются на импорте героина из Индии и Таиланда, экспорте кокаина в Европу, ростовщичестве, убийствах, мошенничестве и вымогательстве, махинациях с кредитными карточками. Только на вскрытых недавно махинациях с продажей бензина преступники получили более одного миллиарда долларов. Между разными группами мафии идет и борьба за раздел «сфер влияния». По статистике, на Брайтон-Бич с 1982 по 1989 год в «боях» за контроль над рынками сбыта погибли 12 человек.

Расследование деятельности этой мафии оказывается чрезвычайно трудным делом, поскольку внедриться в русскоговорящие банды преступников довольно сложно, а ведут они дела, по признанию полиции, в большей тайне, чем итальянская мафия. Кстати, «Вашингтон пост», ссылаясь на агентов ФБР и полиции, сообщает, что «русская мафия» устанавливает сейчас тесные контакты с местными итальянскими группировками.

Андрей ФЕДЯШИН
(«Советская молодежь»),
г. Рига

* Примечательно, что, зная о национальности многих контрабандистов, в США их упорно называют «русскими», ибо в противном случае сработал бы жупел антисемитизма. (Прим. ред.)

Михаил Кугач просматривает работы молодых художников.

Фото А. Егорова

ТОВАРИЩ

Бернардо ГИМАРАИНС

РАБЫНЯ ИЗАУРА

Роман

Продолжение. Начало на стр. 75

— Эге! — усмехнулся хозяин фазенды. — Похоже, у меня в доме объявился идол, перед которым падают ниц все подряд! Даже мой садовник... Очень мило с вашей стороны, сеньор Белшиор... — процедил он оробевшему горбуну. — Только за этим цветком ухаживать не садовнику! — Насмешка пропала в голосе Леонсио, и он злобно бросил: — Не забывай этого, урод!

— Простите меня, хозяин, — залопотал дрожащий от страха и смущения садовник. — Я тут цветы в комнаты принес, как положено, ну и...

— И очутился на коленях. Вижу. Так вот, если еще замечу, что ты изображаешь из себя ухажера, выкину с фазенды пинком под горб. Пошел вон!

Перепуганный Белшиор, натыкаясь на стулья, засеменил из гостиной.

— Изаура! Моя Изаура! — Голос Леонсио умаслился. Изобразив на лице ласковую улыбку, он шагнул к девушке.

Но не успел Леонсио коснуться рабыни, как громкий стон, раздавшийся в стороне, заставил его остановиться. На мгновение замерев, он повернулся к выходящей на галерею двери и увидел там побледневшую, без кровинки в лице Малвину, которую поддерживал под руку Энрике.

— Да, брат, теперь я вижу, что ты хотел мне сказать, — с горечью молвила женщина. Одну руку она прижала к сердцу, которое, как ей казалось, разрывалось от боли, а другой пыталась платком сдержать поток слез, хлынувших из ее затуманившихся глаз. Не в силах более терпеть, Малвина бросилась прочь и, вбежав в свою комнату, закрылась там.

Леонсио изрядно разозлила эта малоприятная сцена, и он еще долго метался из угла в угол, сжимая в бешенстве кулаки. Черт

бы побрал этого наглого сопляка! Из-за него теперь с Изаурой может не получиться... Надо думать, как выбираться из переплета...

Изаура, которая за час отразила три атаки, была весьма ошарашена и смущена событиями в гостиной. Поэтому при первой же возможности девушка выскользнула из дома и укрылась в саду среди апельсиновых деревьев, словно испуганный заяц, которого преследовала свора борзых.

Энрике, негодуя на зятя, совершенно не желал более его видеть и потому, взяв ружье, отправился в лес с твердым намерением до вечера охотиться, а на следующее утро непременно уехать в город.

Зная об этих событиях, мы не удивимся, что в обед Леонсио оказался за столом один, что вызвало немалые пересуды у челяди. Хозяин фазенды посылал за супругой, но та выйти отказалась, ссылаясь на недомогание. Услышав об этом, Леонсио в ярости чуть было не выбросил скатерть со всеми приборами в окно. Затем он хотел рвануться на поиски шурина, чтобы хорошенько его отхлестать. Как некстати этот балбес появился в доме! Будто специально приехал нарушить спокойствие семейной жизни! Поразмыслив, однако, несколько минут, Леонсио понял, что лучше все же успокоиться и не выдавать себя буйством, а с полным безразличием реагировать и на размолвку с женой, и на гнусное поведение родственника. Молодой хозяин чувствовал, что ему уже не удастся скрыть свои грехи от супруги; с другой стороны, вымаливать у нее прощение — не в его характере. Поэтому от бури, которая грозила вот-вот разразиться, Леонсио решил укрыться за завесой презрительного безразличия. К этому его подталкивали и заносчивая гордыня, и циничная уверенность в том, что все женщины о чести и достоинстве знают только понаслышке.

Выйдя из-за стола, Леонсио велел седлать коня и отправился проверять вырубки и кофейные плантации, что, кстати говоря, делал крайне редко. Домой он возвратился уже после захода солнца, спокойно и с отменным аппетитом поужинал, после чего перешел в гостиную, где, развалившись на мягком диване, закурил пахучую сигару.

Тем временем со своей охотничьей прогулки вернулся и Энрике. Напрасно обойдя в поисках сестры все парадные комнаты, он наконец обнаружил ее за запертой дверью в спальне, бледную, с растрепанными волосами и опухшими от слез глазами.

— Куда ты исчез, Энрике? Разве так можно? — упрекнула Малвина брата, впуская к себе. — Что за дурацкая привычка бросать меня одну?!

— Одну?! А твой милый муженек уже не в счет?

— Не напоминай мне об этом подлеце... Он обманул меня! Теперь вижу, что столкнулась с самым худшим... Такое вероломство!

— Хорошо хоть, что ты своими глазами увидела то, что я не решался тебе поведать, — вздохнул Энрике. — Ну, ладно. А теперь что думаешь делать?

— Делать?.. Ну... А его ты видел? Где он?

— Кажется, в гостиной на диване разлегся.

— Хорошо. Тогда, Энрике, проводи меня, пожалуйста, туда.

— Я тебе нужен? Честно говоря, я отнюдь не горю желанием лицезреть эту скотину.

— Нет, нет. я хочу, чтобы ты пошел со мной; я за этим тебя и ждала. Я боюсь его, и мне нужно, чтобы рядом был надежный человек.

— Ясно. Ты хочешь, чтобы я стал твоим телохранителем, и ты без опаски могла бы говорить с ним. Ладно, согласен, и пусть он только попробует тебя обидеть!

ГЛАВА VI

— Сеньор Леонсио, — напряженным от волнения голосом начала Малвина, приблизившись к дивану, на котором развалился ее супруг, — я хотела бы поговорить с вами, если вас это не побеспокоит.

— Я всегда к твоим услугам, милая. — Леонсио как ни в чем не бывало учтиво улыбнулся и поднялся с дивана. — Что тебе угодно?

— Я хочу сказать вам, — молодая женщина тщетно старалась придать своему лицу выражение холодного спокойствия, — я хочу сказать вам, что вы оскорбили и предали меня самым недостойным и бесчестным образом!

— Святой Боже, о чем ты, дорогая? Сделай одолжение, объясни получше, а то мне непонятно...

— Не лицемерьте, сеньор. Вам прекрасно известна причина моего неудовольствия. Я давно предчувствовала такой поворот событий. Вы перестали быть со мной ласковым; от вас теперь просто несет холодом и безразличием.

— Э, сердце мое, да ты слишком серьезно смотришь на такие вещи. Или ты хочешь, чтобы медовый месяц затянулся навечно? Да ты бы первая от однообразия завыла.

— Вы еще и издеваетесь? Позор! — воскликнула Малвина, не в силах далее притворяться спокойной. Щеки ее зарделись, а в глазах засверкал не сдерживаемый более гнев.

— Ну что ты так кипятишься, женушка, я ж шучу. — Леонсио попытался взять супругу за руку.
— Хороши же у вас шуточки! — Малвина резко выдернула руку. — Не прикасайтесь ко мне, сеньор! Какой стыд... Какой позор для нас обоих!
— Может, ты все же соизволишь объясниться?
— Объясняться мне не в чем, вы меня и так прекрасно понимаете. Я должна только требовать...
— Так требуй, милая, будь любезна.
— Вы сегодня же должны решить участь этой рабыни, в ногах у которой имеете обыкновение валяться. Освобождайте ее, продавайте, делайте что хотите, но она должна покинуть этот дом. Иначе это сделаю я. Выбирайте между нами, сеньор, и сегодня же!
— Сегодня?
— Вот именно. Немедленно!
— Ты слишком несправедлива ко мне, Малвина. — Несколько удивленный горячностью супруги, Леонсио решил потянуть время. — Ты ведь знаешь, я тоже хотел бы освободить Изауру, но разве от меня это зависит? Такими делами здесь распоряжается мой отец.
— Жалкая отговорка, сеньор! Ваш отец давно передал и фазенду, и рабов не только под ваше управление, но и в ваше владение. Вы здесь все можете решить сами. Хотя, конечно, если вы мне предпочитаете эту...
— Малвина, не говори глупостей!
— Глупостей? Кто знает... Решить судьбу этой девчонки вы должны тотчас же, если не хотите, чтобы я навсегда покинула ваш дом. Что до меня, то в моем услужении она и минуты больше не останется, слишком уж смазлива для горничной.
— Ну, что я говорил вам, сеньор Леонсио? — вмешался в выяснение отношений Энрике, которому, видимо, надоело играть роль безмолвного телохранителя. — Видите, к чему приводит страсть украшать свою гостиную изящными игрушками?
— Эти игрушки никому бы не мешали, кабы не гнусные сплетники, которые так и тянут к ним лапы да выискивают, как нарушить мир в чужом доме, — отпарировал Леонсио.
— Не меряйте других по себе, сеньор! Что до мира в чужом доме, — не остался в долгу Энрике, — то я лишь хотел удостовериться, что вы не перетащите свою игрушку из гостиной в спальню и не оскорбите мою сестру!
В ответ Леонсио с угрожающим видом двинулся на Энрике.
— Довольно, сеньоры! — прикрикнула Малвина, вставая между распетушившимися мужчинами. — Продолжать такой спор постыдно и недостойно. Я уже все сказала сеньору Леонсио. Теперь

пусть решает сам. Он еще может поступить, как подобает честному человеку. В противном случае я буду его презирать, как он и заслуживает.
— Послушай, Малвина, — примирительным тоном начал Леонсио, — я готов сделать все, чтобы тебе угодить. Но пойми, сразу дать вольную Изауре нельзя. Как бы ты ни думала, сначала я все равно должен переговорить с отцом. А он сейчас в городе и совершенно не желает отпускать Изауру. Ты же знаешь, чтобы отвязаться от приставаний ее отца, он заломил за нее такую сумму, собрать которую бедолаге просто не под силу.
— Эй, в доме! — раздался в этот миг сильный и зычный голос, хозяин которого, по всей видимости, поднялся по ступеням крыльца и остановился у входа. — Позвольте войти!
— Входите! — закричал в ответ Леонсио, благодаря про себя небо, прервавшее наконец затянувшийся неприятный разговор.
Между тем радость Леонсио оказалась преждевременной. Ведь неожиданный гость был Мигелом, тем самым бывшим управляющим фазенды и отцом Изауры, которого старый командор так грубо выгнал. Впрочем, никто из присутствующих не знал Мигела в лицо, и поэтому приняли его учтиво.
— Присаживайтесь, сеньор, поудобнее, — радушно пригласил хозяин фазенды. — Рады видеть вас в этом доме. Чем мы обязаны чести вашего посещения?
— Премного нам благодарен, — вначале гость вежливо раскланялся со всеми. — Ваша милость, пожалуй, сеньор Леонсио?
— К вашим услугам.
— Очень хорошо. Я как раз и думал потолковать с вашей милостью по причине отсутствия вашего уважаемого батюшки. Разговор у меня недолгий. Я уверен, что могу решить с вами в присутствии этих господ, которые, похоже, приходятся вашей милости родственниками.
— Вне всякого сомнения. Между нами нет секретов.
— Так вот, сеньор Леонсио, — начал Мигел, доставая из широкого кармана бумажник и протягивая его молодому человеку, — здесь ваша милость найдет ровно столько денег, сколько ваш уважаемый батюшка изволил назначить за освобождение одной рабыни из вашего хозяйства. Зовут ее Изаура.
Услышав сказанное, Леонсио обмер и, машинально взяв поданный бумажник, несколько мгновений оставался недвижим.
— Как я... э-э... понимаю, — проговорил он наконец, — сеньор, видимо, доводится... э-э... названной рабыне отцом... Сеньор... э-э... запамятовал, как вас звать...
— Мигел, ваша милость.
— Да, верно. Так вот, сеньор Мигел, я, конечно, весьма рад,

что вы смогли собрать средства для освобождения вашей дочери: она, разумеется, того заслуживает...

Пока Леонсио открывает бумажник и банкнот за банкнотом пересчитывает деньги, очень медленно, чтобы выиграть время и сообразить, как быть дальше, давайте воспользуемся удобным случаем и получше рассмотрим отца нашей героини, добропорядочного португальца, который до сих пор еще не появлялся в поле нашего зрения.

Сеньор Мигел выглядел лет на пятьдесят с небольшим; в его открытом лице чувствовались благородство, добродушие и честность. Одет он был небогато, но опрятно и чисто. Судя по манерам португальца, его вряд ли следовало отнести к той категории его соотечественников, которые понаехали в Бразилию в поисках богатства. Он держал себя и говорил как человек воспитанный и даже образованный. И в самом деле, Мигел происходил из старинной и благородной португальской семьи. Родители его, став жертвой политических интриг, принуждены были эмигрировать в Бразилию. Здесь они и скончались, ничего не оставив сыну в наследство, когда тому было восемнадцать или двадцать лет. Оставшись один, без средств и без протекции, Мигел был вынужден зарабатывать на жизнь трудом собственных рук, устраиваясь то садовником, то огородником, то, позднее, управляющим чужими имениями. Будучи от природы человеком смышленым и энергичным, любую работу он выполнял с ловкостью и сноровкой.

Отец Леонсио имел возможность познакомиться с Мигелом, оценить его способности и нанять управляющим своей фазендой. В этой должности португалец и прослужил долгие годы, пользуясь уважением и хозяев, и подчиненных, пока не случилась с ним уже известная нам роковая история, из-за которой он и был изгнан своим патроном. Мигел познал и горькую обиду, и глубокое горе, но не столько по причине собственных лишений, сколько из-за любви к двум несчастным созданиям, которых он не в силах был защитить от гнева распущенного и жестокого хозяина.

Вынужденный покориться воле командора, этот добрый человек недолго оставался не у дел. Многие окрестные землевладельцы, наслышанные о его достоинствах, готовы были предоставить Мигелу работу. Свой выбор он остановил на фазенде по соседству с той, где служил раньше, чтобы находиться поближе к любимой доченьке.

Почти всякий раз, когда командор уезжал с фазенды, Мигел спешил навестить свою Изауру, привязанность к которой росла с каждым годом. Старая сеньора разрешала португальцу в отсутствие мужа не таясь приходить в дом и видеться с дочкой — единственной отрадой и утешением этого человека.

Мигел поборол в себе ненависть и отвращение, которые питал он к командору, и не единожды ходил на поклон к бывшему хозяину, смиренно прося назначить цену за освобождение Изауры.

— Да тебе, братец, в жизнь таких денег не набрать, так что дочка твоя у меня останется, — обыкновенно отвечал с циничной улыбкой непреклонный рабовладелец удрученному отцу. Но Мигел не унимался, и в конце концов, чтобы отвязаться от его назойливых упрашиваний, командор объявил: — Коли соберешь за год десять тысяч рейсов — девчонка твоя. ...И уволь ты меня, Бога ради, от своих приставаний. Запомни: через год деньги не принесешь — никаких больше разговоров!

— Десять тысяч! — воскликнул ошеломленный португалец. — Огромные для меня деньги, сеньор, да только девочка моя их стоит. Что ж, разобьюсь, а деньги в срок принесу. Господь мне поможет!

И вот этот бедный человек, усердно работая и ограничивая себя во всем, распродав свое имущество, к концу годового срока едва сумел собрать лишь половину требуемой суммы. Но здесь нашему герою повезло, ибо его новый хозяин, узнав о вымогательстве и мучениях, которым был подвергнут Мигел, великодушно одолжил несколько тысяч, необходимых для достижения святой и благородной цели.

Леонсио, как и его отец, считал невозможным для бедного португальца собрать деньги в срок и поэтому был изрядно обескуражен, когда нужную сумму буквально вложили ему в руки.

— Н-да, и впрямь десять тысяч... — наконец объявил молодой человек, кончив пересчитывать деньги. — Ровно столько, сколько назначил мой отец, — про себя же он проворчал: «Да, сглупил папаша; я бы такую девку и за сто тысяч не отдал!» — Хорошо, сеньор Мигел, — продолжил Леонсио вслух, возвращая бумажник, — держите пока эти деньги при себе. Изаура мне не принадлежит — распоряжаться ею может только мой отец. А он сейчас в городе и не оставил никаких указаний. Так что договариваться вам надо с ним.

— Но ведь ваша милость — единственный сын и наследник господина командора, и вы могли бы сами...

— Хватит, сеньор Мигел! — грубо оборвал португальца Леонсио. — Отец мой, слава Всевышнему, еще жив, и я не вправе самовольно распоряжаться его имуществом, даже назначенным мне в наследство.

— В таком случае, сеньор, — настойчиво продолжал отец Изауры, — будьте любезны принять эти деньги и отослать их вашему уважаемому батюшке, испросив от моего лица одолжения исполнить свое обещание и освободить Изауру.

— Ты еще сомневаешься? — сердитым голосом осведомилась Малвина, быстро теряя терпение и досадуя на ухищрения мужа затянуть дело. — Пиши же скорее отцу; если в тебе осталась хоть капля совести, ты должен помочь освободить девушку.

Леонсио, припертый к стене ходом событий и испепеляемый взглядом супруги, не мог дольше уклоняться. С угрюмым видом сел он за стол с бумагой и чернилами и, до боли сжимая перед собою кулаки, пытался предугадать, как отнесется отец к такому посланию. Малвина и Энрике тихо переговаривались у окна. Мигел сидел в противоположном углу возле двери и спокойно ждал, когда Леонсио все же напишет желаемое письмо.

В эту минуту судьба привела в гостиную главную героиню нашего повествования. Изаура, скрывавшаяся где-то в саду, решилась наконец вернуться в дом и, едва войдя в гостиную, с изумлением увидела Мигела. Между ними произошла следующая беседа:

— Отец мой! Какие вести вы принесли? Вы выглядите радостнее обычного...

— Тише, — пробормотал Мигел, прикладывая палец к губам и кивая в сторону Леонсио. — Он, похоже, готов уступить...

— Правда? Как же вам удалось, отец?

— Как?.. Деньгами, как еще... Я покупаю тебя, дочка, и скоро ты станешь свободной...

— Ах, отец! Как вы добры! Если бы вы знали, как часто мне снится воля! Но какую цену вы им платите? Боже, я даже не осмеливаюсь говорить о ней... Но душа моя поет, — продолжала девушка, с пылкой любовью целуя руки отцу. — Я уж и надеяться перестала...

— Успокойся, доченька. — Мигел прижал Изауру к груди. — Небо нам покровительствует, и Бог даст, скоро ты станешь вольной!

— А он уже согласился? — со страхом спросила девушка, указывая взглядом на Леонсио.

— Договор у меня был не с ним, а со старым командором. Ему сейчас и будет писать...

— Тогда надежда есть. А если б один сеньор Леонсио решал, оставаться б мне в неволе до смерти!

Но отвлечемся от беседы между отцом и дочерью и обратим внимание на молодого хозяина фазенды, от которого и зависела в эту минуту судьба Изауры.

— Тысяча чертей! — процедил себе под нос Леонсио и, привстав над столом, стукнул по нему кулаком. — Надо помешать этой глупой прихоти!

— Закончил письмо? — осведомилась Малвина, оборачиваясь от окна.

Не успел Леонсио ответить супруге, как в комнату быстрыми шагами вошел лакей и подал хозяину на подносе конверт с черной каймой.

— Траурное письмо! Бог мой... — Леонсио побледнел и задрожавшими пальцами вскрыл конверт. Быстро пробежав взглядом послание, он опустился на стул и приложил к глазам платок.

— Леонсио, что там? — с опаской спросила Малвина. Не получив ответа, она подняла со стола письмо и прерывающимся голосом прочитала вслух:

— «Леонсио, я должен сообщить тебе печальную весть, принять которую вряд ли сможет твое сердце. Судьба приготовила тебе тяжкое испытание, которое тебе надлежит перенести со смирением. Твоего батюшки более нет среди нас. Позавчера он скоропостижно скончался от удара...»

— О! Боже мой! Все пропало! — убитым голосом молвила Изаура, приникнув точеной головкой к плечу отца. — Никакой надежды...

— Кто знает, дочь моя?.. — печально отозвался Мигел. — Не отчаивайся... Господь нас не оставит...

ГЛАВА VII

Среди прочих хозяйственных построек фазенды, ставшей теперь полной собственностью Леонсио, имелся большой, грубо сколоченный сарай. Неуютное помещение с земляным полом и большими, забранными деревянными решетками проемами вместо окон служило рабочим местом для прях и ткачих. В сарае стояли сбитые кое-как лавки и столы, прялки и моталки для пряжи, а в углу помещался громоздкий ткацкий станок.

Вдоль стен, поближе к свету, сидели в ряд человек тридцать прях — негритянок и мулаток. Некоторые держали на коленях младенцев, дети постарше возились на полу. Чтобы скрасить долгие часы утомительного труда, одни работницы болтали между собой, другие что-то напевали. Здесь были рабыни всех возрастов, типов и оттенков кожи — от старой, угрюмой и черной как смоль африканки до молоденькой, жизнерадостной и почти белокожей мулатки.

Среди прях выделялась одна девица, бойкая и красивая, насколько такое возможно среди невольников. Стройная и гибкая телом, она привлекала внимание изящным лицом с озорными и живыми темными глазами. Несколько крупные губы были влажными и чувственными, напоминая распустившиеся апрельские

утром маргаритки. Черные колечки волос могли бы украсить голову самой благородной заморской дворянки. Правда, прическа была очень короткой, почти мужской. Не отнимая изящества, такая прическа придавала насмешливому и жеманному лицу нашей пряхи оттенок оригинальности. И если бы не блестящие сережки в маленьких ушках и не пухлые, упругие груди под тонкой рубашкой, мы могли бы решить, что видим перед собою смазливого мальчишку-плута. Вскоре мы узнаем, какой энергией обладала эта девица со звучным именем Роза.

Если мы прислушаемся внимательнее, то среди жужжанья прялок, размеренного стука ткацкого станка, монотонного пения рабынь, среди визга и криков детей различим следующий разговор, который вполголоса вела группа прях, в том числе и Роза.

— Да, подружки мои, — говорила соседкам пожилая рабыня женщина опытная и сведущая во всех делах фазенды со времен старых хозяев, — когда сеньор командор еще жил здесь, а про сеньору Малвину никто у нас и не слыхивал, вот тогда нам было славно!

— А как, тетя Жоакина? Расскажи...

— Как? Сейчас расскажу... Вы, наверное, слышали, что старый хозяин был человек суровый, шуток не любил. Мы его, известное дело, побаивались, да, выходит, только нынче стали понимать, как ладно при нем жилось. Молодой-то хозяин, сеньор Леонсио, нам такое, чувствую, устроит, что старую жизнь с тоской вспоминать будем.

— Дева Мария! Помилуй нас!.. Не говори так, тетя Жоакина. Лучше сразу в могилу...

— Молодому хозяину, похоже, ни пряденье наше, ни ткачество не нужны. А хочет он только кофе, больше кофе, который стоит много денег. Вот разгонит он нас из этого сарая... Раньше, ясное дело, тоже кофе собирать ходили, да и тростник рубить доводилось, и надсмотрщик плетью охаживал, да только всего понемногу. А ныне что будет?..

— По правде-то сказать, — отозвалась другая рабыня, — не знаю, что лучше: тростник в поле рубить иль здесь с раннего утра до поздней ночи от прялки не отрываться... На плантации хоть жизнь посвободнее.

— Посвободнее? Как же!.. — воскликнула третья пряха. — Здесь нам в сто раз лучше! По крайней мере, хоть надсмотрщика с плетью нет...

— Да ну вас, девки, — перебила старая рабыня. — Тут свободней, там свободней — все одно, неволя. Коли рабом на свет появился, всюду тяжко. Дьяволова это выдумка — рабство. Видать, когда Господь из глины людей лепил, задремал ненадолго, а дьявол — тут как тут — и устроил неволю... Да, нету горше жизни, чем у невольника... Поди, все знаете, как Изаурину мать, бедняжку Жулиану, до могилы довели...

— Коли Изауру вспомнили, — заметила одна из прях, — она-то как нынче поживает? При сеньоре Малвине она знай себе по господскому дому гуляла, а сейчас, говорят, и совсем...

— А сейчас она, поди, хозяину жену замещает, — отозвалась с кривой усмешкой Роза.

— Не болтай попусту, девчонка! — прикрикнула старая рабыня. — Изауре-то нынче несладко. Благодарите Бога, что вы не на ее месте. Похоже, молодой хозяин позарился на бедняжку, как сеньор командор на ее матушку, несчастную Жулиану. Старый хозяин, прости его Господи, гусь был еще тот, своего не упускал. А Жулиана мулатка была пригожая, статная, цветом вроде как Роза, да только пофигуристей...

Розу такое сравнение задело, и она пренебрежительно фыркнула. Старуха продолжала:

— От пригожести Жулианиной и приключилась ей погибель. Приглянулась она старому командору... Ну, потом что случилось, я уже рассказывала. Жулиана-то девушка честная была, и пришлось ей страдать до самой могилки... А управляющим у нас тогда служил сеньор Мигел, тот самый, который теперь сюда ходит, отец Изауры. Не было, скажу я вам, у нас управляющего лучше! Все его любили, и не зря. Никакого сравнения с нынешним сеньором Франсиско, креста на нем нет! Этот хуже чумы... Ну, так вот. Сеньору Мигелу Жулиана уж так полюбилась, что он никаких сил не жалел, все деньги копил, чтобы ее выкупить. Да старому хозяину это не по нутру пришлось, осерчал он на сеньора Мигела и прогнал его. А Жулиана после того недолго прожила — плеть да тростник ее живо в могилу свели. Осталась после нее одна малютка Изаура. И кто знает, какая б сиротке доля выпала, если б не старая хозяйка! У нее жизнь тоже несладкая была, да пока Господь ее к себе не призвал, сколько она добра сотворила, особенно для бедняжки Изауры.

— А почему бедняжка, тетя Жоакина?

— Да потому, девочки, что, чую я, пойдет она вслед за матерью...

— И поделом ей, воображале, — высказалась завистливая Роза. — Думает, раз в господском доме прислуживает, так лучше других? Перед молодыми господами хвостом вертит, важную сеньору изображает, а все потому, что папашка выкупить ее обещает. Как же, выкупит... Да этот нищий Мигел и на свои-то похороны денег не скопил, где уж ему за дочку расплатиться!

— Ну и язва же ты! — в сердцах бросила мулатке старая пе-

гритянка, неодобрительно покачивая головой. — Не по-божески ты про бедняжку Изауру говоришь. Она ведь, добрая душа, и красивая, и образованная — не хуже любой белой девушки, а ведь по-хорошему-то никто на нее внимания не обращает. Да окажись ты, Роза, со своими дерзостями на ее месте, в сто раз вела б себя хуже.

Роза от досады прикусила было губу, но тут же нашла ответ, как всегда резкий и бесстыдный. Не успела она, однако, договорить, как у входа в сарай раздался зычный и хриплый голос, сразу положивший конец пересудам.

— Молчать! — прогремело из дверей. — Черт подери, опять одними языками работают!

В сарай вошел управляющий — широкоплечий приземистый мужчина с густой черной бородой и грубым, отталкивающим лицом. За ним следовал молодой мулат в лакейской ливрее, тащивший еще одну прялку. Замыкала маленькую процессию Изаура.

Рабыни поспешно поднялись, чтобы поклониться управляющему. Окинув взглядом сарай, он велел поставить принесенную прялку на свободное место, которое, к несчастью для Изауры, оказалось рядом с Розой.

— Иди сюда, девочка, — хмуро молвил управляющий, указывая Изауре на лавку. — Отныне твое место здесь. Вот тебе прялка, а твои товарки дадут тебе урок на сегодня. Похоже, ты не очень рада, но что поделаешь — сама виновата; хозяин так велел. Да помни, прялка тебе не рояль, тут работать надо. Так что старайся — поменьше болтовни, побольше дела...

Несмотря на замечание управляющего, на лице Изауры не отражалось ни досады, ни горечи от внезапного изменения ее положения. Девушка тихо села возле прялки и принялась готовить ее к работе. Хотя обычно Изаура лишь убирала комнаты и исполняла прочие необременительные обязанности, любые домашние дела у нее спорились. Девушка умела прясть и ткать, стирать, крахмалить и гладить, а уж готовила лучше любой поварихи. Уверенно и непринужденно устроилась она среди новых подруг; в ее улыбке с трудом можно было уловить едва заметное выражение печального смирения. Возможно, впрочем, что там отражались также беспокойство и тоска, угнетавшие сердце молодой рабыни. Не было там, пожалуй, лишь ропота против судьбы, нанесшей ей тяжкий удар. Изаура покорно сносила все испытания, ибо, несмотря на природную красоту и полученное образование, дым высокомерия не окутал ее сердца и не затуманил врожденного здравомыслия.

Правда, несмотря на внешние смирение и покорность, в поведении Изауры чувствовались достоинство и гордость, проистекающие порой от сознания собственного превосходства. Вместе с изяществом фигуры, правильными и благородными чертами лица ее жесты и манеры отличали девушку, даже против ее воли, от остальных рабынь. Случайный посетитель, заглянувший в сарай, ни за что не сказал бы, что видит перед собой рабыню, которая выполняет дневной урок вместе со своими соплеменницами, а принял бы Изауру за молодую хозяйку, от скуки присевшую за прялку.

В большинстве своем рабыни из прядильного сарая отнеслись к Изауре с жалостью и сочувствием. Исключение составила Роза, испытывавшая к девушке не только зависть, но и смертельную ненависть. Впрочем, читатель легко поймет причину этих чувств, узнав, что до того, как Леонсио обратил свое внимание на Изауру, Роза частенько призывалась в господскую спальню. Для хозяина фазенды завоевание любви бойкой мулатки оказалось делом легким и необременительным; здесь обошлось без особых упрашиваний и угроз. Но с того времени, как Леонсио стал проявлять интерес к Изауре, Роза оказалась совершенно забытой. Хозяйское небрежение нанесло сердцу мулатки незаживающую рану. Будучи существом по природе мстительным и не имея при этом возможности посчитаться с самим хозяином, Роза перенесла всю тяжесть своего гнева на невольную соперницу.

— Чтоб тебя громом прибило, кровопийца! Чтоб ты сдох от холеры, черт бородатый! Чтоб тебя гремучая змея в язык укусила, холуй хозяйский! — Эти и другие проклятия срывались у рабов с языка, стоило управляющему повернуться спиной. Человек этот, чья безжалостная плеть не знала передышки, возбуждал у невольников фазенды всеобщую ненависть; пожалуй, и самого жестокого палача не обвиняют такими злыми словами. Впрочем, как хорошо известно читателю, на свете всегда хватало простодушных людей, которые, будучи приговорены к наказанию, предпочитают поносить его исполнителя, а не вынесшего приговор судью.

Мы уже знаем, что судьба определила Изауре место за прялкой возле Розы, которая не жалела сил, чтобы изводить несчастную товарку насмешками и уколами.

— Да, теперь тебе, девочка, не позавидуешь... — заметила Роза, запуская прялку.

— Почему же?.. — пожала плечами наша героиня, со вздохом ожидая новой волны нападок со стороны мулатки.

— Да разве сладко променять господский дом на рабскую сенвалу, мягкий диван на эту лавку, а рояль на прялку? Кстати, а с чего тебя оттуда выгнали, а?

— Никто меня, Роза, не выгонял, ты это прекрасно знаешь.

Сеньора Малвина вместе с братом все еще гостят у своего батюшки. Поэтому в господском доме делать пока нечего, и меня прислали поработать с вами.

— А чего ж хозяйка тебя с собой не взяла? Раньше-то она в тебе души не чаяла... Все обмануть меня хочешь, да зря — я и так все знаю. Возгордилась ты слишком, вот что — тут тебя к нам и отправили, чтоб место свое помнила.

— Злая ты какая, — печально вздохнула Изаура. — Думаешь, мне так уж приятно жилось в господском доме с белыми? Ошибаешься... Пожалуй, здесь мне лучше и спокойнее — если б только не твой язычок...

— Так я тебе и поверила! Здесь тебе лучше! Да только нет молодых господ, перед которыми хвостом крутить!

— Послушай, Роза, ну что ты ко мне пристаешь? Что я тебе сделала?

— Вы только посмотрите на эту сеньору! Ей тут у нас после господской гостиной не нравится. Извините нас, дона Изаура! Простите нас, высокородная сеньора!

— Можешь болтать что хочешь, Роза, но я всегда помню, что и в гостиной, и на кухне я всего лишь рабыня, такая же, как все вы. И ты тоже не должна забывать, что сегодня ты сидишь за прялкой, а завтра один Господь знает, где можешь оказаться... Давай-ка лучше работать, как положено, а от таких разговоров никакой радости нет...

В эту минуту раздались глухие удары колокола, звавшего рабов к обеду. Пряхи побросали работу и гурьбой заспешили к выходу. Изаура, однако, не двинулась с места и продолжала прясть.

— А тебя что, не касается? — с обычной насмешкой осведомилась Роза. — Пошли фасоль лопать.

— Нет, Роза, — отвечала Изаура, — обедать мне совсем не хочется, да и дневной урок у меня не готов, начала-то я позже всех.

— Верно. Ты у нас девушка образованная, культурная, где уж тебе с простыми рабами из одного котла хлебать... Не изволишь ли приказать прислать сюда бульончику или шоколадику?

— Заткни пасть, болтушка, — оборвала Розу старая негритянка. — Язык у тебя что гадючье жало! Оставь других в покое, пошли!..

Женщины вышли из сарая, оставив там одну Изауру, погруженную в работу и в собственные беспокойные и печальные мысли. Нить сама бежала между пальцами, пока изящная ножка, скинувшая сафьяновый башмачок, размеренно нажимала на педаль. Голова девушки склонилась набок, а чуть прикрытые веки скрывали взгляд, полный грусти.

— Боже мой, — думала про себя Изаура, — даже здесь нет мне покоя! Со всех сторон терзают... В господском доме от белых житья не было. Тут, среди соплеменников, мечтала обрести покой, так нет — нашлась и здесь завистливая душа, извести меня хочет... Боже мой! Боже мой! Будто мало мне было несчастья родиться в неволе, так небеса наградили меня внешностью и умом, от которых одни страдания! Уж лучше б родиться мне черной и страшной...

Но такие печальные мысли недолго занимали Изауру. Вскоре послышался стук открываемой двери, и девушка подняла глаза.

— Что за напасть? — пробормотала она. — Никак от меня не отстанут...

В сарае опять объявился Андре, тот самый лакей, которого мы уже видели мельком вместе с управляющим, парень наглый, тщеславный и чванливый.

— Привет, красотка! Как тут наш цветочек поживает? — обратился лакей к Изауре в своей обычной развязной манере.

— Спасибо, не жалуюсь, — сухо ответила девушка.

— Э, да ты, кажись, не в духе? Вообще-то верно, тебе есть с чего. После господского дома, после шелков да розовой воды тут, согласен, препогано. Одна эта вонь чего стоит.

— Ты что, Андре, гадости пришел говорить?

— Помилуй Бог, Изаура, как я могу тебя обидеть? Совсем напротив, сердце мое разрывается при виде тебя посередь этих губастых девок. А ведь ты по коврам ходить достойна и спать на пуховой перине! Какое у сеньора Леонсио жестокое сердце...

— А ты-то что заволновался? Мне здесь совсем неплохо.

— Так я и поверил. Тебе здесь не место. Хотя, с другой стороны, я рад...

— С чего это?

— Сказать по правде, Изаура, я на тебя давно уж глаз положил. Теперь хоть спокойно поговорим.

— Вот еще. Не собираюсь я твои вольности выслушивать!

На мгновение Андре затих, но тут же возобновил натиск:

— Понятно. Высокородная сеньора с молодыми господами привыкла шуры-муры разводить, там, в комнатах... Да только смотри, подружка, то — дело кончено, а здесь лучше меня парня тебе не сыскать. Я и статью вышел, всегда при галстуке, наглажен-надушен — загляденье. Да и в карманах у меня пусто не бывает, — тут лакей для убедительности запустил пятерню в карман и позвенел мелочью. — Так что на меня многие девчонки заглядываются. Роза вот, скажем, красотка хоть куда, а от меня

не отлипает, бедняга. Да только где ей до тебя!.. — С этими словами Андре нахально придвинулся к девушке, положил ей руку на плечо и наклонился вперед, словно собираясь сказать что-то на ухо или поцеловать.

— Прочь! — Рассерженная Изаура оттолкнула лакея. — Совсем обнаглел. Пошел отсюда, а то сеньору Леонсио пожалуюсь!

— Ладно, ладно, зря ты пыхтишь. Ну, я пошел, только ты про меня помалкивай, ладно? А то молодой хозяин что услышит — голову оторвет, — добавил Андре, выходя из сарая.

Бедная Изаура! Как мы убедились, ни хозяева, ни рабы не оставляли ее в покое.

И действительно, через некоторое время в прядильную зашел Леонсио в сопровождении управляющего. Изаура не заметила их, ибо, оставив на минуту работу, сидела закрыв лицо руками и горевала над своею судьбой.

— А где работницы? — осведомился у управляющего хозяин фазенды, останавливаясь в дверях.

— Есть пошли, ваша милость, скоро вернутся. Могу подогнать, если изволите приказать.

— А эта что осталась? — опять задал вопрос Леонсио, и тут в недвижимой фигуре пряхи узнал Изауру. — Э, да удобнее случая и не придумаешь, — заметил он сам себе, повернулся к управляющему и распорядился: — Когда женщины поедят, отправь их собирать кофе, и чтоб я больше их здесь не видел. Я уж давно хотел закрыть прядильню, да тебе сказать все недосуг было. Никакой пользы от этого заведения нету, бабы тут прохлаждаются да языки чешут; фабричные ткани обходятся дешевле.

Когда управляющий ушел, Леонсио поспешил прямо к одинокой пряхе.

— Изаура... — вкрадчиво проворковал он.

— Хозяин? — вздрогнула захваченная врасплох рабыня, а про себя подумала: настал час моих мучений...

ГЛАВА VIII

Читателю, возможно, покажется затруднительным покинуть Изауру, внезапно обнаружившую себя наедине с жестоким хозяином. Все же мы позволим себе на некоторое время отвлечься от этой драматической сцены, дабы вкратце поведать о событиях в господском доме, последовавших за получением известия о кончине командора.

Смерть отца сделала Леонсио полным хозяином фазенды, сняв и те немногие ограничения, которые, возможно, сдерживали его поползновения относительно Изауры. С другой стороны, объявленный траур не позволял ему сразу же пойти на решающий приступ.

Несколько дней Леонсио и Малвина пребывали в полном трауре, что обеспечило передышку от ссор и взаимных упреков. Энрике, который, как мы помним, собирался уехать с фазенды, в конце концов уступил просьбам сестры и задержался с ней на время траура.

— Если б не это печальное событие, — сказала Малвина брату, — я бы уехала вместе с тобою. Теперь же надо побыть здесь. Но если за эти дни Леонсио не одумается и не решит судьбу Изауры, мы вместе уедем отсюда.

Сам Леонсио закрылся у себя в комнате и не выходил несколько суток. Со стороны могло показаться, что он охвачен безутешным горем, но это не соответствовало действительности. Известие о кончине отца доставило ему, конечно, некоторое волнение, но оно быстро прошло, когда Леонсио оценил реальные последствия родительской смерти. Во время своего уединения Леонсио, совершенно не желавший выпускать Изауру из-под своей власти, обдумывал способы, как избежать возможных осложнений и овладеть прекрасной невольницей.

Читатель, конечно, помнит о договоренности между старым командором и Мигелом. Собрав нужные деньги, бывший управляющий требовал теперь для своей дочери вольную. Освобождение Изауры, как хорошо знал Леонсио, являлось и предсмертной волей его матери. Вдобавок немедленно дать рабыне волю требовала и Малвина, осведомленная о замыслах супруга. В создавшемся положении хозяин фазенды вряд ли мог открыто отказаться освободить Изауру, и ему оставалось лишь затягивать дело под более или менее благовидными предлогами. С другой стороны, охватившая Леонсио слепая страсть подталкивала его к нарушению всех законов приличия и чести. Ради удовлетворения своих низменных желаний он готов был безжалостно разбить сердце добродетельной супруги. К концу траурных дней Леонсио начал все больше склоняться к тому, чтобы цинично отказаться выполнить обещание, не обременяя себя поисками благопристойных объяснений.

Поэтому когда по прошествии некоторого времени Малвина попыталась завести разговор на деликатную тему, Леонсио холодно отвечал:

— Успеется. Спешить я не собираюсь. Вначале надо уладить все дела моего отца — поехать в город, разобрать бумаги, сделать опись имущества. Вот вернусь, тогда, может, и поговорим об Изауре.

От такого ответа у Малвины сдавило сердце, и она почувство-

вала, что воздушный замок ее семейного счастья, который ей так хотелось сохранить, рушится на глазах. До этого разговора женщина надеялась, что тяжелая утрата заставит мужа вернуться на стезю добродетели. Равнодушная вежливость и пустые отговорки Леонсио положили надеждам конец и ввергли Малвину в глубокую тоску.

— Как?! — произнесла она голосом, в котором соединились негодование и уныние одновременно. — Ты еще сомневаешься, стоит ли освобождать Изауру? Да будь у тебя душа, ты бы относился к ней как к родной сестре. Ведь матушка твоя в ней души не чаяла, как дочь любила и, умирая, завещала дать ей не только вольную, но и деньгами обеспечить.

— К чему такая спешка? — спокойно отозвался Леонсио. — Ты сама подумай, какая польза будет Изауре от немедленного освобождения? Сначала надо обеспечить ей благопристойное положение, достойное ее красоты и образования, подыскать подходящего мужа... А такие дела в один день не делаются, — подытожил Леонсио.

— Ну и напридумывал ты, — не вытерпела Малвина. — В покровительстве мужа Изаура пока не нуждается, у нас есть отец, человек более чем достойный. Свою любовь к дочери он доказал делом. Передадим девушку ему, и она окажется в хороших руках.

— Бедняга Мигел! — Леонсио пренебрежительно усмехнулся. — Намерения-то у него самые благие, не сомневаюсь, да денег-то на будущую жизнь откуда возьмет? Особенно сейчас, когда он, пожалуй, последнюю рубашку продал, чтобы на выкуп набрать...

Малвина грустно вздохнула и покачала головой. Уже не веря более мужу, она все-таки не хотела окончательно разрывать отношения, надеясь на какой-то выход. Поэтому она не стала более выражать досаду и вышла, рассчитывая возобновить разговор на следующий день. При этом Малвина сознавала, что двусмысленная, унизительная для нее ситуация не может затягиваться надолго.

На другой день молодая женщина вновь обратилась к супругу с уже известными нам аргументами. Но Леонсио опять стало ясно: никаких уступок ей не добиться, а дальнейшие бесплодные попытки с ее стороны принесут лишь дополнительное разочарование и унижение. Оставалось только объявить об окончательном разрыве, что Малвина и сделала, так и не сумев пробиться сквозь броню циничной невозмутимости супруга.

На следующее утро Малвина, ничего не говоря Леонсио, уехала вместе с Энрике в Рио-де-Жанейро. Покидая фазенду, рассерженная и обманутая женщина клялась себе никогда больше не возвращаться в дом, где ее так низко оскорбили, и ни за что не

встречаться с бесчестным и развратным человеком, которого она не называла уже мужем. Впрочем, в порыве негодования Малвина не подумала, хватит ли у нее сил сдержать опрометчивые клятвы. Ведь не будем забывать, что эта героиня нашего повествования обладала душой мягкой и доброй, а ее сердце хранило любовь гораздо крепче, чем ненависть. И какой бы справедливой ни казалась обида, Малвина не могла полностью перебороть любовь к беспутному мужу.

Леонсио, с другой стороны, не испытывал никаких сильных внутренних волнений из-за размолвки с женой, и сообщение о сборах Малвины к скоропалительному отъезду совершенно не встревожило его. Облокотившись на перила галереи, хозяин фазенды лениво покуривал сигару и равнодушно наблюдал за приготовлениями к путешествию, которое, казалось, не имеет к нему ни малейшего отношения.

Впрочем, равнодушие Леонсио было несколько показным. Печали по поводу отъезда жены он, разумеется, не испытывал. Наоборот, его нечестивая душа ликовала: супруга наконец-то оставляет поле битвы, и теперь ничто не мешает вплотную заняться непокорной Изаурой. Но внешне это ликование оставалось незаметным, ибо Леонсио продолжал твердо следовать своему правилу: хладнокровие и равнодушие — лучшее оружие против женского гнева и капризов. Так что Малвина, даже чувствуй она себя спокойнее и увереннее, усаживаясь в коляску, вряд ли смогла бы заметить на лице супруга следы каких-либо переживаний.

Познакомившись с поведением Малвины и Леонсио, давайте теперь посмотрим, как после получения известия о смерти командора стала складываться судьба нашей главной героини, Изауры.

Едва услышав прочитанное хозяйкой траурное письмо, девушка поняла: все надежды получить волю рушатся. Цепенея от ужаса, она чувствовала, что неумолимая судьба оставляет ее беззащитной перед притязаниями настойчивого и неумолимого преследователя. Помня о несчастной жизни своей матери, она не видела иного выхода из положения, кроме как покориться жестокому насилию или расстаться с жизнью. Уныние и ужас завладели душой Изауры, и несчастная невольница, бледная и растерянная, то бесцельно бродила в глухих зарослях сада, то забивалась в самые темные уголки большого дома. Подобно зайчонку, завидевшему тень ястребиного крыла, она с дрожью озиралась в поисках убежища и защиты. Проявить сочувствие и интерес к судьбе девушки могли двое: ее отец и Малвина. Но бедный Мигел не был вхож в дом Леонсио, Малвина же, которая ранее всегда относилась к Изауре с лаской и пониманием и даже после скандальной сцены в гостиной старалась приободрить девушку, постепенно на-

чала проявлять признаки ревности, недоверия и сомнения. День ото дня хозяйка становилась все менее приветливой к невольнице, на которую еще недавно смотрела почти что с сестринской близостью.

Здесь мы хотели бы заметить, что сама по себе Малвина, обладая душой доброй и неиспорченной, вряд ли так резко изменила бы свое отношение к Изауре, если бы не одно обстоятельство. Заключалось оно в том, что после удаления нашей героини из дома на место господской служанки назначена была ее заклятая соперница Роза. Коварная мулатка всеми силами старалась отравить сердце хозяйки ядом ревности к несчастной Изауре.

— Зря сеньора так доверяла этой обманщице, — нашептывала завистливая Роза Малвине. — Я-то ее, лгунью, знаю. Перед хозяйкой все девочку наивную изображала, зато перед хозяином так хвостом вертела... Сама она виновата, сама ему голову вскружила.

Искусные козни Розы быстро ввели в заблуждение доверчивую и неопытную хозяйку, обеспечив тот результат, которого и добивалась хитрая мулатка.

Угнетенная новой бедой, Изаура несколько раз пыталась заговорить с госпожой, узнать причину столь резкого ее охлаждения. Всякий раз, однако, Малвина встречала ее с такой враждебностью, что бедняжка в ужасе отступала, чтобы еще глубже окунуться в бездну отчаяния.

Тем не менее, даже не испытывая более симпатии к Изауре, Малвина самим своим присутствием в доме служила ей защитой от притязаний Леонсио. Измученная невольница понимала это, и поэтому с удвоенным страхом следила за приготовлениями хозяйки к отъезду, предчувствуя скорое возобновление жестоких домогательств.

И действительно, едва коляска Малвины скрылась за холмом, Леонсио безотлагательно отправился по дому в поисках Изауры. Обнаружил он ее в дальнем закутке, дрожащую от безутешных рыданий.

Пощадим читателя и не будем подробно описывать происшедшую далее постыдную сцену. Сообщим лишь, что Леонсио, быстро израсходовав запас пылких заверений, великодушных обещаний и униженных просьб, перешел к самым жестоким и откровенным угрозам, которые, впрочем, также не дали результата.

Еще раз убедившись в неподатливости строптивой рабыни, хозяин фазенды перешел от угроз к делу. В тот же день, как мы узнали из предыдущей главы, он распорядился отправить Изауру в прядильный сарай. Дальше ее дорога могла лежать на кофейную плантацию, затем на рубку сахарного тростника и, наконец,

к имевшемуся на фазенде позорному столбу, у которого наказывали провинившихся рабов. И если бы Изаура и дальше продолжала упорствовать, дорога эта завершилась бы, несомненно, могилой.

ГЛАВА IX

Распаленный нечестивой страстью, Леонсио не мог найти себе места. Он бесцельно слонялся по дому, придирался к прислуге, вмешивался в работу управляющего. При этом хозяин фазенды внимательно следил за всеми передвижениями Изауры, ища случая застать ее в одиночестве. Поэтому увидев, что девушка отсутствует среди направляющихся обедать прях, Леонсио довольно потер руки:

— Отлично! — Тут он сообразил, что можно велеть управляющему направить женщин собирать кофе, а самому остаться наедине с Изаурой.

Возможно, скептически настроенный читатель уже засомневался в необходимости столь хитрых уловок со стороны хозяина фазенды. Ведь, в конце концов, Изаура являлась его законной собственностью, и, чтобы увидеть ее, Леонсио было достаточно распорядиться привести рабыню к себе, хотя бы и насильно.

Все это действительно так. Но, с другой стороны, красота и ум Изауры, благородство ее души не могли не внушать уважения даже циничному и распущенному хозяину. Леонсио поэтому обращался с девушкой намного деликатнее, чем с остальными рабами.

— Изаура, — вкрадчиво произнес молодой человек, продолжая разговор, прерванный нами несколькими страницами ранее, — ты должна понимать, что сейчас твоя судьба полностью зависит от меня.

— Так было всегда, хозяин, — покорно ответила девушка.

— Не всегда. Но теперь, после смерти отца, я стал полновластным хозяином всего имущества. К тому же и Малвина уехала к родителям — по причинам, о которых ты, несомненно, догадываешься. Так что отныне ничто не мешает мне распоряжаться твоей судьбой. И то, как я это сделаю, зависит от тебя самой.

— Меня самой?! О нет, хозяин... Что может зависеть от простой рабыни?

— Так вот, — продолжал Леонсио, придав своему голосу по возможности мягкий и искренний оттенок, — я всем сердцем желаю сделать твою жизнь счастливой. Но как же мне быть, если ты сама упрямо отказываешь в счастье и себе, и мне?

— Зачем вам нужна рабыня, хозяин? Вспомните лучше о бла-

городной и прекрасной сеньоре Малвине, которую вы так любили.

— Послушай, Изаура, ты еще дитя и многого в жизни не понимаешь. Когда-нибудь ты раскаешься в том, что отвергла мою любовь, но будет поздно!

— Нет, — с жаром возразила девушка. — Если я вниму вашим уговорам, то позорно предам сеньору Малвину!

— Да ты как ребенок рассуждаешь! Ну пойми меня, Изаура. Стоит тебе захотеть — и ты станешь хозяйкой, нет, богиней этого дома, — пылко продолжал Леонсио. — Любые твои желания, малейшие капризы будут исполняться немедленно. Я буду твоим верным и нежным возлюбленным. Малвина уехала? Тем лучше. Какое мне дело до нее, когда рядом ты? Давай забудем о прошлом и найдем счастье в объятьях друг друга!

— Мне страшно от ваших слов, хозяин. Как можно с презрением отказываться от такой любящей и добродетельной супруги, как сеньора Малвина? Простите мои слова, но разве достойно благородного сеньора оставить верную жену ради подневольной рабыни?

Упрек задел гордость Леонсио.

— Замолчи, наглая девчонка! — вскричал он. — Мало того, что я сношу твое пренебрежение, так ты меня еще и поучать вздумала?

— Извините меня, хозяин... — Изаура уже сожалела о вырвавшихся словах.

— Стоит тебе только согласиться, и ты станешь... — Леонсио предпринял было еще одну попытку, но осекся. — Нет, хватит унижаться перед рабыней. Какая нужда выпрашивать то, что и так принадлежит мне? Не забывай, строптивица, что ты принадлежишь мне душой и телом, мне, и никому больше! Думаю, скоро у тебя пройдет охота строить из себя кисейную барышню. Эй, Андре! — громко позвал Леонсио.

— Да, хозяин, — тотчас отозвался из-за дверей лакей и возник в сарае, как чертик из коробочки.

— Так, Андре, — сухо и коротко распорядился хозяин фазенды, — неси сюда ножные колодки и ручные оковы.

— Вот так-так... — бормотал про себя лакей, отправляясь выполнять поручение. — Что-то будет? Бедняжка Изаура...

— Пощадите меня, хозяин! — взмолилась девушка, падая на колени. — Умоляю вас, ради еще не остывшего праха вашего батюшки, ради бессмертной души вашей матушки, не бесчестите несчастную рабыню! Отправьте меня на самую тяжкую работу, велите рубить тростник от зари до темна — я все стерплю. Только не требуйте от меня того, что замыслили, иначе я умру!

— Ну, этого я допустить не могу. Терять такую рабыню я не согласен. Когда-нибудь ты еще будешь благодарить меня, что я спас тебе жизнь.

— Я вижу, если не убью себя сама, то погибну от рук палача! — произнесла Изаура дрожащим голосом, подымаясь на ноги.

Тут появился лакей Андре, принесший колодки и оковы. Он положил их на лавку возле хозяина и тихо вышел.

Когда девушка увидела варварские инструменты, сердце ее похолодело, глаза затуманились, ноги подкосились. Опустившись на свою скамейку, она вновь залилась слезами, призывая душу своей старой хозяйки заступиться за нее на небесах.

— Изаура, — Леонсио прервал всхлипывания. — Ты видишь, что тебя ждет, если будешь упорствовать дальше. У тебя еще есть время одуматься. Но до конца дня ты должна сделать выбор между моей любовью и моей ненавистью. До свидания.

Когда двери сарая закрылись за Леонсио, Изаура, подняв глаза ввысь и сложив у груди руки, обратилась с идущей из глубины души молитвой к Деве Марии:

— Пресвятая Дева Мария, матерь божья! Ты же знаешь, я совсем не виновата. Разве заслуживаю я такой жестокой кары? Защити меня от рук палача, озари душу его, внуши ему сострадание! Нет у меня больше заступников, кроме тебя, пресвятая Дева. Сжалься надо мною, убереги жизнь и честь мою. Муками сына твоего заклинаю: спаси меня!

В эти минуты печальной и страстной молитвы Изаура казалась намного прекраснее обычного; и если бы Леонсио увидел свою невольницу сейчас, он, быть может, смягчил бы свое железное сердце.

Погруженная в свое горе, Изаура не заметила, как в дверях сарая появился Мигел. Увидев дочь, он мягко и тихо приблизился к ней.

— Слава Богу, она здесь, — бормотал себе под нос португалец. — Но, похоже, тут уже побывал этот негодяй. Что будет с моей бедной дочуркой?!

— Отец! — вздрогнула от неожиданности девушка. — Что ж, смотри, до чего довели твою дочь!..

— Еще что-нибудь случилось? Какие новые несчастья обрушились на тебя? — с опаской осведомился Мигел.

— Разве не видишь? — Изаура с печальным вздохом указала на колодки и оковы. — Вот моя участь...

— Каков зверь! Но, увы, я ожидал от него подобной низости...

— Отец мой, я не вынесу этого! Для спасения остается един-

ственное средство! Как страшно... — девушка умолкла, а затем добавила: — Отец, мне нужен ваш нож.

— Доченька, помилуй Бог, зачем тебе? Что за безумные мысли?

— Дайте мне нож, отец. Я воспользуюсь им в самом крайнем случае. Я залью своей кровью гнусное лицо этого негодяя...

— Нет, девочка моя, такие страсти нам не нужны. Сердце мое предчувствовало эту возможность, и я обо всем подумал. Деньги, которые я собрал на твой выкуп, помогут теперь вырвать тебя из когтей этого зверя. Я все подготовил для твоего побега, доченька. Нам надо бежать отсюда!

— Бежать?! Куда? Как?

— Подальше отсюда, куда глаза глядят. И немедленно, пока никто ничего не подозревает, пока тебя еще не заковали в железо.

— Ах, отец, а если нас поймают? Что тогда будет со мною?

— Ну, дело, конечно, рискованное, да другого выхода у нас с тобой, дочка, нет. Положимся на божественное провидение, и Господь нам поможет. Сейчас в усадьбе почти никого нет: мужчины рубят сахарный тростник, твоих здешних подруг управляющий повел собирать кофе, хозяин уехал верхом вместе с Андре. Остались только люди на кухне. Не упустим же случая, который дарует нам Господь! В конце сада, у берега реки, я привязал лодку. Ты первая выйдешь отсюда и пойдешь в сад. Через несколько минут я последую за тобой. Час плавания — и мы в Кампусе. А там стоит корабль, капитан которого — мой давний друг. На рассвете корабль отплывает на север, так что завтра в это время мы будем уже далеко от преследующего тебя палача. Вперед, Изаура, и, быть может, небо еще пошлет тебе благородного человека, который сумеет защитить тебя лучше меня.

— Я согласна, отец. Бояться мне нечего, хуже не будет...

Изаура осторожно выглянула из сарая и, озираясь по сторонам, пересекла двор и скрылась за воротами сада. Через некоторое время Мигел последовал за дочерью. Несколько минут — и беглецы встретились на берегу.

Лодка, направляемая сильными и умелыми руками Мигела, быстро и неслышно заскользила по воде и вскоре скрылась за поворотом.

ГЛАВА X

Вот уже более двух месяцев минуло после побега Изауры. Пока Леонсио теребит полицию, нанимает свору частных сыщиков и буквально из кожи лезет, чтобы изловить птичку, так дерзко упорхнувшую из его сетей, мы с вами на всех парусах помчимся

в северные провинции, где, возможно, сумеем встретиться с беглянкой, упредив Леонсио.

Ресифе, Ресифе! Воистину прекрасна чародейка-ночь в этой чудесной южноамериканской Венеции. Это волшебная ночь, ночь праздника. В ярко освещенном доме на одной из главных улиц собрались сливки общества, кавалеры и дамы, местная знать. Тут всегда можно встретить самую изысканную публику, которую привлекало великолепие здешних балов. Кучка легкомысленных школяров, избалованных отпрысков богатых родителей спустилась сюда со старой Олинды, чтобы хоть на несколько часов позабыть о жестких скамьях Академии и нудных лекциях одряхлевших профессоров, развеяться среди роскошного убранства, тонких ароматов и ярких шелков танцевальной залы, ощутить прилив крови и биение молодых сердец от обжигающих взглядов и белозубых улыбок обаятельных смуглянок Пернамбуку.

Не устояв перед чарами прелестных жриц этого храма Терпсихоры *, войдем и мы в обитель изящнейшей из муз. О чем так оживленно беседуют эти элегантные молодые люди? Давайте остановимся и полюбопытствуем.

— Поверьте мне, — говорил Алваро, — эта новая звезда скоро засияет в салонах Ресифе. Без нее померкнет самый торжественный бал. И трех месяцев не прошло с тех пор, как она здесь появилась, но я один из немногих счастливчиков, что удостоились чести познакомиться с ней. Готов поклясться, доктор Жералдо, что более благородного и чистого создания никто из нас не встречал. Это ангел, а не женщина; настоящая фея, а быть может, и богиня!..

— Черт побери! — воскликнул доктор Жералдо. — Ангел, фея, богиня!.. Ты просто поэт, мой друг. А вдруг на поверку окажется, что она самая обыкновенная женщина? Впрочем, пусть она и в самом деле богиня или хотя бы фея, но известно ли тебе, дружок, откуда она родом, есть ли у нее приданое и так далее?

— Меня, признаться, такие пустяки не волнуют, но небо подсказывает мне, что родом она из ангелов. Впрочем, мне достоверно известно, что она приехала из Рио-Гранде-ду-Сул вместе с отцом, что у отца она единственная дочь и денег у них немного. И еще я знаю, что красивей ее в мире не сыскать, а зовут ее Элвира.

— Элвира! И впрямь красиво, — заметил третий собеседник. — Но скажи мне, Алваро, где живет твоя несказанная прелестница?

— Пожалуйста, я не собираюсь это скрывать; они поселились вместе с отцом в небольшом доме в Санту-Антониу. Живут они

* Терпсихора — в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница танцев.

скромно, общества избегают и на людях появляются крайне редко. Домик их прячется в глубине пальмовой рощи, и моя фея живет словно в таинственной пещере.

— Как славно! — заметил доктор Жеральдо. — Но как же тебе удалось найти эту очаровательную нимфу и проникнуть в таинственную пещеру?

— Извольте, я расскажу. Как-то раз я прогуливался верхом и вдруг заметил девушку неописуемой красоты. Она сидела на скамейке в розовом саду. Увидев, что я столь откровенно и нескромно наблюдаю за ней, она вспорхнула словно бабочка и скрылась в цветущих кустах. С тех пор я лишился сна, все время пытался разыскать ее. Однако во всей округе не нашлось никого, кто бы ее знал и мог меня ей представить. Наконец мне посчастливилось познакомиться с владельцем дома, где она остановилась, но и от него я не выведал ничего, что могло бы мне помочь. Разве что одно: каждый месяц, точно в назначенный срок, жилец приходил уплатить вперед за дом. Целыми днями напролет я прогуливался вокруг сада, надеясь хоть раз увидеть ее, попытаться заговорить. Несколько раз счастье улыбалось мне, но нимфа избегала моего страстного взора и словно растворялась среди цветов. В один прекрасный день, наблюдая издали за ней, я заметил, что, вставая со скамейки, она уронила носовой платок. Калитка была приотворена, и я решился войти в сад. Я поднял платок и поспешил отдать его, когда моя фея уже стояла на пороге дома. Она поблагодарила меня и улыбнулась... Боже, какая у нее улыбка! Словно солнышко вдруг засияло во мраке! Я готов был пасть перед ней на колени, но она уже скрылась в доме и не пригласила меня войти.

— А не кажется ли тебе, любезный Алваро, — прервал его один из молодых людей, — что платок она обронила не случайно? Вдруг ей захотелось поговорить с тобой? Бьюсь об заклад, что это была уловка. У меня нюх на кокеток.

— Ерунда! В ней нет ни капли кокетства, она прямо соткана из чистоты и искренности. Знали бы вы, каких мук мне стоило решиться наконец покинуть этот благословенный уголок, райский сад, благоухающий любовью и нежностью...

Алваро примолк, словно заново переживая трепетные мгновения.

— Очнись, Алваро! — окликнул один из друзей. — Ты так заинтересовал нас своими похождениями, что мне не терпится услышать продолжение романа...

— Романа?.. О, если бы это было так... Я и сам не знаю, будет ли продолжение. Как я ни ломал голову, мне не удавалось придумать ни одного мало-мальски достойного предлога, чтобы попытаться еще раз проникнуть в святая святых, в обитель моей богини. Пока однажды мне не улыбнулся случай. Я проезжал днем в карете по Санту-Антонину вдоль берега Бебериве, что сделалось для меня привычным времяпрепровождением, и вдруг увидел небольшую лодку, а в ней мужчину и женщину.

Буквально на моих глазах лодку понесло к отмели, и она села на песок. Я, недолго думая, выскочил из кареты, сел в одну из привязанных лодок и приналег на весла, чтобы успеть на помощь незадачливой парочке, безуспешно пытавшейся сдвинуть лодку. Вообразите мое изумление, когда, приблизившись к ним, я узнал таинственную незнакомку и ее отца.

— Ха! Именно такого поворота событий я и ожидал, хотя, сказать по чести, история от этого не перестанет быть романтичной. Однако становится все больше похожа на выдумку.

— Что ты?! Клянусь, все это чистая правда! Слушайте, что случилось потом. Так как оба они промокли до нитки, я пригласил их в карету и после долгих уговоров отвез домой. Дом их описывать не стану, но добавлю, что мне было дано робкое дозволение посещать этот таинственный грот.

— Да, пожалуй, ты и в самом деле влюблен, — промолвил доктор Жеральдо.

— Ты еще сомневался? Я просто голову потерял. Ни о чем другом и думать не могу, к тому же... мне кажется, что и она ко мне небезразлична.

— Смотри, не попадись в сети какой-нибудь Цирцеи *, которая прослышала, что рядом живет богатенький простак, и решила заполучить его денежки. Меня смущает эта их уединенность, завеса тайны, которой они себя окутали.

— А вдруг они совершили преступление и скрываются от полиции? — предположил кто-то из окружавших рассказчика молодых людей.

— Или фальшивомонетчики? — добавил другой.

— А у меня, — продолжал доктор Жеральдо, — всякий раз, когда я слышу о хорошеньких женщинах, путешествующих в компании мужчины, которого они называют отцом или братом, закрадываются нехорошие мысли. И теперь у меня кошки на душе скребут. Подумай, Алваро, а вдруг он вовсе не отец, а коварный жулик, который хочет нажиться за счет красавицы?

— О, господи! — Алваро всплеснул руками. — Знай я наперед, что вы так воспримете мой рассказ и станете поносить мою фею, я бы онемел. Поверьте, друзья, вы слишком несправедливы к бедной девушке. Я еще мог бы представить ее развенчанной

* Цирцея — в греческой мифологии волшебница, обратившая спутников Одиссея в свиней, а его самого год удерживавшая на своем острове.

принцессой, если бы не знал наверняка, что она ангел, сошедший с небес. Ничего, скоро я представлю ее вам, и ваши подозрения рассеются как дым. Вот увидите, все в один голос назовут ее божеством. Одного только боюсь, соперников у меня сразу поприбавится.

— За себя я ручаюсь, — рассмеялся один из собеседников. — От таинственных девушек у меня мурашки на коже.

— А я, простой смертный, до смерти боюсь фей и богинь, — фыркнул его товарищ.

— Одно не пойму, — произнес доктор Жералдо, — что вдруг побудило эту затворницу вылезти из убежища и согласиться прийти на столь многолюдный бал?

— Ах, друзья, скольких трудов мне стоило уговорить ее! — воскликнул Алваро. — Буквально силком пришлось тащить. Все свое красноречие мне пришлось употребить, чтобы доказать ей, что Всевышний сотворил подобную красоту не для того, чтобы ее скрывали от людских глаз, но, напротив, для того, чтобы ею любовались и восхищались. И все равно отец с дочерью придумывали тысячи причин, чтобы не показываться со мной на людях. В конце концов я прибег к хитрости: заставил их поверить, что подобный отшельнический образ жизни уже вызывает у окружающих подозрения, и что, дескать, даже полиция может вот-вот всерьез заинтересоваться ими. И эта ложь не замедлила дать плоды...

— А ведь она не так уж далека от истины, — прервал его доктор Жералдо.

— И я сказал, — продолжал Алваро, — чтобы развеять подозрения, нужно непременно появляться на людях. И вот, как видите, они послушались.

— И очень плохо, — изрек Жералдо, — это лишь подтверждает мои худшие предположения. Если за ними нет никакого греха, их не испугали бы чьи-то подозрения или полиция, и они продолжали бы прежний образ жизни.

— Нет, мой друг, ты ошибаешься, — пылко возразил Алваро. — Общества они избегают лишь потому, что крайне стеснены в средствах, и поэтому... Впрочем, смотрите, вот они пришли... Сами судите, кто из нас прав.

Все обратили взоры на девушку дивной красоты, которую сопровождал мужчина средних лет привлекательной наружности.

— Рад вас приветствовать, сеньор Ансельмо! Добрый вечер, донна Элвира! — поздоровался Алваро, который, покинув своих друзей, поспешил навстречу вновь прибывшей паре. Затем, учтиво предложив руку девушке, он повел их вместе с сеньором Ансельмо в залу, где вовсю бурлило веселье. Приход Элвиры вызвал подлинный переполох: друзья Алваро рты пораскрывали, кругом зашушукались, вслед прекрасной деве поворачивались головы, и вскоре взоры почти всех собравшихся были устремлены на нее.

— Она и впрямь писаная красавица!

— Какая дивная прелесть!

— Божественна, просто божественна!

— Ты видел, какие у нее глаза? Она, верно, андалузка?

— Осанка-то как у королевы!

— А шея? Вы заметили, как она держит голову?

— Такое простенькое платье, но чертовски элегантно!

Такими репликами обменивались трое кавалеров, потрясенные необыкновенной красотой девушки.

— А вы заметили, какая у нее родинка на правой щеке? — не унимался доктор Жералдо. — Алваро не преувеличил, его фея, конечно же, затмит всех здешних красоток. А если еще принять во внимание, что ее видят впервые да ореол загадочности вокруг нее... Я просто сгораю от нетерпения, пока меня представят этой чаровнице!

Наконец разгоряченный Алваро, представив новую звезду местным знаменитостям, вернулся в общество друзей.

— Друзья мои, — торжественно провозгласил он, — позвольте пригласить вас в залу. Я хочу представить вас донне Элвире, чтобы раз и навсегда рассеять темные мысли и сомнения, которые могли закрасться в ваши души. Я хочу, чтобы вы убедились воочию, что никогда прежде под солнцем не вырастал столь нежный и благоуханный цветок.

Он увлек за собой всю троицу, и вскоре кавалеры затерялись в водовороте пышного бала. Их место, однако, тут же заняла стайка элегантных, роскошно разодетых девушек, которые обмахивались веерами и щебетали как райские птички. Вы угадали, речь, конечно же, шла об Элвире, хотя смысл реплик и отличался от высказываний молодых людей. Впрочем, не будет ничего дурного, если мы приблизимся к девушкам и чуть-чуть послушаем.

— Быть может, донна Аделаида, вам известно, кто эта юная особа, которую привел сеньор Алваро?

— Нет, донна Лаура, я вижу ее впервые, но мне кажется, что она не здешняя.

— Пожалуй, вы правы. Какой у нее, однако, напуганный вид! Она похожа на провинциалку, которая никогда не была на балу. Как, по-вашему, донна Розалина?

— Без сомнения! А вы обратили внимание на ее туалет? Какое убожество, фи! Моя служанка одевается с большим вкусом. Донна Эмилия наверняка знает, откуда эта выскочка.

— Я? А с какой стати я? Я тоже ее и в глаза не видала.

хотя признаюсь, сеньор Алваро и впрямь кое-что про нее рассказывал, уверял, что она чудо красоты. Но вы же знаете этих мужчин, какие у них вкусы. Да, она, конечно, мила, но красавицей ее никак не назовешь.

— Сеньор Алваро всегда был падким до всего нового и необычного. Интересно, откуда взялась эта девица, что так его поразила?

— Может, она островитянка? Вид у нее несколько экзотический, не так ли?

— Только вот черное пятнышко на щеке ее портит. Не будь его, она была бы довольно недурна.

— Напротив, донна Лаура, пятнышко ее даже красит, придает особый шарм.

— О, прошу прощения, я совсем забыла, что у вас такая же родинка на лице. Но вам-то она и впрямь идет, а у нее родинка крупная и некрасивая, словно не мушка, а майский жук ползет по щеке.

— Надо же, а я и не заметила. Давайте пройдем в залу и рассмотрим ее поближе.

И они, взявшись за руки, как бы сплетя гирлянду из ярких цветов, затерялись среди толпы.

ГЛАВА XI

Алваро был из тех, кого называют счастливчиками. И природа и фортуна, казалось, состязались, спеша распахнуть перед ним свои закрома и осыпать его милостями и щедростями. Единственный сын знатных и богатых родителей, он в двадцать пять лет осиротел и унаследовал изрядное состояние, которое оценивали не менее чем в две тысячи конто *.

Высоким ростом Алваро не отличался, но был строен и ладно вылеплен. Благородство происхождения угадывалось в тонких чертах его лица. Если особым умом он, быть может, и не блистал, то способностей и прилежания ему было отпущено с лихвой. Здраво рассудив, что состояние, которое он заполучил чисто случайно, по прихоти творца, может столь же случайно, после очередного фортеля капризницы фортуны от него и уплыть, Алваро решил, что должен получить приличную профессию, и остановил выбор на юриспруденции. Но если в первый год академические занятия еще и доставляли ему некоторое удовольствие, то чем дальше, тем больше сухая казуистика этой безжизненной науки утомляла его. Алваро с ума сходил в бесконечных лабиринтах законов и подзаконных актов, путался и спотыкался в процессуальном праве и тонул в бездне грязи, ошибок и нелепиц, таившихся в толстенных сводах гражданских исков. Его пылкая душа, преисполненная грандиозных и благородных стремлений, все более тянулась к утопическим мечтаниям о преобразовании общества.

Он ненавидел социальные привилегии, не скрывал неприязни к расовым предубеждениям и страстно желал покончить с рабством, — гниющей язвой на теле общества. Нет нужды говорить, что Алваро был убежденным либералом, республиканцем и почти социалистом.

Естественно, что с подобными взглядами Алваро не мог не принадлежать к числу аболиционистов *, что и подтверждал не только громкой фразой, но и поступками. Унаследовав от безвременно скончавшихся родителей огромную усадьбу, несколько богатых плантаций и великое множество рабов, он, ничтоже сумняшеся и не откладывая дела в долгий ящик, приступил к их освобождению. Алваро был, конечно, великим утопистом и филантропом, но при всем том вполне рассудительным, и представлял, какими опасностями грозит резкий переход от унижений и полной подчиненности к столь же полной свободе. Взвесив все про и контра, он организовал на одной из своих фазенд нечто вроде колонии для вольноотпущенных рабов, управление делами которой поручил честнейшему и добропорядочному человеку, разделявшему его вольнолюбивые убеждения. Бывшие рабы получили в собственное пользование приусадебное хозяйство и плантации на правах аренды и не только не предавались праздности и порокам, но, напротив, с великим усердием трудились, возделывали земля и обрабатывали урожай.

Эксцентричный и порой чудаковатый как пресловутый английский лорд из старых романов, Алваро был нравственно строг и чист, как квакер **, хотя и не отказывал себе в удовольствиях, роскоши и изысканных яствах. К женщинам относился с обожанием, питая самые романтические, платонические чувства, характерные для чистой, возвышенной натуры. При этом он до сих пор не встретил той, которая завладела бы его грезами, очаровала его сердце и воплотила неземной идеал, созданный воображением. И хотя отбоя от желающих завладеть его сердцем и состоянием у Алваро не было, ни одной из претенденток он не подавал и намека на благосклонность.

Поэтому легко можно представить то уныние и глубокое разочарование, которое овладело представительницами прекрасной по-

* Конто — одна тысяча мильрейсов, или миллион рейсов.

* Аболиционизм — возникшее в конце XVIII — начале XIX века движение за отмену рабства.

** Квакеры — члены религиозной секты христианской общины, основанной в середине XVII века в Англии. Проповедуют пацифизм, благотворительность.

ловины Пернамбуку, когда они увидели внимание и заботливость, проявляемые Алваро по отношению к смуглокожей бедно одетой девушке, услышали, какие восторженные и искренние похвалы он ей расточал. Воистину Гера и Афина с меньшим раздражением восприняли весть о том, что прекрасный Парис отдал яблоко Афродите *. А ведь еще задолго до бала Алваро не скупился на комплименты Элвире, воспевая ее красу и прелесть с таким страстным красноречием, что все здешние девушки горели желанием увидеть воочию это чудо и развенчать этого идола, которого заранее окрестили тысячью самых злых прозвищ. И вот долгожданная встреча состоялась. Несмотря на притворные и презрительные усмешки и злые слова, слетавшие с языков прекрасных жеманниц и юных сплетниц, в сердцах они ощутили неприятное покалывание. Алваро не преувеличил!

Здесь впору сделать маленькое отступление. Да простят мне красавицы мою непосредственность, но красота за редким исключением — верная спутница тщеславия, а уж там, где зародилось тщеславие, рукой подать до зависти, что угнездилась по соседству.

Так вот, красота незнакомки ошеломляла, а рядом с ее скромностью и застенчивостью, простотой и даже бедностью наряда меркли пышность и великолепие разодетых дам, роскошество нарядной залы и блеск торжественного бала. Царившие доселе здесь красотки были жестоко уязвлены. Такого удара не ждал никто. Держись, Алваро! Несдобровать нынче вечером ни тебе, ни твоей смуглой принцессе!

Шоры на глазах не позволили Алваро заметить приторности в медоточивых речах и неискренности в улыбках, коими он и его протеже — назовем ее так — были встречены на балу. Наоборот, Элвира — чистая душа — сразу ощутила себя неуютно, словно спиной чувствуя обжигающие ненавистью взгляды и слыша ядовитый сарказм в комплиментах.

Но оставим на время нашу парочку и познакомимся поближе с доктором Жералдо, другом Алваро.

Сей достойный сеньор в свои тридцать лет был бакалавром права и высокочтимым в Ресифе адвокатом. Он был ближайшим другом Алваро, завоевав его расположение в первую очередь благодаря здравому и рассудительному уму, искренности, честности и благородству нрава. По своим взглядам доктор Жералдо был полной противоположностью Алваро, не разделяя его чудачества и реформистских идей, в силу своего законопочитания и практического склада ума. Тем не менее различие в убеждениях не только не охлаждало взаимной привязанности друзей, но, напротив, укрепляло ее, избавляя их союз от монотонности и уныния, что царит порой в отношениях двух во всем согласных и единых душ. Трезвость рассудка и здравый смысл доктора Жералдо не раз сдерживали мальчишеские порывы и утопические замыслы Алваро, и, напротив, Алваро вносил живость и свежесть, придававшие остроту и оригинальность отточенным, но холодным рассуждениям его друга.

Как вы помните, Алваро уже поведал друзьям историю своего необычного знакомства с Элвирой, и сейчас мы с вами возвратимся на бал и послушаем разговор девушки с почтенным сеньором, на руку которого она опиралась.

— Отец, — прошептала девушка, — выйдем на минуту в прихожую, пока в ней никого нет, я должна тебе сказать кое-что. О, боже мой! — продолжала она, когда они вышли и уселись рядышком, — и что меня побудило, несчастную рабыню, прийти сюда, на этот праздник богачей и знати?! У меня голова кругом идет от всей этой роскоши и великолепия, от почтения и подчеркнутого уважения, которыми меня окружили. Я себя чувствую преступницей, отец, словно я тайком пробралась в это блестящее общество, и меня вот-вот разоблачат... Если бы эти изысканные сеньоры знали, кто танцует рядом с ними! Пария, презренная рабыня, сбежавшая от хозяев!.. Рабыня! — всхлипнула она. — Мне кажется, что это слово горит на моем лице! Уйдем же отсюда, отец! Уйдем скорее! Мне душно здесь!

Побледневшая девушка тянула отца за рукав и затравленно озиралась.

— Успокойся, доченька, — твердил седовласый сеньор. — Никто даже не подозревает о твоем прошлом. Ведь ни одна из этих знатных сеньор тебе и в подметки не годится. Как могут они предположить, что ты рабыня, когда и по красоте, и по образованности ты любую из них заткнешь за пояс?

— Ах, отец, это меня и тревожит. Я привлекла всеобщее внимание, из всех углов меня пожирают глазами; я мечтаю только, чтобы земля разверзлась у меня под ногами и поглотила меня.

— Не бойся, милая. И учти, что как раз твой страх и робость и могут нас погубить, если вдруг у кого-то возникнет хоть малейший повод для подозрений. Отбрось ненужную стыдливость и явись им во всем блеске своего очарования: танцуй, пой, веселись до упаду! Кто посмеет заподозрить в тебе рабыню? Да все будут считать, что ты принцесса! И потом, это всего один раз — нам невозможно более оставаться здесь, если кто-то уже нас подозревает...

— Да, отец... верно, это судьба! — молвила девушка, поникнув

* Имеется в виду греческий миф о суде Париса, который должен был присудить золотое яблоко одной из прекраснейших богинь — Гере, Афине или Афродите.

головой. — Нам, отвергнутым обществом, предстоит кочевать с места на место, вести скрытую жизнь, таиться по углам и дрожать от страха... За что небо ниспослало нам такую злую участь? Неужто мы навек заклеймлены проклятьем? Боль пронизывает мое сердце при одной лишь мысли об отъезде...

В эту самую минуту в прихожую вошел Алваро и, словно пытаясь отыскать потерю, начал осматриваться по сторонам.

— Ах, вот вы где! — просиял он. — А я уже недоумевал, куда вы запропастились. До чего же вы скромны, донна Элвира, вы укрылись в этом уголке, вместо того чтобы блистать в зале, среди публики, которую вы просто очаровали.

— Простите меня, — пролепетала Элвира, — но бедной девушке, выросшей, как я, в тиши и уединении деревенской жизни и не привыкшей к великолепным балам, нелегко приходится среди этой роскоши и веселья.

— Вы привыкнете, заверяю вас. Я вас разыскивал по поручению нескольких кавалеров, которые от вас в полном восторге. Чтобы нарушить однообразие вальсов и кадрилей, наши женщины порой исполняют какую-нибудь песенку или арию, кто на что горазд. Я, каюсь, проболтался, не испросив на то вашего согласия, какой у вас красивый голос, и теперь все сгорают от нетерпения вас послушать.

— Ах, как же вы могли, сеньор Алваро! — Девушка всплеснула руками. — Чтобы я пела перед таким блестящим обществом... Молю вас, избавьте меня от такого тяжкого испытания. Это же в ваших интересах — ведь пою я плохо и обману ожидания. Я боюсь, что я оробею и у меня вообще язык отнимется. Вот стыд-то будет!

— Простите, донна Элвира, но я никак не могу принять ваши возражения. Я слышал ваше пение, и, поверьте, оно слаще соловьиного. Вы можете спеть всего одну песню, ту самую нежную песню рабыни, которая так поразила меня и которая, ручаюсь, покорит и очарует слушателей.

— Но почему именно ее? Она вызывает у меня грустные воспоминания...

— Должно быть, поэтому она и воспринимается с таким душевным трепетом.

— Бедная я, несчастная, — глубоко вздохнула донна Элвира. — «И почему, — подумала она, — те, кто меня любит, становятся, сами того не ведая, моими палачами!..»

Элвира ломала голову, как бы отказаться — ведь петь в таком обществе было для нее мучительной пыткой. Но трезвые доводы отца все же одержали верх, и после минутного колебания она оперлась на предложенную Алваро руку и прошествовала в залу.

Девушка почувствовала себя как примадонна, которая на премьере, в присутствии самой взыскательной и изысканной публики, вдруг забыла слова. Вокруг воцарилось гробовое молчание. Даже Алваро, который уже слышал божественное пение Элвиры, разволновался не на шутку. Элвиру же мало тревожило, как воспримут ее песню; она мечтала только о том, чтобы все вдруг забыли о ее присутствии и она могла забиться в самый неприметный уголок... Душу ее раздирали мучительные предчувствия. Но Элвира искренне любила Алваро и в глубине души была благодарна ему за настойчивость, с которой этот увлеченный и страстный молодой человек стремился представить ее блестящему обществу как эталон красоты и таланта. И девушка не смогла бы обмануть его ожидания. Триумфа Алваро она жаждала куда больше, чем собственного.

Элвира села за рояль и привычно ощутила под нежными и гибкими пальцами прохладное прикосновение точеных клавиш. Едва полились первые аккорды, как девушка словно перевоплотилась, и перед изумленной публикой раскрылась новая, неведомая грань ее красоты. Лицо прекрасной девы, скромное и искреннее, с потупленным взором, вдруг озарилось каким-то магическим, внутренним светом. Элвира ощутила себя вознесшейся на престол королевой. Каллиопой *, покорившей весь мир удивительной гармонией своих песен. Вся тревога и несказанная печаль души словно выплеснулись в божественных звуках песни. Даже те сеньоры, что мучились самой черной завистью к Элвире, были покорены и не могли удержаться от слез.

Успех был головокружительный. Секунду-другую после того, как растворился в бесконечности последний отзвук песни, зала ошеломленно молчала, потом вдруг взорвалась аплодисментами. Казалось, вот-вот потолок рухнет от неистовых, оглушительных рукоплесканий и поздравлений.

— Да, фея нашего Алваро и впрямь оказалась сиреной, — заметил доктор Жералдо стоявшему по соседству кавалеру. — Даже не верится, что в одной девушке могут сочетаться такие таланты... А какой поразительный голос. Я совсем забылся, словно слушал пение ангелов на небесах.

— Да, она необыкновенна. Она могла бы заткнуть за пояс даже Малибран ** и покорить Европу. Алваро прав: она настоящее сокровище и уж, безусловно, не какая-нибудь авантюристка...

---

* В греческой мифологии муза, покровительница эпической поэзии. Мать великого певца Орфея.

** Малибран, Мария Фелисита (1808—1836) — знаменитая французская певица, меццо-сопрано, сестра Полины Виардо. Прославилась исполнением партий в операх Дж. Россини и В. Беллини.

Зазвучавшая музыка, возвестив о приглашении к кадрили, прервала беседу, не позволив нам дослушать ее.

— Донна Элвира, — сказал Алваро, проталкиваясь к девушке, которая уже сидела рядом с отцом, — я хочу напомнить, что вы оказали мне честь, пообещав станцевать со мною эту кадриль.

Элвира заставила себя улыбнуться. Алваро даже не подозревал, каких усилий стоило девушке преодолеть гнетущую тяжесть, которая, отступив на время пения, теперь снова точила ее сердце.

Элвира с улыбкой оперлась на руку своего кавалера, и наша пара стала продвигаться по зале, выбирая место для веселой кадрили.

ГЛАВА XII

Конечно же, проницательный читатель уже давно догадался, что смуглокожая Элвира не кто иная, как рабыня Изаура, а дон Ансельмо — управляющий Мигел, ее отец, оба наши старые знакомцы.

Отчаянное положение, в котором оказалась Изаура, заставило Мигела пуститься на крайний риск и совершить дерзкий и опасный побег.

Мигел отдавал себе отчет в том, что, вызволив рабыню из неволи, совершит в глазах окружающих не только преступление, но и поступок, который сочтут недостойным для порядочного гражданина; но ведь рабыня приходилась ему дочерью, которую вот-вот растопчет жестокосердный тиран-хозяин. Только это и оправдывало Мигела в собственных глазах.

Одно время несчастный отец еще тешил себя надеждой, что сообщит о случившемся властям, которые именем закона сумеют защитить его дочь от бесчеловечного обращения, вырвут беспомощную жертву из когтей развратного изверга. Но, с кем бы он ни советовался, все в один голос твердили: не ввязывайся в это безнадежное дело, не трать зря время и деньги. Властям совершенно безразлично, что творится в домах богачей. Скажи еще спасибо, если тебе придется оплатить только судебные издержки — им ничего не стоит состряпать на тебя дело, заковать в кандалы и посадить в темницу. Где это видано, чтобы правым оказался бедный, а не богатый?

Тогда Мигел начал тайком встречаться со старыми рабами, которые со слезами на глазах вспоминали те добрые времена, когда Мигел служил управляющим на фазенде, и сохранили к нему уважение и преданность. Они рассказывали ему о том, что творилось на фазенде Леонсио. Узнав о невзгодах, выпавших на долю дочери после смерти командора, Мигел больше не колебался, твердо решив во что бы то ни стало спасти Изауру. Побег состоялся ночью, а на рассвете старый невольничий бриг на всех парусах мчал Мигела с дочерью в северные провинции. Капитан судна, перевозящего рабов из Африки в Бразилию, был португалец, давний друг Мигела. Доставив беглецов в Пернамбуку, откуда бриг должен был взять курс к берегам Африки, капитан бросил якорь в бухте Ресифе и пообещал Мигелу, что на обратном пути, месяца через три-четыре, сможет, если понадобится, подобрать их и увезти еще дальше. Надо сказать, что Мигел, при всех его достоинствах, имел довольно смутное представление о том, какие порядки царят в Бразилии (ну, какой, скажите, может быть кругозор у садовника или управляющего на плантации?), и о том, каково им придется с дочерью. За те годы, что он служил управляющим на фазенде командора, рабы сбегали нечасто. Да и можно ли назвать это побегом, если через пару ночей, удовлетворив свое любопытство, беглецы возвращались сами, усталые, вымотанные, но счастливые настолько, что даже наказание за ослушание воспринимали едва ли не с благодарностью. Неудивительно поэтому, что Мигел пребывал в полном неведении о тех безграничных правах, которые имелись у рабовладельца, и о могучем арсенале средств и способов поимки беглых рабов. Мигел считал, что три-четыре месяца проживет со своей дочерью в Пернамбуку в полной безопасности, если сумеет вести достаточно незаметный и уединенный образ жизни.

Изаура вдали от своего мучителя уже начинала забывать о своих горестях и, несмотря на постоянную угрозу, довлевшую над ней, мало-помалу стала оживать. Но спокойное существование продолжалось лишь до встречи с Алваро. То светлое чувство, что зародилось в этой чистой и возвышенной душе, обычно возникает лишь раз в жизни, но эта трепетная любовь, увы, еще более осложнила и без того нелегкое положение Изауры.

В лице, манерах, голосе, жестах и даже походке Алваро было нечто настолько благородное, светлое и притягательное, что сразу располагало к нему сердца. Можно было поневоле позавидовать той единственной избраннице, той счастливице, что сумела бы завоевать его любовь. Любовь же, зародившаяся в сердце Изауры, вспыхнула с такой неистребимой силой, что бедная девушка, не сумевшая совладать с неведомым доселе чувством, отдалась ему без оглядки, бросилась в коварный омут со всей страстью девичьего сердца.

Умом Изаура осознавала непреодолимую ширину пропасти, что отделяла ее от Алваро, и понимала, что любви ее суждено переродиться в гнетущую тоску.

Бедняжке с каждым днем становилось тяжелее влачить столь

жалкое существование. Ее тяготила необходимость таиться и скрывать свое происхождение. Изаура, такая искренняя и открытая натура, жестоко томилась из-за того, что даже те немногие, с кем она общалась, испытывали к ней уважение, на которое она совсем не имела права. По ночам Изаура терзалась, снова и снова задавая себе вопрос: может ли она без зазрения совести обманывать своего возлюбленного? Девушка чувствовала, какую любовь внушает она Алваро, и испытывала тяжкие муки из-за того, что держит его в неведении. Как отнесется к ней Алваро, узнав, что она рабыня? Не сочтет ли он это обманом, позором, подлым предательством? Не станет ли обращаться с ней как с жалкой и презренной рабыней?

— О, боже, только не это! — воскликнула Изаура. — Лучше я умру самой страшной смертью! Нет, я не должна обманывать его, это слишком подло... Я открою ему свою тайну. Пусть он узнает, что не может, не имеет права любить меня, но, по крайней мере, не будет меня презирать...

Так решила Изаура, повинуясь голосу своей совести, но стала откладывать осуществление своего намерения со дня на день.

Нам легко понять ее. Кто посмеет осудить несчастную рабыню за то, что у нее не хватило смелости собственными руками разрушить свое счастье?

В нерешительности, в мучительной внутренней борьбе Изаура провела несколько дней, пока наконец Алваро чуть ли не силой вынудил принять приглашение на бал. В тот самый миг Изаура окончательно поняла, что не в силах больше обманывать своего возлюбленного.

Довольно, решила она. Хватит злоупотреблять добротой и неведением благороднейшего из смертных. Нельзя допустить, чтобы беглая рабыня появилась на балу среди сливок общества рука об руку с Алваро! Это значило бы отплатить самой черной неблагодарностью и подлостью за его доброту. Изаура долго собиралась с силами, но в ту минуту, когда она окончательно решилась сбросить со своей души этот груз, смелость снова оставила ее. Уже слова готовы были сорваться с ее уст, уже шагнула она вперед, чтобы опуститься перед Алваро на колени и, обняв их, молить о прощении, как, поймав влюбленный и нежный взгляд молодого человека, вдруг онемела словно завороженная.

— Господи, какое я жалкое создание, — корила она себя, вконец пав духом. — Неужто у меня не хватит силы выполнить свой долг? Остается одно: пусть он услышит все из уст моего отца.

Изаура жадно ухватилась за эту мысль, как за спасительную соломинку.

— Отец, — решительно заговорила она, стоило только Алваро

скрыться за калиткой садика, — я хочу, чтобы ты знал: я ни за что не пойду на этот бал, я не имею права там появляться.

— Как не пойдешь? — изумился Мигел. — А о чем же ты раньше думала? Почему не сказала сеньору Алваро, пока он был здесь? Нет, теперь поздно идти на попятный, мы дали слово...

— Умоляю тебя, отец, догони Алваро и открой ему мою тайну. Поспеши же!

— Ни за что! Это просто безумие! Я не позволю, чтобы тебя заковали в кандалы, посадили на цепь и вернули этому чудовищу! Пока я жив, сделаю все, чтобы спасти тебя.

— Спасти меня, чтобы обречь на позор и бесчестье?... О, нет, отец! Как могу я появиться с ним на балу? Как могу выдать себя за сеньору, не сотворив тяжкого греха? Что станет, когда знатные сеньоры прознают, что подле них танцевала презренная рабыня...

— Замолчи, дочка! — прервал ее Мигел. — Возьми себя в руки и не волнуйся. Никто ничего не узнает. Мы уедем отсюда. Завтра же. Поплывем в Соединенные Штаты. Я найду работу, а ты со своими способностями тем более не пропадешь. Начнем новую жизнь.

— Ах, отец, мне страшно даже думать о том, что придется навсегда покинуть нашу родину.

— Но это единственный выход, доченька!

— А вдруг этот благородный молодой человек, сеньор Алваро, узнав, что я рабыня, сумеет понять, какие ужасные обстоятельства толкнули нас на побег, и возьмет нас под свое покровительство, защитит от преследователей?

— Кто же может за это поручиться, доченька? Боюсь, что, услышав горькую правду, он, быть может, даже первым донесет полиции, обозленный тем, что его едва не опозорили. Нет, моя родная, в нашем безотрадном положении нет иного выхода, как продолжать скрывать от всех наше прошлое, иначе пиши пропало. Соберись с духом, дочка, и пойдем на бал; это тяжкое испытание, я согласен, но мы должны пройти через него во имя нашего счастья. Подумай, скоро мы уже будем далеко отсюда, и никто, никто в целом свете не посмеет тебя обидеть. И не беспокойся об этих людях, ведь они не смогут узнать, кто ты такая, и общение с тобой никого не опозорит.

— Возможно, ты и прав, отец. Не знаю только, почему, но сердце мое противится этому шагу.

— Ничего не поделаешь, доченька, другого выхода у нас нет. Если мы не пойдем на бал, а внезапно исчезнем, то подозрения, которые мы и так уж начинаем вызывать, наверняка усилятся.

Изаура, погруженная в свои печальные мысли, не ответила. Слова отца разбередили кровоточащую рану и повергли девушку

в уныние. Возможно, отец прав — что может ожидать пойманную беглянку, кроме тюрьмы, пыток и смерти?

Изаура была в полном смятении.

Мысль о том, что вскоре ей предстоит уехать и навеки расстаться с любимым, не сказав ему последнего прости, разрывала сердце рабыни. Уехать в неведомое, покинуть возлюбленного, кочевать с места на место... Какое ужасное будущее уготовила ей злая судьба! И другого будущего Изаура не видела. Впрочем, нет, перед ее глазами вдруг возникло видение ночи, волшебной ночи, сулящей высшее из возможных блаженств — близость возлюбленного. Боже, как смеет она колебаться, даже раздумывать, когда само небо посылает ей последнюю возможность побыть рядом с Алваро, дышать с ним одним воздухом, ощущать его тепло, считать биения его сердца. Нет, такая ночь для истерзанной души рабыни воистину стоит вечности, даже если впереди маячат только тоска и опасность, рабство и смерть!

Изауре было мучительно трудно перебороть себя, она сознавала, что поступает бесчестно, но, думая о своем идеале — благороднейшем молодом человеке с возвышенной душой и чистыми помыслами, каким и был Алваро, гнала сомнения прочь.

Изаура чувствовала, что Алваро любит ее самой искренней, чистой, пылкой и глубокой любовью. Трудно даже описать, какую внутреннюю гордость испытывала Изаура, ловя на себе восхищенные взгляды Алваро, которые заставляли ее на время забыть о собственном происхождении.

— Я и в самом деле достойна любви Алваро, — убеждала она себя, — в противном случае он не любил бы меня. А если я достойна его любви, то почему он не может представить меня даже самому изысканному обществу? Нельзя допустить, чтобы жестокость и коварство одного человека разрушали то хорошее и доброе, что сотворил создатель.

Так размышляла Изаура. Мысли о предстоящем бале, о встрече с обожаемым Алваро находили все больший и больший отклик в ее душе, пока наконец не в силах устоять перед порывом, девушка не воскликнула:

— Я пойду, я пойду на бал!

В то самое время, пока Изаура размышляла над доводами отца, ломая голову над ответом, Мигел, ничуть не менее озабоченный и взволнованный, чем его дочь, бродил по саду, с нетерпением ожидая ее решения.

— Я пойду на бал, отец, — наконец услышал он. — Но готовиться к нему я буду как жертва, которую под торжественные песнопения повезут на казнь, осыпая по дороге цветами. Нехорошее предчувствие гложет мою душу и угнетает меня.

— Какое предчувствие, Изаура?..

— Не знаю, отец. Я только чувствую, что грядет несчастье.

— А вот я, доченька, наоборот, убежден, что этот бал спасет нас...

ГЛАВА XIII

Надеюсь, наш читатель не подумал, что бал, на котором нам посчастливилось поприсутствовать, уже кончился. Небольшое отступление, которое мы позволили себе в предыдущей главе, показалось нам необходимым, чтобы описать, какие жестокие противоречия терзали душу нашей героини-рабыни и привели в конце концов к фатальному решению появиться на великолепном балу среди блистательной знати. Пожалуй, даже самое суровое сердце способно понять, но никакая логика, никакой разум не смогут оправдать этот безрассудный поступок совестливой, скромной и благоразумной в остальном девушки.

Итак, бал еще продолжался, хотя оживления и веселья уже несколько поубавилось. Щедрые комплименты, которыми столь несдержанно осыпали кавалеры Изауру, вконец уже приелись и вывели из себя даже самых ярких, элегантных и остроумных дам. Разозленные своими любезными ухажерами, которые восторженно и беззастенчиво расточали любезности и оказывали невиданные почести Золушке, бесспорной королеве бала, дамы отказывались танцевать. Вместо жизнерадостных разговоров и беззлобных шуток во всех углах перешептывались и шушукались, время от времени отпуская желчные и язвительные реплики.

Обстановка накалялась. Вдоль стен огромной залы, по рядам сгрудившихся дам волной прокатился гул недовольства. Надвигалась буря. Дело в том, что несколько столь бесцеремонно брошенных своими спутниками дам уже заподозрили, что незнакомка, затмившая всех светских красавиц грацией и очарованием, не кто иная, как рабыня. Уже некоторые из них стали покидать пышно убранную залу, в особенности те, что считали себя вправе рассчитывать на благосклонность Алваро. Раздавленные триумфом Изауры и посчитавшие для себя невозможным состязаться с ней, неудачницы решили, что наиболее благоразумно не проявлять огорчения и тихонько удалиться, чтобы в тиши и уединении своих спален попытаться забыть о горечи поражения.

Впрочем, мы проявили бы несправедливость, утверждая, что среди стольких благородных и прекрасных дам не нашлось таких, которые совершенно бескорыстно и без тени зависти восхищались красотой и манерами Изауры и искренне радовались ее головокружительному успеху; лишь благодаря этим милым созданиям на балу удавалось поддерживать хоть искру веселья и не-

принужденности. Но таких женщин, к великому сожалению, было меньшинство. Ах, женщины, женщины! Ну, почему скажите, в любой компании представительниц слабого пола, даже принадлежащих к разным сословиям, по крайней мере, половина становится объектом зависти, ревности, сплетен и интриг? Почему желание восторжествовать над соперницей берет верх над лучшими человеческими качествами, заставляет позабыть о дружбе и супружеской верности?

Впрочем, довольно отвлекаться. Напомню, что мы покинули Изауру в тот миг, когда они рука об руку с Алваро шествовали по зале, выбирая место перед началом кадрили. Пока наша пара танцует, заглянем на минутку в соседнюю комнату, уставленную ломберными столами, затянутыми зеленым сукном, и буфетами, заполненными ликерами, пивом и шампанским всевозможных марок. Через открытую настежь широкую дверь эта комната непосредственно сообщается с танцевальной залой. Войдя, мы сразу увидим оживленную группу молодых людей, главным образом студентов, эдаких фатоватых денди, что напускают на себя эксцентричный байроновский вид, словно пытаясь показать, как им приелось общество назойливых женщин. Среди них были такие, что охотно рассказывали, как устали от любовных похождений и теперь ни за какие коврижки не променяют удовольствие выкурить ароматную сигару или выпить бокал шампанского на дразнящий взгляд прекраснейшей из женщин. Были здесь и те, которые стихами либо прозой живописали о несчастной любви, о разочарованности в жизни. Наконец, были среди них и хмурые мизантропы, которых можно встретить в любом обществе. Узнать их легко по унылому виду, потухшим глазам и пренебрежению, с которым они выставляют напоказ свое неприятие светской жизни.

Выделялся в этой компании один молодой человек, которому мы уделим особое внимание, ибо ему суждено сыграть едва ли не главную роль в дальнейших событиях. В нем не было ничего байроновского или меланхолического, напротив, в его облике и манерах угадывались цинизм и развязность. Он казался старше своих приятелей на добрый десяток лет. Массивная голова росла словно из самых плеч. Высокий покатый лоб на широком скуластом лице испещряли многочисленные бугры и ямки, что согласно Лаватеру свидетельствовало об ограниченности и скудоумии. В его туповатой, почти гротескной физиономии преобладали черты, свойственные низменным, эгоистическим натурам, не чурающимся самых гнусных поступков. Маленькие свинячьи глазки, бегающий взгляд также выдавали подленький характер. Жадный донельзя и корыстолюбивый, этот молодой человек тоже был студентом, хотя в своем неряшливом, местами замызганном наряде вернее сошел бы за лотошника. Учился он вот уже лет пятнадцать и платил из собственного кармана, имея доход от таверны, совладельцем которой являлся. Звали его Мартиньо.

— Друзья, — сказал один из молодых людей, — а не сыграть ли нам в ландскнехт, пока эти бездельники шаркают ножками и отвешивают поклоны?

— Превосходная мысль! — воскликнул другой и, не откладывая дела в долгий ящик, решительно уселся за стол и взял в руки колоду. — Коль другого занятия у нас нет, почему бы и впрямь не перекинуться в картишки? Афонсо, Алберто, Мартиньо, ступайте же сюда, сыграем две-три партии, не более.

— Я бы с превеликим удовольствием принял ваше предложение, друг мой, — откликнулся Мартиньо, — кабы не вынужден был спешить сыграть в другую игру, которая позволит мне, не шевельнув и пальцем, безо всякого риска положить в карман несколько конто.

— Что за вздор ты несешь, черт побери? Брось свои дурацкие шутки и садись играть с нами.

— Нет уж, сейчас мне не до шуток. Когда дело такое верное и само плывет в руки, какой мне смысл поддаваться азарту карточной игры, в которую я уже спустил уйму денег?.. Не такой уж я глупец!

— Тысяча чертей, Мартиньо! Объясни, наконец, что за игру ты имеешь в виду?

— Попробуйте отгадать... Впрочем, нет это, бесполезно. Ладно, подскажу. Дело это довольно громкое, и шумиха поднимется изрядная. Скандал на весь мир. Ну, что? Если отгадаете, то я закачу для вас роскошный пир в самом лучшем ресторане.

— Можешь считать, что никакого пира не будет, несчастный пожиратель тухлой рыбы, так как не родился еще тот человек, который способен был бы разгадать, что за бредовую идею ты вбил в свою ненормальную башку. Так что все, чего мы от тебя хотим, — это честно выиграть твои деньги в карты.

— Оставьте меня в покое, — огрызнулся Мартиньо, пристально следя за танцующими в зале парами. — Я подсчитываю свой барыш. Допустим, я играю партию в шахматы: шах королю, гардо королеве, и... мат! Пять конто у меня в кармане!

— Нет, вы только посмотрите на него! Он, точно, помешался. Давай договоримся так, Мартиньо: либо выкладывай, что ты задумал, либо катись отсюда по-хорошему и не испытывай нашего терпения.

— Это я-то помешался? Да я умнее вас всех, вместе взятых! А что до моей игры... Ладно, сколько вы мне заплатите, если расскажу? Запрыгаете от неожиданности, уверяю вас.

— Ты хочешь разжечь наше любопытство, чтобы выкачать из нас денежки? Ничего у тебя не выйдет. Раздавайте, друзья, не обращайте на этого мошенника внимания.

— Вот дурачье! — воскликнул Мартиньо. — Жалкие молокососы! Хорошо, следуйте за мной. Кстати, полюбуйтесь, — добавил он, извлекая из кармана сложенную пополам бумажку. — Вот моя козырная карта. Это объявление о беглом рабе.

— О! В самом деле? Поразительно!

— Какая чушь! Ты определенно спятил, Мартиньо!

— При чем тут объявление о беглом рабе?

— Разве тебя назначили судебным исполнителем или лесным капитаном? *

Так нестройным хором вперемежку с хохотом восклицали молодые люди, пытаясь перекричать грохочущий оркестр.

— Я не понимаю вашего недоумения, — сухо заметил Мартиньо. — И очень удивлен, что вы не обратили должного внимания на циркуляр о беглых рабах, который прислали из Рио-де-Жанейро и распространяли по городу впридачу к «Жорнал ду комерсиу».

— Кто мы, по-твоему, полицейские ищейки или судебные исполнители, чтобы разглядывать подобные циркуляры?

— Не знаю, не знаю. Только история получается крайне любопытная, а уж вознаграждение такое, что грех побрезговать.

— Бедняга Мартиньо! Видно, тебе позарез нужны деньги, раз ты охотишься за беглыми рабами даже в танцевальных залах! А может, ты еще в императорском дворце поищешь?

— Смейтесь, смейтесь, посмотрим, кто посмеется последним! Да, я и впрямь убежден, что беглец находится здесь, на балу. А пять конто на дороге не валяются, тем более что наша лавка в последние месяцы не приносит обычной прибыли.

Лавкой Мартиньо называл небольшую таверну, совладельцем которой, как вы помните, он был. Остановившись в проеме дверей, отделявших игорную комнату от танцевальной залы, он задержался там, попеременно окидывая взглядом танцующих и посматривая на бумажку в руке, словно что-то сравнивал и сопоставлял.

— Высматривает кого-то, черт побери! — воскликнул один из игроков, на мгновение забыв о картах.

— Он явно свихнулся, — заметил другой. — Только псих может искать на балу беглых рабов!..

— Ладно, друзья, черт с ним! Давайте лучше играть.

— Это она! — громко сказал Мартиньо, отойдя от дверей и по-

* Лесной капитан — начальник отряда погони за беглыми рабами.

вернувшись к своим приятелям. — Никаких сомнений. Бесспорно она!

— Кто она, Мартиньо?

— Угадайте.

— Неужели беглая рабыня?

— Да, сеньоры, представьте себе — беглая рабыня собственной персоной. И танцует здесь, в этой зале!

— Ха, ха, ха! Ну и весельчак же ты, Мартиньо! Вот уморил. Совсем спятил. Никогда так не смеялся.

Такие возгласы неслись от ломберного стола, за которым молодые люди, бросив карты, утирали слезы и давились от хохота.

— Вы смеетесь? Погодите, скоро этот фарс превратится в трагедию.

— Отлично сказано. Продолжай, Мартиньо!

— Не верите? Тогда слушайте и пеняйте на себя, глупцы несчастные!

С этими словами, Мартиньо уселся на стул, развернул бумажку и приготовился читать. Игроки с нескрываемым любопытством обступили его.

— Слушайте внимательно, — продолжал Мартиньо. — «Пять конто» — такой выразительный заголовок, начертанный крупным шрифтом, украшает этот клочок бумаги, который стоит больше чем «Илиада» Камоэнса.

— И уж тем более куда дороже «Лузиады» Гомера *, верно, Мартиньо? Кончай дурака валять, выкладывай, что там у тебя.

— Сейчас, сейчас, — сказал Мартиньо и начал читать:

«С фазенды сеньора Леонсио Гомеш де Фонсека, в округе Кампус, провинция Рио-де-Жанейро, сбежала рабыня по имени Изаура. Основные приметы: кожа нежная и светлая, как у белой, глаза темные и большие, волосы черные, длинные и слегка вьющиеся, рот маленький и красиво очерченный, зубы ровные и белые, нос тонкий и изящный, тончайшая талия, стройная фигура, рост средний; на левой щеке небольшая темная родинка, а над правой грудью след от ожога, по форме напоминающий крыло бабочки. Одевается со вкусом и элегантно, изумительно поет и играет на пианино. Благодаря прекрасному образованию и изысканным манерам может легко сойти за свободную сеньору из высшего общества. Сбежала вместе со своим отцом, португальцем по имени Мигел. Имена скорее всего изменены. Тот, кто найдет беглецов и вернет рабыню вышеназванному сеньору, получит вознаграждение в пять конто, помимо возмещения расходов».

— Неужели, именно так и написано в объявлении, Мартиньо?

* Имеется в виду «Илиада» Гомера и «Лузиада» Камоэнса. Свидетельство крайне низкого культурного уровня Мартиньо.

Ведь ты только что нарисовал нам портрет настоящей Венеры, а теперь хочешь нас убедить, что она сбежавшая рабыня? — воскликнул один из игроков.

— Если не верите, можете прочитать собственными глазами. Держите бумагу.

— Да, друзья, такая рабыня и верно стоит того, чтобы не пожалеть любых усилий ради ее поимки, но только для себя, а не из-за пяти конто. Выпади мне счастье поймать ее, уж ни за какие деньги не вернул бы ее хозяину.

— Меня больше не удивляет, что Мартиньо ищет ее здесь: такое совершенное создание и впрямь можно встретить только на балу у принца.

— Или в сказочном королевстве. Кстати, судя по приметам, это не кто иная, как чудесная богиня, которой мы так восхищались сегодня...

— Браво, Алберто, ты попал не в бровь, а в глаз, — прервал его Мартиньо. — Идите сюда, — он подозвал приятелей к двери. — Полюбуйтесь на эту красотку, что танцует с Алваро. Бедняга Алваро, он выглядит таким счастливым! Если б он знал, с кем танцует, ему бы сделалось дурно. Присмотритесь внимательно, сеньоры, по всему приметы совпадают, не так ли?

— Полностью! — выпалил Алберто. — Потрясающе! Даже родинка на левой щеке, которая так ей к лицу. Если у нее над грудью обнаружится и крыло бабочки, тогда вопрос решен. О, небо! Неужто возможно, чтобы такая прелестная девушка оказалась рабыней?!

— Но как у нее хватило смелости появиться на таком балу? — спросил Афонсо. — Я просто поражаюсь.

— Что касается меня, — сообщил Мартиньо, — можно считать дело в шляпе и пять конто уже мои. До свидания, мои дорогие.

С этими словами он аккуратно сложил бумажку, сунул ее в карман, довольно потер руки, нахлобучил шляпу и удалился.

— Ну и скупердяй, — произнес Афонсо. — Ради денег готов на все. По-моему, он собирается схватить несчастную девушку прямо на балу.

— Да, за пять конто он пойдет на любую подлость. Такой мерзавец позорит все наше сословие. Как бы сговориться и выгнать его из Академии? Я бы сам с удовольствием отдал пять конто, чтобы сделаться рабом этой красавицы.

— Просто поразительно! Кто бы мог подумать, что под столь ангельским обличьем скрывается беглая рабыня!

— А кто тебе сказал, что в теле рабыни не может скрываться душа ангела?

Окончание следует

Иван Петрович Приблудный (Яков Овчаренко) родился в простой крестьянской семье 14 декабря 1905 года в селе Безгиново Старобельского уезда Екатеринославской губернии (ныне Новоайдарский район Луганской области). Семи лет остался без матери. Учился в школе, беспризорничал. Подхваченный романтикой революции, стал ездовым тачанки 2-й Черниговской дивизии, которой командовал Г. И. Котовский.

После демобилизации из армии в 1922 году Иван Приблудный становится студентом Высшего литературно-художественного института в Москве. Через год он знакомится с Сергеем Есениным и до конца жизни великого поэта входит в число самых близких его друзей и учеников.

Критика и читатели восторженно восприняли появление первого сборника И. Приблудного («Тополь на камне», 1926). Стало ясно, что в поэзию пришел самобытный поэт, наследник и продолжатель реалистической есенинской школы.

«Баллада о безумии и мудрых колоколах» публикуется впервые. Произведение написано, очевидно, под впечатлением посещения вместе с Сергеем Есениным Константинова в августе 1924 года. Вот что пишет сестра Сергея Александровича — Александра Есенина: «Однажды, возвращаясь под утро домой, он (И. Приблудный. — О. Б.) увидел начинающийся пожар. Заснувшее село как будто вымерло, а он, не зная о существовании веревки, привязанной к колоколу для набата, и найдя закрытым вход на колокольню, стал собирать около церкви камни и бросать их в колокол. Правда, его удары мало походили на набат, но людей он все-таки разбудил».

Олег БИШАРЕВ

Иван ПРИБЛУДНЫЙ

БАЛЛАДА О БЕЗУМИИ И МУДРЫХ КОЛОКОЛАХ

Нет конца июльским лунам,
Дням, неделям и годам.
Дай же волю этим струнам,
Этим вдумчивым ладам.

Я присяду, я притопну,
Прыгну этак, выгнусь так;
Я от счастья чуть не лопну —
Даже лопну струнам в такт.

Не дивитесь — так и надо,
В годы разума и книг
Есть еще одна отрада —
Быть безумным хоть на миг.

Я безумен. Я беспечен.
В близком шелесте полей
Я сейчас лишь человечек
В зверской радости моей.

Там, за млечными степями,
Отмечая каждый час,
Бледно-желтыми очами
Город щурится на нас.

Весь он каменный, на сваях,
И с восхода по закат,
Убегая на трамваях,
Возвращается назад.

Тощий скверик вместо рощи,
Камень, гнущий грудь земли,
Да вздыхающий извозчик,
С пьяным гостем за рубли.

Все удобства, есть машины,
Есть аптеки за углом,
Есть бесценные витрины
С чуждым блеском под стеклом.

. . . .

Город мощен, город жуток,
А под нами, у осок,
Выплывают семьи уток
И садятся на песок.

Их не тронут, не обидят,
И как солнце и плетень,
Каждый день их люди видят,
Ждут и любят каждый день.

Пойте, струны, рвитесь, ноги,
Голос, песню запевай,
Здесь не мощены дороги,
Не обнимет вас трамвай.

Здесь куда ни кинешь оком —
Зелень, крытая луной,
Да на холмике высоком
Церкви купол золотой.

Это дико, это глупо,
Но в мерцанье тополей

Возмутил меня здесь купол
Неподвижностью своей.

Почему и как — не помню,
Отбивая струнам в такт,
Я залез на колокольню,
Как мальчишка на чердак.

Реет роща у дороги,
Речка песню завела,
Но, загадочны и строги,
Здесь молчат колокола.

Зацепив за все веревки,
Я рванул их, глядя вниз,
И, зевающе-неловки,
Звуки ветром понеслись.

Тень-телень пошло садами,
Бам-балам плывет за ним.
И бессвязными тонами
Я как песней одержим.

— Эй, сюда! Ветрам навстречу,
Пенной песней — на восход,
На пирушку человечью
После скуки и забот;

После грусти и усилий
Кто что может запевай,
Здесь не спросят вас фамилий,
Не раздавит вас трамвай.

И как стадо, за призывом
Встрепенется сонный люд,
Все в волненье суетливом,
Завозились там и тут;

Перепуганно и бодро
Лезут, словно из норы,
И мелькают всюду ведра,
Грабли, вилы, топоры.

Я притих, прошла отрада,
Понял, глупый, что опять
Я не там, где сердцу надо
Волю радостям давать.

И опять глагол убогий
Довелось мне повторить:
Медным вестникам тревоги
Звоном радости не быть.

25 июня 1925 года

Публикация О. БИШАРЕВА

Питирим СОРОКИН

СУЩЕСТВЕННО ВАЖНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ НАЦИИ В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) — фактический основатель российской социологии, яркий и оригинальный мыслитель, вдохновенный педагог и публицист. Он родился на Северном Урале в селе Турья, происходил из семьи бедных, неграмотных крестьян. Еще с восьмилетнего возраста помогал отцу, который ходил на заработки в соседние деревни. С 11 лет Питирим остался сиротой и пошел в люди, странствовал по селам и городам Российской империи, подрабатывал на жизнь фабричным и сельским трудом. Но у талантливого мальчика все более зрело стремление к учебе. Питирим сначала закончил церковноприходскую школу, а затем и гимназию. Он, как и Михайло Ломоносов, вышел из народа, также приехал из северных краев европейской России. Однако в отличие от своего предшественника обосновался сначала не в Москве, а в Петербурге, где поступил на вечернее отделение психоневрологического института, а потом в университет. В 1916 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1922-м — докторскую.

Питирим Сорокин с детских и юношеских лет познал тяжелую нужду и на своем горьком опыте испытал долю простых людей. Это побуждало его к участию в революционном движении. Питирим вступил в партию эсеров и благодаря своим способностям и политической активности стал одним из лидеров правого крыла социалистов-революционеров. Царские власти трижды арестовывали Сорокина, он сидел в тюрьмах.

После февральской революции 1917 года ученый в течение двух месяцев — секретарь А. Ф. Керенского и главный редактор газеты «Воля народа». Сорокин во многом не принял Октябрьскую революцию и вел полемику с большевиками. Его дважды арестовывали. А в 1918 году Вологодский суд вынес Сорокину смертный

приговор. Однако его помиловали и освободили. Вскоре он стал деканом исторического факультета Петроградского университета, основал там отдел социологии.

Изгнание Сорокина из страны в 1922 году вместе с большой группой оппозиционно настроенных видных ученых было невосполнимой потерей для русской науки. В связи с этим Сорокин писал: «Первая фаза русской революции носила весьма разрушительный характер... На этом этапе революция, как смерч, уничтожала не только устаревшие, отжившие свой век пустые ценности, учреждения и людей, но в не меньшей степени также и живые великие ценности и культурные достижения, учреждения и выдающиеся творческие личности и группы».

После отъезда из России Сорокин в течение года читал лекции в Пражском университете, а затем, как и многие другие выдающиеся русские мыслители, артисты, инженеры, оказался в США (1923 г.).

Курс лекций русского ученого по социологии сочли для себя необходимым прослушать такие крупнейшие американские политические деятели, как президент Джон Кеннеди, госсекретарь Дин Раск, обществовед Уолт Ростоу.

Сорокин долгое время возглавлял кафедру социологии Миннесотского университета. Он основал отдел социологии в Гарварде. В течение ряда лет был директором Гарвардского научно-исследовательского центра по изучению творческого альтруизма. Начиная с 1913 года опубликовал более трех десятков книг и приблизительно тысячу статей. Сорокин — один из родоначальников теории социальной мобильности и социальной стратификации.

В ряде своих работ ученый рассматривал историческую действительность как совокупность неравноправных, в равной мере сплетенных социальных и культурных систем. Выход из современного кризиса в сфере культуры П. Сорокин усматривал прежде всего в будущей победе религиозно-идеалистического мировоззрения.

Ученый отличался исключительной работоспособностью. Часть его работ вышла еще в России: «Преступление и кара, подвиг и награда» (Спб., 1914); «Проблема социального равенства» (Петроград, 1917 г.); «Система социологии», т. 1—2 (Петроград, 1920 г.). В США и других зарубежных странах опубликованы «Социология революции» (1925 г.); «Социальная мобильность» (1927 г.); «Общество, культура и личность» (1947 г.); «Современные социологические теории» (1966 г.) и другие работы.

П. Сорокин чуть ли не до своих последних дней испытывал мучительную ностальгию и мечтал о поездке на Родину с тем, чтобы по итогам впечатлений о поездке создать книгу о Советской России. Трагично, что П. Сорокин так и не дождался приглашения. К тому же контактам усиленно препятствовали и чиновники администрации США, опасавшиеся использования Москвой этого визита в «пропагандистских целях».

Решение Седьмой декабрьской встречи русских ученых и деятелей культуры (1989 г.), рекомендовавшей опубликовать приводимый ниже труд П. Сорокина, было продиктовано не только научными соображениями, большой актуальностью работы, но и значимостью знаменательного юбилея — столетия со дня рождения мыслителя (1889 г.). К большому сожалению, эта дата фактически не привлекла внимания общественности, не стала предметом разговоров на страницах печати. А сказать можно было о многом...

Статья, предлагаемая вниманию читателя, написана в конце жизни ученого и опубликована в США за год до смерти — в 1967 году.

Автор дал в публикуемой работе блестящий анализ генезиса, особенностей развития русской нации и черт ее национальной психологии. В условиях, когда в среде специалистов раздаются призывы к углублению научной теории нации, ее перестройке и совершенствованию, нельзя не отметить плодотворности стремления П. Сорокина определить нацию как «солидарную, организованную, полузакрытую социально-культурную группу с многосторонними (многофункциональными) связями, которая по крайней мере отчасти, сознает свое единство и существование».

Как известно, по вопросу о сроках зарождения русской нации среди исследователей существуют различные точки зрения. Некоторые авторы, к числу которых относился и П. Сорокин, считали, что преобразование восточнославянских групп в русскую нацию произошло со времени создания первого Киевского государства. Эта точка зрения обосновывалась этническим аргументом — включением в нее трех восточнославянских народов и важным духовно-идеологическим фактором — принятием христианства на Руси. Некоторые советские историки и писатели, как, например, Дм. Балашов, связывают рождение нации с XIV веком, и прежде всего с периодом княжения Ивана Калиты (1325—1340 гг.). В. И. Ленин указывал на XVII столетие как на период образования общенационального рынка, а стало быть, и нации.

Значение выводов П. Сорокина неоднозначно. В свете обострившихся в нашей стране межнациональных конфликтов, межэтнических столкновений некоторые общетеоретические и политические соображения П. Сорокина представляют несомненный интерес. «В столкновении социальных классов и наций национализм иногда одерживал верх над решающей ролью интересов социальных классов и классовой борьбы», — отмечал ученый. И этот тезис проясняет многое в нашей нынешней ситуации, сложившейся в Прибалтике, Закавказье и других регионах страны. Мысль П. Сорокина помогает уяснить и стимулы усилившегося в 1989 году движения к воссоединению Германии, смысл фактического крушения теории «двух немецких наций».

Вместе с тем в некоторые положения ученого внесла коррективы сама жизнь в условиях обновления страны, так, например, в утверждение П. Сорокина о том, что «Советский Союз имеет один из самых низких коэффициентов межгрупповых конфликтов в форме забастовок, столкновений с применением насилия и внутренних волнений, по сравнению со всеми странами». Забастовки, межнациональные столкновения, развернувшиеся в период перестройки, в конечном счете доказали неправомерность этого тезиса.

Трепетные чувства к Родине у крупнейшего ученого, изгнанного из нее, были столь чисты, бескорыстны и жертвенны, что, отбрасывая личные обиды, он всемерно стремился дать объективную оценку процессам развития русской и других наций в советское время: «Вместо того чтобы быть раздавленной и расчлененной своими врагами и некоторыми своими союзниками в мрачные годы гражданской войны и второй мировой войны, Советская Россия — все еще ведомая русской нацией — вышла из этой смертельной опасности как одна из двух существующих великих империй. Это героическое достижение показывает пример жизнеспособности, творчества и изобретательности русского и других народов России и их готовности пожертвовать своей жизнью, состоянием, материальными благами и ценностями, доставляющими удовольствие, — пожертвовать ими ради спасения своей свободы, достоинства и других великих национальных ценностей. Такова же история экономического, аграрного, технического и финансового роста России».

Это говорил один из крупнейших социологов планеты, который сам был кровно обижен высылкой из России, хотя и глубоко понимал причины изгнания.

К сожалению, в ходе развернувшейся ныне многоплановой полемики некоторые авторы, характеризуя процесс развития русской нации в рассматриваемые годы, дают ему однотонно негативную оценку, полностью отвергая все, что было сделано доброго, положительного, великого. П. Сорокин блестяще показал иное. Процесс же развития русской нации всегда отличался сложностью, в том числе и до революции, и в советское время, в годы культа личности, волюнтаризма и застоя. Нелегок он и в дни обновления страны.

В течение 70 лет проблемы русской нации у нас в стране практически не изучались, и это нанесло Отечеству большой человеческий, материальный, экологический ущерб, породило беспамятство и нигилизм. Поэтому работа П. Сорокина представит для читателя как познавательный, так и исторический интерес, она служит образцом проникнутых здоровым оптимизмом мыслей о России видного представителя первой волны эмиграции, разбросавшей по свету многих замечательных представителей творческого гения народов нашей страны.

Е. ТРОИЦКИЙ,
председатель Ассоциации
по комплексному изучению русской нации (АКИРН),
доктор философских наук

ВСТУПЛЕНИЕ

Русская нация возникла как отдельная, отличающаяся от других, социально-культурная система с установлением Киевского или варяжского государства в середине девятого века. Эта нация с тех пор и по настоящее время оставалась и остается главной группой, деятельность которой преимущественно определяла природу последующего характера русского государства, его культуры и исторической судьбы. К существенно важным характерным чертам русской нации относятся: ее сравнительно долгая жизнь, огромная жизнеспособность, удивительная стойкость, исключительная готовность со стороны ее членов идти на жертвы ради ее выживания, а также необычайный рост территории, населения, политический, социальный и культурный рост. К этим основным чертам можно добавить ряд дополнительных особенностей: расовое и этническое разнообразие, единство в разнообразии, предоставление нерусским самых высоких постов в политической и социальной сферах, сравнительно мирная экспансия и рост, ведение преимущественно оборонительных войн, относительная благопристойность и высокая преданность данной нации со стороны ее членов. Как и другие западные нации, Россия пережила развитие

и упадок философии христианства и ее замену агностической, материалистической, атеистической философией. С конца 1920-х годов Россия стала проявлять другие черты: замену грубой силы правлением закона, модификацию тоталитаризма в пользу экономической и социальной демократии, упрочение положения нерусских национальностей как автономных групп, восстановление моногамной семьи, достижения в области материального благосостояния, культурный рост и моральное возрождение советского народа.

Большинство исследований о национальном характере страдают тремя основными недостатками. Во-первых, они не определяют, что они имеют в виду под словами «нация» и «национальный характер», или туманно об этом высказываются.

Во-вторых, они игнорируют глубокие различия между простым «атомарным» собранием индивидуумов, с одной стороны, и едиными социально-культурными системами, с другой. Большинство этих исследований имеют дело не столько с нацией, сколько с отдельными немцами или французами, банту или африканцами, сравнивая их с людьми, принадлежащими к какой-либо иной группе (по признаку пола, расы, рода занятий, экономики, образования). Редко, если это вообще случается, сравниваемые ряды людей являются представительными образцами каждой группы.

Характерные черты отдельных людей, особенно в непредставительном случае, отнюдь не совпадают с характеристиками какой-либо организованной группы (в нашем случае речь идет о нации) и наоборот. Свойства воды, H_2O, отличаются от свойств водорода, H, и кислорода, O, отдельно взятых. Свойства разрозненных частей автомобиля отличаются от свойств собранного автомобиля как единой системы. Свойства человеческого организма как системы нельзя узнать, изучая его органы или клетки, вырезанные из живого организма. То же самое верно и в отношении свойств единых социальных или культурных систем, по сравнению с характеристиками их отдельных членов.

Третий важный недостаток большинства исследований о нациях и о национальном характере (национальных характеристиках) — это сведение нации или какой-нибудь социально-культурной системы просто к фрагменту «поведения» сравниваемых ее отдельных членов. Почти парадоксально было бы определять характер какой-либо нации на основе изучения таких несущественных фрагментов поведения, как, например, способ «пеленания» младенцев, или тип «оральной», «анальной» или «половой» организации личности, или тип реакции на различные «тестоподобные действия», — такие, как «тесты, проверяющие умственные способности», «проективные тесты» или множество других тестов, «проверяющая способность» которых весьма проблематична и сомнительна по своему научному характеру. К сожалению, многие исследования о национальном характере (национальной характеристике) основываются именно на такого рода тестах или на беседах с немногими отдельными людьми. На основе какого-либо фрагмента поведения или особенностей речи исследователи, не колеблясь, рисуют портрет всей нации и национального характера.

Неудовлетворительность этого типа «исследований о национальном характере» настолько очевидна, что нет необходимости в дальнейшей критике этих «методов». Полное исследование даже в отношении одного человека, кроме знания его организма, требует

знания его умонастроения (его идеологической культуры), основ его общего поведения и его материальной среды, в которой он живет, действует и работает при помощи материальных орудий труда, а также знания биофизической среды, используемой им в процессе его взаимодействия с людьми — своими собратьями. Тем более невозможно на основе просто одного фрагмента поведения ряда отдельных лиц точно охарактеризовать какую-либо организованную группу, в том числе нацию или какую-нибудь культурную систему, как, например, науку, философию, религию, право, изобразительное искусство и т. д. В каждой из этих систем, кроме людей, ее отдельных членов, есть (1) ряд значений, ценностей и норм, благодаря которым и ради реализации которых существует данная система; (2) порядок внешней деятельности, предписываемой и запрещенной, посредством которой ценности, значения и нормы системы овеществляются и реализуются в эмпирическом мире (этот порядок часто наполняет бихевиористскую* историю данной системы драматическими событиями и историческими процессами); и (3) небольшой или крупный объем материального имущества, необходимого для ее функционирования и поддержания ее существования: материальные здания; орудия труда и ресурсы, начиная с физического существования территории или места обитания и кончая фабриками, заводами, деревнями и другими материальными владениями какой-либо группы или культурной системы. Ни Соединенные Штаты как государственная система, ни Римская католическая церковь как религиозная организация, ни «Дженерал моторс» как индустриальная система, ни наука как культурная система, — ничто не может быть сведено к исследуемым фрагментам поведения своих членов. То же самое справедливо и в отношении нации.

В данном очерке о русской нации я попытаюсь ее рассмотреть как особую социально-культурную систему и попытаюсь обрисовать некоторые ее существенные черты и их изменение в двадцатом веке.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА В СВОЕМ РОДЕ?

Не вдаваясь в подробный анализ, можно определить нацию как солидарную, организованную, полузакрытую социально-культурную группу с многосторонними (многофункциональными) связями, которая по крайней мере отчасти, сознает свое единство и существование. Эта группа состоит из индивидуумов, (1) которые являются гражданами одного и того же государства, (2) которые имеют общий или сходный язык и ряд культурных ценностей, причем и то, и другое является результатом прошлой истории их предков и этих людей, и (3) которые занимают общую площадь, рассматриваемую как их территория, на которой жили их предки и на которой до сих пор жили они. Нация — это социальная система, отличная от государства, а также от какого-либо этнического образования (язык) и от простых территориальных групп (соседства). До сих пор существовало много государств, как, например,

* От английского «бихейвиор» — поведение. Одно из важнейших направлений в американской психологии (науке), по существу отрицающее сознание как предмет психологии и во главу угла ставящее поведение людей (прим. ред.).

Бельгия, Турция и Британская империя, Австрия, Индия, Россия и большинство недавно возникших афро-азиатских государств, граждане которых принадлежали к различным языковым (этническим или национальным) группам. Многие из подобных этнических групп никогда не были и не являются сейчас «суверенными государствами». Аналогично существуют тысячи территориальных (смежных) общностей (деревни, города, графства, провинции или другие территориальные общности), которые не являются ни государствами, ни однородными языковыми (этническими) группами. Каждая из этих групп представляет собой социальную группу в своем роде (sui generis), отличную от других, а все три — государство, язык и территориальные социальные системы — отличаются от нации как группы sui generis с многосторонними связями, как это было определено выше.

Граждане какого-либо государства объединены в одну государственную систему на основе интересов, ценностей, прав или обязанностей или связаны государственными узами, проистекающими из их общего членства в данном государстве. Аналогично, члены какой-либо языковой (этнической) группы объединены в одно этническое целое посредством общих интересов, ценностей, нравов или этнических связей, которые отличаются от государственных и являются результатом их принадлежности к одной и той же этнической группе с общим языком и культурными ценностями, разработанными и произведенными на свет их предками, их собственной деятельностью и историческим опытом. Это различие государственных и этнических групповых интересов, ценностей и связывающих уз ясно показано на примере того факта, что иногда члены одной и той же этнической группы разделены по гражданству между различными государствами, а гражданство многонационального государства включает в себя две или более различных языковых групп. В ряде случаев интересы и ценности данного государства и какой-либо языковой группы вступают в противоречие друг с другом, и такие случаи ведут либо к подавлению интересов языковой группы со стороны государства, либо к расколу государства антагонистической этнической группой и созданию ею своего собственного государства. История государств, подавляющих группы своих этнических меньшинств, и история объединения в свое собственное государство какой-либо языковой группы, вплоть до того, что это объединение раскалывает гражданство ее членов между различными государствами, — все это яркое подтверждение противоречия между интересами, ценностями и устремлениями данного государства и какой-либо языковой группы.

Аналогично интересы, ценности и связи какой-либо территориальной группы опять-таки отличны от интересов, ценностей и связей государства и этнической группы. Территориальная близость людей как таковая навязывает ряд общих интересов и ценностей на всех соседей, даже когда они принадлежат к различным государствам и языковым группам. Обычно все соседи заинтересованы в экологически чистой атмосфере, незагрязненной воде и защите от наводнений, землетрясений, преступности, пожаров и других природных и социальных бедствий. В этом смысле территориальное соседство связывает воедино смежное население своими узами, которые отличаются от связей государства и национальности (языковой группы).

Наконец, нация, по определению, — это социальная система, отличная от этих трех систем. Только когда какая-либо группа лиц принадлежит к одному государству, одному языку и одной территориальной группе, эти люди действительно составляют нацию. Нация — это социальная организация с многосторонними связями, объединенная сращением государственных, этнических и территориальных связей.

Если членство в одном государстве, принадлежность к одной языковой или территориальной группе вполне очевидно обусловливают умонастроение, поведение, всю личность ее членов и накладывают на них свой отпечаток, то членство в одной нации обусловливает и формирует характер входящих в нее людей с еще большей силой и еще более решительно под давлением уз, объединяющих все эти три группы с односторонними связями, взятые вместе.

Это краткое рассмотрение показывает ошибочность многих господствующих теорий нации и производной категории, «национального», когда производится отождествление нации с государством, этнической или территориальной группой. Среди подобных недостатков, как, например, подобное отождествление, особенно важное значение имеет ошибка, которая заключается в том, что полностью игнорируется нация как группа с многосторонними связями в своем роде. Ошибка является серьезной не только потому, что подобная теория игнорирует в социо-культурной среде сложную группу, отличную от трех данных единых групп, но также и потому, что эта группа с многосторонними связями представляет собой могучую силу и до сих пор играла особо важную историческую роль, особенно в XIX и XX веках.

Нации, наряду с большими империями и широкими социальными классами, в настоящее время являются самыми могучими социальными системами, деятельность и политика которых весьма ощутимо определяют ход исторических процессов, жизнь и судьбу миллионов людей. В процессе взаимодействия этих могущественных социальных систем нациям иногда удавалось раскалывать многонациональные государства (например, Австрию и Британскую империю) на «национальные» части и создавать свои собственные государства (как, например, Польшу, Чехословакию и другие). Аналогично, в столкновении социальных классов и наций национализм иногда одерживал верх над решающей ролью интересов социальных классов и классовой борьбы. В наше время внимательный наблюдатель может легко увидеть огромную роль, которую играют нации в определении исторического хода событий и борьбы национальных движений и сил с интересами социальных классов крупных и малых империй или государств. Результаты этой многосторонней борьбы и союза явно оказывают воздействие на «жизнь, свободу, стремление к счастью» и судьбу почти каждого из нас.

СУЩЕСТВЕННО ВАЖНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ НАЦИИ В ПРОШЛОМ И В НЫНЕШНЕМ СТОЛЕТИИ

Из предыдущих параграфов ясно, что под русской нацией я не имею в виду ни дореволюционную Российскую империю, ни современное Советское государство, Союз Советских Социалистических Республик. Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа — великороссов, украинцев и белорусов —

плюс «русифицированные» или ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю и входящие теперь в Советский Союз.

Все остальные нерусские этнические или территориальные группы, которые составляли или составляют часть Российского или Советского государства, не принадлежали и не принадлежат к русской нации. Об этом факте ясно и недвусмысленно теперь свидетельствует официальный и фактический состав Советского государства. Оно представляет собой союз не только Российской, Украинской и Белорусской социалистических республик, но и Эстонской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Азербайджанской, Грузинской, Армянской, Казахской, Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской социалистических республик плюс еще несколько нерусских автономных этнических групп, как, например, Коми, Чувашская и Башкирская АССР и другие автономные региональные группы. Согласно переписи 1926 года в Советском Союзе насчитывалось 194 различных национальностей (этнических групп), а согласно переписи населения 1959 года их число сократилось — в административных целях — до 108 различных языковых групп. Значительная часть этих нерусских национальностей уже «русифицирована» и ассимилирована: в переписи 1959 года от 2 до 80 процентов населения этих этнических групп назвали русский язык своим родным языком. Следовательно, эта «русифицированная» часть ранее нерусской этнической группы может рассматриваться как часть русской нации.

Русская нация в вышеназванном смысле сформировалась как нация с созданием Русского (Киевского или варяжского) государства в середине девятого века нашей эры. До этого восточная ветвь славянских народов существовала в виде языково-территориальной группы, занимавшей Евразию, или в виде племен.

В IX веке нашей эры норманны спустились из Скандинавии и подчинили себе восточных славян (и создали первое государство — Киевская Русь). Варяги были сравнительно малочисленны, их насчитывалось не более 100 000 человек, и их быстро ассимилировали славяне. Как до, так и после девятого века восточные славяне смешивались с народами урало-алтайской группы: монголами, турками и финнами. Соотношение примеси урало-алтайской крови у восточных славян нельзя определить точно. Во всяком случае, эта примесь не была достаточно большой для того, чтобы полностью изменить (индоевропейские) расовые характеристики восточных славян.

Со времени создания первого Киевского государства, благодаря чему произошло преобразование восточнославянских групп в русскую нацию, эта нация осталась до настоящего времени, безусловно, главной и решающей группой, деятельность которой в основном определяла весь характер последующей истории русского государства, культуры и исторической судьбы всех нерусских народов, которые были «интегрированы» и преимущественно ассимилированы в первое русское государство, империю и Советский Союз. В 1897 году три ветви русской нации составляли 65,5 процента всего населения России, а в 1959 году их число увеличилось до 76 процентов всего населения Советского Союза. Из этих трех ветвей русской нации «великороссы» составляли в 1897 году 43,5 процента всего населения России, а в 1959 году их количество возросло до 54,8 процента всего населения Советского Союза.

Сделав необходимые предварительные разъяснения, мы теперь можем обратиться к вопросу о существенно важных чертах русской нации в двадцатом веке. Я ставлю вопрос об основных чертах русской нации как единой социо-культурной системы, а не просто о некоторых характеристиках ряда индивидуумов или членов русской нации. Даже когда такие особенности предположительно являются «типичными» или «обязательными» для русской нации или являются «представительным образцом» этих групп, эти претензии, как правило, не имеют под собой почвы и необоснованны. Во-первых, потому, что, как справедливо отмечают Дуйкер и Фрийда, «насколько нам известно, в отношении представительных образцов национального населения до сих пор не проводилось никаких исследований о национальном характере». Во-вторых, во всех подобных исследованиях сравнивались непредставительные ряды индивидуумов на основе одной или нескольких несущественных (иногда даже нереальных, надуманных) характеристик, как, например, «оральный», «анальный» или «половой» типы, или реакция на различные проективные тесты, научная ценность которых никогда не была установлена, и т. д. Ни одно из этих исследований о национальном характере даже не изучало немногих случайно выбранных индивидуумов во всех их существенных — идеологических, бихевиористских и материальных — свойствах. Во всяком случае, может ли такого рода исследование дать реальное знание о характере всей нации? В настоящее время во всех науках — физике, биологии, социальной психологии — твердо установлено, что свойства систем в корне отличаются от свойств их элементов или компонентов и что просто знание какой-то малой части одного или нескольких элементов отнюдь не отражает адекватно свойств системы, в которую входит эта часть, и наоборот. Более того: коротко говоря, свойства любой единой системы отличны от свойств всех ее компонентов, взятых отдельно. В социологии этот принцип установлен давно, и он прочно подтверждается вновь и вновь в наше время. Если исследователь ставит своей целью изучить характерные черты нации или какой бы то ни было социо-культурной системы, он должен изучить нацию как таковую, как единую систему, в ее структурных и динамических чертах, непрерывно меняющуюся в своем историческом развитии.

По этим причинам я попытаюсь отметить некоторые существенные свойства, или «характер» русской нации на основе ряда объективных, поддающихся проверке исторических фактов, а не на основе спекулятивных национальных стереотипов и не принимая желаемого за действительное.

Ряд существенно важных черт русской нации включает в себя ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательную стойкость, исключительное стремление со стороны ее членов к самопожертвованию ради ее спасения и процветания, чрезвычайный территориальный, политический, социальный и культурный рост и рост ее населения в течение ее исторического существования.

Со времени своего возникновения в девятом веке нашей эры русская нация прожила уже тысячу лет. Такое долголетие проявляют лишь немногие существующие национальные государства. Несмотря на многие острые кризисы, даже несмотря на двухсотлетнее пребывание под татарским игом, несмотря на многочисленные вторжения европейцев и азиатов, русская нация сумела

не только сохранить свои особенности и суверенный национальный статус, но и, несмотря на временные отступления и потери, постепенно выросла из небольшой группы Киевской Руси в великую территориальную, многонаселенную, политическую, экономическую, социальную и культурную империю. В двадцатом столетии этот рост продолжался, несмотря на огромные потери и катастрофические разрушения, вызванные двумя мировыми войнами и гражданской войной во время русской революции 1917 года и в последующие годы. В то время как в этом столетии несколько великих империй, — такие, как британская, австрийская, турецкая и отчасти французская и германская, — прекратили свое существование; в то время как современные государства этих наций сильно сократились по размеру своей территории, численности населения, политическому, экономическому и социо-культурному значению, русская нация продолжала свой рост во всех этих отношениях. Хотя Советский Союз потерял приблизительно пятьдесят — семьдесят пять миллионов человеческих жизней в гражданской войне, революции и в двух мировых войнах, хотя большая часть европейской территории России была в основном разрушена немецкими захватчиками, тем не менее население Советского Союза поразительно восстановилось после этих демографических катастроф, и в настоящее время СССР занимает третье место в мире по численности населения (218 000 000 — в 1961 г.) среди всех стран, после Китая и Индии, которые по численности населения занимают соответственно первое и второе места в мире.

Такое почти волшебное восстановление после катастрофической потери населения происходило несколько раз в прошлой истории русской нации и населения. Это — иллюстрация того, что я имею в виду под «огромной жизнеспособностью» и «стойкостью» этой нации. Эти черты подтверждаются также и заметным снижением смертности (7,5 на 1000 человек населения в 1956—1960 гг.), которая является одной из самых низких среди всех стран и которая значительно ниже показателя смертности всех западных стран, включая и Соединенные Штаты с показателем смертности 9,4. Эти черты также подтверждаются и коэффициентом рождаемости, который составлял 25,3 на 1000 человек населения в 1955—1960 годах, что превышает рождаемость во всех западных странах, за исключением Канады, Израиля и Польши. Рождаемость в России, конечно, уступает рождаемости в большинстве афро-азиатских и латиноамериканских стран, но их население имеет гораздо более высокий показатель смертности, чем население Советского Союза.

Еще более впечатляющей была территориальная экспансия русской нации. Обладая сначала сравнительно небольшой территорией Киевской Руси, она расширила свои владения и превратилась в крупнейшую по территории среди всех существующих государств и стран империю площадью 22 403 000 квадратных километров. Второе, третье и четвертое места в этом отношении занимают соответственно Канада (9 974 375 кв. км), Китай (9 761 012 кв. км) и Соединенные Штаты (9 363 387 кв. км). Эта исключительная экспансия совершалась преимущественно посредством мирной колонизации со стороны русских крестьян и торговцев, а также путем присоединения к русскому государству нескольких нерусских этнических, национальных и государственных групп. В гораздо меньшей степени это достигалось военным путем и другими насильственными средствами.

В 1917 году и в последующие годы в результате вторжения в Россию во время двух мировых войн и в результате гражданской войны значительные части территории России были отрезаны захватчиками и даже союзниками России в первые годы революции. Эти потери увеличились вследствие возвращения почти всей территории Маньчжурии Китаю, значительной части Кавказа — Турции и всей финской территории — Финляндии. Это возвращение территорий щедро осуществляли правительство Керенского и Советское правительство в первые годы русской революции. Несмотря на все эти потери в первый период революции, нынешняя территория Советского Союза не меньше, чем она была до революции. Эти потери были компенсированы присоединением новых территорий, населяемых частями русских народов, прежде отделенных от русской нации, а теперь воссоединенных с «Матушкой-Россией».

Политический и военный рост русской нации свидетельствует о такой же жизнеспособности, стойкости и созидательной силе. Русская нация сумела защитить себя, свою независимость, свою свободу и другие великие ценности от беспрестанных набегов на ее территорию (широкая, открытая евразиатская равнина, не защищенная горами или океаном) со стороны многочисленных азиатских и европейских захватчиков и завоевателей. Несколько раз русская нация временно находилась под игом захватчиков — татар, приблизительно на протяжении двух столетий, а в течение более коротких периодов времени — со стороны шведов и тевтонов, Наполеона и Гитлера. Но она неизменно восстанавливала свою независимость и суверенитет и в должное время громила завоевателей. Жизнеспособность и созидательность русской нации в политической и военной областях проявились также и в способности создать политический режим, наиболее подходящий в данных обстоятельствах для защиты своей независимости и национальных ценностей, в способности заменить существующий режим, когда он изжил себя, на режим, который больше соответствует меняющимся условиям. Со времени своего возникновения эта нация имела и испытывала в различные периоды своей истории все виды политической организации: монархическую и республиканскую, демократическую и самодержавную и другие, вплоть до режима Советского Союза.

В нашем столетии бессильная и отживающая свой век самодержавная монархия была заменена в 1906—1908 годах конституционной монархией. Затем в 1917 году эта монархия была заменена демократическим режимом, а этот республиканский режим сменился созданием Союза Советских Социалистических Республик (также в 1917 г.), который претерпевал постоянные изменения вплоть до настоящего времени.

Если отвлечься от кровавых методов, которые применялись в русской революции на ее разрушительной фазе, как и во всех великих революциях, и если принять во внимание подлинные и желаемые ценности, то советский режим, безусловно, представляет собой самое радикальное политическое нововведение. Он ставит своей целью создание не только политической, но также и экономической и социо-культурной демократии. Он стремится ликвидировать эксплуатацию и несправедливость гораздо более радикально, чем режим чисто политической демократии. Он пытается сочетать преимущества современной технической централизации крупномасштабного производства и управления при помощи экспертов

с автономией местных групп; пытается соединить выгоды коллективизма с преимуществами свободы, собственного достоинства и самореализации личности; примирить косную правительственную бюрократию с инициативой лиц и групп; соединить социальное планирование со стихийностью и творческим отклонением; гармонизировать радикальное равенство с неравенством заслуг и таланта и объединить ответственность общества за каждого члена своего с ответственностью индивидуума за себя и за общество.

До сих пор в некоторой степени эти цели все более осуществлялись населением Советского Союза. Посредством создания этого режима советские народы достигли отчасти того, что стоит на повестке дня истории. По этой причине советский режим не только сумел прочно утвердиться в Советском Союзе, но и распространился (ему стали подражать) на многие другие народы, которые составили почти половину населения человечества. Он успешно прошел испытание огнем второй мировой войны, разгромив гитлеровские армии, благодаря объединенным усилиям русской нации и других народов Советской России.

Подытожим вышесказанное. Вместо того, чтобы быть раздавленной и расчлененной своими врагами и некоторыми своими союзниками в мрачные годы гражданской войны и второй мировой войны, Советская Россия — все еще ведомая русской нацией — вышла из этой смертельной опасности как одна из двух существующих великих империй. Это героическое достижение показывает пример жизнеспособности, творчества и изобретательности русского и других народов России и их готовности пожертвовать своей жизнью, состоянием, материальными благами и ценностями, доставляющими удовольствие, — пожертвовать ими ради спасения своей свободы, достоинства и других великих национальных ценностей.

Такова же история экономического, аграрного, технического, промышленного и финансового роста России. Несмотря на серьезные временные неудачи, особенно во время длительного татарского ига, русское население, тем не менее, преодолело многие экономические катастрофы, и продолжался его экономический рост, вплоть до настоящего времени. В первой части этого столетия, в период двух мировых войн и гражданской войны, его экономическое положение было катастрофическим. Эти войны разорили большую часть европейской территории России и разрушили бесчисленное количество городов, деревень, аграрных и промышленных центров. Общий экономический ущерб в этот период составил много сотен миллиардов долларов. И, тем не менее, эта катастрофа была преодолена, и сегодня Советский Союз занимает по экономике второе место среди всех стран и государств.

То же самое, с надлежащими вариациями, можно сказать и о культурном, научном, философском, религиозном, юридическом, моральном и эстетическом развитии русской нации. В ходе этого процесса было также несколько периодов упадка культурного творчества, причем некоторые из них (как, например, два столетия татарского господства) задержали этот культурный рост по сравнению с культурным ростом западных наций. Но снова эти кризисы были преодолены, и возобновилась творческая деятельность. В XVIII—XIX веках Россия в основном восполнила свое культурное отставание, а в некоторых областях культурной созидательной деятельности, например в литературе, она стала мировым лидером. Во время мировых войн и гражданской войны русское культурное творчество вновь было ослаблено. Но в короткий период после прекращения военных действий русская нация и другие национальности Советского Союза достигли культурного уровня Запада, а в некоторых сферах даже превзошли его. В настоящее время культурный уровень и творческая деятельность русского населения в области науки, техники, философии, права, этики, литературы, музыки, живописи, театра и других сферах культуры, безусловно, идут в ногу с Западом и Востоком. В некоторых областях России несколько отстает, в других она ведет, но в общем и целом ее культурное творчество в настоящее время не уступает никому *.

Этот краткий набросок обрисовывает некоторые существенно важные черты русской нации, которые действительно проявляются в процессе ее исторического развития.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ НАЦИИ

К этим существенно важным характеристикам можно добавить ряд дополнительных черт.

Со времени ее образования единство русской нации Киевского, Московского, Новгородского, имперского и советского периодов всегда основывалось на расовом этническом разнообразии ее населения. Даже до создания Киевского государства восточные славяне представляли собой смесь индоевропейских и арийских элементов с ощутимой примесью урало-алтайских групп монгольского, турецкого и финского народов. С того времени расовое, этническое и другое разнообразие русских народов увеличилось и продолжает увеличиваться. Как и дореволюционная Россия, Советская Россия состоит из более чем сотни этнических групп и разнообразных расовых групп **.

Это «единство в разнообразии» прослеживается через всю историю русской нации и ее государств. Поскольку вместо того, чтобы привести к гибели, оно сопровождалось удивительным ростом русской нации, мы должны сделать вывод, что русский народ успешно применял этот принцип в своей политике и что единство такой широкой группы поистине может строиться на принципе раз-

* Подтверждение этих положений см. в любом компетентном и непредвзятом тексте по истории России **(здесь и далее примечания П. Соронина).**

** В расовом отношении большинство русского населения принадлежит к так называемому альпийскому и нордическому типам. Кроме монгольской и азиатских групп, составляющих в последнее время приблизительно 8—10 процентов населения, средний черепной индекс людей, принадлежащих к русской нации, приблизительно равняется 82, с отклонением ниже или несколько выше 82, в том, что касается значительной части русского народа. По цвету глаз и волос среди литовцев и латышей 87% блондинов, среди белорусов — 57% блондинов, среди «великороссов» — 40%, а среди украинцев — 36%. По этим и другим расовым и соматическим характеристикам, как, например, рост и вес, а также эндоморфный, мезоморфный и эктоморфный типы, русское население мало чем отличается от населения центральной и северной Европы, включая Швейцарию, Германию, Австрию, Францию и северную Италию. Население дореволюционной и послереволюционной России гораздо более разнится друг от друга в этническом отношении, чем в расовом.

пообразия, когда оп осуществляется справедливо и мудро. Кроме того, исторический опыт других «многонациональных» государств, таких, как, например, Соединенные Штаты, Швейцария или Бельгия, также подтверждает этот вывод.

Одним из основных предварительных условий для успеха этой политики «единства в разнообразии» является юридическое и фактическое равенство разнообразных расовых и этнических групп в составе всего населения империй, наций и обществ в целом. Это условие в основном было реализовано в ходе истории русской нации. Эта история действительно свободна от дискриминации, подавления и эксплуатации нерусских национальностей России со стороны русской нации. Время от времени она охотно предоставляла некоторым нерусским группам населения привилегии, свободы и конституционные права, которыми не пользовалась даже сама русская нация.

В качестве примера такого расового и этнического равенства различных групп в истории России можно назвать тот факт, что русская нация выдвигала (путем приглашения, выборов, отбора или найма) нерусских лиц и нерусские группы на самые высокие политические и социальные посты. Начиная с приглашения варяжских правителей руководить Киевским государством («наша власть распространяется широко, но в ней нет порядка; придите и управляйте нами» — такова история, которую рассказывает самый первый летописец России) и кончая Сталиным (грузин), Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Кагановичем (евреи) и другими нерусскими руководителями Советского правительства, эта история повторялась вновь и вновь в течение исторической жизни русской нации. Все подобные высокопоставленные нерусские люди и группы в конце концов были «русифицированы» и абсорбированы. Этим объясняется тот факт, что правящие и высшие аристократические классы России всегда частично состояли из нерусских лиц и групп.

Эта политика недискриминации и равенства в отношении различных расовых и этнических групп была одной из причин сравнительно мирной экспансии и роста русской нации и государства. Ряд племен и этнических групп, а также несколько наций и государств (как, например, Грузия, Украина и частично Польша и Финляндия) добровольно присоединились к русской нации и русскому государству в предшествующие столетия. Этот путь экспансии усиливался мирной колонизацией малонаселенных пространств Сибири, Азии и вообще Восточной Евразии со стороны русских крестьян, торговцев, путешественников и исследователей. Экспансия военными и насильственными средствами играла второстепенную роль по сравнению с этими двумя мирными методами.

В отличие от экспансии Соединенных Штатов, которые первоначально обосновались на восточном побережье Американского континента, а затем неуклонно продвигались на запад, русский народ или восточные славяне в период с VII по IX век «занимали лишь крайний западный уголок Евразии и Черного моря. Из этого уголка Евразии русская нация распространилась преимущественно в восточном направлении, против солнца. В середине XVII века поток русских колонистов достиг Тихого океана, а в середине XIX века — Тянь-Шаня в Средней Азии. В этом продвижении русский народ продемонстрировал исключительную стойкость и

решимость... Не менее примечательным было и упорство, с которым русский народ удерживал свою западную границу, Карпатские горы, от яростных набегов своих западных соседей».

Большинство войн, которые вела русская нация, носили скорее оборонительный, чем наступательный характер. Это были войны с многочисленными азиатскими и европейскими захватчиками, которые велись преимущественно на территории русской нации. Общий показатель всех войн России (измеряемый частотой войн или количеством жертв войны, а также величиной вооруженных сил) в период с XII по XX век, свидетельствует о несколько менее воинствующем характере русской нации по сравнению с большинством европейских наций, Древней Грецией и Древним Римом. Однако эта разница невелика, и показатель войн и воинственности различен в разных странах в различные исследуемые периоды и столетия.

То же самое можно сказать и о спокойном и революционном изменении в истории России. По частоте, интенсивности, длительности и величине разрушения и насилия революций и значительных социально-политических волнений русская нация оказывается несколько менее революционной и «беспокойной» в период с XII по XX век, чем большинство европейских наций, Древняя Греция, Древний Рим и Византия. Однако снова здесь разница невелика и меняется от страны к стране в различные периоды: каждая исследуемая нация была «революционной» и «бурлящей» в некоторые периоды своей истории и вполне «благопристойной» в другие периоды. Это означает, что широко распространенное мнение об особенной «беспокойности» и «революционности» русского народа — это преимущественно стереотип пропаганды, поощряемый политическими противниками русской нации и царского и Советского правительств.

Наконец, рост русской нации и поддержание ее независимости и суверенитета могут быть достигнуты только благодаря глубочайшей преданности, любви и готовности ее членов жертвовать своей жизнью, своим состоянием и другими ценностями ради спасения своего Отечества в критические периоды.

ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ЧЕРТЫ УМОНАСТРОЕНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ГОСПОДСТВУЮЩИЕ ЦЕННОСТИ

Для того чтобы завершить это краткое описание господствующего умонастроения и культуры России, а также системы ценностей на различных этапах ее развития, нужно рассмотреть ход развития. Рискуя вызвать непонимание со стороны тех, кто незнаком с моей теорией социальных и культурных систем, а также идейно-идеалистической (интегральной) и сенсорной надстроечных систем, я могу коротко и точно охарактеризовать господствующее умонастроение, культуру и систему ценностей в плане этой теории.

Со времени становления русской нации в девятом веке и приблизительно вплоть до восемнадцатого века господствующее умонастроение и господствующая культурная надстроечная система (в науке, религии, философии, этике, праве, изящных искусствах, политике и экономике в их идеологической, бихевиористской и материальной формах) формировали идеи или носили религиозный характер, опираясь на тот основополагающий принцип, что

подлинной действительностью и высшей ценностью являются Бог и Божье царство в том виде, как они «раскрываются» в Библии (особенно в Новом завете), сформулированы в христианском «Кредо» и развиты в учении великих духовных отцов (особенно Восточной церкви). Господствующий русский склад ума и все отделения русской культуры и социальной организации, а также вся система великих ценностей были деологическим, бихевиористским и материальным выражением и развитием этого главного положения (христианской религии). В девятом веке, одновременно с созданием нации Киевской Руси, она была обращена в византийскую разновидность христианства (после систематического исследования магометанской, еврейской и западной христианской религий специальной делегацией экспертов, посланной князем Владимиром).

По этому основополагающему характеру русский склад ума, русская культура и ценности были весьма похожи на средневековую надстроечную систему, которая господствовала в Европе в период с VI века по конец XII века. Это также было мировоззренческой или христианско-религиозной западной разновидностью христианства. Наряду с этой господствующей мировоззренческой надстроечной системой в России, а также в Европе, существовали в качестве малых систем сенсорная и эклектическая формы умонастроения, культуры и ценностей. В Европе господство этой мировоззренческой надстроечной системы почти прекратилось в XII веке, после чего в XIII и XIV веках господствующей надстроечной системой стала идеалистическая, или интегральная система, основанная на том главном допущении, что подлинная действительность и истинные ценности заключаются в бесконечном разнообразии, в котором можно выделить три главные характеристики — суперсенсорную, рациональную и сенсорную. После XV века господство этой идеалистической или интегральной надстроечной системы сменилось сенсорной, основанной на том главном положении, что подлинная реальность и истинная ценность носят сенсорный характер: реально имеет ценность только то, что мы можем видеть, чуять, слышать, осязать, пробовать и воспринимать посредством наших органов чувств. Помимо такой действительности и ценности, либо вообще ничего нет, либо, если что-нибудь и есть, мы не можем это воспринимать, и потому это равнозначно нереальной фикции, вымыслу или несуществующей псевдореальности и псевдоценности. Эта сенсорная надстроечная система господствовала в западном мире вплоть до конца девятнадцатого столетия, когда она начала рушиться и приходить в упадок. В XX веке западный мир вступил в длительный переходный период к новой форме господствующего умонастроения, культуры, систем ценностей и к новым формам социальной организации. Поскольку огромный старый сенсорный дом развалился, а новая надстроечная система еще не была построена, то последовали духовное, моральное, социальное и культурное смятение и анархия, выразившиеся в необычайном взрыве мировых войн, малых войн, кровавых мятежей, революций и бесконечных междоусобных «войн всех против всех» (говоря словами Гоббса). Это крайне критическое положение Запада и всего человечества существует и поныне в человеческом мире.

Аналогичными были основные преобразования господствующего русского умонастроения, культуры и системы ценностей, с тремя

отличиями: (1) господство мировоззренческой надстроечной системы в России продолжалось вплоть до восемнадцатого века (главным образом, вследствие двухсотлетнего татарского ига, которому подвергался русский народ), (2) господство идеалистической или интегральной надстроечной системы было гораздо короче по времени и менее развито, (3) господство быстро сложившейся сенсорной надстроечной системы в России было также короче по времени, чем в Европе. Эта система быстро распалась в XX столетии, и Россия вступила в переходное состояние и в поиски новой личной, культурной и социальной мировоззренческой надстроечной системы. Внезапный упадок сенсорного порядка привел, в частности, к революциям 1905—1906 годов, а затем к великой революции 1917 года и к последующим годам. На Западе поиск новой надстроечной системы ценностей, культуры и общества приобрел постепенную форму (но не менее кровавую форму войн между народами, а также фашистской и нацистской революций) преобразования сенсорного капиталистического строя, в то время как Россия пошла по пути строительства коммунистической — социальной, политической, экономической, культурной и личностной — надстроечной системы. В настоящее время Советский Союз, Запад и все человечество находятся в состоянии, вероятно, величайшего кризиса в истории человеческого рода. Этот кризис серьезно угрожает самому существованию этого рода и особенно творческой миссии человека на этой планете.

Этот кризис выразился в России и на Западе в резком упадке христианской и других организованных исторических религий как систем догм и веры, как систем моральных объектов восприятия, как социальных учреждений и эффективной силы, управляющей умственной деятельностью, поведением и взаимоотношениями отдельных лиц и групп. В России этот упадок ощущался несколько острее и резче, чем на Западе, но по существу своему не отличался от процесса на Западе.

Кризис проявляется в упадке христианской к идеалистической философии и их замене агностической, материалистической, атеистической и другими нехристианскими или антихристианскими идеологиями и философиями. Кризис очевиден в упадке этических учений христианства и их эффективности в контролировании внешнего поведения отдельных лиц и групп, а также политики Советского и западных правительств и элит власти. Эта полная деморализация проявилась в гигантских взрывах мировых и малых войн, в циничных «полицейских действиях» и «геноцидных освобождениях» многих народов и стран; в бесконечных революциях, мятежах и сильных беспорядках на Западе и на Востоке; в росте тяжких преступлений; в росте коррупции, мошенничества, предательства и злобного, лицемерного и бесчеловечного обращения с человеком; в воцарении морального смятения и цинизма; а также в хладнокровной, лицемерной политике геноцидного истребления сотен тысяч людей многими «христианскими» правительствами и элитами власти.

Первая фаза русской революции носила весьма разрушительный характер и свидетельствовала о поразительной деморализации Советского правительства и значительной части населения Советского Союза. На этом этапе революция, как смерч, уничтожала не только устаревшие, отжившие свой век пустые ценности, учреждения и людей, но в не меньшей степени также и живые ве-

ликие ценности и культурные достижения, учреждения и выдающихся творческих личностей и групп.

К концу 1920-х годов эта разрушительная оргия стала стихать и постепенно сменилась конструктивной перестройкой и созданием новых ценностей. Эта конструктивная фаза, временно прерванная второй мировой войной, продолжалась и продолжается по сей день. Она проявилась во многих формах и процессах. Вот лишь простое перечисление некоторых из этих форм русского социального и культурного возрождения.

Политика грубой силы и беспощадного террора Советского правительства по отношению ко всем противникам России постепенно была заменена правлением закона.

Неограниченный тоталитарный, диктаторский режим советского правления стал все больше ограничиваться в пользу политической, экономической, социальной и культурной демократии. Права личности в ее стремлении к «жизни, свободе и счастью» были расширены и все больше стали гарантироваться конституцией и новыми кодексами гражданского, уголовного и конституционного права, а также путем все большего выполнения этих законов в реальной практике и в социальной жизни. В настоящее время советские граждане пользуются почти такими же свободами, безопасностью и «неотъемлемыми правами», как и большинство граждан «капиталистических» западных стран.

Как упоминалось выше, нерусские национальности Советского Союза упрочили свое положение как национальные республики или автономные группы, вполне равные с Российской, Украинской и Белорусской республиками по самоуправлению, правам и привилегиям.

Все великие ценности дореволюционной России во всех сферах культурного творчества, которые были отброшены и «уничтожены» на разрушительном этапе революции, были восстановлены и теперь превозносятся даже еще больше, чем до революции. Многие творческие деятели Киевской Руси и царской России в области русской религии, политики, военного дела, этики, права, экономики, не говоря уже обо всех изящных искусствах, теперь прославляются как руководители и творцы бессмертных ценностей.

То же справедливо и в отношении неустаревших социальных учреждений, которые временно были разрушены на первом этапе революции. Например, моногамная семья, подвергавшаяся нападкам и сильно поврежденная на первой фазе революции (как «краеугольный камень частной собственности и капитализма»), была успешно восстановлена и возрождена. В настоящее время она в России является более стабильной, прочной и «старомодной», чем в большинстве западных «капиталистических» стран. То же верно и в отношении восстановления модифицированной формы нескольких учреждений местного самоуправления, русской православной церкви и некоторых других организаций.

Сосредоточивая свое внимание на развитии и совершенствовании «коммунистически-социалистической» демократии и физической, материальной, духовной, нравственной и социальной жизни групп населения Советского Союза, советские народы и их руководители достигли многого в выполнении этой задачи. В сравнительно короткое время, в течение каких-нибудь двадцати пяти лет, они не только сумели оправиться после огромных потерь человеческих жизней и здоровья человека в результате апокалипсического разрушения городов и деревень, а также богатства и природных ресурсов, причиненного двумя мировыми войнами и гражданской войной, но, как упоминалось выше, они также сумели сделать Советский Союз одной из двух самых могущественных — в политическом, военном, экономическом, промышленном и технологическом отношениях — стран в мире.

То же самое справедливо и в отношении культурного роста народов Советского Союза, начиная с русской нации. В области науки, философии, религии, этики, права, литературы, музыки, драмы, живописи, спорта и в других сферах культурной творческой деятельности русский народ не уступает никому среди существующих сейчас в мире наций и народов.

Из этих культурных достижений особо следует упомянуть моральное возрождение населения Советского Союза. Полная деморализация, характерная для первой фазы революции, теперь в основном преодолена и сменилась «новой коммунистической нравственностью», определяемой как «этика солидарности, бескорыстной помощи и поддержки в борьбе за освобождение человека от бремени эксплуатации и угнетения», как этика коллективной защиты достоинства, свободы и самореализации личности в качестве высшей конечной цели, к достижению которой надо стремиться. Эти этические нормы в корне отличаются от этики буржуазного эгоистического индивидуализма. В своих основных чертах эта «новая этика» является новым повторением и модификацией вечных, всеобщих моральных принципов, подробно излагаемых всеми великими религиями и системами этики, включая Нагорную проповедь и заповеди блаженства Христа.

Эта этика во все большей степени осуществлялась на практике в конструктивный период революции, хотя, конечно, эта реализация лишь частична и относительна. В качестве бихевиористского показателя этой реализации можно упомянуть поразительное снижение преступности советского населения — его коэффициент преступности по тяжким, а также менее тяжким преступлениям сейчас является одним из самых низких, по сравнению с другими странами. Другие показатели — это заметное развитие безвозмездной взаимопомощи по отношению к отдельным советским людям и группам; восстановление и рост различий между «правильным» и «ошибочным» действиями и взаимоотношениями, с вытекающим отсюда уменьшением морального цинизма, чрезмерного морального релятивизма и деградации моральных ценностей, а также ощутимое развитие этоса (нрава, характера. — Ред.), пафоса, поведение свободного коллектива «мы», объединенного в широкое содружество посредством взаимопомощи, взаимной симпатии, стремлений к общим великим целям и сознания своей ответственности. Хотя обязательная регламентация со стороны Советского правительства еще оказывает сильное давление на народы Советского Союза, есть мало «одиноких толп» и «одиноких душ», погруженных в свои эгоистические амбиции и мелкие распри. В Советском Союзе существуют сравнительно мирные взаимоотношения между отдельными людьми и группами. Советский Союз имеет один из самых низких коэффициентов межгрупповых конфликтов в форме забастовок, столкновений с применением насилия и внутренних волнений, по сравнению со всеми странами. Наконец, следует отметить относительно мирную международную политику Советского правительства и его серьезные попытки пре-

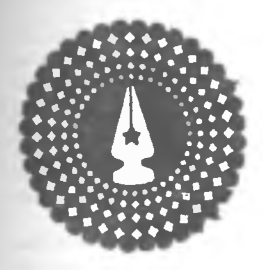
дотвратить новую мировую войну или малые войны и установить прочный мир на земле. Международная политика Советского Союза приблизительно за последние пятнадцать лет была гораздо менее агрессивной и империалистической, чем политика некоторых западных и восточных могущественных «капиталистических» стран. Короче, в идеологическом отношении и с точки зрения поведения современное моральное состояние русской нации, вероятно, более здраво по сравнению с некоторыми западными и восточными нациями.

Эта краткан обрисовка современного положения русской нации наводит на мысль, что в общем и целом оно, вероятно, выглядит скорее лучше, чем хуже, по сравнению с состоянием большинства крупных наций мира.

Если не разразится новаи мировая война, то вряд ли можно сомневаться, что Советский Союз, все еще ведомый русской нацией, может с надеждой смотреть в свое будущее. Он успешно преодолел «ужасную разруху», вызванную мировыми войнами и гражданской войной, уже стал конструктивным лидером среди всех наций и, вероятно, будет продолжать играть эту руководящую роль в последующие деситилетия и, может быть, даже столетия *.

Перевод с английского А. ПАУЛЬ

* Постоянные методологические замечания: практически ни одну из очерченных выше существенных характеристик русской нации нельзя «обнаружить» или «зарегистрировать» на основе каких бы то ни было психологических тестов, проводимых с немногими отдельными людьми. Это еще раз доказывает, что социальные и культурные системы в своей основе существенно отличаются от простых суммарных скопищ людей и массы культурных явлений.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Виктор МУРАВИН,
магистр политических наук

КТО НЕ МОЖЕТ ПЛЫТЬ — ИДЕТ НА ДНО

В конце июля с. г. «Молодая гвардия» получила из США от бывшего советского гражданина Виктора Муравина текст его «Открытого письма XXVIII съезду КПСС», содержащего немало любопытных, своеобразных оценок явлений и событий нашей перестройки, а также социально-психологические оценки и наблюдения повседневной жизни Америки.

Можно разделять или подвергать сомнению те или другие положения «Открытого письма» В. Муравина (кстати, относящегося к своей бывшей Родине весьма сочувственно и дружественно), но они, обращенные в первую очередь к делегатам съезда, несомненно, вызовут интерес у большинства наших читателей. Поэтому редакция решила опубликовать текст «Открытого письма» (которое до адресата, видимо, вовремя не дошло), лишь дав ему другой заголовок.

Американские безработные

В начале июня я ездил с семьей отдохнуть один день в горах Адирондак, в северной части штата Нью-Йорк.

Невысокие горы и сопки, «зеленое море тайги», идут на север, до Канады. На этих горах и долинах раскинулись штаты Нью-Йорк, Мейн, Вермонт. В дремучих лесах Вермонта Александр Исаевич Солженицын укрылся от шума городского, отдыхает, думает, творит.

Я, Виктор Муравин, тоже отдыхаю и думаю, но, поскольку я не знаменит, творить мне труднее — нет времени, приходится работать, а по воскресеньям ездить на север, в горы, чтобы подышать одним воздухом с Александром Исаевичем.

Этот горный воздух, пахнущий сосной, нравится не только мне. Люди всегда знают, что такое хорошо и что такое плохо. В то воскресенье, на берегу небольшого горного озера, в сосновом бору кострами раскинулся табор бедных американцев. Полсотни старых и новых машин всех марок, включая «мерседес», «кадиллак», «линкольн» и несколько машин европейских фирм, выстроились рядком в траве, вдоль асфальтового шоссе. Некоторые машины — древние, разноцветные, собранные из деталей, взятых из ворованных машин. На черном рынке такие детали стоят в десять раз дешевле.

Детишки — белые, черные и бронзовые — плещутся в теплой воде у берега, за ними наблюдают папы и мамы: в раскладных креслах и шезлонгах ведут спокойные беседы о ценах, о жизни. Возле каждой семьи на треноге томятся шашлыки — здесь это «шишкебаб», наготове стоят ящики с пивом.

За последние годы я много раз встречал в этих горах такие воскресные пикники безработных американцев. Состоятельные и богатые сюда не заглядывают. У каждого из них есть своя дача в горах, или можно просто снять дорогой номер в небольшой горной гостинице со всеми удобствами.

Эти люди — негры, выходцы из Латинской Америки и просто «коренные» американцы, которые не сумели стать миллионерами. Интернационал, никаких расовых проблем нет. Почти все друг друга знают, два-три воскресенья в месяц выезжают к этому озеру. Живут в своих домах, в собственных или городских квартирах в районах Нью-Йорка — Квинс, Бронске и Бруклин.

Я — американолог, изучал США (и Запад) в СССР, с 1949 по 1972 год (25 лет теории). С 1973-го по сей день — 17 лет — практика, которая помогает в любой исследовательской работе. Безработным США я уделил достаточно внимания за эти годы.

В это утро на берегу озера наслаждались американским образом жизни три категории безработных.

1. **Временные безработные.** Грузчики, плотники, механики, маляры — люди всех рабочих профессий (ни одного интеллигента среди них нет). Работают несколько месяцев в году, где угодно, ровно столько, чтобы получить право на пособие по безработице. Когда истекает установленный законом срок на пособие, снова находят временную работу.

2. **Постоянные безработные.** Те же профессии, но другие люди — работать совсем не хотят. По состоянию здоровья, семьи или по любым другим мотивам получают от города и от федерального правительства право на социальное обеспечение — «Уэллфер».

3. **Мелкие частники.** Владельцы мастерских, бюро по ремонту квартир или продовольственных магазинчиков, которые обанкротились или закрыли свое дело по другим причинам, до лучших времен.

Эти люди политически свободны — их не сошлют в концлагерь, но могут посадить в тюрьму за любое нарушение закона.

У них есть и свобода экономическая — каждый из них может «начать» свое дело или наниматься куда угодно (если примут), а для «своего дела» нужны деньги. Без денег политическая свобода остается мечтой. В СССР эта мечта — коммунизм, на Западе — стать миллионером. За последние 200 лет истории Американской Республики миллионерами стали немногие — им удалось собрать деньги с остальных сограждан. 99,9 процента граждан Америки не сумели собрать деньги друг с друга, но продолжают жить мечтой о своем миллионе. Этот современный вариант мечты о загробной жизни в раю помогает сносить тяготы земной жизни в наш бурный век.

Фактически в США безработицы нет. Эти 4 или 5 миллионов безработных просто не хотят работать. Пособие по безработице или соцобеспечению в сочетании с другими формами помощи неимущим обеспечивает им материальный достаток.

Здесь нет **хорошей работы** — по специальности или с высокой оплатой. Как и в остальном мире, такие работы распределяются власть имущими своим или доверенным людям.

Но **любую работу** можно найти в течение одного дня, и эта работа обеспечит человеку возможность существовать, не просить милостыню.

Я писатель, доктор политических наук, ученый, но в США, отказавшись «менять власть» в СССР в роли диссидента, был поставлен в черные списки. Мне закрыт доступ в Администрацию, в средства массовой информации, в университеты. Поскольку мне был «закрыт доступ» и в СССР, мне пришлось идти на улицу. Работал шофером, водителем такси, чистил туалеты и склады, сейчас работаю по своей первой профессии, в морском мире, представителем фирмы по снабжению судов. Но никогда я не кланялся здесь никому, ничего не требовал, работу всегда можно найти и заработать на жизнь.

Америка сегодня — это СОЦИАЛИЗМ. Ушли в прошлое кризис 1929 года, суп для безработных и «12 лет Советской власти» Франклина Делано Рузвельта, когда ему пришлось ввести контроль правительства над частнокапиталистической экономикой, чтобы спасти эту чудо-экономику от полного краха.

К кризису 1929 года Америку привели миллионы «частных предпринимателей». В погоне за своим миллионом, за своим счастьем они нажимали на производство, не имея понятия о рынке сбыта, о том, кто будет покупать их продукцию. Когда этой продукцией завалили все склады страны, оказалось, что продавать ее некому — не с кого собрать заветные доллары. Пришлось топить продукцию в море, чтобы поддержать цены на должном уровне, а Рузвельту пришлось временно ввести в США советскую систему государственного капитализма — контроль государства над экономикой. Эта советская система государственного капитализма спасла частнокапиталистическую систему США.

После такого потрясения правящие классы Америки, с активным давлением снизу, со стороны всей массы населения, постепенно, через законодательство (американская перестройка), осуществили ДВА ГЛАВНЫХ ФАКТОРА СОЦИАЛИЗМА:

1. Завершили полную концентрацию экономической и политиче-

ской власти в руках трех десятков крупных монополий, газет, корпораций радио и телевидения. Владельцы и советы директоров этих монополий — это теневое правительство США, они направляют всю экономическую жизнь страны, определяют исход выборов Президента и Конгресса, контролируют общественное мнение. Главное — эти монополии, вместе с Администрацией, полностью контролируют правильное соотношение ПРОИЗВОДСТВА И РЫНКОВ СБЫТА. Это навсегда исключило возможность новых кризисов перепроизводства.

2. Целая система законов о пособии по безработице, социальному обеспечению и бесплатному медицинскому обслуживанию для малоимущих слоев населения обеспечивает каждому минимум материальных благ.

Эти два щита — сверху и снизу — исключают возможность революций и всяких других попыток насильственного изменения существующей системы. Чтобы выжить, этой системе частного капитализма пришлось поставить себя под контроль своего государства — своего правящего класса, усилить концентрацию власти в главных отраслях экономики и в политике.

Советской системе государственного капитализма, чтобы сохранить себя, нужно сделать шаг в противоположном направлении — ослабить концентрацию власти государства над секторами мелких и средних предприятий, но сохранить эту власть на главных направлениях экономики и в политике.

США лишь временно заимствовали советскую систему, чтобы поправить свои дела, и воздержались полностью вводить у себя систему государственного капитализма СССР.

Сегодня СССР должен делать то же самое — заимствовать временно (или частично) систему свободного предпринимательства США на среднем и низшем уровне экономики — **мелкое производство, распределение, обслуживание**, и не вводить полностью частнокапиталистическую систему США, потому что это самообман — такой системы в США нет.

Нынешний курс СССР на введение рыночной экономики завершится крахом всей советской системы, на развалинах которой, «с помощью американских инженеров» будет быстро воздвигнуто здание Американского Социализма — свобода предпринимательства на низших и средних уровнях экономики, с сохранением полной власти в руках крупных монополий, в руках американской элиты. При этом будет быстро восстановлена жесткая трудовая дисциплина, основанная на страхе.

Советские безработные

Быстрый перевод экономики на свободный рынок мгновенно создаст 5-миллионную армию безработных. У них нет своих домов, нет машин, нет сбережений, нет возможности подрабатывать на стороне. У советских безработных есть прошлое — целая жизнь безвозмездной работы на геополитические нужды государства, которое оставляло им лишь малую часть результатов их труда. У них в прошлом и в настоящем — бедность, на грани нищеты, повседневная борьба за жизнь, за то, чтобы как-то прокормить семью или самого себя.

После потери работы, в будущем у них — поиски работы, приобретение новой квалификации, поиски какой-то материальной помощи от государства или от общества. Опять бедность на грани нищеты. Десятки лет такой жизни порождают чувство безысходности, отчаяния, злобы и ненависти. Такое общество — это трюм парохода, полный паров бензина. Брось спичку — пароход взлетит на воздух.

Такая армия безработных в Германии времен Веймарской республики, после 1-й мировой войны, пошла за нацистами, за Гитлером, пополнила ряды его штурмовиков в надожде на лучшую жизнь; Гитлер обещал и дал им всем работу, материальное благополучие.

В России тоже может найтись политический деятель, который пообещает миллионам этих людей лучшую жизнь, если они пойдут за ним. И пойдут куда угодно.

Лучше такой армии безработных не создавать — для этого в России сегодня нет условий. Лучше вспомнить о страхе, который всегда движет человеком.

Страх перед законом и кукуруза

В юности я жил в деревне, работал в колхозах и совхозах. В совхозах часто не хватало рук, в колхозах люди работали плохо, поэтому каждую осень на полях появлялись тысячи горожан, под руководством местных бригадиров убирали урожаи или просто выполняли сельхозработы. Я помню после войны («при Сталине») студенты из города пололи большое поле кукурузы. Работали честно. Вырвали весь сорняк, бережно оставляли на поле тонкие рядки зеленых стебельков кукурузы. Осенью на этом поле вырос кукурузный лес, высотой до двух метров, каждый ствол — с огромными сочными початками — на зерно.

В 1956 году я был студентом, осенью мы приехали в пригородный колхоз полоть кукурузу — в то время Хрущев возлагал на нее большие надежды. Мои сокурсники идут по полю, как пьяные немецкие автоматчики, топчут робкие побеги кукурузы, вырывают их с корнем, оставляют вокруг себя лишь буйный зеленый сорняк.

— Зачем рвете кукурузу? — не выдержал я. — Нас прислали помочь колхозу убрать сорняк.

— А тебе что, больше всех нужно?

— Да что есть будем, если уничтожим все на полях?

— Не беспокойся, привезут! — отвечали мои юные коллеги из местного педагогического института.

— Кто привезет?

— Государство.

— Да где они возьмут?

— Это их дело!

Поле кукурузы уничтожили. И так было по всей стране. У меня есть опыт. Я выращивал кукурузу на юге и в районах умеренного климата. Кукуруза растет везде, кроме тундры. В теплом климате дает огромные урожаи стеблей (зеленая масса, силос) и початков — зерно. На бедных холодных землях початков нет, но вырастают стебли — силос. Это отличный корм скоту. Ни одна кормовая культура не может сравниться с кукурузой по урожайности, по объему и качеству полученных кормов.

Хрущев знал, что делал, он был прав, но все его дело было похоронено людьми, сверху и снизу, потому что это было «после Сталина» — больше не боялись, перестали работать, начали уничто-

жать общественное добро, в уверенности, что «они» (государство) «привезут».

С тех пор прошло 30 лет, и государство больше не может ничего «привезти», придется свое добро создавать своим трудом. Поскольку сталинского страха перед законом больше нет, нужно ввести западный страх —

Страх перед нищетой

Это основа производительности труда и всей экономической эффективности Запада, где миром правит доллар. Этот страх охватывает все слои общества.

— Мать моей жены последние 30 лет вечером не выходит из дому — там могут убить.

Ей страшно.

— Швейцары всех домов на Марк-Авеню, где живут богатые, всегда держат в кармане пистолет. Жильцам страшно — боятся грабежей.

— В моем доме и во всех остальных домах Америки на каждой двери — четыре замка, на всех дверях и окнах установлены датчики сирены, которая, если открыть окно, раздирает душу пронзительным воем, как сирена войны перед воздушным налетом.

— По делам службы я посещаю фирмы в штатах Коннектикут, Нью-Йорк и Нью-Джерси. Во многих фирмах есть специальная секретная комната (американский спецотдел), откуда особо доверенный человек владельца фирмы по системе телевидения наблюдает за каждым уголком здания, за поведением каждого работника. Контроль абсолютный. Владелец боится людей, своих и чужих, следит за всеми.

— Все американцы боятся преступности.

— Американские юристы и торговцы оружием боятся, что преступность может исчезнуть — это крах всей их жизни, исчезнут доходы.

— Я наблюдаю жизнь рабочих и служащих Америки. Это исполнители. Безропотные. Они говорят только о погоде, чтобы случайно не обронить неосторожное слово о своем хозяине или директоре. За одно слово — немедленное увольнение. Это угроза личному благополучию. При чем тут демократия и свобода слова, когда дело касается долларов — источника жизни. Лучше молчать.

Некоторую вольность могут позволить себе шоферы и грузчики, которым терять нечего — они могут найти другую работу завтра. Административному персоналу труднее. Здесь никаких вольностей, здесь царит мертвая дисциплина. Владелец или директор принимает решение, которое становится Законом для всех подчиненных, без всяких обсуждений или вопросов.

Я наблюдал, как идут деловые совещания на высоком уровне с владельцем. Самый грамотный инженер, начальник отдела, видит, что владелец говорит вздор, который будет стоить фирме миллионы долларов. Инженер промолчит — оставит свое мнение при себе, чтобы не противоречить владельцу. Это опасно — можно потерять работу.

— В глухом сельском углу штата Нью-Джерси захожу в местный магазинчик. Владелец окидывает меня испуганным взглядом, незаметно жмет кнопку связи с полицией или открывает ящик, в котором лежит заряженный пистолет. Владелец боится незнакомых посетителей — его могут ограбить или убить. Последние 15 лет

он стоит за прилавком своего магазина, чтобы делать деньги, складывает деньги в сейф и думает о своем револьвере — это его надежда, потому что ему страшно.

— Несколько лет назад, во время искусственно созданной биржевой паники в Нью-Йорке, мой знакомый миллионер потерял 5 миллионов из 7, осталось 2 миллиона — деньгами и собственностью. Он покончил с собой — страшно жить в этом мире с двумя миллионами. Потери пяти миллионов он пережить не мог.

— В штате Невада (или Омаха) директор уволил служащего местной почты. Человек потерял цель в жизни, потерял голову от страха за свое будущее, сбегал домой за винтовкой (не ружьем) и перестрелял все почтовое отделение, потом пустил и себе пулю в лоб.

— В 1973—1974 годах я предложил американским издателям мои книги. Никто не взял — страшно, человек новый, неизвестный, слишком много риска — финансового и политического.

В 1976 году я издал книгу сам, в 1978-м моя любовь (моя ныне покойная богатая невеста) пристроила эту книгу в большое издательство «Ньюсуик» (издатель был женат на ее племяннице).

После выхода в свет этой книги («Северное сияние», в английском переводе — «Дневник Викентия Ангарова») в 1978 году ее опубликовали в Канаде и Англии, и поступили запросы от других издателей.

После краха моих отношений с этим издательством все остальные издатели «свободного мира» отказались от этой книги — стало страшно.

Через 10 лет, осенью 1988 года, я послал эту книгу и рецензии, в которых прямо сказано, что В. Муравин — «второй Солженицын и второй Джек Лондон», в адрес 240 издателей США и остального Запада. Все отказались — страшно! С Муравиным «что-то случилось», он не одобрен газетой «Нью-Йорк таймс», лучше не рисковать.

— В 1986 году я предложил мои 10 книг американским литературным агентам. 15 агентов две недели наводили справки о Муравине, потом выяснили, что он не диссидент, не помогает гуманистам Запада развалить Советское государство, не ругает русских. Все средства массовой информации «свободного мира» находятся в руках одних и тех же людей, под абсолютным контролем. Здесь нет той «демократии», того хаоса и безответственности, которая царит сегодня в издательском мире в СССР.

— В 1973—1978 годах по ходу моих социальных исследований я послал запросы о работе в 700 адресов — университеты, газеты, деловой мир, администрация. Получил 700 отказов. Людям страшно — В. Муравин не знаменит (выехал не из лагеря), не боролся «со зверским советским режимом», не ругает русских в печати — значит, не наш, лучше не рисковать.

— Бывший крестьянин на Пуэрто-Рико, а ныне «владелец ресторана», арендует у большой фирмы тележку с сосисками и капустой. Я наблюдал за ним. Со своей тележкой он стоит на углу двух шумных улиц нижнего Манхэттена с 6 утра до 10 вечера, 16 часов на ногах. За это время он урывает полчаса сходить в туалет и подкрепиться. Весь день он продает сосиски с капустой. Вечером он отдаст фирме стоимость тележки и сосисок, а разницу — 20 или 30 процентов, положит в карман.

Эта разница — источник жизни. У него семья, больше он нигде

заработать не может. Поэтому он стоит, как морской маяк, в жару, в снег и в холодный дождь, чтобы не пропустить ни одного покупателя.

— За фасадом благополучия Америки идет тайная война гангстеров итальянской мафии. Ими все время занимаются полиция и ФБР, там все время гремят выстрелы. Одна семья гангстеров сводит счеты с другой. Все гангстеры живут в постоянном страхе. Боятся друг друга, боятся полиции, боятся потерять источники своих миллионных доходов. Им все время страшно.

— Это система всеобщей конкуренции, все конкурируют, то есть борются друг с другом за место в жизни — за деньги и власть. Конкуренция — это тихая война, в рамках закона. Война изнуряет, выматывает нервы. При полном материальном изобилии в Америке 30 процентов населения страдает нервно-психическими расстройствами, преступность и разврат преследуют каждого нормального честного американца.

Все живут в страхе, но главный страх — экономический:

1) страх потерять работу — для рядового американца и

2) страх обанкротиться — для богатого американца.

«Перестройка» — эволюция, повседневная борьба всех против всех — идет здесь последние 200 лет, после основания этой Республики. Люди обманывают, клевещут, воруют, грабят, убивают; полицейские рискуют своей жизнью, мелкие убийцы душат старушек в подъездах, чтобы забрать из ее кармана 20 долларов. Суды перегружены, тюрем не хватает, все вооружены, все напряжены — в борьбе за жизнь.

В этой борьбе, когда каждый — за себя, в погоне за счастьем — за долларом, забывая о постоянной опасности для жизни, люди работают с утра до ночи, создают изобилие материальных благ, продают друг другу плоды своего труда, заполняя полки магазинов до потолка.

Страх, конкуренция, риск для жизни — этим Америка платит за свое материальное благополучие. Других путей нет, без страха ничего создать нельзя. Американцы платят свою цену за высокий уровень жизни, живут как умеют, ни у кого ничего не просят, никому свою систему не навязывают. Хотите — заимствуйте, не хотите — придумайте что-то другое. С какой стати американцы должны всегда всем «помогать»? Нужно делать то же самое — эксплуатировать, жить в страхе, работать с утра до ночи, создавать изобилие, а не сидеть голодными десятки лет и ие ждать «помощи» от Америки. Это изобилие здесь создано простым способом и дорогой ценой.

Перестройка, эволюция этой системы длится 200 лет. Материальное изобилие создано за 90 лет 20-го столетия благодаря двум мировым войнам, развитию техники и конкуренции, в которой каждый боится проиграть.

У вас нет 200 лет для подъема экономики. Политику можно изменить за один день, на изменение экономики требуются десятки лет.

Моя перестройка

В 1972 году я выехал на Запад, чтобы ослабить угрозу ядерной войны:

1) создать нормальную русскую литературу, чтобы уменьшить

эффект литературно-политической истерии советских диссидентов на Западе и

2) сделать анализ причин напряженности и войн — для Москвы и Вашингтона.

К 1985 году я завершил свою Программу, но за отказ стать диссидентом элита США (средства информации, университеты, администрация) поставила Муравина в черные списки, закрыла мне доступ к печати, к работе, к источникам денег и славы. Вы никогда не слышали фамилии «Виктор Муравин»? «2-й Солженицын» и «2-й Джек Лондон» исчез бесследно, зарабатывая на жизнь в должности шофера.

Так и нужно поступать в борьбе за власть, за право полного контроля над политикой и идеологией всего мира, а литература — это политика. Этот контроль над умами людей прочно держит в своих руках **партия масонов** — это партия богатых, тайная «коммунистическая партия» Запада, которая и правит «свободным миром».

Мои усилия по ослаблению напряженности войны были и в их интересах, в интересах масонов, которые, в случае войны, сгорят вместе со всеми («цыпленок тоже хочет жить»). Но они этого не поняли. Им очень хочется окончательно развалить Советское государство и на его месте построить демократию, но так, чтобы Россия, как крупное государство, исчезла с политической карты мира.

Мои книги — 4 тома морских рассказов, романы и политические труды — всего 10 рукописей, которые были опубликованы в газетах, получили одобрение читателей. Эти книги наша элита считает вредными для ее усилий по развалу СССР, поэтому книги бойкотируются на Западе. Осенью 1989 года я послал все книги и материалы газетам и журналам Москвы и Ленинграда — 40 адресов — и получил бойкот. Это мне напомнило недавнюю историю.

Во время гражданской войны к Чапаеву приходит крестьянин:

— Василий Иваныч! Белые придут — граблють, красные придут — граблють. Куды бедному крестьянину податься?

Теперь я оказался в положении этого крестьянина:

— Пошлешь книги по всему западному миру — масоны откажут. Посылаешь те же хорошие книги в Москву — масоны отказались. В издательствах и газетах Нью-Йорка и Москвы — одни и те же люди. «Куда бедному писателю податься?»

А. И. Солженицын

Горбачев дал народу и его литераторам политическую свободу, чтобы быстро поднять экономику. Литераторы должны были мобилизовать народ, общественное мнение всей страны на усилия по активизации производства материальных благ. Мои книги и предложения они публиковать воздержались — человек не знаменит, элита США не дала ему ни славы, ни денег, а тоже лезет в большую политику. Зато многие начали публиковать Солженицына — в этом выход, в этом спасенье. Если издать 200 миллионов экземпляров «ГУЛАГа», по одному на каждого гражданина СССР, можно решить все экономические проблемы. Железная логика и глубокое знание своей, русской, истории.

В этой связи из недавней русской истории.

В разгар гражданской войны по просьбе Ленина Сталин приезжает в Петроград, вызывает к себе комиссара:

— Доложите обстановку.
— Подвоз хлеба прекратился три дня назад — саботаж, диверсии на дорогах.
— Какие меры приняли?
— Провели собрания, концерты.
— Каковы результаты?
— В городе паника, требуют ликвидации советской власти...
— Снять комиссара!

70 лет спустя, в разгар перестройки, вы можете спросить своих «литературных комиссаров»:
— Доложите обстановку.
— Подвоз продуктов в магазины прекратился пять лет назад — саботаж в торговой сети и упадок трудовой дисциплины по всей стране.
— Какие меры приняли?
— Публикуем романы Солженицына.
— Каковы результаты?
— В стране паника, требуют ликвидации советской власти...
— Снять литераторов...

В условиях нынешней советской демократии, на грани анархии, трудно «снять литераторов», но не мешает вспомнить Древнюю Грецию, где писателей и поэтов, которые мутили воду, изгоняли за пределы Афин. Можно вспомнить и Америку, где закон карает тех сотрудников средств информации, которые настраивают народ против существующей власти, сеют идеи анархии.

Запад дал Солженицыну «гласность» — славу и деньги, будучи уверенным в том, что идеи Солженицына о расчленении России и ликвидации ее как крупного государства вскоре осуществятся. Сегодня это осуществляется при содействии советских средств массовой информации — расчленение России как крупного государства началось. Нет оснований предположить, что этот распад не завершится новой гражданской войной. Что тогда будут делать наши литераторы? Издатели и редакторы газет, журналов, режиссеры программ радио и телевидения?

Их коллеги в США позволяют себе немного вольностей — критики администрации — в условиях абсолютной политической стабильности, при полном материальном изобилии и при железной дисциплине страха в экономике.

В СССР нет ни изобилия, ни трудовой дисциплины, поэтому средствам массовой информации нужно быть осторожнее, чтобы не отпилить сук, на котором сидишь.

Литва

Дай человеку палец — откусит тебе руку. Это древняя мудрость. Её суть — невежество и неблагодарность людей. Пять лет назад все эти союзные республики «сидели и не чирикали». Когда во главе государства стал новый человек, который дал им политическую свободу и возглавил самый сложный в истории процесс демократизации огромного государства, эти республики и их руководители начали мешать ему, стали выдвигать свои личные и национальные требования, быстрая реализация которых может привести к краху всего дела. В этом случае могут пострадать эти республики и их руководители.

У них не хватило политического опыта, мудрости понять, что происходит, не принимать никаких поспешных решений и действий, чтобы дать Горбачеву еще несколько лет для стабилизации экономического и политического положения в стране.

Сепаратистские действия руководителей республик Прибалтики, Закавказья и Средней Азии говорят о том, что они не созрели для проведения самостоятельной политики, что они в своих действиях не руководствуются реальной политической обстановкой, интересами мира и благополучия своих народов. Более жесткий контроль со стороны Москвы на последующие 5—10 лет обеспечит мирное решение всех экономических и политических проблем, даст этим республикам право полного выхода из СССР или даст им такой уровень независимости, при котором отпадет всякая необходимость выхода из СССР.

Япония

В 1953 году я работал на линии Владивосток — Курилы. Мы возили генеральные грузы, войска и вооружение на южные Курильские острова, в том числе Итуруп, Кунашир, Парамушир. Три крохотных острова у побережья острова Хоккайдо, на которых нет ничего, «только небо да море вокруг». С песчаного берега виден остров Хоккайдо, море вокруг богато рыбой. К северу от этих островков цепочкой тянутся до Камчатки еще пятьдесят более крупных островов — Курильская гряда.

При современной военной технике стратегическое значение этих трех островков равно нулю, их политическое значение огромно. Эти острова Япония уступила СССР в результате поражения в прошлой войне. Это результат политических ошибок прошлого поколения. Вам приходится иметь дело с нынешним поколением японцев, для которых эти три островка — дело национальной гордости.

Перестройка внешней политики должна учесть и эту горячую точку земного шара. Взамен вы получите 100 миллионов друзей в Японии, мир и сотрудничество на последующее столетие.

Евреи и арабы

Здесь, на Западе, ходят слухи, что в штате всех крупных советских газет, журналов, радио и телевидения — до 80 процентов советских граждан еврейской национальности. Это не совсем верно. Эти 80 процентов — русские люди еврейского происхождения. Национальность — это народ, который всегда включает крестьян, которые кормят, рабочих, которые одевают, и интеллигенцию, которая руководит. Для этого нужна территория, земля. У всех наций мира, включая и Израиль, есть эти три «прослойки» и есть земля. У евреев, за пределами Израиля, нет земли, на которой жить, нет крестьян, которые кормят, нет рабочих, которые одевают. У них есть только интеллигенция, которая думает, но живет в гостях, на земле чужого народа, которому приходится ее кормить и одевать. Это — главный источник антисемитизма, трагедия, которая длится три тысячи лет.

Сионисты сделали доброе дело, когда создали государство Израиль, где евреи стали такими же людьми, как и все остальное человечество — сами себя кормят и защищают. Но, утверждая присутствие евреев в других странах мира, сионисты совершают ошибку. Это присутствие порождает антисемитизм, мутит воду в местной и международной политике, мешает установлению мира на Земле.

В СССР антисемитизм был всегда запрещен законом, и отношение к каждому человеку, который считает себя евреем, зависит просто от того, как он ведет себя по отношению к народу и стране, в которой он родился.

И царское правительство и Советское государство всегда пресекали антисемитизм. Царь давал евреям возможность осесть на земле, перейти в православие — стать полноправными гражданами России. Сталин дал им землю и Биробиджан на Дальнем Востоке с той же целью. В 1941—1945 годах русские ценой своей крови разгромили вермахт Гитлера и спасли евреев от полного уничтожения. У евреев нет оснований обижаться на русских и обвинять их в своих бедах.

Сегодня евреи и им сочувствующие в советских средствах информации допускают нелестные высказывания о русском народе, о России и ее истории, стремятся развалить СССР, развалить государство и установить в России американский вариант западной демократии.

Учитывая печальные события в России последних 70 лет и роль своих предшественников в этих событиях, эти люди поступают неосторожно. Если человек считает себя иностранцем, живущим в чужой стране, ему лучше воздержаться от активного участия в политике и тем более не разжигать в народе неприязнь к себе необоснованной критикой истории этого народа.

Это касается всегда лишь политически активной верхушки еврейской интеллигенции в США и в СССР. Остальные два миллиона людей еврейской национальности в СССР не имеют к этим событиям никакого отношения, но им приходится принимать на себя значительную долю той неприязни со стороны русских, которую порождают такие действия евреев, стоящих во главе средств массовой информации в США и в СССР, по старой пословице: «Паны дерутся, у холопов чубы трещат».

Политика русофобии дает обратные результаты, она может иметь печальные последствия в тех драматических событиях, которые сегодня сотрясают СССР и весь мир.

В этой связи — о выезде в Израиль и об арабах. Израиль — для евреев, Америка — для всех. Только в этих двух странах евреи могут чувствовать себя полноправными гражданами, чувствовать себя дома. Во всех остальных странах мира, включая и Россию, евреи живут в гостях, среди чужих народов, ассимилируются мучительно, медленно, сами страдают и доставляют неприятности правящим органам этих стран.

Русские — миролюбивый добродушный народ, ни о каких «погромах» не может быть и речи. Я думаю, что «Память» никогда не имела к этим слухам никакого отношения. Но нынешняя политика советских средств массовой информации страдает русофобией, подрывает доверие народа к партии, армии и КГБ, ведет дело к ликвидации государства. Это может завершиться гражданской войной. В этом случае будут не «погромы», а национальное бедствие, в котором пострадают евреи и русские, и все остальные народы СССР.

Учитывая «окончательное решение» Гитлера, пришла пора дать всем евреям возможность уехать в Израиль. Этому мешают сами евреи — политически активное руководство мирового еврейства, которое до сих пор не поняло, что одна Америка никогда не сможет склонить арабов к миру с Израилем. Такой мир может быть установлен только совместными усилиями Москвы и Вашингтона. Какой помощи от Москвы может ожидать руководство мирового еврейства, насаждая в России русофобию и разваливая Советское государство? Рубят сук, на котором сидят.

Евреев — 3 миллиона, арабов — 90 миллионов. Если все советские евреи приедут в Израиль, это составит 5 миллионов людей. Это ничего не изменит в соотношении Израиль — арабы.

В XVI веке испанский король Фердинанд и королева Изабелла по настоянию католической церкви предложили всем евреям Испании три выхода:

1. Принять католичество и стать испанцами,
2. Покинуть пределы страны в установленный срок или
3. Стать жертвами самосуда толпы.

Часть евреев стала испанцами, остальные ушли на восток, в Европу, и достигли западных окраин России. Это было более мудрое решение, чем «окончательное решение» еврейского вопроса в гитлеровской Германии.

Сегодня еврейская проблема в России остается нерешенной, вносит солидный вклад в дестабилизацию положения в стране. Не пора ли вспомнить про «испанское решение» и применить в России два первых пункта:

1. Принять православие или просто сменить фамилии и считать себя русским или
2. Покинуть пределы страны в течение нескольких лет, уехав в Израиль или в США.

В этой связи нужно созвать международную конференцию с участием Израиля, всех арабских стран, СССР, США и представителей остального мира. Эта конференция должна напомнить арабам, что евреи — вторая половина арабского племени семитов, что в Европу они пришли не из Сибири, а из Палестины, где жили их предки, что у арабов — пустой Аравийский полуостров, у евреев — полоска пляжа, которая называется Израиль.

Пора напомнить арабам, что они — великая нация, с большой историей, что им пора вспомнить об этом, пора признать право Израиля на существование, пора прекратить террор и бессмысленное кровопролитие, пора перестать толкать человечество к ядерной войне. Америка, Европа и весь мир за 30 лет войны на Ближнем Востоке ничего арабам объяснить не смогли. Это можно сделать лишь совместными усилиями Москвы и Вашингтона.

Сейчас многие арабские страны заканчивают приготовления к ядерной войне, Израиль быстро теряет превосходство в ядерном вооружении, в котором до сих пор было его спасение. Теперь возникает возможность ядерной войны на Ближнем Востоке, в которой погибнет Израиль, погибнут арабские страны и, возможно, эта война уничтожит весь мир. Опять судьбы мира на этой планете зависят от евреев и арабов.

Трудно будет Израилю принять всех евреев из СССР, поэтому Америка должна принять остальных — всех, кто пожелает приехать сюда из СССР. Это в интересах Америки и остального мира. Все это нужно обсудить и решить на любом совещании в верхах.

Чтобы уменьшить напряженность в стране и рост антисемитизма, нужно принять закон, запрещающий средствам массовой информации пропагандировать русофобию, вплоть до штрафа, увольнения или тюремного заключения.

Тем поклонникам западной демократии в России, которые пы-

таются развалить государство, чтобы установить на его месте «западную демократию», нужно напомнить, что эта демократия основана на двух главных факторах:

1. Твердая дисциплина в экономике, в основе которой лежит страх не проиграть, не потерять источник жизни.

2. Твердая дисциплина в политике, включая средства массовой информации, каждый сотрудник которых — корреспондент, редактор, директор или владелец — может быть оштрафован, посажен в тюрьму или доведен до банкротства и выброшен из общества, если он позволит себе печатать то, что подрывает основы существующего строя, если он позволит себе бросить вызов благополучию правящей элиты.

Так и должно быть. Так было во всех странах со времен Древней Греции.

Западнофилы в СССР, которые разваливают дисциплину в экономике и политике, должны быть готовы после краха СССР немедленно ввести дисциплину в экономике и в политике, чтобы создать новое общество. Стоит ли менять шило на мыло? Рисковать политической стабильностью и идти к хаосу, из которого мало кому удастся выбраться благополучно?

Русские коммунисты

Евреи действительно играли большую роль в насаждении марксизма в России и в революции 1917 года. Но евреи не создавали марксизма, не делали революции, не внедряли в России коммунизм, а русские коммунисты этого коммунизма не портили.

Дело обстоит проще. Марксизм — продолжение христианства, применительно к современным условиям. Маркс создал это учение на основе результатов социальных, политических и экономических противоречий, накопившихся за две тысячи лет ее истории. Марксизм — главный результат двух тысяч лет европейской цивилизации, утопавшей в социальной несправедливости и в непрерывных войнах. Марксизм был создан как средство устранения такой несправедливости и войн.

В процессе практического осуществления идеалов марксизма, в XX веке Европа развязала первую мировую войну, утвердила марксизм в России, создала все проблемы этого марксизма в России, породив культ личности Сталина, репрессии и массовые жертвы. Затем Европа создала национал-социализм, развязала вторую мировую войну и в 1945 году рухнула под русским сапогом, что было вполне заслуженно.

После 1945 года Америка сменила Европу, открыла эру ядерных войн, сбросив бомбы на Японию, начала гонку ядерных вооружений, экономических санкций и идеологического наступления на СССР с тем, чтобы ликвидировать Советское марксистское государство, созданное Европой.

Эта непрерывная западная активность не оставила русскому народу и государству в XX веке ни одного мирного дня.

В течение ста лет, с 1825 по 1917 год, в Европе и в России, активно или пассивно, но все способствовали развалу либерального царского строя и его замене тотальной системой марксизма. После установления такой системы в России в октябре 1917-го все начали борьбу с ней. Люди никогда не знают, чего хотят, не ведают, что творят.

Партия большевиков была создана в начале века с главной

целью — дать русскому народу свободу и материальное благополучие — коммунизм. Эта древняя благородная идея наполняла сердца русских социал-демократов, большевиков и меньшевиков, евреев и русских. Эта идея вдохновляла красные армии на полях сражений гражданской войны, эта идея звала вперед миллионы добровольцев периода восстановления 1924—1930 годов.

Ради торжества этой идеи Троцкий предлагал «закручивать гайки», чтобы укрепить единство и власть нового государства над народом. Ради торжества этой идеи Ленин, Сталин и другие руководители нового государства не щадили себя, своих соратников и народ.

Ленин, Троцкий и остальные идеалисты в партии ошиблись — Европа и остальной мир не поддержали русскую революцию. Сталин оказался прав — строить социализм для России, а потом и для остального мира пришлось «в одной стране, во враждебном окружении». Сталину оставалось два пути:

1. Признать, что революция была ошибкой, восстановить частную собственность и демократию в России или

2. Идти вперед, любой ценой осуществляя идеалы марксизма — построения справедливого бесклассового общества — социализма.

Сталин выбрал ВТОРОЙ путь не потому, что он был «восточный тиран» и убийца, каким его рисуют нынче многие наивные люди. Он выбрал путь построения социализма любым путем, потому что он не был предателем, не мог предать дела Ленина и всего дела революции, на подготовку которой ушло полстолетия. Кроме того, он выбрал этот путь, потому что серьезно верил в неизбежность торжества марксизма во всем мире, в неизбежность сопротивления делу построения социализма в СССР, в необходимость применять насилие и жестокость, чтобы сломить это сопротивление. Миллионы погибших не имели значения, потому что эти события были предопределены стихийной политикой Запада, потому что Запад не мешал, а русский народ своим пассивным сопротивлением новой политике сделал репрессии неизбежными.

Дело партии

Я — антикоммунист. Историю КПСС я изучал не только в моих четырех университетах. В 1950-х годах, когда М. Горбачев учился в Московском университете, я работал в торговом флоте на линии Совгавань — Магадан — Арктика. В то время на ледяных просторах Колымы томилось 15 миллионов заключенных. Это был мой университет. Такие университеты Алексею Максимовичу Горькому в плохом сне не снились.

ИСТОРИЯ КПСС — это В проектов.

72 года назад, в 1917 году, революция в России должна была дать народу свободу и материальное изобилие. Это была мечта, проект № 1, на осуществление которого три поколения русских мыслителей и революционеров не щадили своей жизни. Когда революция свершилась, под давлением факторов, которые не зависели от воли «еврейских комиссаров» первого правительства Ленина, проект № 1 пришлось отложить до лучших времен и заняться другими проектами, чтобы выжить, сохранить новорожденную систему социализма.

Проекты, которые были навязаны Советской России и ее правящей партии экономическим, политическим и военным давлением Запада:

Проект № 2 — национализация всей промышленности и ликвидация нэпа.

Проект № 3 — насильственная коллективизация в сельском хозяйстве.

Проект № 4 — репрессии против реальных и мнимых врагов Советского государства, абсолютная концентрация власти в руках правящей партии, ее Генерального секретаря И. Сталина.

Проект № 5 — создание мощной тяжелой промышленности на востоке страны.

Проект № 6 — мобилизация всех людских и материальных ресурсов страны на разгром гитлеровской Германии.

Проект № 7 — активное участие в гонке ядерных вооружений и в военных космических исследованиях.

Проект № 8 — помощь левым и коммунистическим партиям, противоборство с Западом на всех пяти континентах земного шара — геополитика.

Эти 7 проектов (2—8) не входили в планы большевиков до и после того, как они стали у власти. Проект № 1 был мечтой, утопией, а проекты 2—8 оказались реальностью, которая полностью изменила ход событий, цели революции, историю Советской России. Эти проекты определили историческую судьбу партии русских коммунистов, которым пришлось строить заветный социализм за счет труда («прибавочной стоимости») русского народа и других народов СССР. Других путей не было.

Главную роль в том, что партии пришлось забыть проект № 1 и работать на проекты 2—8, играл Запад — Европа и США. Запад — мир стихийной экономики и политики — живет по законам рынка, которых никто никогда предвидеть не может. В этом мире никто никогда ничего плохого не планирует, никто ни за что не отвечает. Здесь все **получается** само собой. Нет смысла винить Запад в трагедии XX века — это бесполезно, но вам не нужно брать всю вину на себя. В событиях XX века виноваты все, на Востоке и на Западе, это **ход истории.**

ТРИ социализма

«Ход истории», борьба людей за место под солнцем, за жизнь — это борьба за материальные блага, которых людям не хватает с тех пор, как обезьяна стала человеком.

За три тысячи лет, с эпохи Древней Греции, мыслители, философы и мечтатели успели создать много мифов о путях построения на Земле справедливого общества. Главный из этих мифов — социализм и, как его завершение, — коммунизм, в котором наконец-то не будет богатых и бедных, не будет неравенства и народ будет сам управлять собой и решать все свои проблемы.

После двух тысяч лет «эмбрионального развития», в начале XX века эта мечта вошла в стадию своего осуществления, которая завершилась возникновением ТРЕХ социализмов:

1) интернационального социализма в России (СССР),
2) национал-социализма в Германии и
3) гуманного социализма в странах Западной Европы и США.

Совместными усилиями, без всяких злых умыслов («так получилось») эти три социализма потеряли сто миллионов людей в войнах XX века, привели мир на грань гибели в ядерной войне или в результате экологического безрассудства.

К концу этого века национал-социализм Германии исчез, разгромленный во второй мировой войне интернационал-социализмом России при поддержке гуманного социализма Америки. Сейчас интернационал-социализм России проходит стадию коренных реформ, чтобы по форме и содержанию стать ближе к гуманному социализму США и Западной Европы.

Ни в одном из этих социализмов народ не имел и не имеет доступа к решению своей судьбы, доступа к власти, все решают и всегда будут решать люди, стоящие у власти.

Из этих трех социализмов повезло лишь гуманному социализму Запада, который предоставил всю власть в руки богатых, финансово-промышленной олигархии, а народу дал достаточно материальных благ, простора для мелкой экономической инициативы и политических прав, что исключает для народа всякую необходимость участвовать в большой политике. Здесь осуществлен лозунг Древнего Рима: «Хлеба и зрелищ!»

М. Горбачев

Из трех социализмов вашему социализму в СССР выпал наиболее тяжкий жребий. Преодолевая сопротивление своего народа и всего мира, применяя твердость и жесткость к самим себе, к народу и всему миру, вы выдержали все безрассудства и набеги Запада, создали мощную промышленность, выиграли вторую мировую войну и спасли Запад от порабощения порожденным им национал-социализмом. Вы создали высокомеханизированное сельское хозяйство, которое помогло вам осуществить все эти глобальные проекты. Вы создали науку и технику, которая во многом превосходит Запад. Вы создали военную машину, которая в течение сорока лет после второй мировой войны стоит наготове и может уничтожить Запад и весь мир вместе с вами.

Все эти усилия требовали затрат. У нас не было иностранных займов, не было времени для «первоначальных» накоплений. Оставался лишь один путь — брать труд народа. Русскому народу пришлось отложить мечту о свободе и изобилии, и последние 70 лет ему пришлось жить в нищете и несвободе, отдавая своему государству — вам, правящей Коммунистической партии — свой труд, своих сыновей, свою жизнь.

В отчаянных усилиях спасти свое государство, укрепить его, в яростном противоборстве уничтожить породивший вас Запад и стать ногой по всей Земле вы совершили чудеса выдержки, единства, дисциплины, самопожертвования, вы попрали все законы социологии, истории, политики и земного тяготения, но выстояли и к концу XX столетия достигли пределов своей мечты, пределов возможного.

В противоборстве с Западом вы не учли один простой, но самый важный факт: Запад, Европа и США ни в чем не виноваты перед вами, перед историей. Это общество основано на стихийной экономике, которая определяет его стихийную политику, которая породила вашу систему, и все беды XX столетия. Обвинять в чем-либо эту систему, Европу и США, бесполезно. С таким же успехом можно обвинять Землю в том, что она не квадратная, а круглая. **Так получилось.**

По закону перехода количества в качество у всего на свете есть смысл и предел. Поэтому противоборство с Западом давно утратило для вас всякое значение, но, как змея в «Песне о вещем

Олеге», это противоборство свело на нет все ваши достижения и начало угрожать гибелью вам и всему человечеству.

Для вас, для правящей Коммунистической партии СССР, это была двойная угроза:

1. Гибель в ядерной войне с Западом или

2. Крах системы и гибель в гражданской войне со своим народом.

Это легко понять.

Гонка ядерных вооружений между СССР и США после 1945 года накопила с обеих сторон такой объем ядерного оружия, политического невежества и страха, эта гонка создала вокруг себя, по всей земле, такой объем противоречий и конфликтов, что вернуться на путь здравого рассудка ни великие державы, ни остальной мир не были в состоянии. Весь этот мир, разделенный на два лагеря, медленно, но неотвратимо сползал к войне. Как два корабля, Восток и Запад шли пересекающимися курсами на неизбежное ядерное столкновение.

Умудренные дипломаты, которые сдали самые сложные экзамены на высокий уровень интеллекта, опытные политики, которые все знают, ученые и писатели, военные и домохозяйки с обеих сторон ядерного барьера, активно или пассивно участвовали в подготовке войны, в разжигании психоза, в углублении взаимного отчуждения и невежества.

В начале 80-х годов уровень взаимных ядерных вооружений, невежества и страха достиг своего предела, последней черточки перед красной линией на паровом котле, за которой следует взрыв.

Один из кораблей, Восток или Запад, должен был изменить курс, чтобы избежать столкновения. Запад этого сделать не мог. Курс этого корабля определяет не капитан и не команда, этот курс зависит лишь от курса акций на бирже, который меняется в зависимости от направления политического «ветра» — от случайных событий в мире.

Чтобы спасти себя, Запад и все человечество, сменить курс должен был Восток. Для этого на мостик должен был подняться новый капитан, способный выполнить этот крутой поворот, не перевернув корабля и не растеряв команды во время поворота. Таким капитаном стал М. Горбачев.

Провозгласив новый курс внешней политики, Горбачев **положил конец холодной войне, спас человечество (и вас) от неизбежной гибели в ядерной войне.**

В этом его главная заслуга перед всем миром, перед русским народом и перед вами, партией русских коммунистов. Но перед вами у него есть еще одна немалая заслуга.

Последние 70 лет вы были вынуждены ограничивать свободы русского народа, отнимать плоды его труда ради построения социализма в СССР и во всем мире. Это построение затянулось, стало вечным не по вашей вине, а в силу исторических обстоятельств, которые от вас не зависели. Но остальной мир и русский народ этих истин не знают, вина за страдания русского и других народов СССР ложится на вас, теперь обвиняют во всем только вас — русских коммунистов.

Нищета и бесправие народов СССР не могли продолжаться вечно. Дать им свободу и изобилие вы могли только после устранения Запада с политической арены мира и превращения советского варианта социализма в мировую систему. У вас не было никаких

гарантий того, что завершение этого плана не задержится еще на полстолетия, у вас не было гарантий того, что терпение народа не иссякнет, и он возьмется за оружие, чтобы вернуть себе свободу и изобилие. Это означало неизбежную гражданскую войну, разгром Компартии СССР, гибель миллионов людей по всей стране.

У вас был только один путь к спасению — устранить опасную ситуацию в стране своей властью, сверху, не дожидаясь, пока народ устранит это снизу. Это не ново, таких примеров много в истории политической борьбы. Эволюция или революция.

В 1985 году, став во главе партии, Горбачев не только прекратил холодную войну и избавил вас от угрозы ядерной войны. Параллельно с изменениями внешней политики он начал реформы внутренней политики, направленные на то, чтобы «спустить пар», предотвратить взрыв — гражданскую войну — и дать народу и его партии время и возможность мирным путем вернуться на путь нормальных взаимоотношений, когда правящий класс работает на благо своего народа, а не для его закабаления и ограбления.

С трудом и с опасностями, как опытный лоцман в неведомых водах, Горбачев отвел общество от прямой опасности взрыва, предотвратил возможность повторения румынских событий в СССР, дал простор накопившимся экономическим и политическим противоречиям в обществе, дал народу политические свободы, возможность активизировать экономику и политику страны.

За пять лет он не мог дать материального изобилия, потому что изменения экономики требуют десятков лет. Короче говоря, Горбачев оказал вам, партии русских коммунистов, две неоценимые услуги:

1. Он предотвратил гибель вашей партии в ядерной войне и указал пути сосуществования с вашим главным противником — США.

2. Он предотвратил гибель вашей партии в гражданской войне со своим народом и указал пути нормализации отношений между классами внутри страны.

Горбачев не смог за пять лет повысить жизненный уровень народа, в этом не его вина, но если в ближайшие год-два вы, правящая партия во главе с Горбачевым, не накормите народ, не дадите ему минимума материальных благ, Горбачеву и вам всем придется вспомнить Шекспира: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Курс Мураавина

Люди живут на земле один раз, они устали ждать, жертвовать, строить социализм, помогать другим народам. Они устали отдавать плоды своего труда государству, не получая ничего взамен. Они гордятся достижениями внешней политики Горбачева, они рады политическим свободам, которые пришли в Россию с перестройкой. Но люди хотят жить сегодня. Два прошлых поколения терпели, третье поколение терпеть не будет.

Лихорадочные поиски путей активизации экономики в течение последних пяти лет не дали результатов, а левое, наиболее прозападное крыло вашей партии видит единственный выход в том, чтобы

1) ликвидировать социализм вместе с КПСС,

2) ввести в СССР западную многопартийную систему, свободный рынок с частной собственностью на средства производства, с древ-

ним экономическим и социальным неравенством между богатыми и бедными, с развратом и преступностью, со всеми теми атрибутами западной цивилизации, которая создала мировую систему коммунизма, все ее проблемы, и 40 лет держит мир на грани гибели в войне. Действительно, мир возвращается на круги своя.

При этом обливается грязью история России и ее народа, Сталин обвиняется во всех преступлениях XX века, а Запад — источник и невольный виновник всех этих событий, преподносится миру как рай, как спасение России от неизбежного краха. При этом в качестве дополнительной платы за право ввести в России экономически эффективную западную систему рынка, широко проповедуется неизбежность и необходимость не только ликвидации рожденного на Западе и навязанного России марксистского строя. При этом открыто или потихоньку выдвигается идея расчленения «советской империи», то есть России, отделения всех союзных республик, затем отделения автономных республик, входящих в СССР, после чего Россия снова вернется к своим границам XIII века, в пределах Московской, Суздальской и Владимирской земель.

Сейчас в СССР и на Западе многие делят шкуру неубитого русского медведя. Среди этих политиков есть просто русофобы, которые всю тысячу лет ненавидели и боялись России и теперь рады возможности убрать ее с политической карты мира. Есть и просто честные люди, потерявшие веру в свою партию, в свой народ и в себя. Эти люди ищут выхода и помощи от Запада, и за эту помощь они готовы отдать Западу то, что было ими достигнуто за 70 лет, отдать Западу часть своих земель, часть промышленности. Отдать Западу свое будущее.

Это не самое разумное решение. Западу было тоже несладко последние 50 лет, но, чтобы выжить, Запад просто взял у Востока, из опыта советского социализма, немного больше концентрации власти сверху, немного больше заботы о нищих снизу. Это позволило Западу укрепить свою систему, на этом заимствование с Востока прекратилось.

Сделайте то же самое, но наоборот. Разведите пожиже концентрацию власти сверху — разделите каждое министерства на два — пусть конкурируют, но сохраните власть в руках правящего класса. А снизу, в качестве «заботы о нищих», дайте полную свободу предпринимательства в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, распределения и мелкого производства — как это сделано в США. Но не заимствуйте всю западную систему со всеми ее пороками.

Теперь — о главном. Главное — это деньги, материальные ценности, плоды труда русского и других народов СССР, которые шли на нужды геополитики, на военное и политическое противоборство с Западом.

Речь идет о том, что однопартийная система в СССР не сработала. Почему никто из вас, слева или справа, зв годы перестройки не заявил публично, что у этой однопартийной системы за 70 лет не было ни одного мирного года, что эта система выросла в условиях войны — подготовка к войне, война, восстановление и подготовка к следующей войне.

Кто-нибудь из вас может дать картину того, какой была бы ваша однопартийная система в условиях мира? Если бы эта система могла тратить свой труд и ресурсы на мирное производство, на благо народа? Откуда вы знаете, что эта однопартийная система, без постоянной войны с Западом, не могла бы дать народу высокий уровень жизни? Сколько лет эта система работала на нужды народа и какую долю продукции она могла отдавать народу? Может быть, при этой системе не было бы репрессий и массовых жертв, если бы не постоянная угроза ее существованию изнутри и со стороны Запада?

Я могу ответить на этот вопрос. На нужды народа система не работала ни одного дня — ход событий, ход истории не оставил ей ни одного мирного дня. А народу эта система отдавала максимум 10 процентов созданных благ, 90 процентов шли на нужды государства.

Я работал в советской системе с 1939 по 1972 год — 33 года, в сельском хозяйстве, на транспорте, в науке. Работал много и честно, а жил нищим. Думаю, что моя зарплата отражала примерно одну десятую результатов моего труда. 9/10 — 90 процентов — уходило иа нужды геополитики государства.

Сейчас, прежде чем отдавать страну на откуп Западу, нужно оглянуться назад, понять этот простой факт и вернуть народу хотя бы часть отобранных у него благ. Эти блага — деньги и материальные ценности — можно взять оттуда, куда они шли все эти годы — из военных расходов и из геополитики.

Сколько можно снять с военных расходов? 100 процентов — нельзя. 50 — страшно (но можно). 30 — не страшно, можно и должно. При этом позиция Запада не имеет значения. Не нужно просить у Запада особо благоприятных условий для торговли, не нужно требовать такой же степени разоружения. Запад никогда на вас не нападет. Даже если в одностороннем порядке ликвидируете 30 процентов своих вооружений, оставшихся 70 вам хватит на то, чтобы уничтожить Америку, весь мир и самих себя.

За пять лет перестройки, на грани национального краха, в лихорадочных поисках источников денег и благ, никто из вас до сих пор не рискнул предложить сокращение всех видов военных и геополитических расходов минимум на 30 процентов, а в вашем положении — это единственный выход. И вполне логичный. Если непомерные расходы на войну и геополитику поставили вашу систему на грань катастрофы, то предотвратить такую катастрофу можно, лишь устранив ее главную причину — вернув народу плоды его труда, прежде всего из расходов на войну и противоборство с Западом по всему миру.

Усилия Горбачева в этой области до сих пор дали ничтожную экономию средств. Что можно сократить на 30 процентов, не рискуя международной и военной мощью СССР?

1. Космическую программу. Вселенная может подождать.

— Сократить строительство новых научных институтов, полигонов, ракет.

— Сократить объем ведущихся ныне исследований.

Прежде чем летать на другие звезды, нужно накормить свой народ.

2. Сократить модернизацию армии и флота на 30 процентов. Средства по остальным 70 процентам позволят поддерживать научно-технический уровень Вооруженных Сил на достаточно высоком уровне.

Сократить на 30 процентов личный состав Вооруженных Сил. Рядовой состав будет увольняться в запас. Для демобилизованных воинов нужно подготовить жилплощадь и работу.

Офицеры не должны демобилизовываться, офицеры будут ухо-

дить в отставку с сохранением звания, формы и предоставлением пенсии или зарплаты не ниже последнего служебного оклада. Офицер должен иметь право сам выбрать себе место жительства, где ему будет предоставлена жилплощадь и содействие в получении работы по специальности или в приобретении гражданской квалификации.

3. В армии, авиации и на флоте снять все виды устаревшего вооружения для продажи на металлолом, внутри страны и зарубежным покупателям.

4. В тяжелой промышленности сократить на 30 процентов все виды ядерного и обычного вооружения и перевести 30 процентов военных предприятий и цехов на мирное производство.

5. Сократить на 30 процентов все виды помощи иностранным государствам и партиям.

Я не считал ваших денег и думаю, что никто в Госплане, в Генштабе или в КГБ точно не знает, сколько сотен миллиардов рублей уходит ежегодно на эти невозместимые расходы, сколько миллиардов рублей, деньгами и материальными ценностями, можно вернуть народу, сократив эти расходы хотя бы на 30 процентов.

В такой трагической обстановке, стоя одной ногой в гражданской войне, вам нечего терять, вы ничем не рискуете, вам никто не мешает. Уменьшить эти расходы и решить свою главную проблему вам мешает лишь собственный страх. В такой обстановке нерешительность смерти подобна.

Сколько миллиардов рублей даст такое сокращение? 200 или 300? Пусть будет 250. Что нужно сделать с этими астрономическими суммами денег?

1. Закупить на рынке в Европе, США и Японии основные виды продовольствия, одежды и товаров широкого потребления и пустить их в розничную сеть по твердым государственным ценам, чтобы хватило удовлетворить нужды населения на последующие два года.

2. Если в СССР нет сети домостроительных комбинатов, закупить серию таких комбинатов за рубежом так, чтобы каждый комбинат в течение одного года мог начать массовое производство сборных двухквартирных домов из деревянных и пластмассовых конструкций, как это имеет место в странах Запада.

Такие комбинаты должны в течение 1—2 лет обеспечить жильем все население страны.

3. Если в СССР нет сети дорожно-строительных комбинатов, закупить серию таких комбинатов за рубежом так, чтобы каждый комбинат в течение одного года мог начать массовую прокладку асфальтовых или гудронных шоссейных дорог, соединяющих областные и районные центры со всеми населенными пунктами в сельской местности.

Впервые за пять лет политического шторма, в котором вас всех изрядно укачало, наберитесь смелости, сократите эти пустые расходы, не тратя слов на пустые обещания и на опасные проекты быстрой смены политической системы, начните заполнять полки магазинов продуктами и товарами, начните ставить народу отдельные двухсемейные дома и прокладывать дороги к этим домам. Начните вести себя, как подобает правящей партии.

Тогда вы вернете себе утраченное доверие народа, сможете вывести Россию из тяжкого кризиса, избежать гражданской войны и передачи власти в руки западнофилов, которые понятия не имеют о сути частногосударственной экономической системы Запада и могут наломать немало дров, если чудо-выздоровление по западному рецепту не даст быстрых результатов.

Я пишу вам это послание в конце июня 1990 года. Оно не успеет попасть в Москву до 20 июля, к началу XXVIII съезда партии. На этом съезде вы можете утвердить Горбачева Генеральным секретарем или избрать другого — это ничего не изменит. Изменить порочный ход событий могут только решительные меры. Прежде чем менять систему или отдавать ее на откуп Западу, нужно взять часть расходов на геополитику и вернуть народу. Результаты подскажут, что делать дальше.

С Западом эту проблему можно обсудить на Международной конференции по проблемам коммунизма, в США или в Москве. Я могу помочь организовать такую конференцию.

Проблемы такого сокращения можно обсудить публично или на закрытом совещании в Москве. Я могу приехать и принять участие в таком обсуждении. Денег на билет у меня хватит.

У вас, русских коммунистов, хватило пороху на то, чтобы 70 лет отнимать у народа плоды его трудов для построения на земле общества всеобщего равенства и изобилия.

Это привело вас к утрате доверия и власти, а народ — на грань отчаяния и гражданской войны. Вам пришлось возглавлять Россию в таких исторических условиях, в каких не находилась ни одна политическая партия в истории человечества. Те, кто обвиняет вас во всех грехах XX века, забывают о своей собственной роли в тех же событиях.

Если вы не проявите мудрости и решительности сейчас, то через несколько лет ваша партия прекратит существование. В любой политический шторм тот, кто не может плыть, идет на дно.

Нью-Йорк

●

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Антон ЗМИТРОВИЧ

БОЛИ И ТРЕВОГИ ОТЕЧЕСТВА

Сегодня к проблемам перестройки привлечено внимание всего нашего народа: идут дискуссии, споры, выдвигаются различные экономические и политические программы, все больше и больше выявляются белые пятна истории. Однако все, что связано с деятельностью Сталина, с культом его личности, остается на уровне «XX съезда КПСС» и однозначных «разоблачений», хотя недавняя история по влиянию на нашу жизнь, по тому, какой проявляется к ней интерес в настоящее время, занимает немаловажное место в сознании советских людей.

I

Работа по установлению исторической правды — задача святая. Убежден, что в процессе ее выполнения, то есть при рассмотрении происходивших когда-то событий, при освещении деятельности тех или иных исторических лиц, при анализе и поиске исторической правды необходимо одно непременное условие — соблюдение объективности. И пишу я потому, что идущий в свет материал по показу нашей

истории нередко не согласуется с этим условием. Более того, он часто носит тенденциозный, односторонний характер. И превалирует в этом материале одно — явно выраженная антисталинская направленность. Невольно задаешься вопросом: почему это происходит? Разве односторонняя подача событий, преподнесение их тенденциозно способствуют поиску и установлению исторической правды?

Этот односторонний характер материалов в последнее время к тому же принял какую-то особую, я бы сказал, крайнюю форму. Создается впечатление, что антисталинская тема, сама ее антисталинская направленность — это своеобразный пропуск в типографии и издательства, на радио и телевидение. На этом, вероятно, делают карьеру, создают имя; ищут уже не только ошибки, а придумывают что-нибудь смехотворное, чтобы оно выставляло Сталина полным идиотом, ну, например, что он любил мучить кошек, поджигать муравейники, подкладывать на стулья своих дачных гостей помидоры. Встречаются вещи по своей логике поразительные. В том, к примеру, что документы, относящиеся к репрессиям, подписывались, помимо Сталина, и еще кем-то, усматривают не что иное, как «коварство Сталина», намеренно связывающего этих лиц с собою узами круговой поруки, а известную всем выдержку Сталина, его хладнокровие объясняют еще проще — это, оказывается, умело применяемая Сталиным «маска»... Даже документальные фильмы — идет ли речь о каких-либо эпизодах истории или они посвящены полководцам или другим известным деятелям — смонтированы в откровенно антисталинском духе.

Пишут ученые, историки, писатели, журналисты, печатаются воспоминания, беседы, романы, создаются спектакли и фильмы...

Сейчас много внимания уделяется культу личности. Однако с какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос, как бы его ни анализировали, приходится убеждаться, что все в конечном счете сводится к величине авторитета и власти и к тому, как используется этот авторитет и эта власть.

Бесспорно одно — авторитет у руководителя должен быть, и власть — тоже, и играть они свою роль, безусловно, должны. Все, по-видимому, определяется мерой — той разумной мерой целесообразности, которая соответствует своему назначению.

Бесспорно также и другое — авторитет государственного деятеля, его историческая роль определяются в конечном счете не количеством наград у него на груди и не провозглашаемыми громкогласно идеями, а делами его, его свершениями, которые он оставляет потомкам.

Сейчас Сталина подвергают беспощадной критике за тот курс, который был избран им в конце 20-х и начале 30-х годов. Ему предъявляется целый ряд обвинений, и прежде всего за политику, связанную с коллективизацией, но самое примечательное то, что сегодня ни один из критикующих четко и ясно не сказал: как именно должен был поступить тогда Сталин...

Как известно, Маркс исходил из того, что социалистическая революция победит одновременно в нескольких крупных государствах. Такого взгляда придерживался и Ленин. Однако история распорядилась иначе — этого не произошло. И страна наша оказалась в совершенно новых, не предусмотренных теорией условиях. И вот это важнейшее, имеющее огромное значение обстоятельство — оно оказалось, по существу, в полном одиночестве среди капитали-

стического мира — почему-то историки-правдолюбцы упорно пытаются не замечать.

Надо было решать: как поступать дальше. Ждать мировой революции, как настаивал Троцкий, принять политику медленного «врастания» в социализм, как предлагал Бухарин... Сталин избрал иной путь — путь построения социализма в отдельно взятой стране. Путь сложный, трудный, рискованный. Принимая такое решение, он, надо думать, полностью отдавал себе отчет в том, что представляла тогда наша страна и что это означало в условиях капиталистического окружения. Помощи ждать было неоткуда, надежда была только на собственные силы. И известные слова Сталина о том, что мы отстали от развитых промышленных держав на целые десятилетия и если разрыв этот не будет преодолен за несколько лет, то нас сомнут, — разве эти слова не соответствовали действительности, разве история не подтвердила их правильности? Только этим можно объяснить те жесткие меры, которые были предприняты в связи с проведением коллективизации и индустриализации, но которые провокационно расширялись троцкистами с целью дискредитации власти и истощения государства.

Было сделано, казалось бы, невозможное: без посторонней помощи к концу 30-х годов Советский Союз превратился в крупнейшее индустриальное государство. Надо ли говорить, какое значение имела проделанная гигантская работа для дальнейшей судьбы страны?

Необходимость этой работы, тех огромных усилий понимал не только Сталин, это отчетливо понимало и подавляющее большинство народа. Небывалый подъем, энтузиазм царили тогда в стране; не считаясь с личными интересами, отказывая себе во многом, даже в самом необходимом, люди трудились самоотверженно, с полной отдачей сил. И не потому это происходило, как ныне пытаются изобразить некоторые ученые мужи, что люди, дескать, были простыми винтиками огромного механизма насилия — не думающие, не умеющие мыслить, низведенные до слепых исполнителей, одурманенные «сталинской ложью» и механически выполняющие указания «вождя». Такой энтузиазм, такой народный порыв были вызваны как раз противоположным: именно пониманием широчайшими народными массами, что они трудятся не для кого-то, а для себя, что они строят новую жизнь, создают новое общество, свое общество. И это было главным, определяющим в той эпохе.

Из всего почти тридцатилетнего периода пребывания Сталина на высоких постах особенно важная роль, которую он сыграл, относится к самому тяжелому отрезку времени в истории нашего государства — к Великой Отечественной войне. Это общеизвестно. Хочу сказать о другом, о том, что авторы многих материалов, среди них и историки, в последнее время предпринимают настоящие атаки на Сталина и в этот период его деятельности. В чем только не обвиняют его, каких только претензий ему не предъявляют! А писатель Ч. Айтматов вообще прибегает к поистине поразительному аргументу, заявляя: «Но кто может доказать, что страна проиграла бы войну, если бы Верховным был не Сталин, а кто-то другой из военачальников?» («Известия» от 04.05.88)...

Очень просто, оказывается, для многих сейчас комментировать и оценивать отдельные приказы и эпизоды войны. Но совершенно другое — принимать решения и отдавать имеющие огромное историческое значение приказы тогда, в то конкретное, полное напряжения, драматизма и трагизма время.

Нет необходимости приводить примеры на этот счет, все они одинаковы в одном — тенденциозны и далеки от объективности. И все же одну публикацию хотелось бы упомянуть — я имею в виду книгу «Триумф и трагедия» А. Волкогонова, опубликованную в журнале «Октябрь». И сделать это следует не только потому, что автор задался целью вообще показать Сталина как историческую личность, о чем и говорит дополнительное наименование книги «Политический портрет И. В. Сталина», но и потому, что Волкогонов не какой-то рядовой автор, а автор довольно высокого ранга, обладает многими внушительными титулами — доктор философских наук, генерал-полковник, начальник Института военной истории, профессор.

Сказать, что это произведение написано односторонне и крайне тенденциозно — мало. Складывается впечатление, что автор поставил перед собой определенную задачу. Хотя он неоднократно и заявляет, что придерживается исторической правды, что его цель — написать политический портрет Сталина, на деле он предпринимает невероятные усилия для того, чтобы исказить личность Сталина, всячески принизить его, изобразить в самом черном свете. Причем желание это у Волкогонова настолько велико, что оно прямо-таки ослепляет его, и очень часто его суждения и доводы противоречат здравому смыслу, оказываются не в ладу с элементарной логикой. Редко можно встретить даже среди западных антисоветских сочинителей такое неутомимое стремление очернить бывшего лидера своей страны. Видно, что Волкогонов имел доступ к многим секретным архивным документам, некоторые из этих документов им эпизодически приводятся, но, как правило, приводить он старается такие, которые так или иначе бросают тень на Сталина.

Культ личности Сталина, безусловно, нес с собой много негативного, об этом достаточно сказано; даже благие цели нередко реализовывались с применением негодных средств. Однако львиная доля в общем отрицательном грузе падает, вероятно, на массовые репрессии. Не будь этого, и вопрос об оценке, по-видимому, стоял бы иначе.

Вопрос о массовых репрессиях в нашей недавней истории — вопрос особый. Это чрезвычайно сложный и противоречивый вопрос — самый сложный, пожалуй, за всю историю Советского государства. Поэтому так необходим всесторонний и самый тщательный анализ. Но такого анализа еще не было, а если и был, то опять же в одной плоскости — в плоскости обличения Сталина.

Основания у Сталина для проведения защитных мер в предвоенное время были. Стремление обезопасить страну — только этим и ничем другим могут быть объяснены репрессии второй половины 30-х годов.

Правда — и это вопрос уже совершенно другой — при проведении этих мер были допущены в корне противоречащие духу социалистического государства методы. В стране была создана непозволительная с точки зрения права и законности обстановка, работа соответствующих органов была поставлена так, что человека арестовать, обвинить и приговорить порою было необычайно просто, и это, как известно, привело к трагическим последствиям. В ее создании, безусловно, немалая, а может быть, и основная роль принадлежала Сталину, и в этом, мне представляется, и со-

стоит его главная вина. Потому что невозможно было не понимать, что при такой правовой обстановке в жернова репрессий могут попасть и ни в чем не повинные люди, что и происходило на самом деле.

И все же ответственность за происходившее тогда возлагать только на Сталина было бы неправильным. И не только потому, что репрессии осуществлялись по всей стране, ко многим из них Сталин не имел никакого отношения, так как судьба их решалась на местах, но и потому, что руководство репрессиями непосредственно обеспечивалось конкретными высокопоставленными работниками, и прежде всего наркомами внутренних дел и их ближайшими помощниками. Какова была роль каждой из этих фигур, думается, чрезвычайно важно. Как известно, и Ягода, и Ежов, возглавлявшие МВД в то время, позднее были осуждены и расстреляны, и обвинили их именно за производство незаконных репрессий, а еще позднее такая же участь постигла и Берию. Сегодня, когда уделяется так много внимания массовым репрессиям, почему до сих пор не опубликованы материалы по этим процессам? Разве они не содержат сведений, которые могут пролить свет на многое, связанное с репрессиями тех лет?

И еще необходимо сказать вот о чем: существовавшую тогда у нас обстановку не могли не видеть настоящие враги Советской власти, и они, думается, воспользовались ею сполна — репрессии многих ответственных работников были делом их рук. Я имею в виду здесь не только действия спецслужб иностранных государств, но и тех, что находились внутри страны, и среди них многие могли занимать важное служебное положение.

И в заключение данной темы нельзя не остановиться на одной из ее частей, занимающей в ней особое место, — на репрессиях крупных военачальников. Сейчас настойчиво проводится в жизнь констатация, что Сталин уничтожил лучший командный состав Красной Армии, включая ее высших руководителей. Много уже написано об этом, все там, в написанном есть, нет только одного, притом главного — зачем Сталину нужно было это делать? Ведь без ответа на этот вопрос невозможно двигаться дальше. В мире все взаимосвязано, без причин ничего не бывает, любые действия людей преследуют какую-то цель. Правда, совсем недавно в журнале «Известия ЦК КПСС» за 1989 год, № 4 помещен материал, в котором на стр. 42 впервые, пожалуй, дается объяснение. Приведем его полностью: «Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 30-х гг., обострение и расширение репрессий вызывали у И. В. Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высоким еще со времен гражданской войны. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев И. В. Сталина — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии, — вызывали раздражение, подозрительность и определенное опасение, что армия может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызывал у И. В. Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие сомнения». Материал этот подготовлен авторитетнейшими инстанциями — КПК при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратурой СССР и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — и тем не менее

надо сказать прямо: разве можно такое вот объяснение назвать сколько-нибудь убедительным?

Личность Сталина тогда, в 1937 году, была уже всемирно известной, авторитет и популярность его подходили, вероятно, к своей вершине, и разве могли эти высшие командиры Красной Армии, даже такого уровня, как Тухачевский, представлять для Сталина какую-то опасность? И можно ли согласиться, что Сталин, уделявший столько внимания Красной Армии и хорошо понимавший, что страна находится в преддверии войны, вот так, по таким мотивам решил не просто убрать из армии, а физически уничтожить своих лучших маршалов и генералов? Так сказать, за глубокий профессионализм и независимость в суждениях... И снова напрашивается вопрос: каким предстает перед нами Сталин? Если это так, то он, несомненно, являлся не только врагом своего народа, своей страны, но и врагом самому себе.

А на стр. 51 упомянутого журнала, словно в подтверждение решимости Сталина обезглавить свою же армию, добавляется, что он повседневно занимался вопросами следствия, получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал наркоме МВД (в то время Ежова) и других ответственных лиц, то есть обеспечивал, следовательно, руководство... А не правильнее ли предположить совсем иное — совершенно естественное и логичное, что он был ошеломлен, даже потрясен этими сведениями о заговоре в армии, что он сомневался в их достоверности и поэтому уделял внимание данному вопросу, вникая в ход следствия, хотел лично убедиться, так ли это. Уж не ему ли понимать, что это означает — заговор в руководстве армии, да еще накануне войны?

Там же, в этом материале, говорится о том, как высоки были оценки этих военачальников партией и правительством. Говорится так, будто Сталин к их оценке не имел никакого отношения. Но ни для кого не может быть сомнений, что Сталин в этом был не только не второстепенным лицом, но слово его было решающим. В связи с этим опять же возникает вопрос — вопрос принципиального характера, уклониться от которого невозможно: почему Сталин, многие годы ценивший этих высших командиров, доверявший им, присваивавший им высокие звания и назначавший на самые ответственные посты — почему в 1937 году он вдруг резко изменил к ним свое отношение? Почему это произошло? В чем причина? Ответ может быть только один — он действительно поверил в существование заговора в армии. Да, именно такой ответ, если только мы не согласимся с невероятным, с тем, что Сталин обладал каким-то неестественным, не поддающимся осмыслению свойством — периодически, на какое-то время превращаться из руководителя своей страны во врага своей страны.

Отсюда и понятна последующая затем волна репрессий в Красной Армии — те, кто так или иначе был связан с участниками этого процесса, а связаны с ним были, естественно, многие, сразу же оказались под подозрением, в свою очередь, рождая новые и новые цепочки... Нет, последняя точка этого дела, думается, еще не поставлена, существуют, вероятно, где-то в секретных сейфах важные документы, которые рано или поздно прольют свет на истину.

Целый ряд публикаций в газетах и журналах, включая и наиболее авторитетные, и прежде всего газету «Правда» с ее рубри-

ками «Страницы истории» и «Правдинские пятницы», в последнее время буквально «прошлись» почти по всему пути Сталина, словно делая аналитический обзор его деятельности, начиная с дореволюционного еще периода. Очень много написано в этих публикациях, сделано подробных разборов тех или иных исторических событий, рассмотрено немало важных узловых вопросов, различных материалов, со ссылкой на Ленина, с выдержками из документов. И если все обобщить, суммировать, то получается следующее: что бы ни делал Сталин, он, оказывается, все делал не так, как нужно было, что вся его деятельность, в том числе во время пребывания на самых высоких постах, — цепь сплошных ошибок. И во внутренней политике, и во внешней... Парадоксальная, если вдуматься, получается картина: Советский Союз за кратчайший срок превратился в передовую индустриальную державу, а у Сталина, возглавлявшего ее, — сплошные ошибки.

О том, что нашей страной были достигнуты грандиозные успехи — это очевидно, и этого никто не отрицает. Однако вот уже который год настойчиво проводится мысль, что успехи были достигнуты благодаря самоотверженному труду народа, руководимого партией, а Сталин только мешал их достижению, и что эти успехи были достигнуты... вопреки Сталину (?!). Это каким же образом? Что, народ трудился, партия руководила, притом руководила не по указанию Сталина, а по какой-то своей программе, а Сталин ничего этого не замечал?..

Если не идти против правды, то необходимо признать, что основа невиданного рывка от сохи до космоса, от отсталой царской России до одной из двух, вместе с США, «сверхдержав» (по признанию мирового сообщества), которые оказывают едва ли не решающее влияние на мировое развитие, что основа всего этого была заложена именно тогда, когда во главе страны был Сталин. Именно он руководил страной. Без его согласия не проводился ни один сколько-нибудь важный вопрос — они решались в Кремле, в кабинете Сталина. И необходимо признать также, что руководство им осуществлялось в целом правильно.

Отсутствие исторической фигуры Сталина и при наличии известных всем политических деятелей — авантюриста Троцкого, теоретика расстрелов Бухарина и т. д. — еще более трагически отразилось бы на судьбе социализма, на судьбе страны.

Условия того периода требовали — и необходимость этого тоже понимал народ — не только упорства и самоотверженности, но и строгой дисциплины, организованности и порядка, большой централизации власти и управления. Ведь создавалась новая общественная система, которой никогда еще не было в мире, и происходило это в окружении враждебных сил, всячески стремившихся воспрепятствовать этому. По существу, строилось уникальное в истории общественно-политическое здание, и разве можно серьезно говорить о тогдашней «закрытости» и «секретности» нашего общества, о «засилии» командно-административного аппарата, что сегодня эксплуатируются буквально на все лады, разве это здание в тех условиях могло строиться без четкой организации и управления, с раскрытыми настежь дверями и окнами? И какой иной аппарат мог тогда выполнить те задачи, которые стояли перед страной в 30-е и 40-е годы?

Условия того периода требовали также авторитетного лидера, вождя, способного повести за собой массы, способного обеспечить

правильное руководство, и таким лидером стал Сталин, и стал им, думается, по праву — благодаря своим личным качествам. Да, благодаря своим личным качествам он взошел на постамент знаменитости и авторитета. Это уже потом, уже будучи на этом постаменте, он начал способствовать еще большему возвеличиванию своей личности, но, повторяю, это было позднее, а тогда восхождение его было закономерным. И едва ли был кто-либо более известной, более популярной личностью тогда. Его авторитет в народе был огромен, одно его имя вдохновляло людей, придавало им силы, а в самые критические дни во время обороны Москвы, например, когда обстановка в столице была до предела напряжена и подходила к опасному состоянию всеобщей паники, официальное сообщение по радио о том, что Сталин в Кремле, что он работает — одно только это сообщение преобразило столицу... Да, это было. Это наша история. И от этого не уйти. Размышляя над всем этим и глядя на продолжающийся поток антисталинских материалов, невозможно понять сути происходящего. Сейчас его стараются изобразить другим, его стараются показать этаким ущербным, человеком без глубоких знаний, стараются доказать, что он только при помощи власти создал себе авторитет и что власть взял с помощью всевозможных политических интриг. В этом потоке уже идет не только уничтожающая критика Сталина, но авторы прямо-таки не стесняются в выборе слов и выражений по его адресу, словно стараясь превзойти друг друга: «сталинские зверства», «сталинский террор», «сталинские злодеяния», «сталинская клика», «сталинские палачи» и т. д. и т. п. Антисталинские речи уже звучат даже на съездах народных депутатов и на заседаниях Верховных Советов...

II

В настоящее время много говорится о партии, о ее роли. Часто можно слышать: не нападайте на партию, ведь она сама определила, что общество находится в состоянии кризиса, открыто сказала об этом и объявила о перестройке... Невозможно согласиться с подобной логикой. О кризисном состоянии общества действительно сказала партия, все это так, но разве это освобождает ее от ответственности за допущенные в ходе перестройки ошибки. Главное не в том, что партия первой заметила кризис и сказала об этом (а кто же, собственно, кроме ее представителей, занимающих все руководящие посты, мог это сделать?), а в том, почему общество оказалось в состоянии кризиса, ведь руководил им не кто иной, а эта же партия? Где была партия, когда общество погружалось в пучину кризиса? Это произошло не за месяц и не за два, это длилось годами.

Мы долго говорили, что партия — руководящая и направляющая сила. Я убежден, что это так и было, что так и должно быть, что в обществе должны быть передовые, здоровые силы, которые вели бы его. Однако партия сейчас не та, что была раньше. Она сильно изменилась. В ее ряды в последнее время вступали чаще не из убеждений, а из соображений карьеры, так как получить сколько-нибудь заметную должность в основном мог только коммунист. И хотя слова Сталина могут прозвучать одиозно, я все же приведу их, он говорил когда-то, и говорил, думается, правильно, что «коммунист — это человек особого склада, он создан из особого

материала...». Тогда коммунисты в большинстве своем были людьми идеи, они верили идее и были преданы ей. Во времена Брежнева ничего похожего не стало. Идеи, принципы девальвировались. И прежде всего это произошло, на мой взгляд, не где-то, а в самых высоких партийных инстанциях.

Мы признаем чьи угодно ошибки в прошлом, но ошибки и ответственность партии за текущие провалы в стране признать почему-то не хотим (не считая общих, ни к чему не обязывающих фраз), — я здесь имею в виду прежде всего ответственность конкретных людей, конкретных ее руководителей, по вине которых это произошло. Перед нами вполне определенный отрезок истории, в течение которого имели место значительные негативные явления в нашем обществе, приведшие к глубокому кризису, — сюда можно отнести примерно десять последних лет жизни Брежнева, а также 83-й и 84-й годы, когда никаких существенных изменений не произошло. Мы хорошо помним этот период.

Положение в стране, как известно, было сложное, позже названное как «состояние предкризисное», а сейчас, на шестом году перестройки, речь идет уже о глубоком кризисе. В те годы получили широкое распространение коррупция, взяточничество, злоупотребление властью, протекционизм; существовали зоны и лица вне контроля и критики, в отдельных регионах можно было купить не только руководящие должности, но и государственные награды, включая самые высокие...

Урок правды — вещь добрая. Однако нельзя не обратить внимания, что правда эта носит какой-то односторонний, выборочный характер — она направлена почему-то только в адрес Сталина, касается только тех лет.

Между тем, говоря о кризисном периоде во времена Брежнева, невозможно избежать вопроса: а где же были те, кто занимал высшие посты в то время в партии и государстве, в чьих руках была судьба страны, кто так или иначе мог влиять на важные политические решения? Это относится прежде всего к членам Политбюро и правительства, к членам ЦК КПСС, к секретарям обкомов...

Какой вид слепоты поразил тогда высшее руководство партии, которое оказалось не в состоянии видеть все это?! Как можно говорить сейчас об авторитете партии? Никогда еще, пожалуй, он не падал столь низко...

На XIX партконференции задавался вопрос о том, как случилось, что после смерти Андропова на пост Генерального секретаря был избран Черненко, не пользовавшийся в партии никаким авторитетом. Вопрос, конечно, не праздный. Там же, на этой конференции, член Политбюро Лигачев, касаясь мартовского (1985 г.) Пленума, упоминал о сложной обстановке тогда в Политбюро, а также во время этого Пленума, о тревожных днях, что только благодаря твердой позиции некоторых членов Политбюро, а также группы первых секретарей обкомов было принято правильное решение об избрании нового Генерального секретаря и что могли быть абсолютно другие решения... Если не отходить от принятого духа откровенности, то нельзя не спросить об обстановке тогда в Политбюро — почему она оказалась такой? По какому же принципу формируется этот высочайший коллегиальный партийный орган? Каким требованиям должны отвечать его члены?

Бросается в глаза единодушие авторов публикаций и выступлений на историческую тему, в том числе авторов самого высокого ранга, единодушия в одном: в желании сказать народу всю правду о его прошлом. Какой бы горькой она ни была... Читаешь, слушаешь и не можешь освободиться от мысли: почему это очень многие, так жаждущие сегодня правды и так любящие говорить о правде, в то же время так упорно не хотят говорить правду до конца, всячески выставляя на обозрение только ту сторону правды, которая им выгодна?

III

Многие сегодня увлеклись «новым прочтением» прошлого. Но история — это не художественное произведение, по-разному читать ее непозволительно. Складывается впечатление, что некоторые стали «читать» историю заново, полностью находясь на позициях конца 80-х годов.

К этому самым тесным образом примыкает и следующий вопрос, огромная важность которого вынуждает меня затронуть и его. Уже продолжительное время у нас работает известная Комиссия по реабилитации. О значении ее работы говорить не приходится, ведь речь идет о великом гуманном акте — о восстановлении попранной правды и справедливости. Но не менее важным является и то, чтобы этот акт гуманности вершился правильно, то есть чтобы реабилитация касалась только тех, кто подвергся репрессиям незаконно. Однако после ознакомления с материалом о реабилитации М. Н. Рютина, напечатанном в журнале «Известия ЦК КПСС» № 6 за 1989 год, у меня на этот счет возникли сомнения. Основание для реабилитации обычное — такое же, как и в большинстве других подобных случаев: «за отсутствием состава преступления».

Выработано многовековым человеческим опытом, что сперва дается определение тому или иному событию или деянию, а затем следует оценка. Надо ли говорить о значении правильности определения, от чего зависит оценка, а тем более, если речь идет о вопросах, связанных с законностью, с ответственностью перед законом. Надо ли говорить также, что определения тех или иных явлений или действий даются не только исходя из их сущности, но и с учетом определения их могут быть разными. Но исторические условия обратной силы не имеют подобно тому, как обратной силы не имеет закон.

Мне, конечно, неизвестны все материалы упомянутого дела, я лишь ознакомился с тем, что приведено в журнале, и тем не менее повторю: правильность настоящей реабилитации вызывает большие сомнения. Исключенный из партии «за пропаганду право-троцкистских взглядов», Рютин совместно с другими проводит тайные встречи на частных квартирах, создает тайную организацию, принимает ее платформу, а также воззвание «ко всем членам ВКП(б)», в которых предлагает сместить Сталина с поста Генерального секретаря, распространяет эти документы... В упомянутом материале по реабилитации всему этому даются такие определения: тайные собрания — это всего лишь встречи, совещания; создание нелегального союза — да, союз был создан, но находился в стадии организационного оформления, а практические действия отсутствовали (как будто распространение документов это не практические действия); цель разработки документов — это, оказывается, изложение своих взглядов на обстановку в стране, и взгляды

эти носили дискуссионный характер... Нельзя не удивляться таким вот определениям, которые даже без учета фактора исторических условий понять нельзя. А каков «дискуссионный характер» этих документов, можно судить по выдержкам из них, взятым из этого же журнала: «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис...»; «На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана!.. Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращаются и фальсифицируются...»; «Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стали чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс...» И в довершение к этому Сталин характеризуется как «великий агент, провокатор, разрушитель партии, могильщик революции в России...». Комментировать я не стану, скажу лишь, что от такой дискуссионности просто дух захватывает. Как созвучно это с некоторыми сегодняшними публикациями!

А сейчас давайте перенесемся в 1932 год, в тот непростой период, когда в стране решались важные задачи, когда ни культа личности Сталина, ни связанных с этим деформаций еще не было. Стремление сместить руководителя государства, оскорбительные тирады в его адрес... Даже сейчас, в 1989 году, за подобное следует привлекать к ответственности. А тогда, в 1932-м, — разве на это не должны были обращать внимания? Если Комиссия по реабилитации «закрывала» и другие подобные дела с формулировками «за отсутствием состава преступления», то не потребуется ли со временем создавать новую комиссию по проверке действительности прежних?

Хрущев Н. С. в своих мемуарах упоминает, что он в состав аналогичной комиссии в свое время рекомендовал лиц из числа бывших незаконно репрессированных. Я не знаю, сколько там было таких людей, но если в состав любой комиссии входит хотя бы одно заинтересованное лицо, то объективной ее назвать нельзя, и ни один руководитель, если он, конечно, ждет от комиссии только объективного расследования, установления истины, не согласится с наличием в ней даже одного заинтересованного лица.

И еще. Ясно, что целью работы упомянутой Комиссии по реабилитации является проверка правильности вынесенных когда-то приговоров. Однако результаты ее работы, кроме того, будут, несомненно, учитываться при уточнении оценок тех или иных бывших в то время руководителей, и прежде всего Сталина, то есть данные Комиссии будут являться одним из оснований для уточнения отдельных страниц нашей истории.

Очевидно, что продолжающаяся уже который год антисталинская кампания не способствует объективной работе этой Комиссии. Мне, как человеку, имеющему юридическое образование, представляется, что она не только мешает Комиссии в установлении истины, но и оказывает на нее прямое давление и тем самым уводит от истины.

IV

Под шум этой кампании уже начинает подвергаться пересмотру и внешняя политика страны того периода. Особенно много шума

вокруг договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 года, 50 лет подписания которого недавно исполнилось, и на этом нельзя не остановиться. Вокруг данного договора долго нагнеталась нездоровая обстановка. И вот он уже звучит не иначе как «сговор» Сталина с Гитлером, и уже следуют утверждения, что он позволил Советскому Союзу аннексировать Прибалтийские республики, и вот уже Советскому Союзу тоже приписывают ответственность за развязывание второй мировой войны...

Но если подобное исходит, к примеру, от представителей Литвы, Латвии и Эстонии, то их еще можно как-то понять — у них свои интересы, и они смотрят на предвоенные события через призму этих интересов, но как понять бывшего тогда членом Политбюро А. Яковлева, председателя Комиссии по оценке этого же договора, который, хотя в целом и правильно освещает тот период, все же считает нужным тоже сделать столь модный сейчас выпад против Сталина: да, был сговор. «Для меня лично дело десятое, насколько текст копий достоверен или нет, — говорит он, упоминая о копиях предполагаемого секретного протокола к этому договору. — Существенно то, как совершался сговор. А это был несомненно сговор» («Правда» от 21.08.89). И добавляет далее, что будет политически принципиальным осуждение отхода предвоенного советского руководства от ленинских принципов внешней политики, чем бы такой отход не объяснялся.

Вот так: был «договор», а стал «сговор». Как это, оказывается, просто.

Бывший тогда членом Политбюро Яковлев сам говорил, что наличие секретных протоколов к договорам между европейскими странами в предвоенные годы было делом весьма распространенным, однако для Советского Союза, если он допустил подобное, по мнению Яковлева, это плохо — из-за моральных соображений.

Меры по обеспечению своей безопасности — естественное и законное желание любой суверенной страны; Сталин, вынужденный в один из сложнейших периодов истории пойти на подписание договора с фашистской Германией, и, хорошо зная, с кем имеет дело, добивается при этом выполнения ею важного условия — не подходить к границам СССР ближе опрвделенного расстояния. Как же предпринятые Сталиным в августе 1939 года меры в 1989 году могут называться сговором? На каком основании? Почему принципиальный Яковлев так стремится в критический момент истории поставить свою страну в неравное положение по сравнению с другими странами, что само по себе противоречит элементарным понятиям справедливости? Почему это многие сторонники исторической правды так упорно не хотят учитывать тех конкретных исторических условий, о которых заходит речь, в данном случае условий, связанных с подписанием договора от 23 августа 1939 года? Ведь без этого нет и не может быть никакой исторической правды.

Сталин не мог не смотреть в будущее, он не мог не предпринять зависящих от него мер по безопасности своей страны. Ясно, что договор от 23 августа 1939 года был не совсем обычным договором. Это был договор двух государств, диаметрально противоположных по сути, совершенно разных идеологий. Конечно, на первый взгляд этот договор представляется, и прежде всего для советского человека, нелогичным, где-то даже сомнительным — все это понятно, однако при внимательном и всестороннем рассмотрении видно, что для Советского Союза этот шаг был вы-

нужденным — это был тактический ход; но коль скоро договор был подписан, то в нем учитывалось, естественно, согласие двух сторон, и то, что было достигнуто советской стороной, думается, было максимально возможным, и разве можно требовать от Сталина большего? Сталин много чего, вероятно, мог тогда хотеть, но согласен ли был бы с этим Гитлер?.. И потом, о чем все-таки идет речь — о «сферах влияния» или о «сферах интересов»? Согласитесь, это далеко не одно и то же. Но подлинник отсутствует...

Сейчас многие «сторонники правды», сидя в тиши кабинетов и выхватив отдельные отрезки истории из общего контекста, усердно изучают их со всех сторон; словно киноленту, они прокручивают их, то останавливая, то возвращая назад и прокручивая снова, в поисках того, чего не учел Сталин. Конечно, при желании таким способом можно найти и просчеты, и ошибки, но разве у Сталина была такая возможность «прокручивать» варианты? Для правильного понимания отдельных эпизодов прошлого необходимо рассматривать их в общем течении исторических событий, а не отделять, не выдергивать их из этих событий и рассматривать изолированно — ведь это непреложное условие.

Сегодня многие делают упор на нравственную сторону — дескать, предусмотренные Сталиным меры затрагивали суверенитет третьих стран, например, прибалтийских. Да, если подходить формально, то в какой-то степени это так. Но ведь эти меры, помимо оборонительного характера, имели целью не что-нибудь иное, а одновременно оградить эти страны от агрессивных действий со стороны фашистской Германии, разве это не очевидно? А если касаться нравственной стороны, то нельзя не видеть и следующего: что, оставлять миллионы украинцев и белорусов на вражеское порабощение — это было бы нравственно?.. Да не пойди тогда Сталин на подписание договора и не предусмотри при этом некоторых условий, что ж, он, вероятно, был бы для некоторых «моралистов» чист как стеклышко. Но сразу в полный рост встает вопрос: а что было бы потом? Не вызывает сомнений, что вскоре немецко-фашистские войска захватили бы Прибалтику и оказались бы непосредственно у наших границ, а германский военно-морской флот хозяйничал бы в Балтийском море и находился бы на подступах к Ленинграду. Как трагически для нас развивались события в начале войны, хорошо известно, но при данном варианте нет сомнения, что они развивались бы еще трагичнее. Минск, вероятно, был бы захвачен не через 7 дней, а на второй или третий день, а Ленинград, вероятно, пал бы в считанные недели или месяцы, и освободившаяся армада левого крыла вражеских войск обрушилась бы с севера на Москву с непредсказуемыми, поистине катастрофическими последствиями... Для того чтобы понять это, не надо быть большим стратегом. А вот бывший членом Политбюро Яковлев пришел к выводу об осуждении советского руководства за его внешнеполитические действия тех лет, даже с оговоркой — чем бы эти действия не объяснялись...

Сейчас, обвиняя Сталина во всех бедах и как бы апеллируя к действительности для подтверждения его вины, нередко заявляют, что на 70-м году Советской власти мы не можем даже накормить страну. Что и говорить, аргумент действительно убедительный. Но как можно все эти годы сваливать в одно. Весь путь нашего государства без Ленина состоит из конкретных периодов, притом периодов совершенно разных, когда у руководства страны были Сталин,

Хрущев и Брежнев, невозможно прежде всего не видеть, что самый ответственный, самый сложный и тяжелый был именно тот, когда страну возглавлял Сталин.

В том, что мы сегодня не можем накормить страну, вина не Сталина. Такого, что имеет место у нас в настоящее время, думается, при Сталине не было бы никогда. Уже в 1947 году, через два года после войны, были отменены карточки на хлеб, а в последующем было ежегодное снижение цен на многие товары. И это после такой тяжелейшей войны, после таких невиданных жертв и разрушений! И это тогда, когда из народного хозяйства к тому же были отвлечены такие колоссальные ресурсы на создание ядерного оружия (ибо угроза нападения США была отнюдь не мифической). Все это не поддается воображению. Но так было. А в 1990 году мы, увы, не можем накормить страну...

И в заключение можно сказать: какие бы ошибки ни были тогда, в 30-е и 40-е годы, допущены, — это было время героического прорыва к социализму и героическая его защита. Такими и останутся эти десятилетия навсегда в нашей истории.

VI

...Невозможно забыть момент, показанный по телевидению во время работы XXVII съезда в связи с 55-летием М. С. Горбачева. Как это было скромно, без наград и торжественных речей, и как это разительно отличалось от того, что в подобных случаях до сих пор практиковалось. У меня комок подступил к горлу и на глазах навернулись слезы, и я невольно прошептал: вот он, наконец, пришел... И мне не стыдно признаться в этом. Вероятно, многие миллионы советских людей испытали тогда нечто подобное. Потому что народ давно ждал руководителя, способного что-то изменить в стране. Потому что он устал. От трудной жизни. От социальной несправедливости. От бесконечных призывов и обещаний.

Прошло уже более 5 лет перестройки, срок значительный, уже можно подводить итоги. Что конкретно сделано для улучшения материального положения народа? Как будто и прилагаются усилия, как будто все время предпринимаются меры для этого, но все безрезультатно. И сколько уже допущено ошибок... Почти все эти меры были половинчатыми, непоследовательными и к положительным результатам не привели.

Страна возбуждена. Страна напряжена. Часто говорится о единстве, но никогда еще советские люди не были так разобщены, как сейчас. И этот процесс разобщения, к сожалению, продолжается — среди рабочих, среди интеллигенции, среди молодежи, по национальному и религиозному признакам... Если бы что-то похожее было в 1941 году, то даже страшно представить, какие могли быть последствия.

Да, позитивного в реальной жизни народа за эти 5 лет достигнуто мало.

Зато налицо успехи в «обличении» Сталина.

Говоря сегодня о Сталине и имея представление о «личной стороне» жизни многих последующих руководителей разного ранга с их особняками, с их заботой о своих чадах, нельзя, думается, пройти мимо и таких «мелочей», что в трудную годину для страны он отправил своего сына на фронт со словами «иди и сражайся...», и когда позднее враг захватил в плен и предложил обменять на

фельдмаршала Паулюса, он не стал и говорить об этом, и что когда пришла пора отправлять его в последний путь, то не оказалось даже подходящей обуви и Сталина так и похоронили — в старых туфлях, замаскировав их цветами.

Нет, я далек от мысли защищать Сталина. И тем более рисовать его белыми красками. Такой Сталин никому не нужен. Но нельзя согласиться и с очернением Сталина. Такой Сталин — оболганный, облитый грязью — тоже никому не нужен. Сталин нужен таким, каким он был в действительности — вот что я хочу сказать. И ничего больше.

VIII

Один из западных советологов, имея в виду нашу страну, сказал: прошлое у них непредсказуемо... И сколько бы обиды и боли ни звучало в этих словах, не согласиться с ними невозможно. Оглядывая наше прошлое, нельзя не видеть, что государство наше развивается какими-то своеобразными, очень похожими друг на друга, если так можно сказать, циклами.

Хрущев полностью разделял политику Сталина, превозносил его, но вот умер Сталин, и он, став первым лицом в партии, по многим вопросам, оказывается, мыслил совсем иначе. Истины, ранее провозглашаемые Сталиным, стали заменяться истинами Хрущева — его цитаты вставлялись в тексты документов, брошюр и книг.

Брежнев тоже полностью разделял политику Хрущева, в торжественной обстановке вручал ему очередную звезду Героя, а через несколько месяцев, когда сам оказался во главе партии, выяснилось, что и он во многом был не согласен с Хрущевым, и уже его, Брежнева, цитаты замелькали повсюду.

А сейчас, как видно, право провозглашать истины пришло к товарищу Горбачеву...

Такую своеобразную «цикличность» ни понять, ни принять невозможно. Так не должно быть. Это противоречит разуму. Невозможно считать сколько-нибудь принципиальной, не говоря уже здесь о мужестве, критику бывшего руководителя, и тем более, если его уже нет в живых и он ответить не в состоянии. Невозможно также согласиться с тем, как устанавливаются очередные истины и как они ниспровергаются.

Выходит так — у кого власть, у того и истина?

Выходит, что руководящие деятели мыслили по-своему, и в то же время каждый поглядывал на лидера — не разойтись бы с ним во мнениях. Но если когда-то поглядывали на Сталина, то это в общем-то объяснимо, так как он по силе своего интеллекта намного превосходил едва ли не всех своих соратников, к тому же время было особенное, оно не располагало к дискуссиям и спорам, да и вступать в спор со Сталиным порою просто было небезопасно. Но почему поглядывали на Хрущева и Брежнева, на людей, не очень-то выделявшихся своими личными качествами, как это требовали занимаемые ими должности? И время уже было совсем другое, да и никаких последствий не надо было опасаться. Разве что, в худшем случае, это могло отразиться на служебном положении. И если, вглядываясь в прошлое, Сталина, возникновение культа его личности где-то можно понять, то никак нельзя понять рецидив Хрущева, и уж тем более Брежнева.

Почему так произошло? В чем причина?

А причину, на мой взгляд, найти просто. Она лежит на поверхности. Личные интересы вошли в противоречия с идеями и принципами и, к большому сожалению, оказались победителями. Именно это и позволило произойти тому, что произошло в стране за последние 10—15 лет (до марта 1985 года), когда принципы марксизма-ленинизма в угоду личным интересам были отодвинуты в сторону, а положение дел, по существу, доведено до развала. До сих пор так и не сделан анализ, почему это стало возможным, и так и не дана откровенная, принципиальная оценка этому и не сказано, кто несет ответственность, хотя поклонов в сторону правды было достаточно.

Личные интересы... И как тут не вспомнить слова Ленина: «Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то и они опровергались бы...» Надо ли говорить, какова эта сила, если за этими интересами стоит еще и власть?

«Прошлое у них непредсказуемо...»

Да неужто так и будет продолжаться?! И неужто тот, кто-то будущий, в руках у которого окажется власть, будет устанавливать новые истины, и только через 20—30 лет будет делаться анализ отдельных исторических отрезков нашего государства, и совсем нельзя исключить, что под одобрение средств массовой информации будет развенчиваться кто-то очередной из руководителей прошлого, истины которого снова окажутся неправильными?..

Наша история писалась и переписывалась уже трижды. При Сталине, при Хрущеве и при Брежневе. Сейчас это делается в четвертый раз... Честно говоря, если вдуматься, становится как-то не по себе. Разве подобное допустимо? До боли обидно. За страну нашу, за наш героический народ, давший человечеству столько выдающихся личностей, внесший такой огромный вклад в мировую цивилизацию. Он должен, обязан занимать достойное место среди других народов. Пора, наконец, прервать эту полосу непредсказуемости нашего прошлого. Наше прошлое должно оставаться таким, каким было в действительности.

Минск

●

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ДИКТАТ

Из писем в редакцию

ПЛАТА ЗА СМЕРТЬ

Прочитав статью в «Известиях» — «Будем платить по ленд-лизу» — я был не столько удивлен, сколько потрясен американской «расчетливостью» и «деловитостью». Прошло уже без малого полсотни лет, а мы, оказывается, все еще должны американцам за помощь Советскому Союзу в войне с фашистской Германией. Я не люблю крепких слов, скажу откровенно, в душе они пронеслись огненным смерчем по тем решениям, которые были согласованы в пользу выплаты долгов. Как же не сопоставить нравственность нашей социалистической бескорыстности, нашу безвозмездную помощь Эфиопии, Афганистану, Анголе, Мозамбику, Вьетнаму с так называемой «нравственностью» американских манкуртов, решивших напомнить нам о небезвозмездной помощи Советскому Союзу в самой кровопролитной из всех войн, которые известны человечеству. Соображения, мысли, сознание прямо-таки не в состоянии нравственно по кодексу чести принять и понять душу человека (американского дельца, разумеется), не посчитавшего за позор своей нации с могил и костей 27 миллионов русских, украинцев, белорусов, грузин, азербайджанцев, с неродившихся их потомков стричь проценты с кровью и слезами пополам. И это при всем том, что фактически помощи мы не просили. Нам ее предложили. Так будьте же, в конце концов, джентльменами в том положительном смысле, какой принят у подлинных англосаксов. Кстати, и президенту Бушу следовало бы подумать о том, на какую «акцию» оказались способны его подданные. Знают ли Буш и его подручные, что «у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей», что наши малолетки на подставках из ящиков трудились у станков для того, чтобы, помогая фронту, защитить не только наше Отечество от порабощения, но и американских бизнесменов от газовых камер в Освенциме и Бухенвальде? Если есть среди нас подлинные альтруисты, подскажите нам, как понять требование выплаты долгов по ленд-лизу? Так вот, чтобы не было досадно ни нам, ни американцам, предлагаю всем миром собрать весь лом американской боевой техники и вернуть в Штаты для показа того, как, где и когда шла «неизвестная война». Не богатствами же страны мы должны расплачиваться за то, что сгорело в общем пламени сражений. Считаю выплату долгов еще одной попыткой унизить и оскорбить память погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Они воевали не за американскую тушенку и не за Договор по ленд-лизу, а за Родину.

В. ГАЛЬКЕВИЧ,
участник ВОВ,
г. Электросталь

УНИЧТОЖЕНИЕ ВЕЛИКОГО СОЮЗА

Вожди и прорабы перестройки цинично разваливают экономику, хозяйство, особенно сельский и продовольственный комплекс с тем, чтобы довести бедствие народа до агонии, трудящихся города и деревни до нищеты, и железной рукой глобального голода, костлявой лапой смерти бросить их на «спасение» в объятия мировой буржуазии, чтоб те под видом «гуманной» помощи закабалили долговую Россию и навсегда ввергли ее народ в рабство!

То, что не было достигнуто в открытом противоборстве 45 лет назад, делается «цивилизованными» методами сегодня!

За тысячелетие Российского государства осуществлялось объединение и воссоединение народов, и только в конце XX столетия демократические лидеры творят под видом нового мышления развал великого Союза народов!

Наши трудовые рабочие, крестьяне, интеллигенты весьма доверчивы. Слова «демократия», «плюрализм», «свобода», «законность», «правовое государство», «собственность», «рынок», «предпринимательство» и т. п. пьянят и увлекают толпу обывателей необычностью звучания, а не смыслом, вкладываемым в них «демократами». Надо сорвать с них лживую маску, показать народу, «кто есть кто», и то, что за звучными обещаниями и призывами слышится звон кандалов для трудового народа. «Демократы» свои замыслы скрывают словесной хулой коммунизма.

Настала пора, когда безликая критика, не обнажающая корни и цели дегенератов и предателей, перестает действовать.

За понятиями и идеями стоят конкретные личности с негодными

средствами, целями и методами, безнравственностью и цинизмом. Пропаганда и защита взглядов действенна только тогда, когда известен конкретный носитель!

Кому под силу эта работа? Молодой гвардии трудового народа, потому что прежде всего для нее расставляется ловушка и она обрекается на муки и страдания.

Поднять и понести знамя подлинного равенства, свободы, социализма могут только издания типа «МГ».

То, что делается коллективом журнала «МГ» — это хорошо. Очень хорошо! Но это очень мало! (Один раз в месяц — 0,14 процента населению.) Надо хорошую ежедневную газету. У вас много талантов, остроты, патриотизма — реализуйте же это! Сейчас все — от проституток до американских бизнесменов, в России — издают газеты и реализуют их по тридцатикратной стоимости, а патриоты-молодогвардейцы не имеют своего печатного органа! Печально! Предателей надо бить каждый час, каждый день смертельным печатным словом, понятным каждому Гражданину. Вот тогда еще что-то можно сделать.

Надо переходить от глухой обороны к активному наступлению.

П. БОРИСОВ
Москва

РУСОФОБЫ НЕДОВОЛЬНЫ

Ух, какой шум подняли «прорабы» и радикалы всех мастей в псевдоперестроечной прессе, словно грядет и вот-вот наступит конец света. Возмутительнейшее событие: коммунисты России заявили, что хотят оставаться коммунистами.

Ка-а-ак? После того как академики доказали, а журналисты поведали граду и миру, что коммунизм вообще утопия, что никто и никогда не способен делать добро никому, кроме самого себя, что никакого социализма у нас нет, а если есть, то ненастоящий, что Маркс, Энгельс, Ленин думали совсем не так, как об этом раньше говорилось, а, может, вообще ни о чем не думали; что все ученейшие и преприятнейшие господа убедительно советуют нам скорее внедрять свободный рынок, плюрализм в экономике и политике, конвергенцию и эти ученые слова уже без запинки и в том же смысле повторяют многие советские коммунисты и даже некоторые члены ЦК. И после всего этого?! Ах неблагодарные!

Наказание было суровым и быстрым. Решение съезда начали полоскать и продолжают делать это все энергичнее. Нет, конечно, не за заботу о будущем России. Это было бы слишком прямолинейно. Находят за что. Оказывается, на съезде обижали М. С. Горбачева. Нехорошо. К президенту положено относиться с уважением. Но уж больно неадекватна реакция защитников по сравнению с действительными и мнимыми обидами. Что же еще? На съезде многовато было аппаратчиков. Ух они такие! Все еще живы. Ату их! Улюлюлю! — раздается холопский крик.

Трогательно это: как что-то делать надо, так кричат: спасай, выручай, родное государство. А государство без аппарата, как мастер без рук. И вместе с тем аппарат — любимая мишень для всех демагогов, больших и маленьких. На съезде (как, кстати, и на съездах народных депутатов) маловато было рабочих, а те, что

были приглашены, остались не всем довольны. Плохо, конечно. Были неурядицы в организационной части. И все? Да, в общем все. За что же немилость? Почему журналистская братия приписывает съезду победу консерваторов и даже реакционеров?

Человек, привыкший понимать слова в их прямом значении, ужаснется: «Неужели на съезде коммунистов победили черносотенцы или того хуже — монархисты?» И попадет пальцем в небо. Теперешний политический жаргон «правыми» называет не сторонников реакционных режимов, а сторонников социализма, а «левыми» его противников. Вот тут мы и добрались до сути. Так называемая «левая пресса» на самом деле пресса антисоциалистическая. Может быть, это преувеличение? Может быть, она только против деформаций социализма, против административно-командной системы?

Никакой ошибки, однако, нет. Вот, например, депутат двух Верховных Советов, напуганный съездом российских коммунистов, предлагает, торопит, требует как можно скорее приступить к приватизации экономики. Хитрец бросает еще одно иностранное словечко, чтобы облагородить идейку, но разгадывается она не сложно — «приватизация» — превращение общественной собственности в частную. Бросается заодно кость измученным дефицитом массам — приватизация-де даст сотни миллиардов, а на них можно накупить товаров на Западе уйму. Там, видать, залежалось немало. Но кто же купит, у кого есть эти миллиарды? Ясно кто — иностранцы. А внутри страны — те, кто имеет большие деньги, дельцы теневой экономики. Право, слыша такие вот предложения, мелькает мысль: не потому ли наши трудности так хорошо организованы, что кому-то из имеющих силу и власть они очень выгодны и нужны?

Но, может, здесь страшного ничего и нет? Может быть, действительно капиталисты эволюционировали, стали добрыми и честными людьми? Может, если нам все толком объяснят да растолкуют, например, о том, как приватизация скажется на взаимных обязательствах предприятий, на транспорте, культуре, соцобеспечении, образовании и здравоохранении и т. д., то мы и спорить не будем? На это нужно время — да. А зачем спешить? Разве мало сделано глупостей и ошибок?

И вот тут-то становится понятно, что не спешить противники социализма никак не могут. В Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии после контрреволюционных буржуазных переворотов приватизация идет полным ходом. И что? Море счастья? Нет — инфляция и безработица. А уж о жестокости по отношению к рабочему классу, к коммунистам, о подлейших и бессовестнейших нарушениях прав человека и говорить не приходится — они совершаются на каждом шагу. Нет уж. Классовый враг остается таким и другим быть не может. И хищная природа эксплуататоров не изменилась к лучшему. И ведь это все в условиях, когда Запад дает, а он уже в нетерпении: пора получать дивиденды. Вот, что будет тогда?

Неприятный пример. Вот чего не могут не бояться наши прогрессисты — прозрения. Поэтому надо скорей, скорей, пока не опомнились. А тут съезд решительно выступил против распродажи России, чем вызвал вздох облегчения и радости у всех патриотов-россиян. Как же тут не злиться всякой нежити, как не исходить злобой? Русофобы недовольны. Те, кто приготовил карманы

под прибыли с капиталистами и планировал провести уик-энд в Монте-Карло, недовольны. Зато люди, живущие своим трудом, довольны решениями съезда и благодарят его делегатов.

К. АЛЕКСЕЕВ,
Московская обл.

ЗАПИСЫВАЮТ НАРОД В ХОЛОПЫ...

Считаю своим долгом выступить на страницах нашего журнала в защиту РКП от болтунов, именующих себя демократами. Конечно, демократия — дама красивая, но капризная, и при нашем примитивном с ней обращении она почти мгновенно превратилась в анархию.

Многим до сих пор режет ухо, что демократия — это не только права, но и обязанности, ответственность, дисциплина. Прикрываясь святыми лозунгами о свободе и демократии, фактически пять лет подряд делается все возможное, чтобы разрушить страну изнутри.

За пять лет так называемой перестройки жизнь ухудшилась многократно, нас захлестывает преступность, вакханалия спекулянтов. Только неуклюжие попытки отрезвления общества стоили народу 150 миллиардов рублей. Боролись, по сути, не с пьяницами пофамильно, а со спиртным вообще. Один из основных козырей у анархистов — это гласность. Но кому и чему она служит? В социалистическом государстве печать и телевидение должны честно служить своему народу, который их поит и кормит, целям сплочения и созидания, а не сеять национальную вражду.

Шестьдесят лет с лишним существуют республиканские компартии, составляющие КПСС. Такое деление по территориальному признаку до сих пор ни у кого претензий не вызывало. Не было компартии только у России. Потому что мы чуть ли не последнюю рубашку, все отдали «братьям», которые в очередной раз нас предали. На второй день после Учредительного съезда ненавистники русского народа поднялись как один. Руками Нуйкина (от 30.06.90 г.), не преминула вылить на РКП ушат грязи «Комсомолка», ставшая ныне рупором антисоветчиков. «Уже сейчас, — пишет Ф. Бурлацкий, — в ряде парторганизаций, в том числе и в «Литературной газете», некоторые коммунисты приостановили свое членство в партии, пока не будут приняты решения XXVIII съезда КПСС» («Л. Г.» от 27.06.90 г.). В таком случае не надо вуалировать свою позицию, а сказать прямо, что служить интересам России, ее возрождению не хотим. К тому же давно не секрет, кому служит большая часть столичной прессы. «Огонек», например, уже давно с центра Москвы светит не Христу, а Иуде. «Взгляд» четыре года блуждает только по помойкам. Боль и беды славянских народов вызывают у них ликование. А посему я, как гражданин и избиратель, официально обращаюсь к Верховному Совету РСФСР с ходатайством о незамедлительном обсуждении и принятии республиканского закона о печати, на основании которого надо очистить столичные редакции и Москву от предателей русского народа. Довольно безнаказанно третировать русский народ. Это что, благодарность славянам за то, что в минувшей войне они спасли многие народы от полного уничтожения? Кстати, одна Смоленщина в лихую годину дала Родине 259 героев Советского Союза. Значительно больше, чем все Прибалтийские республики, вместе взятые. Двести пятьдесят тысяч оккупантов на территории области уничтожили партизаны. Белоруссия, Украина и Россия заплатили миллионами жизней за общую свободу. На Смоленщине до сих пор проживает только 50 процентов довоенной численности населения.

Но вернемся к перестройке. Два года тому назад радикалы горестно вздыхали: в России, мол, медленно идут процессы демократизации. А вот в Прибалтике, там все о'кэй! Действительно там уже перестроились... на буржуазный лад. Уже который месяц в некоторых прибалтийских столицах чиновники из верхнего, да и из среднего эшелонов власти именуют себя господами. Образовалось так называемое «дворянское общество» и в Москве. Правда, у народа пока не спрашивали, согласен ли он к казнокрадам, проходимцам и взяточникам записываться в холопы.

К счастью, на древних просторах Руси — Киевской и Московской — свободу и честь никому убить не удалось. Будьте уверены: люди, у которых есть голова на плечах, крепкие бицепсы и в жилах течет еще кровь, а не жижа, скажут свое слово. И не только на страницах продажной рыночной печати. Стратегические цели союзного и международного сионизма, доморощенных псевдодемократов большинству ясны: расчленить Союз, чем дробней, тем лучше, противопоставить РКП народу, разгромить ее, дискредитировать и ослабить армию, а потом, ... потом не исключено, что мы несколько столетий, после 12 часового рабочего дня, вместе с пацифистами будем спать на земляном полу, в соломе. Горький опыт на этот счет у нас имеется. Умоляю вас, люди, будьте бдительны! Муссирование тезиса о безграничном экономическом и политическом суверенитете республик, связанных неким конфедеративным договором — это начало конца. Это плохо закамуфлированная ложь в блестящей упаковке, рассчитанная на простаков. Жизнеспособным окажется только единое, мощное, хорошо управляемое государство.

За 72 года русский народ не ущемлял ничьих интересов, кроме своих собственных. Поэтому все, кто верен социалистическому Отечеству, объединяйтесь! Разоблачайте провокаторов и демагогов! Украина, Россия и Белоруссия — вот оплот нашего многонационального государства. Единение исконных славянских земель, единение братьев по духу и крови, спаянных тысячелетней борьбой с иноземными захватчиками, надо беречь больше, чем зеницу ока! А тех, кто пытается вбить клин в тело единого народа, надо рассматривать как злейших врагов и предателей, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Анатолий ПРИВОЛЬНЕВ,
беспартийный,
Смоленск

ПЕРЕСТРОЙКА — «ПО ДОКТОРУ АБЕЛЮ»

Слушая заседания Верховных Советов СССР и республик, доклады выступающих от комитетов и прочих депутатов высшего органа власти, советский человек явно замечает некие неожиданные метаморфозы в политике по национальному вопросу. Что бы это значило?

Вырисовывается картина, что сейчас словно опытная и сильная рука незримо направляет большие и малые национальности нашей огромной страны на конфликты, на выступления против государственной власти, вплоть до отделения от СССР!

Этой рукой, рукой врага СССР, к нашему общему дому, Советской Родине, поднесен факел национализма, и делается сие мерзкое дело весьма профессионально, с целью запалить его со всех четырех сторон, чтобы не было возможности никому спастись. ...И, видимо, когда эта акция будет завершена, можно будет легко и просто ИМ всю пятерню запустить в природные богатства обособленных «суверенных» (бывших) территорий нашей Родины, таким образом практически становящихся беззащитными перед интенсивным грабежом сильных мира сего...

Главным оружием развала нашей идеологии оказались не только средства массовой информации Запада, но и собственные, в том числе этому способствовали и высшие органы власти, успешно использующие провозглашенный сверху буржуазный «плюрализм»...

Именно здесь, с авторитетной трибуны съездов, формировались искусственно раздуваемые трудности в национальном вопросе, и даже там, где они были уже давно решены Советской властью, несмотря на то, что враги постоянно не давали нам спокойно жить.

При внимательном анализе нынешней ситуации можно с уверенностью утверждать, что сейчас в действии политика, скопированная по «образцу» генерального плана «Ost», разработанного когда-то гитлеровцами, программы уничтожения не только коммунистического государства как такового, но и самого намека на единство его народов.

В этом изуверском плане фашистским доктором Абелем, например, сказано: «...Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного разрешения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... В таком случае нужно идти разными путями... Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... В целом в отдельных центральных областях России политика отдельных генеральных комиссариатов должна быть направлена по возможности на разъединение и обособленное развитие этих областей... Нет сомнения в том, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа...»

«...Надо еще раз подчеркнуть, что Сибирь является одним из факторов, который при правильном его использовании мог бы сыграть решающую роль в лишении русского народа возможности восстановить свое могущество...»

В этой связи также уместно привести высказывания А. Гитлера: «Наша политика в отношении народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола...» (Пиккер. Бонн, 1951 г. Приведеные здесь выдержки взяты из книги: «Совершенно секретно! Только для командования!» Изд. «Наука», Москва, 1967 г.)

Так что преемственность темных сил в борьбе против первого в мире социалистического государства очевидна.

И. КИСЛЯКОВ,
ветеран ВОВ,
Москва

КПСС или ПДП!

Если политическое руководство страны навязывает народу капиталистический путь развития, то оно ушло от коммунистической идеи вообще, оно полностью переродилось.

Называя себя коммунистами, руководители не могут править капиталистической страной. Ну а если съезд оставляет их у руководства, то партия должна сложить с себя наименование «Коммунистическая» и называться «плюро-демагогической» (ПДП).

Партия со времен Хрущева перестала быть выразителем интересов рабочего класса и крестьянства, она стала защищать интересы лагерников, которых в свое время осудили.

Далее. Трудовой народ обложен непосильной данью:

1) он беспрепятственно отдает прибавочный продукт;

2) с него сдирают сейчас уже увеличенный подоходный налог; и 3) цены еще повышают.

При И. В. Сталине в труднейшие послевоенные годы хоть немного, но компенсировался производительный труд народа: ежегодно снижались розничные цены.

Со времен хрущевской оттепели вообще забыли, что такое снижение цен, цены только повышаются.

Предлагаю концепцию повышения благосостояния народа:

1) жестко перекрыть все каналы утечки продовольствия (вплоть до неотгрузки с советских судов на иностранные непосредственно в море) и товаров для народа за рубеж (пора прекратить создавать изобилие в других странах, не насытив свою страну) — «железный занавес» для экспорта и зеленая улица для импорта этих товаров;

2) пересмотреть трудовые нормативы выработки и оплаты труда колхозников в сторону увеличения до уровня промышленных рабочих (из города народ сам пойдет в деревню на заработки);

3) заняться государственным строительством индустрии питания на селе, как это было при И. В. Сталине.

Восстановить МТС и пойти далее: создать (построить) сельскохозяйственные производственные объединения (СПО) — 1 МТС + (2—3) колхоза (совхоза). СПО подчинен только Агрокомитету республики. МТС — головное предприятие. Колхозы (совхозы) — занимаются только производством сельхозпродукции, МТС — обслуживание техникой всех видов сельхозработ, все виды ремонта техники (капремонт убрать из городов), химизация, электрификация, механизация, переработка, хранение и реализация излишков сельхозсырья, строительство и ремонт производственных помещений и жилья, строительство дорог.

Неужели так трудно понять, что СССР — это не Швеция, которую на мотоцикле можно объехать вдоль и поперек за день?..

В. ВИКТОРОВ
г. Светлогорск

ХРИСТОС-КОНСЕРВАТОР, ИЛИ КОГО ЖДУТ В РАЮ..

Выступление на XXVIII съезде КПСС А. Н. Яковлева тронуло умы и сердца многих из нас. Но самым, пожалуй, потрясающим в нем было одно: оказалось, что революции сегодня происходят не только на земле, но и на небесах. И что в ряде своих проявлений небесные революции практически адекватны земным.

Скажем, веками и тысячелетиями святые отцы всех племен и народов учили людей: не гонитесь за богатствами, а стремитесь к праведной жизни — и будете вознаграждены царствием небесным. Ибо, говорил своим ученикам и последователям Сын Божий, легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому попасть в рай...

Но иные времена — иные и песни. И революции потому и называются революциями, что они ломают старое, устоявшееся.

Сегодня, информировал нас Александр Николаевич, постулат Христа про верблюда и богача волею совершившейся революции отменен. По той причине отменен, что выявился его махровый консерватизм, его замшелый догматизм. Он явно устарел и не отвечает требованиям наших дней. Он ведет к зашоренности, к застою, «иррационализму сознания и практики», порождает «недоверие к словам, намерениям, к обещаниям власти», возбуждает «люмпенскую психологию и иждивенчество». И вообще — мешает «революционным преобразованиям» и там, и тут.

Отныне, известил нас Александр Николаевич, чтобы попасть в царство небесное, требуется не праведная жизнь, а тугой кошелек...

— Христос, как известно, — объяснил Александр Николаевич, — в свое время изгнал фарисеев, то есть купцов и менял из храма, предназначив свою религию бедным. И лишь полтора года тому назад, через несколько веков после Реформации, Ватиканом было публично признано, что ТОЛЬКО заработанное (неважно, каким способом. — М. П.) БОГАТСТВО ПОМОГАЕТ ОЧИЩЕНИЮ ДУШИ И ВЕДЕТ В РАЙ, что предпринимательство надо поддерживать, ибо оно облегчает положение человека на этом свете, дает ему средства к возвышению («Известия», 4 июля, 1990)...

Что ж, революция — дело серьезное. И уж ежели ее проводить, так проводить масштабно, не мелочиться: не только на земле, но и на небе. Уж ежели кроять-перекраивать, так не только программу партии коммунистов, а и ученье божье, ежели свергать кумиров, так не только земных, но и небесных, вплоть до Христа, поскольку его постулаты мешают «революционным преобразованиям», поскольку Христос, по-всему, консерватор, даже реакционер, так как религию свою предназначил бедным и нехорошо, явно с позиций люмпенов, относился к богатым.

Главное, «шаблонным стало обвинение ЦК, руководства партии в том, что они запаздывают с разработкой и принятием мер. Многое в этой критике справедливо», — признавался Александр Николаевич. Конечно, опаздываем. Но лет этак на... две тыщи с гаком! Когда этот самый Христос начал свою деятельность и принялся изгонять купцов и менял из храмов, да еще пригрозил богачам, что им не видать царства божия как своих ушей, вот тогда нужно было вмешаться, и, используя освященную Александром Николаевичем гласность, взяв на вооружение благословленный им же плюрализм, повести широкую кампанию по разоблачению негуманного Христова учения, раскрыть перед людьми его античеловеческую сущность — и тем избавить человечество от психологии гражданской войны, от людской нетерпимости, от хлесткости обвинений, от идеологии послушания и что там еще у Христа имеется? Уже тогда нужно было всеми демократическими способами, вплоть до пересмотра Священного писания, показать людям, что Сын Божий отстал от жизни и его учение не соответствует не только взглядам главы западной церкви, но и, что всего важнее, Самого А. Н. Яковлева. Нужно было уже тогда растолковать не только людям, но и самому Творцу, что Сын его не по той дороге пошел: вместо того, чтобы поддерживать предпринимательство, начал изгонять предприимчивых людей из храмов, вместо того, чтобы звать людей к богатству, принялся забивать им головы призывами к какой-то праведной жизни, вместо того, чтобы все силы свои направить на заботу о сытых, обеспеченных, стал беспокоиться о голодных, о бедных. Словом, напутал так, что и в наши дни не просто распутать, приходится вот теперь доказывать, что ТОЛЬКО БОГАТСТВО ПОМОГАЕТ ОЧИЩЕНИЮ ДУШИ И ВЕДЕТ В РАЙ! Приходится объяснять кое-кому, что главное — быть богатым! А праведность — это дело десятое. Праведность можно и купить. Ежели у тебя карман тугой, так и душу, самую подлую, можно до блеска очистить. Ежели у тебя капитал, так будь ты сволочь сволочью — тебе и в царстве небесном, не говоря уж о земном, приготовлено самое теплое местечко. Потому как ТОЛЬКО богатство ведет в рай! Ну а ежели у тебя не хватило ловкости, изворотливости, жуликоватости урвать от жизни кусок пожирнее, ежели ты все о людях печалился, а не о своем кармане, ежели ты в Христовы заветы поверил, ради людей жил и трудился, им отдавал все свои силы и умения, а не драл с них по три шкуры в день, а не набивал свою кубышку, то нечего тебе и помышлять о каком-то там рае. Тебя там не ждут. Тебя туда не пропустят. Потому как сегодня самая главная святыня — рубль! И не только на земле, но и, если верить Александру Николаевичу, на небе! Рубль сегодня, популярно растолковал нам в том своем выступлении наш Великий Идеолог, выше не только Отечества, не только Сына Божьего, но и самого Бога-отца. Он все решает, с ним вам дорога открыта везде. Даже в царство небесное!.. Ах ежели бы мы все эти «реформы» провели уже тогда, две тыщи лет назад, в самом начале Христовой деятельности разоблачили ее вредность и недемократичность, глядишь, и не было бы всех этих революций, переворотов, Октябрей, гражданских войн, конфискаций, национализаций, коллективизаций и прочего того, что крепко-таки помешало кое-кому очистить свою душу вовремя и перегородило кое-кому дорогу в рай!..

Как славно могли бы жить люди: одни в обжорстве, другие — впроголодь, одни в раю, другие — в аду, как в этой жизни, так и в той, загробной.

Так нет же, за Христом пошли, коммунизм какой-то строить задумали, где ни бедных, ни, что самое страшное, богатых...

Хорошо, что все же опомнились и опять провозгласили: кесарю — кесарево, слесарю — слесарево. Или, как говорили наши прадеды — каждый сверчок знай свой шесток. Одному — бублик, другому — дырка от бублика. Как и положено в демократической республике.

Конечно, раньше бы все это! Ну да лучше позже, чем никогда.

И потому — спешите обогащаться! Этим вы очистите свою душу, занавоженную погоней за рублями, и приобретете пропуск в царство небесное...

Признаюсь, не ведаю, запасся ли таким пропуском в рай для себя и своих наследников Александр Николаевич, но лозунг он выкинул воодушевляющий — ОБОГАЩАЙТЕСЬ!

Хапайте, рвите, гребите, вырывайте друг у друга из горла, душите, режьте, убивайте, торгуйте везде и всюду: на рынках, в подворотнях, в храмах, на могилах отцов! Продавайте все направо и налево, желательно по спекулятивным ценам: Отечество! землю дедов и прадедов, матерей, жен, детей, невест! Торгуйте святынями Отчизны! Торгуйте честью и достоинством! Торгуйте совестью и правдой! Торгуйте жизнями людей — но только ОБОГАЩАЙТЕСЬ! Любыми способами, любыми путями — ОБОГАЩАЙТЕСЬ!

И вас ждет рай, не только земной, но и небесный! Ибо отныне пропуском туда является не праведная трудовая жизнь, как когда-то провозглашал консерватор Христос, а толщина вашего кармана!

Спешите же, пока «революция» на марше!..

М. Я. ПОСТОЛ,
ст. Атаманская Краснодарского края

«ГОСПОДА «ДЕМОКРАТЫ»! ВЫ ПЕРЕШЛИ ВСЕ ПРЕДЕЛЫ!..»

Я — член ВЛКСМ с апреля 1988 года. Вступил в союз с надеждой реально участвовать в обновлении социализма, с верой в успех перестройки. Моя комсомольская биография, наверное, типична. Активно участвовал, избирался, но вскоре ...пришло разочарование. Нет, я не ждал от союза пропуска в институт или должности освобожденного работника. Дело в другом. В том, что ВЛКСМ отошел именно от ленинских, именно от коммунистических принципов, превратился в кормушку для всякого рода демагогов и дельцов сомнительного бизнеса. Для меня, как и для многих, комсомол перестал быть родной организацией!

Отстаивая интересы определенных политических сил, посредством беспримерного предательства и обмана «комсомольские» газеты пытаются всячески манипулировать общественным мнением, не брезгуя в антикоммунистическом угаре мелким авантюризмом и старушечьими сплетнями.

Господа «демократы»! Вы перешли все пределы! Крича изо дня в день об общечеловеческих ценностях, вы давно попрали элементарные нормы нравственности и морали! Действуя фашистскими методами, вы, не пытаясь даже вникнуть и разобраться, подвергли моральному уничтожению Нину Андрееву за то, что в отличие от вас она не торгует убеждениями! А не так ли вчера вы гнали Сахарова, чтобы сегодня примазаться к имени этого «страдальца за народное дело»?

Примеров таких сотни и тысячи. Но важно понять, что до тех пор, пока со страниц комсомольских газет не зазвучит неподкупный и чистый голос правды, — нет надежды, что дела в комсомоле сдвинутся с места.

В этой связи рад возможности выразить искреннюю признательность авторскому коллективу «Молодой гвардии» за мужество, стойкость и честность в отстаивании лучших человеческих принципов. С тех пор, как недавно по совету товарищей сам стал читать журнал, многое понял, во многом разобрался. Спасибо! Так держать!

В. НОВИКОВ,
рабочий, 17 лет

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

И. Родина в своей статье («МГ» № 6) права, когда заявляет, что «репрессии и коллективизация — ничто по сравнению с тем, что натворили наши псевдоученые и псевдоакадемики... в угоду своим всемогущим до времени покровителям, таким же звездоосыпаемым и бездарным». Я только думаю, что были тут и прямые злоумышленники, ненавистники русского.

Я думаю, что эти «профессионалы» (неспроста они так поднимают на щит это слово) хуже, гаже, обманнее «административно-командной системы». Именно они — мозг этой системы, командующие ее «руками и ногами». «Кукурузализация», «химизация», «перспективизация», «мирный атом», «поворот северных рек», «социалистическая экономика» (не включившая в себя мужика обыкновенного), пренебрежение к русской истории — это их рук дело, а потом они все свое взвалили на спину «системы». Сначала коварно говорили: «система», теперь откровенно: «партия». Сначала «Ленинианы» творили, теперь с Ленина голову снимают.

СЕРОВА,
г. Горький

* * *

К числу хронических заболеваний общественной мысли относится «либерализм яснолобый».

Один из симптомов этого недуга состоит в том, что человек начинает восторженно и увлеченно рассуждать о демократии. На уточняющие вопросы чаще всего реагирует раздраженно. Демократия и народовластие для него — как папа римский для набожного католика. Если заставить «яснолобого» отвечать на вопросы о «народе», то обнаружится, что под этим термином он разумеет кучку подобных себе, увлеченных внешней атрибутикой власти: заседаниями, коллегиями, голосованиями, обсуждениями, референдумами, дебатами.

Второй симптом состоит в том, что больной воображает себя обладателем таких идей, которые могут принести счастье «всему человечеству».

Третий симптом — навязчивое представление о том, что руко-

водство хозяйственной жизнью страны лучше отменить и что она, эта жизнь, будет процветать.

У либерала-демократа «отечественного покроя» есть два «национально-самобытных» признака. Это неистребимое пресмыкательство, во-первых, перед заграницей, во-вторых, перед начальником. С прошлого века Запад является Меккой для российских либералов-демократов, и поныне почти каждый мечтает совершить туда паломничество.

Г. П. МАКЕЕВА,
Новгород

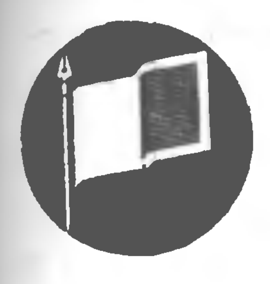
* * *

Мы, русские, сейчас... оправдываемся. А надо ли это? В своих бедах «особо чувствительные к демократии» народы страны винят нас, русских. А может, нам пора огрызаться? Огрызаться так же зло и так же больно, нанося такую же боль, которую наносят нам сейчас? В Армении, в Латвии, в Эстонии?

Я не могу сегодня спокойно читать наших газет и журналов. Такое впечатление, что ЦРУ и «Моссад» все свои подрывные функции за соответствующее вознаграждение передали известным советским авторам и редакциям.

После первых публикаций о Сталине я его возненавидел. А теперь понимаю. Понимаю, как ему было трудно в том окружении, в котором он находился. Все эти «великие мученики» из ЦК и СНК — Мехлисы, Кагановичи, Йегуды, Троцкие, Бухарины, и многие другие тоже были хороши, нельзя было доверять ни одному.

А. СЛОБОЖАНИН,
г. Тула

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Иван ЛЫСЦОВ

УБИЙСТВО ЕСЕНИНА

Однажды, находясь в гостях у московского писателя Юрия Александровича Паркаева, живущего в старинном доме на Арбате, я увидел посмертную фотографию нашего великого национального поэта Сергея Александровича Есенина. Покойный поэт был заснят по пояс. Судя по стянутому суровыми нитками хирургическому разрезу живота, шедшему снизу вверх, снимок был сделан в анатомичке ленинградской больницы имени Нечаева на Обуховке, где проводились вскрытие и медицинское исследование тела погибшего. Невозможно без душевной боли и содрогания глядеть на изуродованное лицо Есенина, на его скорбное, страдальческое выражение, особенно проявившееся в опущенных веках глаз и уголках губ, с которых слетел последний мученический вздох поэта. Открытый лоб, от корешков выпрямившихся волос и до переносицы, в самой середине был обезображен глубоким проломом. Он имел треугольную форму. Такую страшную рану можно нанести лишь тяжелым металлическим предметом.

Смотреть на фотографию мертвого поэта

тяжело. Она вызывает острое чувство жалости к Есенину и негодование к его палачам...

Видя воочию страшные повреждения на голове и теле поэта, заснятого в покойницкой, недоумеваешь: как могла так долго продержаться официально пущенная в народ лживая версия о «самоубийстве Есенина»? Конечно же, он был зверски убит...

Об этом мы тогда и проговорили с Юрием Паркаевым весь вечер. Думали, как сделать чудом уцелевший снимок мертвого Есенина достоянием общественности, почитателей его поэзии, всех наших соотечественников...

Что же помешало в свое время распространению правды об убийстве Сергея Есенина?

О том, что поэт был смертельно ранен налетчиками, получил тяжкое повреждение черепа в лобной части, первоначально удостоверялось и в экспертизе. Потом эта запись медицинского эксперта была кем-то старательно зачернена. Оказывается, у палачей были пособники, заинтересованные в сокрытии преступления (организаторы убийства поэта заметали свои следы).

Совсем недавно специалисты восстановили недостающий, вымаранный текст экспертизы. Он свидетельствует буквально следующее: «На середине лба, над переносицей, — вдавленная борозда длиною 4 сантиметра и шириной полтора сантиметра...» Экспертизу производил и подписал врач-анатом, профессор Александр Григорьевич Гиляревский, ныне покойный. Размеры пролома на лбу недобросовестный профессор, конечно, значительно убавил. Да и саму страшную рану поэта казуистически квалифицировал как «вдавленную борозду». Однако для нас важно уже то, что это, не известное ранее миру, указание эксперта на ранение головы Есенина ныне в акте обследования реставрировано. Именно через эту пробоину во лбу у покойного, по рассказам очевидцев похорон, вышло наружу около двадцати граммов мозгового вещества...

Шестьдесят четыре года навязывалась всем официальная версия о том, что Есенин покончил с собой. Между тем на повергающей в ужас фотографии замученного автора «Персидских мотивов», «Письма к матери», «Анны Снегиной», «Песни о собаке», «Пугачева», «Черного человека», «Страны негодяев», кроме рокового пролома на лбу, четко просматриваются и синяк под левым глазом, и следы ожогов на коже щеки.

В статьях следователя по особым делам МВД, заслуженного работника милиции, полковника Эдуарда Хлысталова «Тайна гостиницы «Англетер». История одного частного расследования» (журнал «Москва», № 7 за 1989 год) и журналиста Сергея Куняева «Смерть поэта. Версия. Хроника журналистского расследования» (журнал «Человек и закон», № 8 за 1989 год), а также в интервью журналистки Е. Дружининой «Сергей Есенин: самоубийство или?..», взятом у доктора медицинских наук, профессора, участника «Есенинских чтений» в Ленинграде Федора Морохова (газета «Труд» за 30 апреля 1989 года), приводится полный текст медицинского акта Гиляревского. В частности, помимо чисто визуального впечатления от фотографии мертвого Есенина, а также расшифрованной записи эксперта, подтверждающей наличие ужасного пролома на лбу поэта, о зверской расправе с Есениным говорят и другие свидетельства Гиляревского:

«В нижней трети левого предплечья имеется одна рана, идущая в горизонтальном направлении, в три раны — в вертикальном, длиной около трех сантиметров каждая... Хрящи гортани целы (!). Кончик языка прокушен...»

Таким образом, в том, что Сергей Есенин был сначала зверски избит, а потом, истекающий кровью, подвешен к трубе парового отопления, то есть, по существу, (ритуально) казнен, можно теперь не сомневаться. Обнародование полного текста экспертизы Гиляревского в материалах Эдуарда Хлысталова, Сергея Куняева и интервью Федора Морохова кладет конец бесславному мифу о самоубийстве великого поэта. Остается установить и назвать имена убийц.

Действительно, если у покойного «хрящи гортани целы», то о каком «самоубийстве» может идти речь? Ведь известно, что у повесившегося хрящи гортани под тяжестью тела сминаются и даже разрываются, подобно пружине. Язык же вываливается изо рта, придавая лицу страшное выражение. Есенин не был даже захлестнут петлей, и ничего подобного с ним не произошло. «Прокус» же языка, находившегося в полуоткрытом рту, мог произойти лишь при неожиданном ударе по голове, о чем и говорят страшная рана на лбу, видная на снимке.

На основании чего в таком случае была внедрена и господствовала у нас в стране позорная версия о «самоубийстве» Есенина?

Дело в том, что вопреки собственным зафиксированным наблюдениям, свидетельствующим о насильственной смерти, эксперт тут же начисто игнорирует их и делает вывод о самоубийстве поэта:

«...следует заключить, что смерть Есенина последовала от асфиксии (удушения. — *И. Л.*), произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение. Вдавление на лбу могло произойти от давления (?!) при повешении. Темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на них кровоподтеки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время. Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным (?!) и как поверхностные влияния на смерть не имели» (ИМЛИ, Ф 42—2, № 47).

Что же в самом деле произошло с уважаемым профессором-анатомом?

Перечислив есенинские раны, Гиляревский пытается тут же навести тень на белый день. Так, происхождение «вдавленной борозды» (читай: пролома на лбу) он объясняет «давлением при повешении» (слава богу, хоть не «при самоповешении»! — *И. Л.*). Верхом же клеветы Гиляревского на убитого Есенина становится концовка этого блефового, вероломного утверждения о том, что «раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным» (?!).

История с «говорящей» фотографией безжалостно убитого поэта и «информация для размышления», содержащаяся в пристрастном выводе эксперта Гиляревского, изложены здесь с единственной целью дать понять читателю, насколько важно для антирусского государственного аппарата* в тот период было физическое устранение Сергея Есенина. Ведь для сокрытия этого преступления были привлечены буквально все слои общества:

* В первом советском правительстве — Совнаркоме русских было лишь двое, а из 556 человек, стоявших на вершине советской иерархии в 1917—1925 годах, 446 были евреи.

милиция (безграмотный протокол надзирателя Горбова), медицина (лживое заключение эксперта), пресса (задержание по команде сверху информации о гибели поэта и подача ее позднее в качестве «самоубийства»), литература (оказавшиеся утром на месте преступления беллетристы, единодушно поддержавшие официальную версию о «приговоре», вынесенном-де Есениным «самому себе»), наконец, организованное общественное мнение, многочисленная «антиесенинская» печатная продукция, кампания борьбы с «есенинщиной», начатая «Злыми заметками» Н. Бухарина в газете «Правда» в 1927 году, и как финал всей этой вакханалии — уголовное преследование за увлечение стихами поэта.

Продолжая рассказ о несчастной судьбе златокудрого «рязанского Леля», нашедшего свою мученическую кончину в бывшей столице Русского государства, ставшей «колыбелью революции», пришествие которой он столь колоритно воспевал в своем «Пантократоре», признáюсь, что уже тогда, глядя на страдальческое, скорбное выражение лика мертвого поэта, мы с Юрием Паркаевым, владельцем фотографии (которую он недавно передал в Литературный музей), в один голос решили, что Есенин, конечно, был зверски убит. Достаточно поглумившись над поэтом, убийцы затем инспирировали самоповешение своей жертвы.

Побывав у Юрия Паркаева, имеющего немало материалов, связанных с именем Есенина, к выводу об убийстве поэта пришел и член Верховного Совета СССР писатель Василий Белов. Он предложил создать комиссию для расследования обстоятельств гибели поэта и выявления организаторов и исполнителей этого преступления.

Итак, милицейский протокол и медицинское освидетельствование тела покойного опубликованы и проанализированы, картина убийства Есенина детально воссоздана. На мою долю остается лишь поразмышлять о том, чем же не устраивал поэт пришедшую к власти советскую администрацию, за какое «крамольное» произведение он поплатился жизнью.

В том, что Сергей Есенин не только не вписывался всей своей широкой русской натурой в представления теоретиков создаваемого социал-рабовладельческого государства, но и лично взбесил поэмой «Страна негодяев» их главаря, каковым тогда был Троцкий, я не сомневаюсь.

Убийство Есенина было спланировано. За поэтом охотились. И ритуальным убийством в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года точка на земной миссии русского песнопевца была поставлена.

Ранним утром 28 декабря, в понедельник, убийцам оставалось только замаскироваться, перелицеваться в доверенных людей, спутников и «друзей» поэта. Они спешили, чтобы в считанные часы, сразу после вживления в общество лицемерной версии о «самоубийстве Есенина», наброситься уже на саму память о нем. Пока не остыло тело жертвы, нужно было успеть заработать на имени поэта, на самой его смерти горячие, реальные деньги...

Наутро после преступления все было готово для изготовления официального клише о «самоубийстве поэта». Нужные люди заранее были информированы о том, что с неугодным «скандалистом и хулиганом» покончено, остается лишь все соответствующим образом задокументировать в пользу официальной версии. Приглашенные не замедлили явиться, чтобы сыграть свою роль понятых при составлении милицейского протокола о расправе Есенина над самим собой.

«Номер был раскрыт, — свидетельствует один из побывавших здесь ленинградских беллетристов — И. Оксенов. — Направо от входа на низкой кушетке лежал Сергей — в рубашке, подтяжках, серых брюках, черных носках и лаковых лодочках. Священнодействовал фотограф Наппельбаум — спокойный мужчина с окладистой бородкой. Помощник держал слева от аппарата черное покрывало для лучшего освещения. Правая рука Есенина была согнута в локте на уровне живота. Вдоль лба видна багровая полоса. Рот полуоткрыт... С видом своего человека сидел Вольф Эрлих. Хлопотала о чем-то Елизавета Устинова...» (жена Г. Устинова — жильца соседнего номера гостиницы. — *Н. Л.*).

В комнате царил настоящий погром. Черное дело было исполнено убийцами с «излишествами», которых, возможно, от них и не требовали. Но слишком была велика их ненависть к «золотому сердцу России», чтобы не попытаться растоптать его тут же, на месте казни...

Имя Сергея Есенина стало символом красоты и духовности русского человека, глубины и щедрости истинно русской души и сердца, визитной карточкой нежной и певучей русской поэзии. И нет в России города или малого поселка, где не было бы энтузиаста, увлеченного собиранием собственной «Есенинианы». В домашнем музее одного из таких поклонников поэзии Сергея Есенина — отставного офицера Валентина Ивановича Синельникова, живущего в Липецке, мне довелось просмотреть книгу известного английского слависта Гордона Маквэя «Айседора и Есенин», изданную в США. В ней я обнаружил фотокопию письма поэта, написанного на борту трансатлантического лайнера, плывшего из Америки в Европу. Письмо было адресовано Александру Кусикову в Париж. Через лупу я прочел и переписал его текст.

Вот это есенинское письмо:

«Милый Сандро!

Пишу тебе с парохода, на котором возвращаюсь в Париж.

Едем вдвоем с Изадорой. Ветлугин остался в Америке. Хочет гадать судьбу по своим «Запискам». Подрапал человек с Коронковым.

Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая. Внешне типом — сплошное Баку, внутри — Захар Менский.

Вели повенчать его на Сорпинской.

Вот что, душа моя! Слышал я, что ты был в Москве. Мне оч. бы хотелось знать кой-что о моих делах. Толя мне писал, что Кожеб. Айзенш. из магазина выжили. Мне интересно, на каком (пользу теперь с ней (?), ибо об этом в письме он по рассеянности забыл сообщить.

Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая. Чую себя здесь чужим и ненужным. И как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в

Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному (подчеркнуто С. Есениным. — *И. Л.*) сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское, снисходительное отношение власти имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним.

Не могу! Ей Богу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу.

Теперь, когда от революции осталось только х..... да трубка, теперь, когда там жмут руки тем (зачеркнуто. — *И. Л.*), кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше еще, там, в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к Февральской, ни к Октябрьской. По-видимому, и нас скрывается какой-нибудь ноябрь.

Ну, да ладно, оставим этот разговор про Тетку. Пришли мне, душа моя, лучше, что привез из Москвы нового... И в письме опиши мне все. Только гадостей, которые говорят обо мне, не пиши. Запиши их лучше у себя «на стенке над кроватью». Пиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг. Сам видишь, как я матерюсь. Значит, больно и тошно.

Твой Сергей.

. . . .

Атлантический океан.
7 февраля 1923».

Это бескомпромиссное послание к уехавшему из России во Францию имажинисту Александру Кусикову (Кусикяну), во многом заново объясняющее невыносимость жизни Сергея Есенина в Москве под неусыпным оком Троцкого и его соглядатаев, а также привезенная из Америки драматическая поэма «Страна негодяев», спроецированная на деляческую обстановку на родине, и послужили уликами для обвинения поэта в антисоветизме, в персональном оскорблении «Председателя Реввоенсовета республики».

В своей статье «Тайна гостиницы «Англетер» полковник милиции Эдуард Хлысталов пишет о тогдашних карательных органах страны, их отношении к поэту, имевшему репутацию «хулигана»:

«В органах ГПУ к тому времени подобрался лихой коллектив *. Люди из этих органов даже из-за границы выкрадывали противников Советской власти, привозили их в Москву и здесь казнили, а что касается инакомыслия внутри государства, надо полагать, держали ухо востро. И, несомненно, Есенин был у них «на крючке». Его систематически задерживали работники милиции, доставляли в приемный покой московского уголовного

---

* Коллегия ВЧК — ОГПУ с 1918 года: Председатель — Ф. Э. Дзержинский. Заместитель — латышский еврей Я. Петерс, а с 1923 г. — Менжинский. Члены коллегии: Шкловский, Кнейфис, Цейстин, Розмирович, Кренберг, Хайкина, Закс, Леонтович, Делафабр, Влюмкин, Александрович, Циткин, Ривкин, Рейтенберг, Финес, Гольдин, Гельперштейн, Книгиссен, Дейбкин, Шилленкус, Е. Розмирович, Г. Свердлов, Карлсон, Дейбол, Закис, Янсон, Шаумян, Сейзян, Фогель, Антонов, Агранов (Сорендзон).

розыска. Через небольшие временные интервалы против него возбуждались уголовные дела, пять из которых были направлены в Краснопресненский народный суд. При этом прямо назывались статьи Уголовного кодекса, по которым его следовало судить. Так, 23 марта 1924 года секретные сотрудники ГПУ, братья М. В. Нейман и И. В. Нейман потребовали привлечь Есенина по статьям 172 и 176 УК РСФСР (за антисемитизм)...

В архивах ГПУ, очевидно, находятся сотни документов, свидетельствующих о политической и общественной деятельности Есенина, доносы на него, справки сотрудников и т. п. бумаги, которые должны быть предоставлены широкому кругу исследователей. Крайне необходимо опубликовать имена всех секретных осведомителей ГПУ из числа окружения поэта...»

Доверчивый Сергей Есенин не мог не поверять своим собеседникам мыслей, схожих с высказанными им в письме Кусикову в Париж. Читал он им, конечно, и свою новую поэму «Страна негодяев», в которой дана трезвая оценка всего происходящего в «Совдепии», а в образе Чекистова явно угадывался Троцкий. Читал он, конечно, и написанное в январе 1925 года стихотворение «Воспоминание». В нем сформулированы наблюдения, высказанные в письме к Кусикову:

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь...
...Взошла железная заря,
Свершилась участь роковая.

Это была совершенно новая тема в творчестве Есенина. И тема вта — перерождение советской власти во власть угнетения, подавления крестьян и открытого террора со стороны людей типа Лейбмана-Чекистова — была опасной для жизни любого поэта.

Собравшись написать об убийстве Сергея Есенина, в поисках текста «Страны негодяев» я пересмотрел все имеющиеся у меня сборники поэта. Ни в одном фолианте этой поэмы я не нашел. Словно сговорившись, трусливые издатели избегали включения «Страны негодяев» в есенинские книги. А между тем это важнейшее, итоговое для идейно-художественной эволюции Есенина произведение дает объяснение понимания им не только того, «что случилось, что сталось в стране», но и дает ключ к разгадке причины убийства бесстрашного поэта, поплатившегося за создание своего обвинительного художественного документа собственной жизнью.

Для того чтобы заново перечитать есенинскую «Страну негодяев», пришлось пойти в читальный зал Государственной публичной библиотеки имени Ленина, заказать четвертый том Собрания сочинений Есенина и переписать эту вещь целиком.

«Страна негодяев» — произведение огромной разоблачительной силы. Прежде чем привести строфы, решившие участь автора, скажу о том сильнейшем впечатлении, которое произвело на меня это сегодняшнее, когда мы узнали обо всех ужасах нашей новейшей истории, чтение есенинского шедевра. Как бы литературоведы ни морочили головы нестойким читателям в недавнем прошлом насчет предмета разговора в поэме, теперь-то доподлинно ясно, что «страной негодяев» Сергей Есенин одинаково поиме-

новал и мир хищных заокеанских бизнесменов, и свору захвативших власть в тогдашней России политических гангстеров. Это о них, новоявленных советских маклерах, спекулирующих марксизмом, от лица Номаха говорит поэт:

Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу.
Но мне хочется погулять
И под порохом и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Кто на Марксе жиреет, как янки...

Уже за одно это разоблачение поэт подпадал под смертный приговор...

А ведь в «Стране негодяев» были и такие, ненавистные для новоявленных паразитов, пассажи, как вот это обвинение, вложенное в уста комиссара Чарина, окончательно не утратившего еще совести:

Да, Рассветов, но все же, однак
Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...

Здесь же говорится о положении народа, обнищании крестьянства, которое по изуверскому плану Троцкого кладут под нож раскрестьянивания:

И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут...
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем ворам.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша — bluff.
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо...

Как в лермонтовских строчках: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачв!» — таилась ужасная

участь их автора, так же и в есенинской «Стране негодяев» крылась предрешенность судьбы поэта. Ибо, согласно словам философа Павла Флоренского, сказанным им в письме к брату из Соловецкого концлагеря: «Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением».

Знали о том, что после появления в списках более чем смелых отрывков из «Страны негодяев» Сергей Есенин обречен, и его современники. Другое дело, что никто не предполагал ранее в поэте той меры бесстрашия, на которую он оказался способным. Ведь не только горькую правду о крестьянском «озлоблении поборами» сказал поэт, но и дерзко сформулировал сионистские взгляды на Россию Лейбмана-Чекистова, в гротескном облике которого четко просматривался Лейба Бронштейн-Троцкий с его ненавистью к культуре великого народа. Он угадывался и в характеристиках, даваемых «сочувствующим» Замарашкиным, и в саморазоблачительных высказываниях «Чекистова»:

Замарашкин:
Ох, и зол же ты, брат мой...
Аж до печенок страшно...
Я уверен, что ты страдаешь
Кровавым поносом...
Чекистов:
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик...
Коль живет он в Рязанской губернии,
То о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...
Замарашкин:
Слушай, Чекистов!
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман.
И черт с тобой, что ты жил
За границей.
Все равно в Могилеве твой дом.
Чекистов:
Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара,
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячу лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божие...

Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие...
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин!
...Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.

Палачествующий революционер, понимающий свою «гамлетовскую» миссию в «укрощении дураков и зверей», то есть в уничтожении русского крестьянства и казачества, как «вредной биологической массы», а также в погроме русского национального зодчества и превращении храмов в натуральные «места отхожие», Лейба Троцкий не мог простить автору «Страны негодяев» такого дерзкого поэтического памфлета о нем.

Надо знать, что уже в марте 1925 года был схвачен, обвинен в личном оскорблении Троцкого и расстрелян друг Сергея Есенина — поэт Алексей Ганин, автор вышедшей накануне отдельной книжкой поэмы «Былинное поле» с ее поистине «оскорбительными» для ушей «преобразователей» России пророчествами:

Нежить лесная пошла наобум,
Забирается в брови и в бороды,
Забирается в уши, за гашники,
Чтобы силы по капельке высосать,
Чтобы веру по крошечке выжевать.
Знает поганая мелочь секрет:
Силу мирскую не свалит гора,
Да тля незаметная гору подточит.
Знает поганая и другой секрет:
В думах мужичьих просторно, как в поле,
Гуляй, кому надо, что хочешь, топчи, —
Только про счастье мужичье шепчи
Да жалобней вякай про горькую долю.
Будут покорны тогда силачи,
Красные речи замажутся сажей.
Сами друг другу могилы укажут,
И сами себе панихиду споют...
Знает поганая и третий секрет:
Думы погаснут — бессилен Микулыч,
Ладу забудут — погибнет и конь...
Долго ли, мало ли пахари маялись, —
Грозу да напасть — не столетьем считать,
Да в минуте грозы — не столетье беды.
Сошки у соседей расшаталися,
Клинышки в рассохах повыпали,
Железо о камни притупилося, —
Поехали борозды и вкривь, и вкось.
Пахарям поле туго пришлось.

Пахари друг друга не видят на шаг.
Нежить да нечисть в глазах и ушах.
Кони не лезут в пьяные борозды —
Только скрежещет мужичий сошник,
Да горько трясутся мохнатые бороды.
Нечисть прикинулась дружком мужика.
Загукал пенек о пенек:
— «Эй, паренек — кумачевый умок!
Где ж твоя лада, ситцы и сахар?
Где ж это видано, слыхано где ли,
Чтоб попусту люди по ночам потели?
Сами без хлеба, сохи скрипят,
Пóтом промокло все поле, —
Вот вам и красная воля?..»
Поле мужичье завыло, заохало...
Нечисть и нежить — поганый сброд —
Спутали, сбили с толку народ.
Злобой да ленью загадили древнее поле...
Ой, не дуб вековой,
Не тайга от Камчатки до Вологды
На лучину грозою расщеплена, —
То распалась великая рать,
Черносошная сила
Разъехались...

Из архивов известно, что одно время имена двух ярко выраженных русских поэтов — Сергея Есенина и Алексея Ганина — проходили по одному и тому же сфабрикованному уголовному делу. 20 января 1924 года некий Ю. Ю. Эрлих (не путать с Вольфом Эрлихом) дал против них ложные показания, утверждая, что во время концерта в кафе «Домино» поэты Есенин и Ганин, пробиваясь к сцене, «избили швейцара, нескольких человек из публики и, наконец, самого конферансье». На суде обвинения против двух поэтов ввиду отсутствия улик были полностью сняты, и «ответчики» были оправданы. Так на короткое время сошлись судьбы двух поэтов-единомышленников, шедших разными путями, но в своих последних песнях предупредивших народ об одной и той же смертельной опасности...

После возвращения из Америки Сергей Есенин в продолжение двух с половиной последующих лет не только внутренне преображается, но и буквально становится недосягаемым для всей остальной завистливой стихотворческой братии. Достаточно только сказать, что за сравнительно короткое время он создает самые главные свои произведения, поставившие его в ряды классиков. В их числе — поэма «Страна негодяев», «Анна Снегина», «Черный человек», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», цикл «Персидские мотивы», маленькие поэмы «Возвращение на родину», «Баллада о двадцати шести», «Весна», «Мой путь», «Ленин», «Капитан земли», «Стансы», «Письмо к женщине», «Цветы», стихотворения «Сукин сын», «Низкий дом с голубыми ставнями...», «Пушкину», «Русь Советская», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Русь уходящая», «Письмо деду», «Отговорила роща золотая...», «Мы теперь уходим понемногу...», «Письмо матери», «Клен ты мой опавший...», «Заметался пожар голубой...», «Вечер черные брови насупил...», «Каждый труд благослови, удача...», «Гори, звезда моя,

не падай...», «Над окошком месяц...», «Эх, вы, сани! А кони, кони!..», «Снежная замять дробится и колется...», «Свищет ветер, серебряный ветер...», «Цветы мне говорят — прощай...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Собаке Качалова», «Есть одна хорошая песня у соловушки...», «Неуютная жидкая лунность...» и десятки других.

Для того чтобы исторгнуть из глубин собственной души все эти поэтические шедевры о жизни народа, а также и жемчужины пейзажной и любовной лирики, нужно было быть Сергеем Есениным и никем иным. И благодаря этим непревзойденным образцам исключительно русской, национально русской поэзии, вошедшим в золотой фонд литературы, путь его отныне пролегал в бессмертие.

Однако при всей своей творческой и человеческой артистичности, истинно моцартовском начале своей поэтической личности Есенин был в то же самое время идеальной мишенью для всякого рода окололитературных завистников, проходимцев, неудачников и политических демагогов. В послереволюционной Москве, этом «проходном дворе» огромной страны, городе нэпманов и люмпенов, городе-магните, притягивающем к себе вожделенные взоры всякой человеческой шушеры, для всего этого жадного и агрессивного богемного дна бесприютный красавец поэт, принявший эстафету русской классики из рук самого Александра Блока, был просто драгоценной находкой, если не сказать — подарком судьбы, промыслом божьим. Не имеющий собственного угла, непрактичный в жизни, при всей своей незамысловатой хитринке остающийся щедрым, открытым и доступным, Сергей Есенин представлялся этим мелким и крупным хищникам от искусства живой игрушкой, этаким «аполлончиком», которым можно было играть как им заблагорассудится. За его счет пили, его разыгрывали, подлавливали, провоцировали на скандальные выходки, объяснялись ему в лицемерной дружбе и в откровенной ненависти, вызывали его «к барьеру» и грозились стереть в порошок, избивали на улице и клеветали на него... Короче говоря, российская Мекка, каковой всегда была Москва, потешалась над своим кумиром.

Поскольку суррогат молодой советской культуры, насильно насаждавшейся самозваными теоретиками Российской Ассоциации пролетарских писателей, был представлен в основном людьми еврейского происхождения, хлынувшими в искусство изо всех сфер жизни, от сапожного ремесла и до шинкарного промысла, Есенин, как правило, провоцировался именно ими, стандартно обвиняясь после каждого выяснения отношений в антисемитизме. После одной из таких провокаций и привода 20 февраля 1924 года председатель Краснопресненского районного суда Комиссаров выносит решение об аресте поэта. С этого дня Есенин переходит на нелегальное положение, скрываясь от взятия его под стражу.

В первой десятидневке сентября 1924 года Есенин скрывается в Баку. За ним увязывается агент ГПУ, убийца немецкого посла Мирбаха, гордость сионистов Яков Блюмкин. Под именем Ильина он поселяется в той же гостинице «Новая Европа», где остановился и Есенин. Платный провокатор и убийца, начавший свою карьеру раввином в синагоге и внедрившийся затем в коллектив чекистов, нанятый Троцким на «мокрое дело» с целью срыва Брестского мира, за свое преступление Блюмкин не только не

несет никакого наказания, но и получает повышение по службе. Он назначается на должность военного инспектора частей Красной Армии в Закавказье. В гостинице этот поистине «черный человек» в трагической судьбе Есенина подкарауливает поэта, разыгрывает сцену ревности к своей жене, угрожает ему пистолетом, живописует расправы над «шовинистами» в подвалах Лубянки, приглашает полюбоваться расстрелами жертв «чрезвычайки».

Зная о том, что негодяю ничего не стоит расправиться с любым безоружным человеком, Есенин бросает вещи в гостинице и уезжает в Тифлис. Через десять дней он возвращается в Баку с револьвером. Однако Блюмкину нужна не дуэль, а расправа с поэтом. Благодаря бдительности Есенина его звезда на этот раз не закатывается, она будет гореть, роняя свои «холодные лучи», еще год с небольшим. Это не «помилование» невиновного, а всего лишь отсрочка приговора. Желание привести его в исполнение у Блюмкина подогревается, кроме имеющегося у него приказа, еще и личной ненавистью к Есенину. Ему известны строки поэта, прямо намекающие на кровавое ремесло Блюмкина:

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам,
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Шестого сентября 1925 года в поезде, следующем из Баку в Москву, в котором Есенин едет вместе с Софьей Толстой, некие А. Рог и Левит снова провоцируют поэта и сдают его на Курском вокзале в милицию. Составляется «протокол», «истцы» подают в суд, на поэта заводится второе уголовное дело. Судья Липкин требует его ареста.

В октябре 1925 года при встрече с Николаем Асеевым Есенин рассказывает о нападении на него группы неизвестных лиц, показав при этом «ужасающий шрам на ноге через всю икру».

Преследуемый решениями двух московских районных судов о взятии его под стражу, Есенин приходит в отчаяние. Жизнь его становится невыносимым кошмаром:

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь...

Пусть для сердца тягуче колка
Эта песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав...

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты недаром даешься ножу!
Как и ты, я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове.
И хоть слышу победный рожок,

Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибе
Пропоют мне на том берегу.

Но, даже и чувствуя свою загнанность, как всякая живая душа, Есенин лихорадочно ищет выхода из мучительного положения, в которое попал.

«— Напиши на меня некролог, — просит он поэта Ивана Грузинова.

— Зачем?

— Я скроюсь, а преданные люди купят гроб, устроят мне как бы похороны. В газетах появятся статьи о моей смерти...» («Москва», 1989, № 7, с. 184).

Хотя бы таким способом он хочет оторваться от своих преследователей...

Старшая из двух сестер, живущих у Софьи Толстой, Екатерина, советует брату найти убежище в психоневрологической клинике, расположенной в Боженниковском переулке. Есенину оказывают «медвежью услугу» — устраивают в эту богадельню. Каморка поэта оказывается возле самого входа. Любопытствующие заглядывают сюда, как в клетку зверинца. Судьи Комиссаров и Липкин требуют у врачей выдачи им поэта.

Есенин сбегает из этого сомнительного приюта. Вечером 23 декабря он покидает Москву и перебирается в Ленинград. Он мечтает начать здесь новую жизнь: поселиться в хорошей квартире, организовать издание собственного журнала. Благо что московский Госиздат заключил с ним наконец договор на издание двухтомника его Сочинений.

Враги Есенина, видящие в нем классика великой русской литературы, вульгарно используя поэтический прием поэта, позволяющий ему острее чувствовать и воспевать жизнь, хотели бы представить иные строки его стихов как истинные намерения «потенциального самоубийцы». Между тем сам Есенин предупреждал, имея в виду недопуствмость подобного буквоедского, примитивного литературоведения:

Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть...
(«Сыпь, гармоника...», 1922).

Так что в желанный и спасительный, по его иллюзиим, Питер, где он когда-то получил благословение самого Блока, Есенин ехал не умирать, а возродиться здесь к новой жизни, обрести твердую почву под ногами, уединиться и в творческом труде показать, что он может дать не только «то, что дал», что ему «давалось ради шутки», но и развернуться во всю свою мощь:

...Зане созрел во мне поэт
С большой эпическою силой...

Увы, времени ему уже не было оставлено не только ни одного лишнего дня, но и часа.

Есенин знал, что его ждет в Москве по возвращении из Америкв, знал, что сионисты сведут с ним счеты. Но он еще смутно надеялся на лучшие времена, не предполагая, что его смертный час придет к нему так скоро, хотя уже сразу после расстрела Алексея Ганина почувствовал неотвратимое приближение гибелв. Конечно, в Америке времени он даром не терял, научился в спортивном клубе боксировать, хорошо освоил приемы самбо:

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

Он готовился защищаться, хотя трезво осознавал, что схватка будет неравной. И поэтому в случае самого ужасного исхода был готов достойно принять неизбежное:

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах...
(«Гори, звезда моя, не падай...»,
17 августа 1925 г.)

Уже не надеясь ни на чью защиту, почти не веря в чудо спасения, он свыкался с мыслью о предстоящем:

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, —
Я живу давно на всё готовым,
Ко всему безжалостно привык...

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за всё благодарю.
(Жизнь — обман с чарующей тоскою...»,
17 августа 1925 г.)

И поэтому, как еще полгода тому назад обращался к юным согражданам с задорным призывом: «Цветите, юные! И здоровейте телом! У вас иная жизнь, у вас иной напев. А я пойду к неведомым пределам, Душой бунтующей навеки присмирев», — так и сейчас он на всякий случай припасает пару вот этих

пронзительнейших строф, обращенных к будущему своему соотечественнику, который повторится не в одном поколении:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Это было заранее приготовленное прощание с белым светом, с возможностью жить дальше, возможностью, в праве на которую «теснимому и гонимому» поэту враги отказывают.

Этих своих врагов он, конечно, знал в лицо. Иначе не написал бы ни приведенных жалостливых строф, ни своей «Метели», под которую все тот же безжалостный «черный человек» читает поэту свой ужасный, бесчеловечный приговор:

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной:
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной...

Это не могло быть придумано, это услышано в жизни. И не раз! И как это созвучно со словами Троцкого, от которых веет ледяным, могильным холодом почти того же самого (слово в слово) приговора, заранее намеченной предопределенностью вопроса о жизни и смерти великого поэта, чувством удовлетворенности от свершившегося: «Поэт погиб потому, что был несроден (?!) революции... Умер поэт. Да здравствует поэзия (?!)»

Нынешние адвокаты Троцкого пытаются доказать недоказуемое, противоестественное: что-де этот «злой гений», палач русского государства «обожал» Есенина и что тень их «дружбы» легла-де на последующее отношение Сталина к памяти прекрасного поэта, творческое наследие которого этот-де мстительный «отец народов» запретил чуть ли не из-за подпортившей репутацию поэта «хвалебной» статейки «Путь Сергея Есенина», появившейся в «Правде» после убийства поэта за подписью главного политического соперника генсека. Новоявленные, ожившие троцкисты приписывают поэту даже несуществующие строки восхищения своим врагом. Так, в статье «Черный человек», опубликованной в газете «Московская правда» 12 ноября 1988 года, журналист Лев Колодный переадресовывает Сталину ненависть Троцкого к имени поэта, приписав ему ответственность за запрет есенинских стихов.

На этом ему бы следовало и остановиться. Прыткий же газетчик, отрабатывая свои «тридцать сребреников», идет еще дальше, утверждая буквально следующее:

«Идеальным законченным типом человека Есенин считал Троц-

кого... Идя в Кремль, Сергей Есенин направлялся не просто к «видному советскому работнику..., но и к тому, кто давно и пристально (!) следил за его творчеством...»

В этой инсинуации справедливы разве только последние слова. Замечательно утверждение современного реаниматора «Иудушки»-Троцкого, что последний и вправду «давно и пристально следил» за поэтом. В результате такой «любовной», ревностной слежки за русским поэтом этот «законченный тип» теоретика и практика тотального геноцида уже давно заготовил свой злодейский некролог под названием «Путь Сергея Есенина» для «Правды». Путь, который палач уже мысленно оборвал «именем революции». Оставалось только улучить момент для приведения приговора в действие. И этот момент был выбран с математической точностью...

Как же теоретически обосновал в этом своем вождистском указании на «несродность» Есенина революции, а следовательно, и на «необязательную надобность» жизни поэта-лирика, трудящимся массам Троцкий? Документ сей, словно материализовавшийся в этой фальшивой похвале пресловутый поцелуй Иуды, явившийся, как известно, условным знаком к выдаче и казни Иисуса Христа, стóит того, чтобы его привести хотя бы частично:

«Наше время, — суровое время, — пишет Троцкий. — Может быть, одно из суровейших в истории так называемого (!) цивилизованного человечества... Эпоха же наша — не лирическая (?!)... Кем-то сказано, что каждый носит в себе пружину своей судьбы, а жизнь разворачивает эту пружину до конца (!)... Творческая пружина Есенина, разворачиваясь, натолкнулась (!) на грани эпохи... Поэт погиб потому, что был несроден революции...

Пусть же в чествовании (?!) памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего (вот она, политика уничтожения всего того, что не «вписывается» в теорию авторов «социального эксперимента»! — И. Л.). Пружина, заложенная в нашу эпоху, неизмеримо могущественнее личной пружины...

Спираль истории развернется до конца. Не противиться ей должно (!), а помогать сознательными усилиями мысли и воли (чтó это, как не угрозы в «красном терроре» любому малейшему инакомыслию в обществе и в литературе?! — И. Л.). Будем готовить будущее...

Умер поэт. Да здравствует поэзия (?!)!»

Итак, «король умер — да здравствует король!»?

Известно, какое «будущее» готовили для десятков миллионов расстрелянных и замученных в концлагерях русских крестьян и казаков этот кровавый стряпчий и его последователи. До 100 миллионов россиян уничтожено в итоге претворения зловещего плана «переустройства» России. Из поэтов же русских первой жертвой стал Николай Гумилев. Вторым пал Алексей Ганин. Третьим предстояло взойти на эшафот Сергею Есенину. За ним шла очередь Николая Клюева, Василия Наседкина, Петра Орешина, Сергея Клычкова, Владимира Маяковского, а позднее — Павла Васильева, Бориса Корнилова...

Заранее зная свою участь, чувствуя себя завлекаемым в капкан «приманкой» в виде оставшихся в Москве сестер Екатерины и Александры, оказавшихся для поэта как бы в роли заложниц, которые без его помощи не выживут, Есенин еще до отплытия в Америку, как указывает в своей статье Э. Хлысталов, сетовал в

Берлине: «Не поеду я в Москву, не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн. Он правит Россией, а не он бы должен ею править...»

Всюду было полно стукачей и осведомителей властей предержащих — и дома, и здесь, за границей. Такой бесстрашный человек, как Есенив, был для Троцкого опасен. Команда на ликвидацию златокудрого радетеля Руси, звонаря ее опасности и пророка грядущего возрождения была дана Блюмкину и его банде с циничным расчетом: убить и повесить тело поэта «под окном», как он о том иронизировал, повторяя в стихах их угрозы. Есенин был слишком умев и несносен, мешал «экспериментаторам», разгадывая и выводя на чистую воду их человеконенавистнические замыслы. Терпеть его далее, предоставить ему возможность жить и петь, по клеветнической оценке Троцкого и Бухарина, свою «хриплую и недужную» песню, было бы большой роскошью для порабощенного народа, из недр которого он вышел...

Через полгода после приведения приговора в исполнение бывший «друг» поэта Рюрик Ивнев, проживший до 90 лет, даст свои лжесвидетельские показания в сфабрикованной властями книжке «воспоминаний» о ликвидированном песнопевце:

«Он был очень умным и расчетливым. Многие чувства ему были совсем чужды (?!). И то, что другие делали от сердца, он делал механически (?!). Он никогда не любил простой, согревающей человеческой любовью. И не мог любить никого (?!) и ничего, кроме своих стихов (!). Он любил в себе самого себя. Все, кто хорошо знал Есенина, знают, что он хорошо не любил по-настоящему ни одной женщины...»

Наветам Рюрика Ивнева на своего недавнего «друга» вторит и И. И. Старцев:

«Этот человек был прирожденный и добровольный (?!) беспризорный. Он был уверен, что он везде — желанный гость, что его везде любят и всё ему должны прощать. Вспоминаю, как он держался на знаменитом общественном суде в Доме поэтов: его с товарищами обвиняли в антисемитизме... В последнем слове он, Есенин, оправдывался, возмущался несправедливостью обвинения..., смеялся, зная, что ему-то уж. конечно, всё сойдет с рук. Он заявил, что он скандалист (!) и пьет, чтобы познать на себе, на своей шкуре (!), все провалы и бездны человеческой природы... Последние стихи поэта, написанные кровью, вся обстановка смерти говорят об этом (?!). В них он верит в судьбу, в бессмертие...»

Злорадству Старцева охотно поддакивает и пролетарский поэт Николай Полетаев:

«По концу Есенина мы можем узнать, сколько еще в нас где-то глубоко, под спудом таится темного, векового...»

Не отстает от этих лжесвидетельств в своих измышлениях и стихотворец Владимир Кириллов:

«Он незаметно увядал физически. Говорил о своей болезни, о том, что он устал жить и что, вероятно, он уже ничего не создаст значительного (?!)...»

Но тот же Кириллов бесхитростно проговаривается в пользу убийства поэта:

«При последних встречах я замечал, что Есенина крепко (подчеркнуто мною. — И. Л.) волнуют какие-то вопросы. Это были

вопросы о советской власти, о революции и близких нам людях. Хотел высказаться точно и определенно (!), но выходило у него как-то туманно (?) и неясно...»

Эта изданная в июне 1926 года книжка подтасованных лжесвидетельств вчерашних «друзей», призванная оболванить общественное мнение, подведя его под наскоро сшитую белыми нитками официальную версию о «самоубийстве», а не расправе над поэтом, ныне, в свете новейших исторических знаний и произведенной Эдуардом Хлысталовым следовательской, а профессором Федором Мороховым и медицинской экспертизы, прочитывается совершенно по-иному. Собранные здесь писания убеждают всякого здравомыслящего человека лишь в преступно-лживом единогласии ее авторов — «воспоминателей» о жизни, личности, поэзии и последних часах Сергея Есенина.

Но больше всех радовался убийству молодого русского гения автор печально знаменитой бессмыслицы «Щел бул дыр» футурист Алексей Крученых, прокаркавший:

«Самоубийство было трагическим завершением душевной болезни».

Ликование удовлетворенной бездарности сильнее самого клеветника, и Крученых в своей брошюрке «Гибель Есенина» проговаривается о том, что ему было известно о замысле палачей. По его сведениям, Есенину «суждено было либо быть повешенным (что и было сделано. — И. Л.), либо повеситься (?!)».

Крученых еще при жизни травил Есенина. Но особенно разнуздался он после расправы над поэтом. Сразу же после убийства ненавистного этому пачкуну великого русского поэта одна за другой выходят поганые книжонки Крученых с сенсационными заголовками: «Гибель Есенина. Как Есенин пришел к самоубийству», «Черная тайна Есенина», «Есенин и Москва кабацкая», «Лики Есенина. От херувима до хулигана», «Черный человек в поэзии Есенина. О патологии (?!) творчества Есенина» и другие. При жизни поэта Крученых был беллетристическим двойником Блюмкина, вторым «черным человеком» Есенина. Однако он пошел еще дальше непосредственных убийц поэта, продолжая уничтожать, шельмовать его печатным словом и после злодейской казни в номере гостиницы.

«Обо всех этих скверных книжонках не стоило бы и говорить, — писала в своем обзоре Валентина Дынник, — если б не так умело был организован их сбыт, если бы их не протягивал услужливым жестом чуть ли не каждый газетчик всем желающим купить «что-нибудь о Есенине» и если бы автор (он же издатель!), окрыленный успехом, не готовил к печати новых образцов литературной смердяковщины, спекулируя на славе обруганного им поэта» («Красная новь», 1926, книга 6).

Защищая имя Сергея Есенина, журналистка, возможно, и не догадывалась, что дело здесь не в одной «спекуляции на славе» великого человека, но и в неукоснительном выполнении пасквилянтом полученного им от троцкистов «социального заказа» по удушению в лице есенинской поэзии всей многовековой русской культуры, которую вобрала лира поэта.

Произведенная в пятом номере ленинградского «Интернационала» — «Англетера» — кровавая акция уже не может быть перепроверена путем обмеров и теоретической инсценировки ситуации во время нападения на Есенина, ибо потомки и пособники

потомков организаторов убийства постарались в годы перестройки спешно замести последние следы преступления, уничтожив старое здание гостиницы буквально на глазах протестующих молодых ленинградцев. Это «сведение счетов» после расправы с поэтом и с последним трагическим приютом Есенина явилось продуманным, сугубо идеологическим деянием антиподов «законного сына российского», который, по воспоминаниям Софьи Толстой-Есениной, в посмертных «диспутах» о поэте «уже стал «фашистом», по отзыву особо ретивых!» («Вопросы литературы», № 12 за 1980 год, с. 237). Однако и без исчезнувшего «Англетера» после всего ставшего известным из названных выше материалов современных экспертов, а также сказанного мною в настоящих размышлениях картина заранее намеченного убийства Сергея Есенина видится теперь совершенно отчетливо.

В ночь с 27 на 28 декабря в гостиничную комнату поэта проникла группа убийц. Есенин отчаянно сопротивлялся. Ожесточенная схватка в номере не могла не быть услышанной соседями. Кстати, после того, как жилец гостиницы журналист Георгий Феофанович Устинов (вместе со своей женой Елизаветой Алексеевной первым наутро вошедший в есенинский номер) в частном разговоре пообещал рассказать всю правду об убийстве поэта, на другой же день был также найден в петле со следами насилия над ним...

Убийца нанес Есенину удар по голове тяжелым тупым предметом. Свалив поэта, его стали избивать ногами. Поставив стулья на стол и на тумбочку, палачи подняли потерявшего сознание Есенина под самый потолок и привязали его к трубе парового отопления. Ввиду большой высоты петля из плоского чемоданного ремня была наскоро перекинута вокруг головы жертвы и не захлестнута. Очнувшись, Есенин пытался освободиться от нее и подтянуть голову выше. Для этого он левой рукой сдвинул ременный круг с шеи к подбородку, а сзади — к затылочной части головы. Правой рукой он при этом судорожно схватился за трубу, подтянувшись и удерживаясь на весу. Здесь силы оставили поэта, и, истекая кровью, он скончался, так и держась окоченевшей правой рукой за еле теплящуюся или вовсе холодную металлическую вертикаль. Палачи перерыли личные вещи Есенина, возможно ища среди его бумаг рукопись страшной для их хозяина обвинительной поэмы «Страна негодяев». Бандиты вышли из номера так же, как и проникли в него: или при помощи особого воровского слесарного приспособления, позволяющего открывать и закрывать дверь с находящимся изнутри ключом, или же через окно в соседний, заранее подготовленный номер... (До сих пор не расследована в этой истории роль В. Эрлиха, который, по его признанию, заходил вечером к Есенину... После обнаружения тела поэта В. Эрлих в течение нескольких часов находился в его номере.)

Полтора суток ленинградские газетчики ждали сигнала от центральных властей, как официально квалифицировать убийство в гостинице «Англетер». И только вечерние выпуски 29 декабря 1925 года сообщили о гибели великого русского национального поэта, квалифицируя ее по команде из центра в качестве «самоубийства». Убийцы спешно заметали следы своего преступления при посредничестве прессы.

Профессору Гиляревскому в анатомичку, куда на дровнях было привезено тело поэта, тут же была доставлена бумага следующего содержания:

«Судебно-медицинскому эксперту Гиляревскому. При сем препровождается копия телефонограммы за № 374 по делу самоубийства гражданина Сергея Есенина для приобщения к делу. Приложение: упомянутое. Начальник 2-го отделения ЛГМ Хохлов. Заведующий дознания Вергей. 4 п. 5 ст. УПК».

Таинственная шифровка в конце «директивного указания», обязательного для исполнения, означала: «4-й пункт 5-й статьи Уголовно-процессуального Кодекса». По данной статье в те годы полностью прекращались уголовные дела «за отсутствием состава преступления». Отказывалось истцу в возбуждении и рассмотрении уголовного дела и по уже имеющимся материалам.

Как разъясняет в своем расследовании полковник Эдуард Хлысталов, своей шифровкой, подкрепляющей, очевидно, содержание исчезнувшей правительственной телеграммы, работники ленинградской милиции, следуя тайному указанию свыше, «в завуалированной форме информировали Гиляревского о том, что, по их убеждению, привлекать к уголовной ответственности за гибель Есенина никого не будут и ему следует при составлении акта иметь это в виду».

Так, собственно, бесчестный эксперт и поступил: противореча данным собственных наблюдений, наличию смертельного пролома черепа и других тяжких телесных повреждений, он нагло квалифицировал убийство поэта как «самоубийство».

Приказ на лжесвидетельство был получен и, хотя и негодными средствами, выполнен.

Через шесть месяцев в срочном порядке изготовляется уже тот самый капитальный коллективный труд — «Воспоминания о С. А. Есенине». Для увековечения официальной версии о «самоубийстве» поэта привлекается большая группа людей: бывших «друзей», близких, знакомых, «халифов на час», второстепенных беллетристов и газетчиков, случайных приятелей — всех тех, кто за определенную мзду, но с соблюдением обязательного «табу» на подлинную правду об убийстве поэта согласился с глубокомысленным видом знатоков полжесвидетельствовать в массовом порядке для ублажения притязаний Троцкого и К° на пожизненную власть в Стране Советов:

«Он стал производить впечатление человека, опаленного каким-то губительным внутренним огнем... Охрипшим голосом он стал говорить о себе:

— Я устал, я очень устал, я конченый человек...»

(Владимир Кириллов)

«Есенин злобно шипел:

— Ж-жидовская морда! Что ему от меня надо? Ж-жид пархатый».

(Иван Евдокимов)

«У мертвого Есенина был найден надрез локтевого сухожилия правой руки (локтевой мускул). Видимо, решившись на самоубийство, Есенин хотел умереть от потери крови, надрезав сухожилие, или хотел отрезать себе отступление в жизнь...»

(Елизавета Устинова)

«Трагедия Есенина в том, что, выйдя душевно израненным из передряг «напоенного дремой мирика», этого грязного осколка

старой жизни в новой действительности, он ощутил безмерную усталость души, сомнение в том, что сумеет обрести равновесие чувства и психики, без которого не могло быть и речи о творческих свершениях, вносящих весомый вклад в строительство новой жизни...»

(Анатолий Волков)

Впрочем, последняя выписка сделана уже из объемистой монографии автора «Художественные искания Есенина», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в 1976 году, совсем в наши дни. Так что вплоть до последнего времени официальная версия о «самоубийстве» поэта, об «ущербности» его личности и творчества процветала, пустив глубокие корни в пишущей и зарабатывающей свои капиталы на великом поэте литературоведствующей братии...

Убиение народного поэта, его Прометеевы тернии продолжаются...

Ныне необходимость сказать правду о физическом уничтожении Сергея Есенина врагами России, ненавистниками русского народа и его культуры стала вопросом нашей собственной жизни и смерти.

Были ли у нас в стране попытки открыто сказать об убийстве Есенина? Сразу после гибели поэта в ленинградской «Красной газете» прозаик и драматург Борис Лавренев опубликовал свою гневную статью «Казненный дегенератами». Она была снабжена эпиграфом из лермонтовского стихотворения «Смерть поэта»: «И вы не смоете всей вашей черной кровью Поэта праведную кровь!». Пафос и нацеленность выступления Лавренева заслуживают внимания:

«Мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни правду и назвать палачей и убийц палачами и убийцами, черная кровь которых не смоет кровяного пятна на рубашке замученного поэта».

На этом обвинительный запал ленинградского литератора кончался. «Палачи и убийцы» по именам названы не были (неужели испугался?). А жаль: Борис Лавренев, очевидно, их знал. Но так и унес эту тайну вместе со своей гражданской совестью и мужской смелостью в могилу, затруднив во времени задачу потомков — отыскать следы убийц великого поэта.

Мужественное расследование материалов о травле и судебных преследованиях поэта в последние два года его жизни, охоты за ним агентов ГПУ, в частности, палача подземных казематов Блюмкина, раздумья над картиной погрома в есенинском номере, а также над нестыкуемостью данных анатомического вскрытия тела Сергея Есенина и смехотворного заключения эксперта Гиляревского о смерти поэта от «асфиксии», — вся эта работа, произведенная заслуженным работником милиции Эдуардом Хлысталовым, другие материалы, приведенные здесь и касающиеся правды о гибели великого поэта, стали возможными только сегодня. Эти публикации во имя торжества истины являются большими завоеваниями политики гласности в нашей стране.

«Только тщательное изучение деятельности Блюмкина позволит установить его зловещую роль в гибели поэта», — резюмирует свои выводы полковник Хлысталов.

Автор «Тайны гостиницы «Англетер», опытный, профессиональный следователь, не напрасно оттеняет внимание читателя на совершенно здравых чертах натуры Сергея Есенина, когда призывает отбросить наконец литературоведческие измышления насчет «душевной болезни» поэта и трезво взглянуть на неприкрытую, сущую правду, на обыкновенную прозу его жизни, всей его несчастной судьбы:

«Сергей Есенин был человеком смелым, он никого и ничего не боялся. Панически он боялся только работников милиции. Он подозревал знакомых в слежке за ним, в сговоре со своими противниками. Постоянная бдительность не позволяла ему попасть в руки стражей порядка».

Добавлю: и в руки палачей.

Но круг преследователей смыкался все уже. Он должен был сомкнуться. И наконец в «Англетере», в конце этой тщательно организованной акции, поэт оказался в смертельной ловушке. Троцкий и его гнусные подручные «именем революции» и от имени «диктатуры пролетариата» покончили с «апологетом крестьянства», которое и само вслед за своим певцом подлежало уничтожению как «консервативная, стихийная сила».

Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час, —

предчувствовал Есенин.

И они прохрипели.

Тупой металлический предмет в руках наемного или профессионального убийцы обрушился на голову еще совсем молодого, тридцатилетнего «народного златоцвета», русского гения, пришедшего, подобно сказочному Лелю, из рязанских раздолий, для того, чтобы вострубить песнь о пришествии крестьянского рая, а затем и ударить в набатный колокол о всеобщей, национальной опасности.

По логике пересекшихся путей — в Баку, Москве и Ленинграде — по самому почерку палача-«мокрушника» убийцей Сергея Есенина был Яков Блюмкин со своей бандой, членом которой или наводчиком, по моему личному предположению, мог быть и В. Эрлих. Они исполняли волю Лейбы Троцкого — палача всего русского народа, его лучших сынов.

В своей статье о поэте Лев Никулин писал:

«Дарование сынов нашего народа, дарование таких гениев, как Сергей Есенин, еще раз убеждает нас в том, какими неисчерпаемыми творческими силами богат наш великий русский народ».

История последних 70 с лишним лет показала, что ничего «неисчерпаемого» в природе нет, если при этом сознательно изводится, насильственно уничтожается генофонд даже такого великого, талантливого, терпеливого и многочисленного народа, как русский, а сама среда его обитания превращается в пустыню, недра выгребаются и расхищаются на сторону...

Поэтому во имя нашего духовного и физического возрождения, во имя гарантии такого возрождения нам нужна вся правда об убийстве великого поэта. Я высказываю здесь свою гипотезу. Долг русской общественности — **потребовать от Президента СССР М. С. Горбачева, Прокуратуры, Верховного Суда СССР, Правительства СССР и России, организовать компетентную комиссию, провести тщательное и всестороннее расследование обстоятельств убийства Сергея Есенина, назвать имена организаторов и исполнителей этого чудовищного преступления против русской нации.**

* * *

Для чего нам, русским, настоятельно необходимо выяснение имен убийц Есенина? Ответ на этот вопрос дает творчество и судьба другого, не менее великого сына России — Максимилиана Александровича Волошина.

В сентябре минувшего 1989 года я побывал в Крыму, в доме-музее и на могиле Максимилиана Волошина в Коктебеле. Здесь я окончательно понял всю трагичность положения России и ее лучших художников слова после октября 1917 года до нынешних дней. Вчера еще почти не знаемый нами, прекрасный и бесстрашный поэт, открывший нам свою Киммерию, вероятно, накоротке только бывший знакомым с Сергеем Есениным, может быть, раздумывая о судьбе своего собрата, писал в годовщину его гибели в своем стихотворении «Дом поэта»:

Мой кров убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни южный ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть,
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я, — мы все имели честь
*«Мир посетить в минуты роковые»**
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России
И в эти дни — немой ее укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья.
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединеньи выплакать свой дух
И выстрадать великое познанье.

Будучи старше Есенина на восемнадцать лет, обретя после долгих странствий свое коктебельское уединение, Волошин и прожил здесь на восемь лет дольше, во многом реализовав свои творческие замыслы.

Есенин же, не имея своего жилья в Москве, открытый всем ветрам и вторжениям, мечтал обрести в городе, построенном Петром Великим, свое надежное пристанище — и нашел там в гостиничном номере свой последний час.

Однако подлинное бессмертие Сергея Есенина, приобретающее особый смысл после всего того, что становятся известным о его мученической, насильственной смерти от рук палачей, это освященное бессмертие только начинается.

●

* По Тютчеву: Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Михаил ЛОБАНОВ

В СЕРДЦЕВИНЕ РУССКОЙ МЫСЛИ

Каких-нибудь два года тому назад мало кто из читателей слышал об альманахе «Кубань», выходящем в Краснодаре. Ныне это уже всероссийски известное издание, со своей активной, действенной ролью в идеологической борьбе нашего трагического переходного времени.

Чем же обратил на себя внимание этот альманах, что выделило его из массы не только провинциальных, но и столичных изданий и поставило в самый центр общественных интересов? Это прежде всего понимание сердцевины русского мировоззрения, столь необходимое при нынешнем пресловутом плюрализме, то есть умственной смуте.

В настоящее время, после 70-летнего могильного молчания, к читателю стали возвращаться труды русских мыслителей. Но как возвращаться? Чаще всего предвзято, выборочно, с извращением главного направления русской мысли. Например, набросились на такое «свежее» имя, как Г. Федотов, фокусируя именно в нем, так сказать, русское национальное сознание. Из множества работ этого философа журнал «Знамя» (№ 12, 1989 г.) предпочел выбрать его статью «Россия и сво-

бода», в которой автор исходит из либерально-западнических посылок о процессе исторического развития на Руси, «обратном западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству».

Здесь читаем такие парадоксальные вещи: «Двухвековое татарское иго еще не было концом свободы. Свобода погибла лишь после освобождения от татар. Лишь московский царь, как преемник ханов, мог покончить со всеми общественными силами, ограничивающими самовластие». Излюбленная западноевропейская liberte (фр. — свобода) примеривается автором к русской истории и, разумеется, отторгается ею по неразвитости, отсталости. Решительно во всем видится философу раболепие, реакционность — как в психологии русского народа, так и в наследии его великих писателей. «Гоголь, Достоевский были апологетами самодержавия, Толстой — анархии. Пушкин примирился с монархией Николая... В сущности, только Герцен из всей плеяды XIX века может учить свободе. Но Герцен, кажется, не в особом почете у советского читателя». Есть здесь и такие рассуждения о «черной сотне»: «Сам термин «черная сотня» взят из московского словаря, где он означает организацию (гильдию) низового, беднейшего торгового класса: для московского уха он должен звучать, как для Токвиля «демократия». Словом, черная сотня есть русское издание или первый вариант национал-социализма». По словам автора, идеи «черной сотни» «победили в ходе революции и что, пожалуй, они переживут всех нас». «За православием и Самодержавием, то есть за московским символом веры», продолжает автор, легко различается «острый национализм, оборачивающийся ненавистью ко всем инородцам — евреям, полякам, немцам и т. д.». И это написано находившимся в эмиграции в США Г. Федотовым в 1945 году, после окончания войны России с гитлеровской Германией! Самое время было напомнить о «черной сотне» (ненавидящих «инородцев») народу, спасшему этих самых инородцев в минувшей войне.

Проделавший путь от марксизма к идеализму, Г. Федотов с явной верностью своему прежнему теоретическому идолищу, с бережением его чести заявляет: «Новый советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на свет Божий из московского царства, слегка приобретя марксистский лоск... Он ближе к Москве своим гордым национальным сознанием, его страна единственная православная, единственно социалистическая — первая в мире, третий Рим». И заключительный аккорд: «Если тоталитарный труп может быть воскрешен к свободе, то живой воды придется опять искать на Западе».

Надо отдать должное журналу «Знамя» — в выборе столь актуальных для него антирусских высказываний одного из философских «возвращенцев».

У русских мыслителей выискивается то, что идет на потребу страстей нынешних радикалов. В Бердяеве журналом «Огонек» выбирается только статья, критикующая антисемитизм. В «Новом мире», в предисловии к публикуемому очерку В. Розанова «Русский Нил», возносится «иудейство» этого русского писателя, его «уязвления» русской жизни через абсурдные бытовые мелочи, на которые был так зорок Василий Васильевич. Зачастую все сводится к «еврейскому вопросу», как будто, кроме этого, нет на земле ничего достойного философской мысли.

Между тем нам сегодня особенно важно сосредоточиться на русской духовной традиции, идущей сквозь тысячелетия. На «основах духовной жизни», как названа рубрика в «Кубани». Именно «основы», фундаментальные ценности, на которых зиждется историческая жизнь народа. Один из наиболее серьезных русских мыслителей — если хотите — ортодоксально православных — С. Булгаков. Путь его поучителен — от марксизма к православию. Это поистине путь от Савла к Павлу. После октябрьского переворота он принял священство, и вся его последующая жизнь в невольной эмиграции — это подвиг духа христианина и патриота России. В статье «Карл Маркс как религиозный тип», опубликованной в «Кубани», С. Булгаков исследует такую определяющую черту «основоположника научного коммунизма», как его воинствующий атеизм, ненависть к религии. «В воинствующем атеизме Маркса мы видим центральный нерв его деятельности, один из главных ее стимулов, борьба с религией — истинный, хотя и сокровенный практический мотив его важнейших чисто теоретических трудов... Стремление человечества «устроиться без Бога, и притом навсегда и окончательно», о котором так пророчески проникновенно писал Достоевский, в числе других получило одно из самых ярких и законченных выражений в доктрине Маркса. Эту внутреннюю связь между атеизмом и социализмом у Маркса, эту подлинную душу его деятельности обыкновенно или не понимают, или не замечают». Маркс «превратил социализм в средство борьбы с религией»; «...пролетариату поручается миссия исторического осуществления дела атеизма, т. е. практического освобождения человека от религии. Вот где подлинный Маркс, вот где обнаруживается настоящая «тайна» марксизма, истинное его естество!», «...христианству ставится в упрек, что оно исповедует равноценность всех личностей, учит в каждом человеке чтить человека». И т. д.

Исторически сложилось так, что бастионом марксизма, то есть воинствующего атеизма, рычагом сатанизации мира стала Россия, вернее, должна была стать по замыслу марксоидов. Результаты этого налицо — десятки тысяч разрушенных православных храмов, уничтожение священников, верующих, духовная опустошенность народа. Поистине дьявольское воздействие этого атеистического «учения» на массы достигалось заменой одной, христианской, веры другой верою, другой религией, извращенной, но догматически неустанно внедряемой, — верой в коммунистическое будущее. Но это извращение веры в конце концов бесперспективно, подобно тому, как разгром вскоре после октябрьского переворота раки преподобного Сергия Радонежского, осквернение его мощей дали только обратные результаты: во тьме еще ярче воссиял свет. Надо знать, где святость, а где пародия на нее. Но воинствующий атеизм, ставший у нас государственной политикой, что называется, не сдает своих позиций, несмотря на рекламируемую гласность и плюрализм. Так далеко зашла эта официальная ненависть к религии, что до сих пор и Верховном Совете СССР «жмутся» с принятием Закона о свободе совести, по-прежнему права церкви не гарантированы законом, грубо попираются.

Открывается читателю «Кубани» и имя другого религиозного мыслителя — И. Ильина, который так же, как и С. Булгаков, как двести других выдающихся деятелей русской культуры и науки, был выслан в 1922 году за границу. Страстной любовью к России, ее народу, глубоким раздумьем об историческом прош-

лом, настоящем, будущем России проникнута его статья «О путях России». В статье «Родина и гений», посвященной Пушкину, утверждается единство «народа и его героев», гением: «тот, кто ждет путей к России, тот пусть идет к ее гениям и пророкам», к Пушкину. Связывая смысл своей жизни, судьбу своих книг с Россией, И. Ильин добивался таких глубин суждения о ней, которые теперь поражают нас своим провидничеством. В написанной после войны статье «Что сулит миру расчленение России» (опубликована 12 мая сего года в «Литературной России») он отвечает тем врагам России, которые вынашивали план ее разрушения, расчленения, и высказывает мрачные прогнозы последствий этого для народов страны. Самой известной работой И. Ильина, вызвавшей споры, является книга «О сопротивлении злу силою». В генерале Корнилове видел он обоснование своей философии христианского меча против сатанинского зла. Полемизировавший с автором этой книги Бердяев отмечал, что призыв к сопротивлению злу силою противоречит христианскому непротивлению злу. В проблеме этой, возможно, таятся глубины непостижимой антиномичности, но И. Ильина можно, видимо, понимать и так, что смирение должно быть перед Богом, а не перед бесами, ведь и Сам Христос изгонял торговцев из храма. Сам он сказал, что принес в мир меч. Преподобный Сергий Радонежский был смиренный, великий молитвенник, но он же благословил на Куликовскую битву великого князя Дмитрия Ивановича и послал с ним на поле брани своих монахов Пересвета и Ослябю. Можно понять Ильина и в реальности того безграничного зла, с которым обрушились на христианскую Россию ее непримиримые враги.

Взятый «Кубанью» курс на магистральное направление русской философской мысли обещает, как нам кажется, публикацию новых работ, отвечающих современным потребностям национального самосознания.

Мне запомнилась фраза из военных записок одного фронтовика: «Мертвые бывают в строю только на перекличках, а бой ведут живые». Как ни плодотворно для нас наследие русских мыслителей, но оно может остаться только книжной мудростью без живых, деятельных сил современников. И в «Кубани» хорошо понимают это. Наряду с публикациями из прошлого здесь печатаются основательные материалы современных авторов, в частности, известных литераторов, живущих в Москве. Выступают те, кто всей своей многолетней работой, судьбой в литературе доказал верность своим убеждениям, принципам. Опубликованы две беседы В. Кожинова, одна из них — перепечатка (с переводом на русский язык) из польского еженедельника «Лад». Известный высокообразованный литературовед и критик В. Кожинов в течение последних приблизительно десяти лет сосредоточился на культурно-исторических проблемах, на животрепещущих общественно-идеологических вопросах. Ему нет равного в нынешней литературе по способности «образовывать» читателя, не только обогащать его своей редкой эрудицией, но и снимать пелену с его глаз, помогать ему открывать в себе внутреннее зрение на самую суть события, не на поверхность его. И делается это не за счет «да здравствует!», «долой!», чем обычно хотят перекричать своего оппонента нынешние «перестройщики», а средствами сугубо культурными — самой аргументацией доводов. Ценитель статистики, фактических, цифровых выкладок и прочего, он извлекает из этого первоисточника неотразимый материал для доказательств своих суждений. Красота его логики — в самом движении этого фактического материала, в неожиданном его столкновении с расхожими лживыми стереотипами, высвечивающем с новой стороны суть дела. Я приведу несколько примеров из названных бесед В. Кожинова, которые, я убежден, будут открытием для многих читателей. «Сейчас вышла замечательная книга историка Ковторадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов» (1988). Там говорится, что около 90 процентов командного состава Красной Армии во время гражданской войны состояло из бывших генералов и офицеров царской армии... большинство из этих высших офицеров, отдавших все свои силы и талант построению нового государства, победе в гражданской войне, были арестованы вовсе не в 37-м году, а в 30-м. То есть в то время, когда под руководством Менжинского и Тухачевского была проведена операция под нежным кодовым названием «Весна». В результате этой операции буквально за несколько дней были арестованы пять тысяч генералов и высших офицеров. Тех самых, которые обеспечили победу в гражданской войне... А в 1937 году погибли многие люди, которые были в основном не военачальниками, а так называемыми комиссарами (Якир, Гамарник и др.). Не думаю, что эти люди могли бы сыграть решающую роль в Великой Отечественной войне, потому что институт комиссаров был вообще отменен. Если говорить о бедах, корни их уходят гораздо глубже»; «Вот я в прошлом году был в Японии, вы даже представить себе не можете, насколько там жизнь по сравнению с нашей несвободна. Там вы не сможете услышать повсеместно, как у нас, допустим, рок-музыку, увидеть на телевидении хоть немного обнаженного тела. У нас же в «Литгазете» появляется статья Кона в защиту гомосексуализма. В Японии за такую публикацию объявили бы бойкот»; «Когда я летел в Варшаву, наш самолет сожрал столько кислорода, сколько его требуется для дыхания миллиона людей. Если бы я проделал путь из Москвы на лошадях, как ездили двести лет назад, это стало бы одним из великих событий моей жизни».

Авторитет кожиновского слова обеспечен всей его предшествующей литературно-критической деятельностью, неизменной честностью его творческого поведения, и это уже предмет особого разговора, так же как и незаменимая роль Вадима Валерьяновича в собирании творческих сил, молодых талантов.

В настоящее время левые радикалы торжествуют, что они победили на выборах, что «народ» избрал их, а не «патриотов». Уже не говоря о комичности самого названия «народный депутат» — в отношении попавших в этот разряд от разного рода организаций, комитетов, институтов, редакций и прочее (чего стоят целых пять «народных депутатов» РСФСР от редакции газеты «Аргументы и факты», трое — от телевизионного «Взгляда»), не говоря уже об этом, выигрыш левых радикалов на выборах стал возможен только — помимо избирательных махинаций — из-за политической слепоты масс, ее дезориентации в происходящем, полной неосведомленности в том, что представляют собою эти самые рвущиеся к власти демократы с их демагогией, беспардонной ложью. Этот обман недолговечен, вот почему левые радикалы судорожно спешат, все делают для дестабилизации в стране, разжигания хаоса, вакханалии — социальной и экономической. К прыж-

ку, в ожидании рынка, изготовились перестроечные дельцы, чтобы пустить в оборот награбленные миллионы, из уголовников стать владельцами частной собственности, хозяевами жизни. И у этих новых «прогрессивных» сил нашелся в литературе свой «обслуживающий персонал» (как названа статья С. Куняева в «Кубани») — «лакейский корпус, с успехом пристраивающийся к любой идеологической ситуации, которая сегодня на дворе».

С. Куняев имеет моральное право так говорить об идеологических пристройщиках, потому что никогда ни к чему не пристраивался, а был всегда верен своим взглядам. Помнится, лет двадцать тому назад он один сражался с советскими сиониствующими стихотворцами, которые монополизировали московские издательства и вели себя как «молодые хозяева советской литературы». Это требовало большого мужества, так же как твердо держаться своих убеждений все это время —более чем два десятилетия — при наших-то литературных нравах. Достаточно прочитать выступление С. Куняева на диспуте: «Классика и современность» в 1977 году (опубликовано в журнале «Москва», № 1, 1990) и беседу «Борьба мировоззрений» («Кубань», № 7, 1989 г.), чтобы убедиться в его преданности своим принципам. И тогда, и теперь он резко не приемлет разгула масскультуры, ратует за непреходящие ценности классики, борется против русофобии. Талантливый русский поэт, обладающий филологической культурой исследователь русской поэзии, он с публицистической страстностью реагирует на все животрепещущее в нашей общественной и литературной жизни. В вышедшей недавно книге «Времена и легенды» представлены такие малоизвестные, добытые из архивов факты, которые открывают читателю глаза на ранее скрытое от него. Куняев впервые за все 70 лет, еще задолго до новых веяний проделав огромную работу по собиранию материала, вывел из «небытия» поэтов «есенинского круга». Эти крестьянские поэты стали жертвами репрессий 20—30-х годов, разделив с народом и его трагическую судьбу. Подлую, доносительскую роль в этом сыграли советские литераторы-космополиты, готовившие моральную почву для политического террора (например, письмо группы писателей в газете «Правда» от 24 мая 1935 года с обвинением в фашизме П. Васильева). Из множества интересных наблюдений, мыслей автора хотелось бы обратить внимание на его слова о «тоталитарном мышлении»: «Нигилистическое отношение к народу, его национальному характеру, его истории, культуре, религии, фанатическая уверенность в правоте своей теории и своей идеологии, гипертрофированное сознание своей единственно справедливой роли в истории, нетерпимость, перетекающая в насилие, — вот главные признаки тоталитарного мышления». Автор справедливо подчеркивает, что этот тип мышления был в высшей степени свойствен космополитической интеллигенции 20—30-х годов, создававшейся как каста или фракция, для которой были абсолютно чужды любые другие, кроме собственных, интересы. Но не подобным ли «тоталитарным мышлением» заражена и нынешняя леворадикальная интеллигенция, которая, вопя о «демократии», яростно нетерпима к инакомыслящим, грозит расправой «врагам перестройки». Приводимые на этот счет кликушества «прорабов перестройки» свидетельствуют об их поистине талмудической мстительности, напоминающей следующее признание «гуманиста» Генриха Гейне: «Я человек самого мирного склада. Вот чего и хотел бы: скромная хижина, соломенная кровля, но хорошая постель, хорошая пища, очень свежее молоко и масло, перед окном цветы, перед дверью несколько прекрасных деревьев, и, если Господь захочет вполне осчастливить меня, он пошлет мне радость — на этих деревьях будут повешены этак шесть или семь моих врагов. Сердечно растроганный, я прощу им перед их смертью все обиды, которые они мне нанесли при жизни. Да, надо прощать врагам своим, но только после того, как их повесят».

Публикуются в «Кубани» и работы И. Шафаревича. Известна его правозащитная, совместно с академиком А. Сахаровым, деятельность в начале 70-х годов, когда это грозило арестом. Но впоследствии пути их разошлись. Атомщик так и остался атомщиком, несмотря на присужденную ему премию мира. И в общественных процессах он жаждал, как в бомбе, немедленного взрыва. В первом же выступлении на Верховном Совете СССР он потребовал ввести революционные декреты («поскольку перестройка — это революция»). Сама лексика его (предсмертный призыв «дать бой» в Верховном Совете) возвращала ко времени октябрьского переворота с его зловещими декретами.

Взгляды И. Шафаревича иные. И странное дело: человек, считавшийся диссидентом в «застойное» время, ныне попал под обстрел (опять как диссидент) тех самых, именующих себя теперь «прорабами перестройки», которые в прошлом вполне процветали, восхваляли «успехи» застойного времени, наживались на этом карьерами. Тут, впрочем, нет ничего удивительного. В такие смутные, «революционные» времена, как наше, всегда поднимались на поверхность событий отбросы общества, жаждущие власти. Сейчас трагедия в том, что к власти прорвались эти отбросы, цинично топчущие то, чему прежде раболепно служили. Портреты прорвавшихся к власти — вот подлинное лицо «перестройки».

Помню, за «круглым столом» в газете «Московские новости», в котором мы участвовали, один из левых публицистов удивился сказанному Шафаревичем, что такого же мнения держатся сторонники «командно-административной системы». Сказал же Шафаревич то, что нельзя немедленно ломать существующую систему, это может привести к хаосу, что надо постепенно преобразовывать, без революционных потрясений, последствии которых нам хорошо известны по прошлому. И это говорил автор известной работы «Социализм как явление мировой истории»! Для «левых» («прорабов перестройки», «левых радикалов») такая нынешняя консервативность взгляда вчерашнего «диссидента» не укладывается в голове. Воистину потеха: «порожденцы брежневщины», действительно командно-административной системы, обвиняют в сотрудничестве с нею того, кто был этой системой объявлен диссидентом и жил под угрозой ареста. Поучительно было бы представить биографию Шафаревича на фоне тогдашнего приспособленчества и процветания его нынешних критиков, «прорабов перестройки». Кстати, с ним солидарен Солженицын, который также выступал против немедленной ломки сложившихся форм, за преобразование как можно в менее болезненных формах. Здесь повторяется то, о чем так превосходно сказал В. Кожинов в своей статье «Позиция и понимание»: быстро меняющиеся «позиции» в зависимости от новых ситуаций — вместо понимания сути происходящих событий. Оказывается, есть опасность, нами не испытанная ранее, — тирания либерализма, митинговой демокра-

тии, которой так ловко манипулируют новые «демократы». Подражая Юрию Михайловичу Лощицу, его «сионизации советизации», можно сказать о нынешней «сатанизации либерализации».

Надо помнить о времени, когда был написан «Социализм как явление мировой истории». Это было начало 70-х годов, период «застоя», махрового расцвета того казенного «развитого», «реального» социализма, который мертвил все живое, творческое и казался неисходным злом, обложившим страну. Тогда же и Солженицын был убежден, что коммунизм, как раковая опухоль, поражает человечество, что Запад бессилен противостоять ему. Изгнанный из страны «строящегося коммунизма», оказавшись на Западе, он лучше узнал его, многое переоценил. Недаром центр исторического исследования с октябрьского переворота он перенес на февраль, на февральскую революцию, увидев в ней центр зла для России. Драма Солженицына — художественного исследователя февральской революции в том, что, пока многие годы он свой титанический труд отдавал февралю (и поучение соотечественникам), на его Родине сложилась ситуация второго февраля, которая требует уже не исторического исследования, а личного участия в нем каждого из нас. И как ни горько говорить об этом, история не поймет, что русский писатель-гражданин, столько сил отдавший исследоианию февраля, оказалси в стороне, не высказывает никакого отношения к происходящему сейчас на его Родине — к новому февралю, грозящему окончательно погубить Россию. Нельзя же считать за серьезный диагноз происходящей у нас борьбы то, что (если подлинна в печати передача этих слов писателя) у нас идет литературная свара в то время, когда Россия на краю пропасти.

Но, возвращаясь к «Социализму...» Шафаревича, можно сказать, что и для автора этой работы данная проблема уже теряет свой апокалипсический ужас в новых «плюралистических» условиях, при готовящейся у нас реставрации капитализма.

В «Кубани» впервые полностью у нас опубликована «Русофобия» Шафаревича, вызвавшая шквал критических отзывов, вернее — нападок на автора. Его безосновательно обвиняют в антисемитизме, хотя сам автор «Русофобии» недвусмысленно разъяснил, что «малый народ», как сила разрушительная, противопоставляющая себя «большому народу», понятие не биологическое и включает в себя людей разных национальностей, не только евреев. Сама предвзятость, недоброжелательность полемики не только в отношении автора знаменитой статьи, но и самой затронутой проблемы только лишний раз подтверждает реальность в нашей общественной жизни такого зла, как русофобия. Надо сказать, что критика статьи Шафаревича зачастую ведется без достаточной аргументации. Так, например, один из авторов (журнал «Знамя») как довод в пользу «малого народа» приводит пример с раннехристианской общиной, которая стала бродилом христианства. Но ведь ясно, что этот христианский «малый народ», как сила духовно созидательная, творящая, ничего общего не имеет с тем «малым народом», о котором идет речь в «Русофобии», — с кастой людей, не имеющих никаких корней в «большом народе», враждебных его культуре, истории.

В статье «Арьергардные бои марксизма. О работах Р. А. Медведева» И. Шафаревич полемизирует с публицистом, историком Медведевым, который называет себя «последователем марксизма».

Точнее говоря, это левоориентированный марксист, не скрывающий своего сочувствия к революционному насилию, при всем обличении им Сталина. Наглядное представление об этом марксисте дают его высказывания ироде: «Марксизм, как и всякая наука, имеет право на эксперимент»; его солидарность с тем взглядом, что «нельзя было победить в гражданской войне без массового террора, без насилия над офицерами, над кулаками», без расстрела царской семьи и т. д. Шафаревич отмечает такую особенность этого историка, как его нетерпимость к инакомыслящим, прокурорское обвинение их в политическом отступничестве. Оппоненту сплошь да рядом предъявляются обвинения в жульничестве, подлоге, причем ничем не аргументированные. Так, по поводу А. И. Солженицына автор говорит: «сознательная фальсификация». Добавлю, что тот же Р. Медведев заклеймил Солженицына как «оголтелого антисоветчика». Досталось и Шафаревичу. «Спорить с подобными рассуждениями и пророчествами невозможно, ибо они порождены не логикой научного анализа, а эмоциями... разум Шафаревича в значительной мере уже парализован...» Это говорилось в начале 70-х годов. Шафаревич справедливо замечает: «Живи в нашей стране, Р. А. Медведев должен очень хорошо понимать, что значит такое обвинение: «исходит из ненависти к социализму». Да еще сопровождаемое диагнозом «разум в значительной степени парализован».

Как быстро эти демократы, все эти «прорабы перестройки» перешли от либеральных лозунгов к угрозам в адрес тех, кого они именуют «врагами перестройки»! Без обиняков заявляют, что демократия, если потребуетси, должна пользоваться жесткими средствами, попросту стать диктатурой, тиранией. Насколько названные «прорабы перестройки» лишены каких-либо элементарных этических принципов, хорошо показал Н. Кузин в своей реплике «Приспособленцы или «прорабы», напечатанной в «Кубани». Критик говорит о Р. Медведеве: «Популярный историк... полагает, что трубадурами перестройки ныне можно считать и тех, кто прежде, в доперестроечное время, вел жизнь приспособленца».

Действительно, вчерашние приспособленцы ныне ходят в передовиках, лидерах перестройки, в то время как готовившие перемены не только не получили признания, но и подвергаются, как и прежде, нападкам со стороны тех же приспособленцев. В «Кубани» напечатана статья П. Выходцева «Кто и куда ведет перестройку». Автор восстанавливает историю вокруг статьи А. Н. Яковлева «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете» в ноябре 1972 года. Статья эта тогдашнего крупного функционера ЦК КПСС воспринималась как директивный партийный документ, проходило повсеместное апологетическое обсуждение ее, критикуемые в статье писатели подвергались остракизму, и нужно было обладать подлинным мужеством, чтобы в тогдашних условиях выступить против нее. Таким мужественным поступком стала статья П. Выходцева. «Возмущенный происходящим, — вспоминает он, — я написал ответ на статью Якоилева под названием «За историзм» (38 маш. стр.), в которой показал полную несостоятельность автора как с методологической, так и профессиональной точек зрения, вскрыл недозволенные рапповские приемы критики». Статья была послана в ЦК и М. А. Шолохову, который ответил автору коротким теплым

письмом. Опубликованная в «Кубани» статья П. Выходцева, по словам самого автора, написана на основе ответа А. Н. Яковлеву в декабре 1972 года. Кстати, первым негативным отзывом на статью А. Яковлева, еще при тогдашнем директивном партийном господстве в идеологии, была рецензия тогда еще молодого литературоведа В. Базанова в журнале «Русская литература» — с анализом историко-литературной несостоятельности вульгарно-социологической концепции автора статьи.

С объявленной гласностью, дозволением смелости прессу залило блудословие, циничная безответственность. И тем дороже свидетельства тех, чье слово выношено, выстрадано испытанием. А. Знаменский в статье «Литературные упражнения в окрестностях «Голгофы» отмечает, «как человек, проведший в лагерях и ссылках 17 лет», неправду, массу натяжек в лагерных сценах в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Этим натяжкам автор статьи противопоставляет такие жизненно правдивые подробности лагерной жизни, в соседстве с которыми действительно жалкими умозрительными литературными упражнениями выглядят гроссмановские «ужасы» с русофобским оттенком. Прекрасно зная по опыту, что, как и русские, евреи были в лагерях разные, А. Знаменский не приемлет «философии» В. Гроссмана, видящего все зло в «тысячелетнем русском рабстве», в «народном сталинизме», выставляя жертвами всего этого своих героев-евреев. Но ведь сколько преступников было среди евреев от Троцкого до главарей ГУЛАГа, и если есть сейчас надобность во всеобщем покаянии, то почему это не должно касаться евреев?

Из большой книги Дугласа Рида (английского журналиста) «Спор о Сионе. 2500 лет еврейского вопроса» в «Кубани» помещено несколько отрывков, в которых рассказывается о роли сионизма в международных делах времен кануна и второй мировой войны. Это уже политическое исследование, малая часть того, что оставалось за пределами публикации. В полном же своем составе книга Дугласа Рида охватывает двадцатипятивековую историю «еврейского вопроса» с элементами богословского исследования. Правда, и богословской части этой книги не все ясно: так, современный сионизм выводится из иудейства, древней Иудеи, не из древнего Израиля (с его просветленными пророчествами. Автор даже подчеркивает, что современные сионисты неоправданно назвали свое государство Израилем, точнее его было бы назвать Иудеей). Но возникает вопрос, на который нет ответа в этой книге: ведь из колена Иуды — и Давид, и сам Христос? Здесь какая-то таинственная неясность, и это следовало бы отметить редакции альманаха. Как и Дугласу Риду, нам следует отделять от сионистов, от революционного еврейства честных евреев, которых оболванивают, как в свое время немцев при Гитлере.

Можно было бы подробнее говорить и о других содержательных материалах, опубликованных в альманахе: раздумья о перестройке В. Лихоносова, тактично исключающее субъективизм исследование П. Паламарчука: «Александр Солженицын. Путеводитель», заметки главного редактора альманаха Виталия Канашкина и т. д. Но суть и главном: «Кубань» — пример того, как местное издание, не гоняясь за модой, за провинциальными играми в провинциальный «плюрализм» и «авангардизм» (как это делают другие журналы — «Волга», «Урал», «Дон»), может быть современным изданием с серьезным русским направлением.

АНДРЕЙ ТУРКОВ, КАКОЙ-НИКАКОЙ — КРИТИК, НО ВРАТЬ-ТО ЗАЧЕМ!

Многие читатели, конечно, поняли, что в заголовке несколько перефразированы слова Дм. Фурманова, сказанные им в кинофильме «Чапаев»: «Александр Македонский был великим полководцем, но зачем же табуретки ломать?»

Ну, Василий Иванович Чапаев, легендарный наш военачальник, мог в гневе табуретку сломать, а Андрей Турков, какой-никакой, но все же литературный критик или таковым считающийся, в рассерженном состоянии всегда может соврать. Так и своей статейке «Тень на плетень» («Советская культура», 14.07.90) он, не краснея, пишет: «...на одной из встреч художественной интеллигенции с руководителями партии... главный редактор журнала «Молодая гвардия» требовал... принять новое постановление о литературе (надо полагать, уже не о «Звезде» и «Ленинграде», а о каких-то новых «идеологических диверсантах»)».

Видите— «требовал» главный редактор журнала «Молодая гвардия» «принять новое постановление о литературе» — и все тут!

Это что же, тов Турков, вранье для Вас — дело обыкновенное? Профессиональное? Как и для газеты, в которой Вы напечатались. Я же ничего подобного на той встрече, которая происходила в последний день последнего нашего писательского съезда, не говорил.

А говорил я следующее. В перестроечные годы партия самоустранилась от руководства идеологией, в результате чего в идеологической сфере, особенно в литературе, в искусстве, наступает хаос, раздаются уже откровенно антисоветские, антисоциалистические, антипартийные лозунги и призывы. И если идеологические службы страны и впредь будут вести себя так же, то не исключено, что партия, чтобы прекратить этот хаос и антисоветчину, вынуждена будет принять жесткие меры, наподобие тех, которые случились в первые послевоенные годы...

Вот что я сказал тогда, на той встрече, тов. А. Турков. Встречу вел Генеральный секретарь ЦК КПСС т. Горбачев, на ней присутствовали А. Н. Яковлев и тогдашний заведующий отделом культуры ЦК КПСС т. Ю. П. Воронов. Хватит ли Вам, т. Турков, такого ранга свидетелей? Если не хватит, не поверите им — запросите тогда стенограмму этой встречи.

Но и без этих свидетелей, без стенограммы Вы, тов. А. Турков, знаете, что я не произносил тех слов, которые Вы мне приписываете, ибо на одном из писательских пленумов и на нескольких литературных собраниях первый секретарь СП СССР т. В. В. Карпов рассказывал литераторам об этой встрече, информировал их — кто и о чем там говорил. В том числе дал исчерпывающую информацию, о чем там говорил и главный редактор журнала «Молодая гвардия». Так зачем же Вы, тов. Турков, именно Вы, тень-то на плетень наводите? А говоря другими словами — попросту врете?

Но, сказав то, что сказал на той ответственной встрече, я был наивен в одном — в надежде, что партия поправит дела с идеологией, ибо без идеологии, без идеалов никакое общество существовать не может, оно неминуемо развалится, каковой трагический процесс мы сейчас все более явственно и наблюдаем. Что ж, видимо, кто-то с самого начала перестройки был заинтересован в этом, убеждал — и убедил! — наших руководителей во благе торжества демократии без берегов. Может, кто-то из своих родных антисоветчиков, может, такие литераторы, как А. Турков, может, лучшая подруга нашей страны М. Тэтчер — не знаю. Знаю лишь, что прав наш великий поэт Федор Тютчев, написавший еще более 120 лет назад:

Две силы есть — две роковые силы.
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И верю, что он будет неотвратим и по справедливости суров, этот Суд людской, над виновниками нынешних бед и трагедий Отечества.

После сказанного выше мне нет смысла опровергать другие обвинения Туркова в адрес «Молодой гвардии»: журнал-де занимается разжиганием национализма, горланит о «злодеях-кооператорах» и т. п. Все это, как и водится у А. Туркова, — ложь, ложь и еще раз ложь!

В заключение хочу остеречь читателей: если впредь встретите под какой-либо статьей фамилию А. Туркова, тоже знайте: все это вранье. Ну, такая особенность этого критика. Не может он иначе.

Главный редактор журнала «Молодая гвардия»

Сдано в набор 20.08.90. Подп. в печ. 20.09.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,8.
Тираж 725 000 экз. Заказ 2170. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые читатели! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения, но не забудьте ее оформить до 31 октября в этом году, а в 1991 году — до 1-го числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена на «Молодую гвардию»: на год — 15 руб.; на полугодие — 7 руб. 50 коп.; на три месяца — 3 руб. 75 коп.; на один месяц—1руб. 25 коп. Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», Вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал | 70544 (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | ли-тер

на ~~газету~~ журнал | 70544 (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стои-мость	подписки	____руб.____коп.	Количество комплек-тов:
	пере-адресовки	____руб.____коп.	

на 19____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)